РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская история

В номере:

Московское народное ополчение в 1941 г.

Государственный бюджет Советского Союза в годы Великой Отечественной войны

Г.С. Иссерсон о причинах поражений 1941 г.

Союзники в борьбе с нацизмом

Верующие и власть в послевоенный период

Московская патриархия и вселенские патриархи

Разделение Института истории в 1968 г.

Основан в марте 1957 года

Выходит 6 раз в год

МОСКВА
ГАУГН-ПРЕСС

3
ИЮНЬ ИЮЛЬ
2020

Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Р.Г. Пихоя

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А.Н. Артизов, В.Ю. Афиани, Б.В. Базаров, Т.М. Горяева, Д. Дальманн, М. Дэвид-Фокс, А.Е. Иванов, С.П. Карпов, С.М. Каштанов, В.В. Кондрашин, Д. Ливен, А.К. Левыкин, С.В. Мироненко, К.В. Никифоров, Ю.С. Пивоваров, Д. Свак, А.К. Сорокин, В.А. Тишков, Е.А. Тюрина, У. Эньюань, В.С. Христофоров

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

О.Г. Агеева, А. Блюм, О.В. Будницкий, В.П. Булдаков, М.Г. Вандалковская, П.Г. Гайдуков, А.В. Голубев, И. Граля, В. Дённингхаус, Е.В. Добычина, С.В. Журавлёв, В.Н. Захаров, В.В. Зверев, Е.Ю. Зубкова, В. Зубок, Б.И. Колоницкий, М. Крамер, В.А. Кучкин, Д.В. Лисейцев (*зам. главного редактора*), Е.А. Мельникова, Л.В. Мельникова, А.В. Мамонов (*зам. главного редактора*), Д.Б. Павлов, Ю.А. Петров, Е.И. Пивовар, Д.А. Редин, Н.М. Рогожин, В.В. Трепавлов, В.В. Шелохаев, П.Ю. Уваров, О.В. Хлевнюк, И.А. Христофоров, А.В. Юрасов

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

М.А. Новикова

Адрес редакции

117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел. 8-499 723-69-10; 8-499 723-69-41
Электронная почта: otech_ist@mail.ru; otech_ist1@mail.ru

На обложке:

© Российская академия наук, 2020
© ООО «Интеграция: Образование и Наука», 2020
© Редколлегия журнала «Российская история» (составитель), 2020

Московское народное ополчение: причины и особенности создания

Олег Будницкий

Moscow People's Militia: reasons and peculiarities of formation

Oleg Budnitskii
(National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)

DOI 10.31857/S086956870010139-3

Во второй половине дня 1 июля 1941 г. секретарям райкомов партии Москвы сообщили, что они должны явиться к двум часам ночи в Кремль к В.М. Молотову. Собравшимся пришлось прождать полтора или два часа: Молотов проводил совещание. Наконец, их пригласили в кабинет второго человека страны. В кабинете также находились Л.П. Берия, Г.М. Маленков, Н.А. Вознесенский, К.Е. Ворошилов, С.К. Тимошенко, первый секретарь МК и МГК ВКП(б) А.С. Щербаков, второй секретарь МГК ВКП(б) Г.М. Попов, командующий Московским военным округом (МВО) генерал-лейтенант П.А. Артемьев. Совещание продолжалось около получаса. Молотов проводил его стоя. Стенограмма не велась и о происходившем, в том числе о словах Молотова, известно по рассказам секретарей московских райкомов[1]. Молотов, в частности, сказал: «Страна находится в опасности, враг подошёл к Минску, надо поднять народ, и создать народное ополчение»[2]; «Иосиф Виссарионович дал указание о том, чтобы в Москве сформировать несколько дивизий народного ополчения... Нужно организовать в каждом районе такую дивизию»[3]. Был установлен срок создания ополчения — 6 июля. Учитывая время, необходимое для принятия формального решения и оповещение партийных организаций предприятий и учреждений, на формирование 25 дивизий народного ополчения (ДНО) отводилось три дня.

События развивались стремительно. 2 июля в МГК Щербаков провёл совещание с секретарями райкомов, председателями райисполкомов, райвоен-

© 2020 О.В. Будницкий

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2020 г.

[1] Беседы с ними были проведены сотрудниками Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР (Комиссия Минца) в 1942—1945 гг. Состав участников совещания, которых называли собеседники историков, разнится. К примеру, секретарь Дзержинского РК П.И. Ходоров упоминал начальника Главного управления политической пропаганды Красной армии Л.З. Мехлиса (Научный архив Института российской истории РАН (далее — НА ИРИ РАН), ф. 2, разд. IX, оп. 2, д. 17, л. 1 об.).

[2] НА ИРИ РАН, ф. 2, разд. IX, оп. 20, д. 2, л. 1. Стенограмма беседы, проведенной с секретарём Куйбышевского райкома ВКП(б) Н.В. Шаховой 24 июля 1942 г.

[3] Там же, оп. 2, д. 17, л. 1. По свидетельству первого секретаря Ленинградского РК ВКП(б) А.Я. Секачёва, предложение сформировать 25 дивизий народного ополчения по числу районов Москвы исходило от Щербакова (Там же, оп. 8, д. 1-а, л. 12).

комами и представителями НКВД по вопросу формирования ДНО. В этот же день Военный совет МВО принял постановление «О добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизии народного ополчения»: «Мобилизовать... по Москве 200 тыс. человек и по Московской области — 70 тыс. человек. В Москве мобилизацию начать 3.7 и закончить 5.7, по Московской области мобилизацию начать 3.7 и закончить 6.7. Руководство мобилизацией и формированием возложить на командующего войсками МВО генерал-лейтенанта Артемьева... Мобилизацию рабочих, служащих и учащихся Москвы в народное ополчение и формирование 25 дивизий произвести по районному принципу»[4].

3 июля о необходимости ополчения заявил в выступлении по радио И.В. Сталин: «Трудящиеся Москвы и Ленинграда уже приступили к созданию многотысячного народного ополчения на поддержку Красной армии. В каждом городе, которому угрожает опасность нашествия врага, мы должны создать такое народное ополчение»[5]. 4 июля Государственный комитет обороны (ГКО) принял постановление «О добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизии народного ополчения», фактически дублировавшее решение Военсовета МВО от 2 июля[6].

О народном ополчении, прежде всего Москвы, написано немало исследований, опубликован значительный корпус документов и воспоминаний[7]. Однако на важнейший вопрос — чем было вызвано это решение? — мы до сих пор не имеем ясного ответа. К 1 июля успешно завершилась мобилизация военнообязанных 1905—1918 г.р., начавшаяся 23 июня. В РККА и ВМФ были призваны 5,3 млн человек[8]. Зачем на следующий день после завершения мобилизации потребовалось в срочном порядке создавать народное ополчение, причём привлекать в его состав людей непризывных возрастов или же не подлежавших мобилизации по другим основаниям? Тем более что материально и в кадровом отношении планируемое мероприятие было совершенно неподготовлено: ДНО должны были снабжаться за счёт предприятий и районов, в которых они формировались, командный состав и вооружение должен был обеспечить МВО, необходимыми ресурсами в достаточном количестве не располагавший. Почему не прибегли к более рациональному способу увеличения численности армии

---

[4] Ополчение на защите Москвы. Документы и материалы о формировании и боевых действиях Московского народного ополчения в июле 1941 — январе 1942 г. / Сост. Л.С. Беляева, В.И. Бушков, И.И. Кудрявцев. М., 1978. С. 29—30.

[5] Правда. 1941. 3 июля.

[6] Москва военная. 1941—1945. Мемуары и архивные документы / Сост. К.И. Буков, М.М. Горинов, А.Н. Пономарёв. М., 1995. С. 261—262.

[7] См.: Народное ополчение Москвы. Воспоминания бывших бойцов и командиров народного ополчения / Ред. Г.Д. Костомаров. М., 1961; Москва — фронту. 1941—1945. Сборник документов и материалов / Отв. ред. С.М. Кляцкин. М., 1966; *Алещенко Н.М.*, *Буков К.И.*, *Колесник А.Д.*, *Синицын А.М.* Московское ополчение. Краткий исторический очерк. М., 1969; *Колесник А.Д.* Народное ополчение городов-героев. М., 1974; *Колесник А.Д.* Ополченческие формирования Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны. М., 1988; *Кирсанов Н.А.* По зову Родины (Добровольческие военизированные формирования Красной армии в период Великой Отечественной войны). М., 1974; Москва военная... С. 257—305; Москва прифронтовая. 1941—1942. Архивные документы и материалы / Сост. М.М. Горинов, В.Н. Пархачёв, А.Н. Пономарёв. М., 2001. С. 89—104; Из истории московского народного ополчения: По документам Центрального государственного архива города Москвы. М., 2017 (электронное издание); и др.

[8] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь / Г.Ф. Кривошеев, В.М. Андроников, П.Д. Буриков, В.В. Гуркин. М., 2009. С. 35.

путём дополнительной мобилизации? Ведь именно это было сделано уже в августе, когда призвали военнообязанных старших возрастов (1890—1904 г.р.) и призывников, родившихся в 1923 г. В целом, несмотря на огромные потери, ежемесячная списочная численность Красной армии (без ВМФ) практически непрерывно росла. Если на 1 июля она составляла (без учёта находившихся в госпиталях) 4,7 млн человек (цифры округлены), то на 1 августа — 6,7 млн, 1 сентября — 7,6 млн, 1 октября — 7,9 млн[9].

В литературе обычно указывается, что создание народного ополчения стало ответом власти на инициативу снизу, добровольческое движение[10]. Этот тезис восходит к постановлению ГКО от 4 июля, в котором говорилось, что ополчение создаётся «в соответствии с волей, выраженной трудящимися, и предложениями советских, партийных, профсоюзных и комсомольских организаций города Москвы и Московской области»[11]. Воля многих тысяч москвичей добровольно принять участие в вооружённой борьбе с агрессором сомнений не вызывает. Однако стремились они вступить в Красную армию, а не в ополчение. В информации Организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б) от 28 июня о ходе мобилизации и политических настроениях населения, основанной на сообщениях 36 обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик, говорится о большом количестве заявлений о добровольном вступлении в армию, однако ополчение не упоминается вовсе[12]. В первые дни войны, согласно постановлению СНК от 24 июня, на добровольной основе стали создаваться истребительные батальоны НКВД, предназначавшиеся главным образом для борьбы с диверсантами и парашютными десантами противника. Однако ни по своим задачам, ни по масштабам они были несопоставимы с ДНО[13]. Вопрос о создании ополчения в печати не обсуждался и пропагандистской кампании, обычно предшествовавшей важным начинаниям власти, на страницах печати до речи Сталина 3 июля не велось[14].

Приведу в качестве примера кампанию, предварявшую драконовский указ от 26 июня 1940 г., фактически прикреплявший работников к предприятиям и вводивший уголовные наказания за нарушения трудовой дисциплины, включая опоздания на работу. Трудящиеся Москвы и Ленинграда требовали «сурово карать дезорганизаторов, срывающих производство, мешающих... честным рабочим и работницам увеличивать выпуск продукции»[15]; «единодушно заявляли» о необходимости «повести решительную борьбу с дезорганизаторами производства, обуздать их силой советского закона»[16]. Рабочие мариупольской «Азовстали» считали: «Надо издать такой закон, который бы положил конец перелётам

---

[9] Там же. С. 39—40.

[10] См., например: *Колесник А.Д.* Народное ополчение городов-героев. С. 26, 100—101; *Киторага Т.Г.* Народное ополчение Москвы 1941 г.: история создания // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2005. № 5. С. 37; Из истории московского народного ополчения... С. 7.

[11] Москва военная... С. 261.

[12] Известия ЦК КПСС. 1990. №6. С. 210—212.

[13] См. подробнее: *Биленко С.В.* На охране тыла страны: Истребительные батальоны и полки в Великой Отечественной войне. М., 1988; *Цыпленков К.* Московские истребительные батальоны. Июль—октябрь 1941 // Старый Цейхгауз. 2009. № 31. С. 50—56.

[14] На страницах «Правды», «Известий», «Ленинградской правды» вплоть до 3 июля словосочетание «народное ополчение» не встречается.

[15] Нельзя церемониться с летунами и прогульщиками! // Правда. 1940. 22 июня. С. 3.

[16] Обуздать дезорганизаторов производства // Правда. 1940. 22 июня. С. 3.

дезорганизаторов производства с предприятия на предприятие, из цеха в цех»[17]. И «советский закон» не замедлил последовать. Трудящиеся, если верить советской прессе, горячо поддержали обращение профсоюзов об ухудшении условий их труда. В частности, на митинге рабочих и служащих киевского завода «Ленинская кузница» была принята резолюция, горячо одобрявшая указ; она завершалась словами: «Да здравствует товарищ Сталин, наш родной, любимый отец и друг!»[18].

Создание ополчения, конечно, совсем другая история, однако отсутствие пропагандистского обеспечения, как правило, означало отсутствие намерений. Об этом свидетельствует тщательно отредактированная Сталиным директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей, разосланная 29 июня членам и кандидатам в члены ЦК партии, наркомам СССР, первым секретарям обкомов и крайкомов, председателям обл- и крайисполкомов. В ней о формировании народного ополчения не упоминается[19]. Эта директива легла в основу речи вождя 3 июля. Одним из немногих существенных дополнений к ней стал призыв к формированию народного ополчения.

Тезису о спонтанности создания народного ополчения как будто противоречит факт проведения 26 июня совещания по этому вопросу в Кремле с участием Сталина, высшего государственного и партийного руководства страны, а также руководителей и некоторых секретарей райкомов партийной организации Москвы. Полагаю, что этот «факт» — не более чем историографический миф. Впервые сведения об этом совещании были приведены в 1972 г. К.И. Буковым[20]. С тех пор они неизменно и почти дословно цитируются в литературе[21].

Единственный источник сведений об этом совещании — воспоминания, точнее, стенограмма беседы с секретарём Киевского райкома партии столицы Н.Г. Ликовенковым, проведённой И.И. Минцем 21 апреля 1945 г. Источник, на мой взгляд, крайне ненадёжный и путаный. Так, в начале беседы Ликовенков сообщил, что в субботу 26 июня его вызвали с дачи в Малаховке в Москву на экстренное ночное совещание у Щербакова. Из дальнейшего рассказа с очевидностью следует, что речь на самом деле идёт о 21 июня, ибо на следующий день началась война. Приведу фрагменты, относящиеся к совещаниям (по рассказу Ликовенкова, их было два) о создании народного ополчения:

«26 числа был я в Кремле. Беседа была с товарищем Молотовым, и первый и второй раз. Нас четверо было: я, Данилов[22], Федотов, Суровой. Тогда товарищ Сталин поставил перед нами вопрос об истории, знаем ли мы об ополченцах отечественной войны, как москвичи будут смотреть, смогут ли ор-

---

[17] Летуны и прогульщики мешают увеличению производства металла // Правда. 1940. 23 июня. С. 2.

[18] Правда. 1940. 26 июня. С. 1.

[19] Вестник Архива Президента Российской Федерации. Война: 1941—1945. М., 2005. С. 34—37.

[20] *Буков К.И.* Все мы были солдатами. Московская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. М., 1972. С. 31.

[21] *Колесник А.Д.* Ополченческие формирования... С. 9; *Добров П.В.*, *Колесник А.Д.*, *Куманёв Г.А.*, *Пашно Я.Е.* Народное ополчение защищает Родину. М., 1990. С. 27; *Киторага Т.Г.* Народное ополчение Москвы 1941 г.: история создания. С. 37; *Разин С.А.* Московское народное ополчение в годы Великой Отечественной войны: на примере 13-й Ростокинской (140-й стрелковой) дивизии. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2017. С. 26; *Lévesque J.* Moscow 1941: the rise and fall of the Soviet People's Militia (Narodnoe Opolchenie) // The Civilianization of War: the changing civil-military divide, 1914—2014 / Ed. by A. Barros, M. Thomas. Cambridge, 2018. P. 68.

[22] Так в тексте. Имеется в виду секретарь Пролетарского РК ВКП(б) И.В. Данилин.

ганизовать ополчение и проч. и проч. ... Первый и второй раз был я, Федотов, Суровой, Данилов, Попов, Александр Сергеевич (Щербаков. — *О.Б.*), Маленков, Молотов, Ворошилов... Оба совещания были в кабинете тов. Молотова. Помню, первый раз мы пришли, сели... Расположились, поздравствовались. Тов. Молотов поинтересовался, как настроение. В это время подошёл состав Политбюро: Маленков, Ворошилов и другие, и разговор пошёл о положении дел, что нужно делать. Второй раз также мы собрались за чашкой чая, расположились. Здесь стали говорить, как, что москвичи, кто может сказать. Как раз сидел рядом со мной Александр Сергеевич, напротив тов. Попов. Разыгрывали: начинай говорить. Потом розыгрыш пошёл в обратную сторону. Я выступил, сказал: "Наше мнение скажет словами руководитель московских большевиков тов. Щербаков...". Александр Сергеевич выступил. Сидели, ждали. Чувствуем, что разговор-то идёт, но чего-то ждут. Потом дверь открывается, и вперед дым. Мы, секретари, все переглянулись — Сталин. Вошёл тов. Сталин, тепло с нами поздоровался. Попов рекомендовал: секретари такие-то, Москворецкий, Ленинский... Я уже не помню, что сказал Александр Сергеевич. Товарищ Сталин спрашивал: "Читали ли вы о народном ополчении, что знаете, как сейчас народ встретит? Пойдёт ли народ? Получим ли мы отклик народа? Москвичи должны показать пример"»[23].

Рассказ об обеих встречах, на которых «состав Политбюро», а затем Сталин советуются с секретарями райкомов о том, «что нужно делать», выглядит не слишком реалистично. В особенности это касается 26 июня, когда Сталин почти непрерывно проводил совещания с высшими военачальниками, партийными и государственными руководителями. С 12:10 до 16:50 в его кабинете побывали 15 человек; Молотов присутствовал с 12:50 до 16:50, выйдя из кабинета вождя последним. В 17:45 Сталин уже принимал у себя Ворошилова и Берию, вышел из кабинета в 23:20, вместе с Молотовым, вновь находившимся у него с 19:00[24]. Если допустить, что рассказ Ликовенкова верен, то совещание у Молотова с участием Сталина могло произойти только в период между 16:50 и 17:45. Таким образом, Молотов, выйдя от Сталина, успел собрать совещание московских партийных руководителей, попил с ними чаю, обсудил положение, потянул время, чтобы дождаться Сталина, которому представили секретарей райкомов, причём пригласили на встречу почему-то только четверых из них. С ними вождь стал обсуждать вопрос о создании народного ополчения. Всё это в течение 55 минут. Теоретически возможно, в реальности — крайне сомнительно.

Сомнения превращаются в уверенность, если учесть свидетельство ещё одного из якобы участников совещания 26 июня, бывшего первого секретаря Ленинского РК Н.М. Сурового. Точнее, отсутствие свидетельства. Сотрудники Комиссии Минца провели с ним беседу о создании народного ополчения 2 февраля 1945 г. Он рассказал, с некоторыми вариациями, то же, что и другие участники совещания в Кремле 2 июля. При этом ни словом не упомянул совещание 26 июня с участием Сталина[25]. Трудно представить, что Суровой, в момент проведения беседы секретарь МГК ВКП(б), мог запамятовать день, когда

---

[23] НА ИРИ РАН, ф. 2, разд. 9, оп. 4, д. 10, л. 3 об.—4.

[24] На приёме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924—1953 гг.). Справочник / Ред. А.А. Чернобаев. М., 2008. С. 339—340.

[25] НА ИРИ РАН, ф. 2, разд. 9, оп. 7, д. 10, л. 10 об.—11.

его представили вождю. Ещё один якобы участник, Г.И. Федотов, к июню 1941 г. уже почти два года не был секретарем Москворецкого РК[26].

По словам Ликовенкова, ДНО Киевского района начала формироваться 28 июня (это логично, если считать, что указания получены 26-го), а 30 июня ей был присвоен № 21 (при том, что решение создать 25 дивизий, по числу районов города, было принято 2 июля). «Я помню, тогда 4 220 коммунистов было, — рассказывал Ликовенков. — Заявлений было больше в значительной степени. В отчёте военного отдела остался этот материал»[27]. Отчёт военного отдела Киевского райкома партии Москвы о работе за период Великой Отечественной войны по состоянию на 1 сентября 1942 г. сохранился и частично опубликован. В нём говорится: «С 3 июля 1941 г. в районе организуется дивизия народного ополчения имени Киевского района... 4 июля поступают в РК ВКП(б) списки от организаций записавшихся в дивизию Киевского района». 6 июля состоялась первая поверка дивизии, «явились на сборный пункт 7 660 чел[овек], из них коммунистов и кандидатов партии 716 чел[овек], комсомольцев 491 чел[овек]. Явка 100%, комплектование дивизии закончено». Отчёт, датированный 19 сентября 1942 г., подписан ни кем иным, как самим Ликовенковым[28]. Таким образом, никаких особенностей в формировании 21-й ДНО не наблюдалось. Она была создана в те же сроки, что и остальные дивизии московского народного ополчения.

Не буду гадать, чем вызваны несообразности в рассказе Ликовенкова — аберрацией памяти или стремлением показаться более значительной фигурой, чем он был на самом деле[29]. Полагаю, что приведённые выше данные позволяют с полным основанием признать «факт» совещания 26 июня 1941 г. по вопросу о создании народного ополчения небывшим.

Решение о формировании народного ополчения в Москве и других городах было принято, скорее всего, 1 июля. В этот день Сталин дважды принимал Щербакова — с 16:50 до 19:15 и с 22:40 до 23:50. Оба раза одновременно у Сталина был Молотов, причём во втором случае в кабинете вождя около получаса были только они двое[30]. Вряд ли вызов Щербакова и последовавшие вслед за его первым посещением звонки секретарям райкомов Москвы с ночным вызовом в Кремль не связаны между собой.

Полагаю, что решающим фактором, вызвавшим решение о создании московского народного ополчения, стал захват вермахтом Минска 28 июня. Советское руководство уже в первые дни войны осознало масштаб угрозы.

---

[26] *Гарнюк С.Д.* Московская власть: городская организация КПСС и её органы. Март 1917 — ноябрь 1991. Справочник. М., 2012. С. 350.

[27] НА ИРИ РАН, ф. 2, разд. 9, оп. 4, д. 10, л. 3 об.— 4.

[28] Там же, д. 1, л. 1—1 об.; Ополчение на защите Москвы... С. 69—70.

[29] В конце 1950-х гг. Ликовенков, работавший в то время начальником Управления культуры Мособлисполкома рассказывал сотрудникам, что в «октябре сорок первого года ему позвонили в Краснопресненский райком и сказали, что его вызывает к себе товарищ Сталин. Николай Георгиевич тотчас собрался и когда приехал, то в кабинете у вождя застал почти всех секретарей московских райкомов — Сталин хотел лично ознакомиться с положением дел на подступах к столице и каждому из секретарей задавал один и тот же вопрос. Дошла очередь и до Ликовенкова. “Как думаете, товарищ Ликовенков, Пресня не подведёт Москву?” “Не подведём, товарищ Сталин, умрём, а не отступим!”, — ответил Николай Георгиевич». (*Перельман В.Б.* Покинутая Россия. Кн. 1. Тель-Авив, 1976. С. 202—203). На самом деле Ликовенков был в то время секретарём Киевского, а не Краснопресненского райкома, но в данном случае важно не это. В списке посетителей кабинета Сталина Ликовенков ни в октябре 1941 г., ни в какое-либо другое время не значится.

[30] На приёме у Сталина... С. 341.

24 июня создан Совет по эвакуации. 27 июня приняты постановления ЦК и СНК о порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества; о вывозе из Москвы государственных запасов драгоценных металлов, драгоценных камней, Алмазного фонда СССР и ценностей Оружейной палаты Кремля и об эвакуации из Москвы и Ленинграда авиационных заводов, 29 июня — о переводе из Москвы полностью или частично наркоматов и главных управлений[31].

И всё же падение Минска стало шоком. Катастрофа Западного фронта становилась всё более очевидной. 29 июня впервые с начала войны в кабинете Сталина в Кремле не состоялось заседаний. Вечером он в сопровождении Молотова, А.И. Микояна и Берии отправился в Наркомат обороны, чтобы «на месте» получить от военных разъяснения, что происходит. Осознав масштабы катастрофы, вождь обрушил гнев на генералов. Нервы начальника Генерального штаба Г.К. Жукова не выдержали: он, по словам Микояна, «разрыдался, как баба, и выбежал в другую комнату». Выходя из здания НКО, Сталин констатировал: «Ленин оставил нам великое наследие, мы — его наследники — всё это просрали». 30 июня он не приехал в Кремль, оставшись на даче. Встревоженные соратники, никто из которых не решался отправиться к вождю в одиночку, придумали способ вернуть Сталина к делам: они отправились к нему в резиденцию с предложением создать чрезвычайный орган — Государственный комитет обороны. Сталин идею поддержал, и на следующий день соответствующее постановление было опубликовано[32].

Нетрудно подсчитать, что если бы немцы сохранили первоначальные темпы наступления, то после взятия Минска они вышли бы на ближние подступы к столице через две недели. Создание народного ополчения — очевидная реакция на эту угрозу, стремление создать дополнительные резервы для защиты города. Об этом, собственно, и говорил Молотов. По воспоминаниям П.И. Ходорова, он сказал, что, «поскольку Минск не в наших руках, нужно думать об обороне Москвы, помочь Красной армии»[33]. Думаю, точнее передаёт его слова («враг подошёл к Минску») Н.М. Шахова[34]. Дело не только в том, что её рассказ был записан на два года раньше, чем Ходорова. Информация о падении Минска ещё не была обнародована, и вряд ли осторожный Молотов стал бы сообщать об этом прискорбном событии даже секретарям райкомов. Официального сообщения о падении столицы Белоруссии так никогда и не последовало. Гражданам предоставили возможность догадаться об этом самим.

Не менее важной причиной решения, чем формирование дополнительных резервов для защиты Москвы, было стремление опереться на надёжные вооружённые формирования. Прилагательные «надёжный» и «лучший» постоянно употребляются в отношении ДНО и в газетных статьях, и в официальных документах. Проводя 2 июля совещание по вопросу об их создании, Щербаков воспроизвёл указание Молотова, чтобы «Москва отобрала лучших надёжных товарищей»[35]. Таковыми считались рабочие и едва ли не главные бенефициары

---

[31] Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 201—202, 208—209, 212—214.

[32] Начало войны. Из воспоминаний А.И. Микояна // 1941 год. Кн. 2 / Под ред. В.П. Наумова. М., 1998. С. 497—498; *Хлевнюк О.В.* Сталин: жизнь одного вождя. Биография. М., 2015. С. 280—283.

[33] НА ИРИ РАН, ф. 2, разд. IX, оп. 2, д. 17, л. 1—1 об.

[34] Там же, оп. 20, д. 2, л. 1.

[35] Там же, оп. 2, д. 17, л. 1—1 об.; второй секретарь Дзержинского РК П.И. Вакуленко «особенно ярко» вспоминал рассказ приехавшего с кремлёвского совещания Ходорова о создании народного ополчения, причём «это будут такие части, которые должны быть сформированы из луч-

режима — столичные служащие и учащиеся, в особенности коммунисты и комсомольцы. Да и само формирование дивизий проводилось райкомами партии, конечно, в сотрудничестве с местными Советами и военными комиссариатами. Это была дань отчасти марксистским идеям опоры на рабочий класс, отчасти — памяти о Гражданской войне. Ополчение представлялось реинкарнацией красной гвардии, вплоть до одежды. В проекте постановления ГКО говорилось: «Каждый боец дивизии народного ополчения является в своём рабочем обмундировании. Отличительным знаком... является красноармейская звезда на фуражке». Однако Молотов вычеркнул этот пункт[36].

Тема народного ополчения стала на страницах газет одной из центральных сразу после выступления Сталина. Причём именно он, а не «трудящиеся Москвы и Ленинграда», объявлялся инициатором его создания: «Призыв вождя о народном ополчении нашёл могучий отклик среди трудящихся»[37], «По призыву великого Сталина советский народ уже становится в ряды народного ополчения. Сыны великого народа объединяются в единый мощный военный коллектив для отпора врагу»[38]. «Товарищ Сталин выразил волю миллионов, — говорилось на митинге работников завода “Большевик” в Ленинграде. — Активное участие в народном ополчении, к созданию которого уже приступили партийные и непартийные большевики Ленинграда, должно стать делом чести, кровным делом каждого гражданина»[39].

В выступлениях на митингах в связи с речью Сталина и его призывом почти во всех случаях содержатся апелляции к опыту Гражданской войны. Служащий Трёхгорной мануфактуры М.Н. Меньшиков вспоминал, «как рабочие фабрики били врага на фронтах гражданской войны... Опыт старых бойцов надо поставить сегодня на службу отечеству. Путь товарищи берут в руки оружие. Пусть они зорко охраняют свою Москву, свою Трёхгорку. Пусть несут всяческую службу — военную, охранную, чекистскую»[40]. В Ленинграде вспоминали об обороне Петрограда от «банд Юденича» и как рабочие, «сменив станки на винтовки, мощным ударом разбили вражьи полчища»[41].

5 июля «Правда» под шапкой «В народное ополчение!» напечатала информацию о митинге «старейшей в Запорожье артели имени III Интернационала». На нём выступил участник Гражданской войны И.И. Салов, рассказавший молодёжи, «как двадцать три года назад народ Украины боролся с немецкими оккупантами, как украинцы громили и гнали со своей земли врага». Ниже было опубликовано «Письмо запорожских колхозников», т.е. той же артели. Несомненно, авторы (то ли колхозники, то ли «правдисты») вдохновились «письмом запорожцев турецкому султану». В письме, в частности, говорилось: «Наш колхоз славен не только высокими урожаями, но и лихими рубаками, меткими

ших людей... это будет такая военная сила, которая должна стать лучшими дивизиями Красной армии» (Там же, д. 8, л. 4).

[36] РГАСПИ, ф. 644, оп. 2, д. 1, л. 112 (URL: http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/war/cards/368279/images).

[37] На призыв Сталина (Трёхгорная мануфактура им. Дзержинского) // Правда. 1941. 4 июля. С. 2.

[38] Да здравствует вдохновитель и организатор наших побед — великий Сталин! Из резолюции цеховых митингов работников завода им. Менжинского // Правда. 1941. 4 июля. С. 2.

[39] Товарищ Сталин выразил волю миллионов // Там же.

[40] На призыв Сталина...

[41] Смерть фашизму! (Металлический завод имени Сталина, Ленинград); Товарищ Сталин выразил волю миллионов // Правда. 1941. 4 июля. С. 2.

стрелками, пулемётчиками, гранатомётчиками... Как в своё время богунцы и таращанцы ответили немецкому наёмнику Петлюре, так и мы словами героев скажем взбесившейся собаке: проклятый Гитлер, не панувати панам на Украине... Став грудью на защиту родины, мы скажем кровавому Гитлеру: твоего війска мы не боімось. Землею и водою будем битись з тобою! Сгинешь, свиняча морда, різницька собака!»[42].

Не вдаваясь в историю создания ленинградской армии народного ополчения, замечу, что, несмотря на ряд практических шагов, предпринятых уже в конце июня[43], широкая кампания в печати там развернулась также только после речи Сталина. В передовой статье «Ленинградской правды» от 4 июля, в частности, говорилось: «Коллективы заводов, фабрик, учреждений выделяют в ряды Народного ополчения лучших своих людей»[44]. В этом же номере большая статья рассказала об обороне Петрограда в период Гражданской войны. В ней, среди прочего, говорилось, что «кровавый Гитлер сулит оголтелой финской белогвардейщине Ленинград». Воспроизводился знаменитый плакат «Грудью на защиту Петрограда!»[45].

Призыв Сталина к созданию народного ополчения с пропагандистской точки зрения оказался обоюдоострым. С одной стороны, он вызвал массовый энтузиазм, с другой свидетельствовал о явном неблагополучии на фронте. К примеру, по сообщению НКВД, научный сотрудник Института мировой литературы Шифман счёл создание ополчения «шагом отчаяния, признаком растерянности», заявив: «Вот до чего докатились, куда же девалась доблесть Красной армии?» Служащая Козлова высказалась ещё резче: «Поздно говорить о добровольцах, поздно обращаться к народу, когда немцы уже подходят к Москве»[46]. Призыв шокировал не только некоторых «обывателей». Первый секретарь Москворецкого РК А.М. Твердовский вернулся после совещания у Молотова в подавленном состоянии и сказал второму секретарю О.В. Козловой, по её воспоминаниям: «Ну, конец, если уж народное ополчение формируют?!. Где ж армия-то наша “непобедимая и легендарная”, значит, армии-то нет... Молотов вышел бледный, ты бы посмотрела, какой вид»[47].

---

[42] Правда. 1941. 5 июля. С. 3. Текст на украинском — фрагменты «письма запорожцев турецкому султану». «Різницька собака» — собака мясника, в переносном смысле — «кусачий пёс».

[43] Возможно, на мысль о создании народного ополчения Сталина натолкнуло обращение в Ставку Военного совета Северного фронта от 27 июня 1941 г. с просьбой разрешить создание в Ленинграде семи добровольческих дивизий численностью 100 тыс. человек. 26 июня немецкие войска форсировали Западную Двину, развернув наступление в направлении Остров—Псков—Луга. В тот же день Финляндия объявила войну СССР. Противник находился недалеко от Ленинграда, при этом Северный фронт испытывал острую нехватку войск (*Демидов В.* Повесть о Военном совете // Звезда. 1987. № 1. С. 91—92; Шли на фронт добровольно: о народном ополчении языком документов / Публ. В.В. Черепанова // Военно-исторический журнал. 1996. № 1. С. 10—11).

[44] Всю мощь нашего города — на защиту отечества // Ленинградская правда. 1941. 4 июля. С. 1.

[45] Грудью на защиту нашего великого города! В боях против фашистских варваров умножим славные боевые традиции трудящихся Ленинграда // Ленинградская правда. 1941. 4 июля. С. 3. Автор плаката А.П. Апсит (Апситис) указан не был. Основоположник советского политического плаката в 1921 г. уехал в Латвию, а в 1939 г. перебрался в Германию.

[46] Москва военная... С. 69. Интересно, что специалист по творчеству Л.Н. Толстого А.И. Шифман (несомненно, осведомитель НКВД воспроизвёл именно его высказывание; как всегда в таких случаях степень точности неизвестна), несмотря на свой скептицизм, сам вскоре вступил в ополчение.

[47] URL: https://zamos.ru/dossier/k/10253/; НА ИРИ РАН, ф. 2, разд. IX, оп. 9, д. 1, л. 4—5. 5 октября 1941 г. Твердовский был снят с работы за панические настроения. Была ли это настоящая

Полагаю, что создание народного ополчения вызывалось не только «минским синдромом», но и явным недоверием Сталина к командному составу Красной армии. За несколько недель до начала войны начались аресты руководителей военной промышленности и авиации, положением в которой вождь был особенно недоволен. С 30 мая по 9 июня были арестованы бывший нарком боеприпасов И.П. Сергеев (снят с работы ещё в марте), нарком вооружений Б.Л. Ванников, начальник ПВО генерал-полковник Герой Советского Союза Г.М. Штерн, помощник начальника Генштаба по авиации дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации Я.В. Смушкевич, командующий Прибалтийским особым военным округом генерал-полковник А.Д. Локтионов. Список далеко не исчерпывающий.

Аресты продолжились сразу после начала войны. С 23 по 27 июня были арестованы заместитель наркома обороны, генерал армии Герой Советского Союза К.А. Мерецков, бывший главком ВВС генерал-лейтенант авиации Герой Советского Союза П.В. Рычагов, командующий ВВС Северо-Западного фронта генерал-майор авиации А.П. Ионов, начальник штаба ВВС РККА генерал-майор авиации П.С. Володин, помощник главкома ВВС по авиации дальнего действия генерал-лейтенант авиации Герой Советского Союза И.И. Проскуров, командующий ВВС Юго-Западного фронта генерал-лейтенант авиации Герой Советского Союза Е.С. Птухин. Впоследствии Ванников и Мерецков были освобождены, остальные — расстреляны.

С первых же дней войны в ЦК и лично Сталину поступали телеграммы от партийных руководителей прифронтовых областей, негативно характеризовавшие действия военных. Секретарь Брестского обкома КП(б)Б М.Н. Тупицын 25 июня писал, что командование 4-й армии Западного фронта «оказалось неподготовленным организовать и руководить военными действиями... с первых же дней военных действий в частях 4-й армии началась паника. Застигнутые внезапным нападением, командиры растерялись. Можно было наблюдать такую картину, когда тысячи командиров (начиная от майоров и полковников и кончая мл. командирами) и бойцов обращались в бегство. Опасно то, что эта паника и дезертирство не прекращаются до последнего времени, а военное руководство не принимает решительных мер». Секретарь ЦК КП(б) Латвии Я.Э. Калнберзин и председатель СНК Латвийской ССР В.Т. Лацис 25 июня информировали, что в штабе Прибалтийского особого военного округа «не соблюдаются основные правила организации работы». В другой телеграмме они же сообщали, что для обеспечения защиты Лиепаи и Риги вооружают и организуют «проверенный партийный актив, комсомол и рабочих». И оптимистично заключали: «Настроение отличное, наступательное». Секретарь Гомельского обкома Ф.В. Жиженков 29 июня сообщал о «деморализующем поведении... очень значительного числа командного состава: уход с фронта командиров под предлогом сопровождения эвакуированных семейств, групповое бегство из части разлагающе действует на население и сеет панику в тылу»[48].

Насколько эти сведения соответствовали действительности — вопрос особый. Для нас важно, на какую информацию мог опираться Сталин, принимая те или иные решения. Одной из очевидных тенденций кадровой политики начала войны было назначение на командные посты надёжных с его точки

причина или Твердовский поплатился за неосторожные критические высказывания, установить вряд ли возможно. О.В. Козлова вскоре заняла его место.

[48] Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 204—207, 214—215.

зрения людей. Эта тенденция наметилась буквально в последний предвоенный день. 21 июня Мехлис вновь был назначен на пост начальника Главного управления политической пропаганды РККА (16 июля переименовано в Главное политическое управление). В тот же день принято решение о создании Южного фронта, а его командующим назначен бывший конармеец генерал армии И.В. Тюленев. 30 июня был отстранён от должности командующий Западным фронтом генерал армии Д.Г. Павлов. Его сменил ещё один бывший конармеец — генерал-лейтенант А.И. Ерёменко (командовал фронтом до 4 июля, затем вновь с 18 июля), а сам Павлов 4 июля был арестован. Такая же участь постигла ещё нескольких высших воинских начальников фронта. Все они были расстреляны 22 июля. С приказом Сталина, объявившим о приговоре Верховного суда СССР, ознакомили весь начсостав от командира полка и выше[49].

10 июля командующими войсками Западного, Северо-Западного и Юго-Западного направлений соответственно были назначены бывшие конармейцы — маршалы Советского Союза С.К. Тимошенко, К.Е. Ворошилов и С.М. Будённый. Ещё один бывший конармеец, генерал-лейтенант Д.И. Рябышев, стал командующим Южным фронтом 26 августа, сменив раненого Тюленева. Бывший конармеец маршал Г.И. Кулик возглавил образованное 28 июля Главное управление формирования и укомплектования войск Красной армии (Главупраформ); 8 августа на этом посту его сменил бывший член Военного совета 1-й Конной армии Е.А. Щаденко. Никто из бывших конармейцев, за исключением Ерёменко, на командных постах воинской славы не снискал. Да и Ерёменко в 1941 г. был одним из «генералов поражения», доказав свою состоятельность в более поздний период, в особенности во время Сталинградской битвы. Явным выражением недоверия к командному составу армии явилось также восстановление 16 июля института военных комиссаров. Формирование народного ополчения из «лучших надёжных людей» вписывается в этот ряд институциональных изменений и персональных назначений июля 1941 г.

Создание народного ополчения носило характерные признаки кампании сталинского времени. К его формированию приступили без ясного понимания и организаторами, и добровольцами задач создаваемых дивизий. Одним из дезориентирующих факторов явилось сохранение за добровольцами заработной платы по месту работы, что создавало иллюзию командировки, несения чего-то вроде милиционной службы. Принципиальными отличиями явились подлинный энтузиазм и действительная добровольность большинства вступавших в ополчение. Уже в первые дни стала понятна утопичность идеи создания 25 дивизий численностью 270 тыс. человек. Это привело бы к дезорганизации производства, да и вооружить и обеспечить командными кадрами 25 дивизий за счёт ресурсов МВО было нереально. В постановлении ГКО от 4 июля повторялись заявленные показатели, однако затем Молотов внёс правку: «В первую очередь провести к 7 июля формирование 12 дивизий»[50]. Было решено призвать в ополчение 100 тыс. москвичей и 20 тыс. жителей Подмосковья. В итоге пер-

[49] Русский архив. Великая Отечественная: Т. 13 (2—2). Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941 г. — 1942 г. М., 1997. С. 37—39.

[50] РГАСПИ, ф. 644, оп. 2, д. 1, л. 11 (URL: http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/war/cards/368279/images).

вая очередь стала последней, а идея создания 25 дивизий осталась лишь в их нумерации, когда вслед за 9-й ДНО шла сразу 13-я, а за 18-й — 21-я[51].

Партийные организации учреждений и предприятий стремились любой ценой выполнить план по набору ополченцев. По словам Шаховой, «в некоторых наркоматах и учреждениях записались почти все мужчины, и получилось такое положение, что некому было работать. Поэтому в процессе самой записи райкому партии пришлось отсеять около 1 500 человек»[52]. Директор 2-го Московского авторемонтного завода З. Соколин вспоминал, что «в первых числах июля 1941 г. на призыв т. Сталина 90% завода ВАРЗ записалось в ополчение, что составляло 500 ч[еловек] В числе записавшихся были директор завода и секретарь парторганизации. После разъяснения райкома руководство завода, секретарь парторганизации и часть людей были возвращены обратно»[53]. Это был типичный случай. Первый секретарь Кировского РК А.В. Погосов рассказывал: «Почти каждая организация, предприятие приходили полностью вместе с директором и секретарём партийного комитета». Далее в стенограмме беседы им тщательно вымарана фраза: «Дело доходило до того, что приходилось закрывать предприятия». Погосов подчёркивал, что в ополчение «отбирался исключительно рабочий состав»[54].

Набрать за три дня 100 тыс. добровольцев даже в период патриотического подъёма («Москва бурлила патриотизмом», вспоминал командир батальона 8-й Краснопресненской ДНО П.И. Сараев[55]) было непросто. Чтобы выполнить план, партработники нередко прибегали к принуждению или обману. 8 июля в секретариате Сталина было зарегистрировано письмо работника пункта приёма ополченцев П.И. Сидорова (члена партии с 1908 г.), сигнализировавшего: «Партийные низшие организации без всякого разбора и спроса записывают в народное ополчение всех, стараясь выполнить наивысший %! Между собой партийные руководители хвастают, кто сколько % завербовал. А происходит не вербовка, а запись в принудительном порядке всех своих рабочих и сотрудников, не взирая даже на возраст, инвалидность, специальность и желание... Мы имеем дело с грозным подготовленным врагом, озверелым Гитлером. Он силён, вооружён технически и противопоставить армию подобных добровольцев, так наспех обученных, значит погубить дело борьбы. Неужели мало у нас обученных войск?.. Или тут неправильное понимание задач народного ополчения, или просто здесь вредительство организаторов на местах». По свидетельству Сидорова, «при записи говорили, что это ополчение в роде “ратников ополчения 1 и 2 разряда”, которые везде и во всех войсках идут тогда, когда уже исчерпаны ресурсы человеческих масс», и они никак не ожидали, что их скоро могут послать в бой[56].

Это не были фантазии чрезмерно бдительного ветерана партии. Нарком госбезопасности СССР В.Н. Меркулов в докладной записке от 11 июля 1941 г. на имя Берии сообщал о «серьёзных недочётах в комплектовании и работе ча-

---

[51] В октябре 1941 г. были сформированы ещё три (по мнению некоторых авторов — 4) дивизии народного ополчения («дивизии московских рабочих»), однако создавались они уже не по районному принципу.

[52] НА ИРИ РАН, ф. 2, разд. IX, оп. 20, д. 2, л. 2.

[53] Там же, оп. 68, д. 7, л. 1.

[54] Там же, оп. 5, д. 9, л. 1—1 об.

[55] Там же, разд. I, оп. 45, д. 8, л. 2.

[56] Народное ополчение в первые месяцы войны // Военно-исторический архив. 2002. № 2. С. 77—80.

стей народного ополчения» по Краснопресненскому району, приводя следующие эпизоды: «Секретарь парторганизации "Металлширпотреб" Титов "доставил" в дивизию 14 человек, из которых 12 заявили, что их обманули, что Титов сказал им, будто они едут на митинг, а сам "отдаёт их в ополчение". Причём половина из "доставленных" была инвалидами. В результате из 14 человек в дивизии осталось лишь 2. Руководитель артели "Швейремонтодежда" Пестрак привёл в дивизию 13 человек. Большинству из них в артели сообщили, что они зачисляются в военный кружок с занятиями после работы. 15 человек из "Моспогруза" уже в казармах дивизии в один голос заявили: "Мы не добровольцы, нас вписали заочно"»[57].

Заместитель командира 21-й ДНО Киевского района по политчасти И.А. Анчишкин в донесении об итогах мобилизации от 14 июля писал, что «большинство партийных, профессиональных, хозяйственных и комсомольских организаций Киевского района серьёзно подошли к вопросу создания дивизии народного ополчения. Они разъясняли задачи народного ополчения, проводили вербовку и направляли в дивизию лучших коммунистов, комсомольцев и беспартийных». К числу таких организаций он относил Мосфильм, ИМЭЛ, институты Академии наук СССР и др. Вместе с тем отмечался «совершенно недопустимый подход некоторых организаций к комплектованию дивизии народного ополчения. Эти организации в погоне за количеством направляли в дивизию людей, среди которых оказалось немало лиц, совершенно не пригодных к военной службе. В результате такого подхода в одном только 61-м полку было отчислено по инвалидности за 7 и 8 июля около 25% личного состава полка, а по некоторым ротам — около 40%. Такие организации, как райпищеторг, мебельторг, завод им. Бадаева и др., направляли в народное ополчение инвалидов с протезами, с переломанными позвоночниками; с тяжёлыми грыжами, лиц, больных сифилисом, гонореей, психически больных, туберкулёзных». Похоже, руководители некоторых организаций пытались «сплавить» не самых ценных сотрудников. Руководство швейного комбината Московского горуправления лёгкой промышленности отправило в ополчение 55-летнего сторожа-инвалида, в то время как из 9 коммунистов и 46 комсомольцев этой организации были направлены один кандидат в члены партии и два комсомольца. Автобаза Военторга направила в ДНО больного туберкулёзом и инвалида с обрубленными пальцами. Директор бани № 2 в Филях отправил 51-летнего одноглазого водовоза[58].

Через несколько дней после завершения формирования ДНО были выведены из Москвы и отправлены на строительство оборонительных рубежей. Это решение явилось неожиданностью и для самих добровольцев, и для руководителей предприятий и организаций, направивших их. Добровольцы не были полностью обмундированы и вооружены лишь в минимальной степени. Согласно отчёту военного отдела Куйбышевского райкома, обмундирование ополченцам 4-й ДНО «выдали бывшее в употреблении, ботинок совсем не дали, поэтому ополченцы поехали, кто в чём был обут: в белых туфлях, тапочках, ботинках и т.д.»[59]. ДНО Куйбышевского и Дзержинского районов в самом деле поехали —

---

[57] *Разин С.А.* Московское народное ополчение в годы Великой Отечественной войны... С. 41—42.

[58] Москва прифронтовая... С. 91. Это были далеко не исключительные случаи, см., например: *Киторага Т.Г.* Народное ополчение Москвы 1941 г.: история создания. С. 42.

[59] Ополчение на защите Москвы... С. 77.

районы сумели обеспечить автотранспорт. Остальные отправились пешком. Это стало первым испытанием их физической готовности — ведь медицинского освидетельствования добровольцев не проводилось.

На стадии спешного формирования дивизий учесть все последствия одномоментного ухода тысяч специалистов с рабочих мест было сложно. Член Военного совета МВО бригадный комиссар (впоследствии — генерал-лейтенант) К.Ф. Телегин вспоминал, что после издания приказа о выводе ополченцев в западные районы Подмосковья для боевой учёбы и строительства оборонительных сооружений «сразу же всплыли все недостатки поспешного формирования... В рядах ополченцев оказалось много больных, ограниченно годных, в возрасте старше 55 и даже 60 лет, не пригодных для полевой походной жизни и напряжённой учёбы. На некоторых предприятиях были оголены целые производственные участки, уходили крайне необходимые кадры специалистов, научных работников, крупных учёных, в том числе работавших над важными проблемами оборонного значения.

Пока дивизии формировались в Москве, всё шло как будто нормально. Руководство предприятий и учреждений рассчитывало, что ополченцы будут проходить обучение и нести службу без отрыва от работы, как это было в далёком 1917/18 году с Красной гвардией, не подумали, кто уходит и как будет с выполнением планов и новых заданий по выпуску военной продукции. И как только стало известно, что дивизии выводятся из Москвы, начались беспрерывные телефонные звонки, партийные комитеты и Военный совет осаждались просителями, требовавшими возвратить некоторых работников, так как их некем заменить, а командиры и комиссары дивизий слали рапорты о том, что часть ополченцев непригодна для походов и подлежит отчислению»[60].

При наборе в ополчение, по словам комиссара 24-го полка 8-й ДНО А.А. Федосеева, «принимали в расчёт и соображения политического порядка». «Многие» были откомандированы по политическим признакам: «У некоторых были арестованы родственники, братья, сёстры, некоторые были сами запятнаны, их в дивизии нельзя было держать, поэтому от них тоже избавились»[61].

В отличие от обычных армейских частей, бойцов ДНО в самом деле стремились подбирать исходя из принципов добровольности и надёжности; разумеется, физическая готовность к несению службы также имела значение. В результате в первые же дни после завершения формирования дивизий началось быстрое сокращение их численности: мобилизованные помимо своей воли имели (хотя и не во всех случаях) возможность отправиться домой; отзывались специалисты, оказавшиеся незаменимыми; освобождались от «неблагонадёжных»; но самую большую долю составили отчисленные по здоровью и возрасту. Наряду с ветеранами отчислялись подростки. Нижний возраст для вступления в ополчение был установлен в 17 лет, однако, к примеру, в 13-ю ДНО попали около 200 подростков 14—15 лет. Около 150 были отправлены домой, остальные уговорили их оставить[62]. В результате если 8 июля в 4-й ДНО насчитывалось 8 тыс. человек, то 11-го — 6 852, на те же числа в 6-й ДНО — 9 тыс. и 7 456 соответственно. В 9-ю ДНО к 6 июля записалось 10 500 человек, к 11 июля численность снизилась до 8 701. В 13-й ДНО 9 июля насчитывалось 13 тыс., к середине месяца — 8 010 человек. Численность

[60] *Телегин К.Ф.* Не отдали Москвы! М., 1968. С. 39.
[61] НА ИРИ РАН, ф. 2, разд. I, оп. 45, д. 2, л. 1—2.
[62] *Разин С.А.* Московское народное ополчение в годы Великой Отечественной войны... С. 77.

17-й ДНО на 8 июля превышала 10 тыс., к середине месяца снизилась до 7 391[63]. Из 2-й ДНО отчислили (в основном по медицинским показаниям и по возрасту) 3,5 тыс. человек[64].

Показательны результаты обследования 4-й ДНО, проведённого 10—11 августа группой работников политотдела 35-й армии. В итоговой справке говорилось: «Дивизия состоит из 5 900 человек бойцов и командиров, из них членов и кандидатов ВКП(б) — 1 050 человек и членов ВЛКСМ 900... Дивизия народного ополчения укомплектована из добровольцев на 98%. Кадрового состава в дивизии имеется только: командир дивизии, командиры полков, начальники штабов и незначительная часть командиров взводов, досрочно выпущенных с училища»[65]. Таким образом, за месяц численность дивизии сократилась ещё почти на 1 тыс. человек. Проверяющие констатировали, что «личный состав при укомплектовании частей не проходил медицинского осмотра, в результате чего часть этого состава, вследствие физических недостатков (по предельному возрасту и больные), не пригодны для службы в РККА». Притом, что численность дивизии уже сократилась с момента формирования более чем на 2 тыс. человек. Внимание армейских политработников привлекло также то, что «в дивизии имеется большое количество бойцов-инженеров, техников, писателей, артистов, печатных работников и других высших специальностей, которых считаем целесообразно использовать по их квалификациям, этим они больше дадут пользы государству, чем их служба рядовыми бойцами в РККА»[66].

В 4-й ДНО, сформированной в «правительственном» районе Москвы, насчитывалось свыше 300 инженеров различных специальностей, 200 экономистов, 80 педагогов, 53 журналиста и литератора, 40 агрономов и т.д.[67] Число членов и кандидатов в члены ВКП(б) сократилось по сравнению с первыми днями формирования дивизии почти на 1,5 тыс. человек. Однако, на мой взгляд, это вряд ли оказало сколько-нибудь серьёзное влияние на боеспособность дивизии. Какими-либо объективными данными, показывающими связь партийности с воинской доблестью или воинскими умениями, мы не располагаем.

К концу августа во всех 12 ДНО насчитывалось 10 437 младших командиров и 68 089 рядовых вместо положенных по штату 19 068 и 108 048 соответственно (около 62%)[68].

Надёжность ополченцев не означала отсутствия критического мышления и способности ставить неудобные вопросы. Это относилось и к «наркоматовской»[69] 4-й ДНО Куйбышевского района с её внушительной партийной прослойкой. 24 августа начальник политотдела дивизии батальонный комиссар А.А. Змеул доносил начальству, что во время беседы на тему «Под водительством товарища Сталина враг будет разгромлен и уничтожен» «был задан отдельными бойцами ряд вопросов, по существу, носящих провокационный характер: Почему в докладе больше подчёркнута роль товарища Сталина в период Гражданской войны, когда в то время руководил товарищ Ленин? Почему немцы

---

[63] *Колесник А.Д.* Народное ополчение городов-героев. С. 106—107, 114, 117, 119, 120—121.
[64] *Синицын А.М.* Московское ополчение... С. 36.
[65] ЦАМО, ф. 1238, оп. 1, д. 168, л. 8—9.
[66] Там же.
[67] Ополчение на защите Москвы... С. 153.
[68] *Синицын А.М.* Московское ополчение... С. 44.
[69] Больше всего добровольцев дали Наркомвнешторг — 550, и Наркомфин — 430 (ЦАМО, ф. 1238, оп. 1, д. 25, л. 2—5).

забирают города, а перелома на фронте не видно? Почему так получилось, что мы не знали о том, что немцы стянули к нашим границам до 240 дивизий?»[70].

Ещё одной проблемой ополченческих дивизий было вооружение. Обеспечить штатное вооружение за счёт ресурсов МВО оказалось невозможно. В результате поступало преимущественно оружие эпохи Первой мировой войны, сохранившееся на складах округа, или же трофейное, захваченное во время войны с Финляндией и польской кампании. К примеру, 9-я ДНО Кировского района имела «оружие различных систем: пушки — французские, винтовки — бельгийские, финские, французские и русские, пулемёты старого образца "Кольт", которыми пользовались ещё в империалистическую войну и пользоваться ими могли только старые солдаты»[71]. 4-й ДНО передали 5 тыс. французских винтовок Лебеля образца 1886 и 1893 гг. Длина винтовки Лебеля — некогда грозного оружия — с примкнутым штыком составляла 1,83 м — выше роста большинства военнослужащих, а вес превышал 4,5 кг. Кроме того, дивизия получила винтовки Маузера, пулемёты Браунинга и Кольта и т.д., причём все виды стрелкового оружия не имели достаточного количества патронов, а артиллерия находилась в катастрофическом состоянии (как, впрочем, транспорт и средства связи)[72]. Эта ситуация характерна для всех дивизий ДНО.

Да и это вооружение ополчение получило в основном в конце июля — начале августа. Ополченцы занимались преимущественно строительством оборонительных рубежей. К 6 августа, когда личный состав 4-й ДНО привели к присяге, общий объём выполненных ими земляных работ составил 200 тыс. м^3. Наряду с этим бойцы дивизии после получения оружия учились по сокращённой программе штаба МВО стрельбе из винтовки (три патрона на дистанцию 100 м) и пулемёта, бросанию гранат, борьбе с танками и т.п.[73]

Похоже, что высшие власти, инициировав создание ополчения, довольно скоро утратили к нему интерес. По словам Шаховой, к концу июля в её подшефной дивизии «народ до того обтрепался, что ходят без подмёток. Обмундирование стиранное, старенькое было, потрепалось, вооружения нет никакого, обучать бойцов некогда, работают по 11 часов». Добиться отправки в дивизию обмундирования и вооружения, а также выделения большего времени на боевую подготовку, ей удалось только после личного обращения к Щербакову и Маленкову[74].

Вступивший в командование Резервным фронтом Жуков 7 августа направил записку в НКО (с копией Маленкову и начальнику Генштаба Б.М. Шапошникову) о состоянии ДНО: «32 и 33-я армии, состоящие из 10 дивизий народного ополчения, прибывшие в состав Резервного фронта, имеют очень много недостатков и, если не будут приняты немедленные меры, имеющиеся недостатки могут привести к тяжёлым последствиям: 1. В дивизиях имеется много совершенно необученных и не умеющих даже владеть винтовкой; 2. Дивизии недовооружены, а имеющееся вооружение — разных систем. В части засылаются боеприпасы других калибров; 3. Хозяйственно дивизии не обеспечены и не могут тронуться с места; 4. Части не обеспечены средствами связи, инженерным и химическим имуществом. В таком состоянии дивизии не являются боеспособ-

---

[70] Там же, д. 168, л. 31—32.
[71] Москва прифронтовая... С. 100.
[72] Госбезопасность в битве за Москву / Отв. ред. В.С. Христофоров. М., 2015. С. 215—217.
[73] *Виноградов Ю.В., Широков С.М.* По призыву родины. М., 1995. С. 20.
[74] НА ИРИ РАН, ф. 2, разд. IX, оп. 20, д. 2, л. 6—7.

ными». 12 августа Щаденко писал по поводу обращения Жукова в докладной записке на имя Сталина: «Дано распоряжение командующему войсками МВО о проверке всего контингента бойцов народного ополчения. На замену совершенно необученных, больных и ненадёжных бойцов назначено проверенное и обученное пополнение участников войны с белофиннами и немцами, в каждую дивизию по 500 чел[овек]». Он также информировал о предложении Шапошникова и начальника Главного управления тыла Красной армии А.В. Хрулёва перевести ополченцев на «общее положение с дивизиями Красной армии»[75].

Таким образом, немногим более месяца спустя после создания московских ДНО их предлагалось сделать обычными армейскими дивизиями. Пополнение в предложенном Щаденко количестве, конечно, не могло решить проблему. 23 августа НКО принял решение перевести ДНО на организацию и штаты стрелковой дивизии военного времени сокращённого состава, доукомплектовать и перевооружить. Теперь они должны были снабжаться в том же порядке, что и регулярные дивизии РККА. С 24 августа по 3 сентября в них отправили 49 428 человек личного состава и значительное количество вооружения, обмундирования, обуви, лошадей и т.д. Это резко улучшило ситуацию, хотя не все проблемные позиции были закрыты[76].

ДНО предполагалось доукомплектовать «за счёт военнообязанных младшего начальствующего и рядового состава с территории Московского военного округа, 1918—1900 гг. рождения, преимущественно рабочих молодых возрастов, хорошо обученных, физически крепких, политически проверенных и морально устойчивых»[77]. Очевидно стремление сохранить «классовую чистоту» и надёжность дивизий. Но дистанция между ожиданиями и реальностью оказалась довольно существенной.

В 4-ю ДНО, одну из самых малочисленных среди ополченческих дивизий, прибыло пополнение в количестве почти 5 тыс. человек, однако оно оказалось далёким от идеала. Змеул докладывал: «При ознакомлении выяснилось, что прибывшее пополнение на местах формирования не было освидетельствовано медицинскими комиссиями и среди рядового состава есть немало бойцов, физически непригодных к строевой службе. Вместе с тем рядовой состав не имеет боевой подготовки, что требует проведения ряда мероприятий по его обучению»[78]. Не вполне благополучно обстояло дело и с настроениями нового пополнения. В одной из рот заявили: «Мы мобилизованы, а Вы добровольцы, Вам и на фронте быть впереди». По словам Змеула, политруками волнующие новоприбывших вопросы были «разъяснены»[79].

Нетрудно подсчитать, что на начало сентября, после получения пополнения, ополченцы составляли около 61% личного состава ДНО, хотя по каждой дивизии соотношение существенно различалось. Отчисление ополченцев, очевидно, продолжалось в сентябре (хотя и в меньших масштабах). По данным Главупраформа на 3 сентября, в ДНО 32-й и 33-й армий Резервного фронта «среди личного состава, особенно старших возрастов», имелось в каждой ди-

---

[75] Шли на фронт добровольно... С. 12.

[76] Народное ополчение в первые месяцы войны. С. 80—87.

[77] ЦАМО, ф. 1238, оп. 1, д. 8, л. 21—23.

[78] Там же, д. 168, л. 36—37.

[79] Там же. О том, что мобилизованные «заметно отличались от ополченцев», вспоминал и заместитель начальника политотдела 8-й ДНО Н.И. Соколов (НА ИРИ РАН, ф. 2, разд. I, оп. 45, д. 3, л. 1).

визии «до 200 человек, которые по своим физическим качествам и болезни совершенно непригодны к военной службе». Кроме того, почти во всех ДНО имелись бойцы, заявлявшие, что «якобы их зачислили в народное ополчение против их желания». Ополченцы по-прежнему преимущественно задействовались на строительстве оборонительных рубежей (10 часов в день), в то время как на боевую подготовку отводилось 4—5 часов. Две ДНО всё ещё были вооружены польскими винтовками. «Автоматическое оружие, артиллерия и миномёты состоят из французских и польских систем. Наличие автотранспорта не сообразуется ни с какими нормами. Дивизии также нуждаются в шинелях. Недостает поясных ремней, подсумков для патронов. Большинство командного и политического состава не обеспечено личным оружием, топографическими картами, компасами». В докладе подчёркивалось, что «личный состав дивизий состоит из лучших людей Москвы» и его подавляющее большинство «имеет здоровое политическое настроение»[80].

15 сентября, согласно директиве Генштаба, все ДНО Москвы были включены в состав регулярных войск РККА, а 26 сентября на основании директивы НКО они получили общевойсковые номера со снятием названия «народного ополчения»[81]. Фактически это означало признание неэффективности формирований «красногвардейского типа» в условиях современной войны.

Какова бы ни была разница в образовании, социальном статусе или мотивации добровольцев и мобилизованных, через несколько дней всё это потеряло значение: бывшие ДНО оказались на направлении главного удара вермахта. Через три недели война разделила их на две неравные группы: живых и мёртвых. Первые остались в меньшинстве. На 29 сентября 1941 г. численность бывших 12 ДНО составляла около 133 тыс. человек. Их общие потери составили около 115 тыс. (87%), причём 5 дивизий оказались расформированы ввиду невосполнимых потерь[82]. В свете этого трудно согласиться с мнением, что ДНО оказались «вполне подготовленными к решению боевых задач соединениями»[83]. Думаю, точнее обрисовал положение выпускник истфака Московского пединститута им. Ленина 1941 г., бывший боец 5-й ДНО полковник в отставке А.Е. Гордон: «Московское ополчение внесло свой вклад в оборону столицы. Его бойцы проявили высокий патриотизм и стойкость. Необученные, плохо вооружённые ополченцы практически были обречены на гибель, но они честно выполнили свой долг перед Родиной»[84].

---

[80] Шли на фронт добровольно... С. 13; 20 сентября командующий Резервным фронтом С.М. Будённый констатировал, что только в 32-й армии, состоящей из дивизий народного ополчения, «около 4 000 человек подлежат отправлению в тыл (больные, инвалиды, несовершеннолетние)» (*Разин С.А.* Московское народное ополчение в годы Великой Отечественной войны... С. 110).

[81] Московская битва в хронике фактов и событий / Сост. В.П. Филатов и др. М., 2004. С. 129, 139.

[82] *Лопуховский Л.Н.* К вопросу о людских потерях в Вяземской оборонительной операции // Московские дивизии народного ополчения в Вяземской оборонительной операции октября 1941 г. / Сост. О.Е. Селявина; ред. Ю.Н. Шорин. Вязьма, 2016. С. 254; *Лопуховский Л.Н.* Вяземская катастрофа 1941. М., 2017. С. 620—621; *Комаров Д.Е.* Народное ополчение на Смоленской земле // Военно-исторический журнал. 2005. № 4. С. 34.

[83] *Лопуховский Л.Н.* Вяземская катастрофа... С. 124.

[84] *Гордон А.Е.* Московское народное ополчение 1941 года глазами участника // Отечественная история. 2001. № 3. С. 163.

Финансируя войну. Формирование государственного бюджета СССР в 1941—1945 гг.

Олег Хлевнюк

Financing the War. Formation of the state budget of the USSR in 1941—1945

Oleg Khlevniuk
(National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)

DOI 10.31857/S086956870010140-5

Финансирование армии и военной промышленности всегда являлось одной из сложнейших задач для любого государства, вовлечённого в войну. Вторая мировая война, отличавшаяся небывалыми масштабами, привела к затратам огромных ресурсов. Для Советского Союза — страны сравнительно бедной — военное напряжение было особенно существенным. Мобилизация всех сил для отпора врагу требовала срочного решения многочисленных задач, не последнее место среди которых занимало обеспечение сбалансированности военного бюджета.

История советских финансов в годы войны является традиционной темой историографии. В литературе проанализированы общие тенденции развития советской мобилизационной системы, в том числе её финансовой составляющей, введены в оборот данные, характеризирующие формирование военного бюджета[1], проводятся сравнительные исследования экономического развития воюющих держав[2].

В данной статье рассматриваются не только результаты, но и процесс формирования бюджета СССР в военный период. С опорой на новые документы[3] анализируется финансовое состояние страны на разных этапах Великой Отечественной войны, практики составления, согласования и утверждения государственного бюджета по годам. Таким образом, в отличие от преобладающей тенденции общего анализа бюджетных индикаторов, как историческая проблема рассматриваются вопросы финансирования войны. Особое внимание уделяется динамике бюджета, факторам, влиявшим на его состояние в раз-

© 2020 г. О.В. Хлевнюк

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2020.

[1] См., например: *Плотников К.Н.* Доходы бюджета Советского государства: очерки истории. М., 1955; *Дьяченко В.П.* История финансов СССР (1917—1950 гг.). М., 1978; *Harrison M.* Accounting for War: Soviet production, employment, and the defence burden, 1940—1945. Cambridge, 1996; История Министерства финансов России. В 4 т. Т. III: 1933—1985 гг. / Гл. ред. А.Л. Кудрин. М., 2002.

[2] The economics of World War II: six great powers in international comparison / Ed. by M. Harrison. Cambridge, 1998.

[3] Первостепенное значение для исследования проблемы имеют документы Наркомата финансов, Госплана и Госбанка СССР, правительственных комиссий, отложившиеся в процессе работы над бюджетами в фонде Совета министров СССР (ГА РФ, ф. Р-5446), а также доклады Наркомата финансов высшему руководству страны, сохранившиеся в тематических папках Политбюро (РГАНИ, ф. 3, оп. 39).

личные периоды, и механизмам согласования финансовой политики. Такой подход позволяет ввести в оборот новые данные, уточнить имеющиеся показатели и проанализировать феномен советского военного бюджета в единстве его макроэкономических характеристик и оперативных методов руководства финансовой системой.

Военные расходы и трансформация бюджета

Значительное увеличение армии и производства вооружений после начала Второй мировой войны привело к существенному наращиванию финансирования по военным статьям. Расходы на Наркомат обороны (НКО) и Наркомат военно-морского флота (НКВМФ) составили в 1940 г. 32,6% расходов государственного бюджета по сравнению с 18,7% в 1938 г.[4] Утверждённый в феврале 1941 г. бюджет предусматривал столь же высокий уровень расходов на финансирование двух оборонных наркоматов (32,9%) за счёт сокращения других статей, прежде всего социальных. Кроме того, значительным было финансирование военной промышленности[5].

Сразу же после начала войны эта статья расходов резко выросла. 2 июля бюджет на третий квартал года, утверждённый накануне войны, был срочно пересмотрен, расходы по НКО и НКВМФ увеличили с 19,6 млрд до 34,3 млрд руб.[6] Однако на деле рост наблюдался и ранее — так, для НКО и НКВМФ в действительности было выделено 83 млрд руб., что более чем на 12 млрд превосходило статьи бюджета, принятого в феврале 1941 г.[7] Всего, по расчётам Наркомфина, произведённым в начале 1942 г., на военные нужды в 1941 г. было направлено 105,6 млрд руб. — 40,6 млрд в первом и 65 во втором полугодии. В эту сумму, помимо финансирования военных наркоматов, входили расходы на содержание войск НКВД, военные пенсии и пособия, финансирование военной промышленности, строительство аэродромов и т.д.[8] Таким образом, общие военные расходы, по расчетам Наркомата финансов, превысили расходы на НКО и НКВМФ на 27%. По отношению к общим расходам государственного бюджета это составляло 55,2%[9]. Тенденция наращивания военных расходов наблюдалась и в последующие годы.

---

[4] Государственный бюджет СССР. Статистический сборник. Ч. 2. 1938—1950. М., 1955. С. 49. Сборник издавался Министерством финансов СССР для служебного пользования. Данные о военных расходах представлены в этой публикации обезличенно — «на оборону страны». Однако, как показывают утверждаемые годовые государственные бюджеты, речь шла о расходах Наркомата обороны и Наркомата ВМФ. Наркоматы военной промышленности и другие расходы на военные нужды в этой строке бюджета не учитывались.

[5] Постановление СНК СССР № 340 от 19 февраля 1941 г. (ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 1, д. 178, л. 320—382).

[6] Постановление СНК СССР № 1654 «О союзном бюджете Союза ССР на III квартал 1941 года» от 19 июня 1941 г. (Там же, д. 194, л. 240); Постановление СНК СССР № 1804-804с «О союзном бюджете Союза ССР на III квартал 1941 года» от 2 июля 1941 г. (Там же, оп. 106с, д. 22, л. 274).

[7] Государственный бюджет СССР... С. 96; Постановление СНК СССР № 340 «О государственном бюджете Союза ССР на 1941 год» от 19 февраля 1941 г. (Там же, оп. 1, д. 178, л. 327).

[8] Докладная записка Наркомата финансов СССР И.В. Сталину о военных расходах в 1941 г. от 7 февраля 1942 г. (РГАНИ, ф. 3, оп. 39, д. 49, л. 1—5).

[9] Показатель общих расходов см.: Государственный бюджет СССР... С. 97.

Таблица 1

Расходы на НКО и НКВМФ

Год	План (млрд руб.)	Выполнение	
		Абсолютные показатели (млрд руб.)	Удельный вес в общих расходах госбюджета (в %)
1941	70,9	83	43,4
1942	98,6	108,4	59,3
1943	121,7	125	59,5
1944	128,4	137,8	52,2
1945	137,9	128,2	42,9
Всего	557,5	582,4	50,8

Составлено по: Государственный бюджет СССР... С. 96, 107.

Данные таблицы 1 свидетельствуют, что характерной чертой военного бюджета было постоянное наращивание финансирования двух военных наркоматов и в абсолютных размерах, и относительно общих расходов. Эти цифры в литературе, как правило, принимаются в качестве показателя военных расходов в целом, что неверно. Расчёты Наркомфина и Госплана давали более высокие цифры за счёт дополнительных статей финансирования военных потребностей. В конце июня 1945 г. Госплан представил правительству соответствующие данные, включая сметы НКО и НКВМФ, госпитали, военные пенсии и пособия (см. табл. 2). Такой учёт существенно увеличивал размеры и долю расходов на военные нужды.

Вместе с тем и эти, более полные показатели также не отражали всю картину. Как уже говорилось, по текущим расчётам Наркомфина на военные потребности во втором полугодии 1941 г. с учётом финансирования не только НКО и НКВМФ, госпиталей, пособий и пенсий, но также войск НКВД, военной промышленности и строительств, направлялось 65 млрд руб., что на 10 млрд превышает данные Госплана из таблицы 2, рассчитанные по сокращённому кругу показателей. Пока такие более полные оценки военных расходов по всем статьям за отдельные годы обнаружить не удалось. В связи с этим целесообразно экстраполировать расчёты по 1941 г. на весь военный период. По второму полугодию полные военные расходы по оценкам Наркомфина превышали расходы по НКО, НКМФ, госпиталям, военным пенсиям и пособиям на 18,2% (10 млрд руб.). Применяя этот повышающий коэффициент к показателям, представленным в таблице 2, мы получим ориентировочную цифру полных военных расходов за второе полугодие 1941 г. — первое полугодие 1945 г. в 642 млрд руб. Это составляет 71,4% расходов государственного бюджета за этот период по сравнению с 60,1%, которые дают расчёты по сокращённому кругу показателей.

Таблица 2

Военные расходы в государственном бюджете СССР (НКО, НКВМФ, военные госпитали, военные пенсии и пособия)

Годы	Всего расходов (млрд руб.)	В том числе военные расходы (млрд руб.)	Удельный вес военных расходов (в %)
1940	174	57	32,8
1941 (второе полугодие)	101	55	54,5
1942	183	119	65,0
1943	210	137	65,2
1944	263	153	58,2
1945 (первое полугодие (оценка))	142	76	53,5
Всего за годы войны	899	540	60,1

Составлено по: Заключение Госплана СССР в СНК СССР о проекте союзного бюджета на третий квартал 1945 г. от 26 июня 1945 г. (ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 47а, д. 2935, л. 26).

Таблица 3

Удельный вес расходов государственного бюджета СССР по отдельным статьям (в %)

	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Тяжёлая и машиностроительная промышленность	14,8	14,7	9,1	7,6	10,5	13
Лёгкая и текстильная промышленность	0,4	0,3	0,4	0,3	0,4	0,8
Пищевая промышленность	0,8	0,4	0,4	0,3	0,5	0,7
Сельское хозяйство	7,2	4,9	2,8	2,5	2,8	3,1
Транспорт	3,8	2,9	2,2	2,7	3,4	3,5
Жилищное и коммунальное хозяйство	1,5	0,7	0,5	0,6	0,8	0,9
Просвещение	12,9	8,1	5,7	6,3	7,8	8,8
Здравоохранение	5,1	3,6	3,7	4,0	3,9	3,8
Охрана труда и социальное обеспечение	1,8	2,3	5,3	6	6	6

Составлено по: Государственный бюджет СССР... С. 98—108.

Значительный рост расходов на военные нужды был главным фактором реконструкции государственного бюджета в годы войны. Как свидетельствует данные таблицы 3, рост военных расходов вызвал падение финансирования большинства статей бюджета, включая тяжёлую промышленность и транспорт. Особенно заметным оказалось сокращение вложений в сельское хозяйство, жилищное и коммунальное строительство, просвещение. Бюджет социального обеспечения вырос за счёт пособий и пенсий военнослужащих и членов их семей. Вместе с тем полностью компенсировать затраты на ведение войны сжатием невоенных статей было невозможно. Падение доходов бюджета и рост военных расходов приводили к дефициту бюджета и наращиванию эмиссии, что являлось характерной чертой советской финансовой системы на протяжении значительного периода войны.

Сокращение доходов, бюджетный дефицит и эмиссия

Государственный бюджет СССР в предвоенные годы сводился без дефицита. К началу войны свободные остатки бюджетных средств достигли 9,6 млрд руб. (см. табл. 5). Несмотря на рост военных затрат после 22 июня 1941 г., правительство изначально также ориентировалось на сбалансированность расходов и доходов. При корректировке бюджета на третий квартал 1941 г. в связи началом войны были предусмотрены равные суммы по доходам и расходам. С этой целью в доходную часть на третий квартал включили резервы — 6,6 млрд руб. из остатков средств бюджета[10]. Однако уже в первые месяцы войны стало ясно, что этот бюджет выполнить не удастся даже при условии привлечения резервов[11].

Исходя из сложившейся ситуации, Наркомфин и руководители правительства первоначально предлагали утвердить бюджет на четвертый квартал 1941 г. с дефицитом в 4 млрд руб., что составляло более 9% доходов. Однако и эти оптимистические показатели были выполнимы только в случае реализации ряда чрезвычайных мер, рассчитанных на длительный срок. Речь шла об изъятии кредитов на капитальное строительство и сокращении затрат на капитальный ремонт, о введении новых налогов и сборов, повышении цен и увеличении товарных фондов[12]. Несмотря на обострение ситуации, руководство страны (скорее всего, И.В. Сталин) до последнего момента отказывалось санкционировать дефицитный бюджет. Союзный бюджет на четвертый квартал был утверждён с большим опозданием — 16 ноября 1941 г. В нём, вопреки очевидному, предусматривалось равенство доходов и расходов[13]. Однако эти невыполнимые планы демонстрировали не реальное состояние дел, а приверженность руководства страны идее бездефицитного бюджета.

В первые полгода войны выявились трудности формирования бюджета, которые наблюдались и позднее. Главной явилось существенное сокращение тех статей доходов, на которых держался довоенный бюджет — налога с обо-

[10] Постановление СНК СССР № 1804-804с «О союзном бюджете Союза ССР на III квартал 1941 года» от 2 июля 1941 г. (ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 106с, д. 22, л. 271).

[11] Докладная записка комиссии по рассмотрению мероприятий для выполнения бюджета в 3-м квартале 1941 г. от 25 августа 1941 г. (Там же, оп. 25а, д. 7157, л. 66—69).

[12] Докладная записка заместителей председателя СНК СССР Н.А. Вознесенского, А.И. Микояна и наркома финансов СССР Г.А. Зверева И.В. Сталину. Сентябрь 1941 г. (Там же, д. 7159, л. 286—287).

[13] Постановление СНК СССР «О союзном бюджете Союза ССР на IV квартал 1941 г.» № 2211-1010с от 16 ноября 1941 г. (Там же, оп. 106с, д. 28, л. 83, 86).

рота и отчислений от прибылей предприятий. Налог с оборота, формировавшийся преимущественно за счёт обложения товаров народного потребления, уменьшался по очевидным причинам. Во время войны, потребовавшей переключения ресурсов на армию и военное производство, лёгкая и пищевая промышленность, а также сельское хозяйство оказались в тяжёлом положении. Свою роль играли транспортные трудности, не позволявшие доставить произведённую продукцию до потребителя. При снижении уровня жизни падал спрос. Резкое уменьшение поступления налога с оборота пришлось на второе полугодие 1941 г., когда его удельный вес в доходах союзного бюджета снизился до 49,6% по сравнению с 73,3% в первом полугодии. Самым значительным оказался недобор поступлений от реализации водки — 6,1 млрд руб.[14] Уменьшение отчислений от прибылей государственных предприятий также стало естественным следствием критической военной ситуации: предприятия переходили на ускоренный выпуск новой продукции, производилась массовая эвакуация, требовавшая дополнительных расходов. Общую динамику сокращения роли налога с оборота и отчислений от прибылей демонстрируют данные таблицы 4.

Таблица 4

Удельный вес налога с оборота и отчислений от прибылей государственных предприятий в доходах государственного бюджета (в %)

Год	Налог с оборота	Отчисления от прибылей
1940	58,7	12
1941	52,7	13,3
1942	40,2	9,3
1943	34,7	9,8
1944	35,3	8
1945	40,7	5,6

Составлено по: Государственный бюджет СССР... С. 70.

Таблица 5

Доходы и расходы государственного бюджета СССР

Годы	1940	1941 (первое полугодие)	1941 (второе полугодие)	1942	1943	1944	1945
Доходы	180,2	99,8	77,1	165	204,4	268,7	302
Расходы	174,3	90,2	101,2	182,8	210	264	298,6
Профицит/ дефицит	+5,9	+9,6	—24,1	—17,8	—5,6	+4,7	+3,4

Составлено по: Государственный бюджет СССР... С. 68, 97. Данные за 1941 г.: Докладная записка Наркомата финансов СССР И.В. Сталину о государственном бюджете и денежном обращении к началу третьего года войны от 7 сентября 1943 г. (РГАНИ, ф. 3, оп. 39, д. 49, л. 46, 48).

[14] Справка Управления делами СНК СССР от 3 апреля 1942 г. (Там же, оп. 43а, д. 3716, л. 418, 419).

Растущие военные расходы и сокращение традиционных статей доходов стали причиной увеличения дефицита бюджета, который сохранялся в течение большего периода войны (см. табл. 5). А поскольку в докладах Наркомфина в правительство и Сталину дефицит представлялся как основной индикатор состояния бюджета, руководство страны рассматривало его как серьёзную проблему. Первые положительные сдвиги в его преодолении на рубеже 1942—1943 гг. отмечались как важнейшее достижение финансовой системы[15]. Активно обсуждались меры пополнения бюджета.

Самым простым способом явилась эмиссия. Как показывают данные таблицы 6, в абсолютных размерах она сохранялось на заметном уровне на протяжении всего периода войны. В отношении к доходам бюджета она была более значительной в 1941—1943 гг., поскольку являлась важным источником покрытия дефицита, однако своё значение сохраняла и в условиях превышения доходов над расходами в 1944—1945 гг. Это было связано с ростом кредитных вложений Госбанка, главным образом на восстановление освобождённых районов[16]. Для преодоления дефицита бюджета и недопущения роста эмиссии необходимо было изыскивать новые источники доходов, что являлось важнейшей задачей советской финансовой системы в годы войны.

Таблица 6

Эмиссия и ее удельный вес в доходах государственного бюджета

	Эмиссия (млрд руб.)	**Удельный вес эмиссии к доходам государственного бюджета за год (в %)**
Июль—декабрь 1941 г.	14,3	8,1
1942 г.	11,1	6,7
1943 г.	11,5	5,6
1944 г.	7,1	2,6
1945 г.	11,7	3,9

Составлено по: По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. Вып. 5. Денежное обращение в СССР периода Великой Отечественной войны в документах (1941—1945 годы) / Сост. Ю.И. Кашин. М., 2008. С. 64, 79.

Дополнительные военные доходы

Подводя первые итоги финансирования войны в конце июня 1945 г., Госплан СССР выделил два вида доходов государственного бюджета. Первый — доходы от традиционных довоенных источников. Второй — дополнительные доходы, полученные благодаря чрезвычайным, мобилизационным мерам, введённым в ходе войны. По состоянию на середину 1945 г. размеры этих двух комплексов доходов оценивались соответственно в 419 и 433 млрд руб.[17] Таким образом в годы войны при сокращающейся традиционной доходной

[15] Заключение Госплана СССР о проекте государственного бюджета на 1943 г. Март 1943 г. (ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 44а, д. 4698, л. 158—172).

[16] Там же. С. 84.

[17] Заключение Госплана СССР о проекте союзного бюджета на третий квартал 1945 г. 26 июня 1945 г. (ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 47а, д. 2935, л. 28—29).

базе оказались изысканы огромные дополнительные средства. Источники этих чрезвычайных военно-мобилизационных поступлений по расчётам Госплана представлены в таблице 7. Большую их часть составили налоговые и другие платежи населения сверх уровня, характерного для невоенного времени. Повышение цен также сыграло значительную роль, хотя это был относительно простой способ получения дополнительных средств. Заметными стали доходы от реализации товаров, полученных по ленд-лизу, которые Госплан обозначил как доходы от импорта. Всего за время войны, включая весь 1945 г., бюджет получил от продажи ленд-лизовских товаров на внутреннем рынке очень значительную сумму — 90 млрд руб.[18] Нужно отметить, что этот факт практически не упоминается в литературе.

Таблица 7

Источники дополнительных мобилизационных доходов государственного бюджета за второе полугодие 1941 — первое полугодие 1945 г.

	Абсолютные показатели (млрд руб.)	К общим доходам за годы войны (%)
По платежам населения всего, из них:	163	19,1
от введения новых и повышения действующих налогов	86	10,1
от взносов по военным займам в части, превышающей довоенный уровень подписки на займы	35	4,1
по взносам в фонд обороны, фонд Красной армии и по денежно-вещевым лотереям	28	3,3
от изъятия компенсации за неиспользованные отпуска	10	1,2
От повышения цен и тарифов	146	17,1
От изъятия неиспользованных ресурсов хозяйственных организаций	30	3,5
От импорта (разница против довоенного уровня таможенных доходов)	83	9,7
Возмещение военных расходов иностранными государствами, репарации, поступления советской валюты, передаваемой безвозмездно иностранными государствами	11	1,3
Всего	433	50,8

Составлено по: Заключение Госплана СССР о проекте союзного бюджета на третий квартал 1945 г. от 26 июня 1945 г. (ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 47а, д. 2935, л. 28—29). Данные за первое полугодие 1945 г. — оценка Госплана на конец июня 1945 г.

[18] Докладная записка Наркомата финансов СССР И.В. Сталину о бюджете и денежном обращении во время войны от 8 января 1946 г. (РГАНИ, ф. 3. оп. 39, д. 49, л. 68).

Политика мобилизации дополнительных военных доходов складывалась постепенно, в результате разработки и согласования бюджетов военного времени. Первоначальная программа перевода бюджета на военные рельсы была представлена в постановлении о бюджете на третий квартал 1941 г. от 2 июля 1941 г., в котором отражались предварительные представления правительства о возможных путях решения финансовых проблем в условиях войны. Упор делался на использование резервов: остатков средств союзного бюджета в Госбанке, а также поступлений от сокращения расходов по республиканским и местным бюджетам и возврата ссуд. Предусматривалось увеличение доходов от действующих предприятий и сокращение расходов на капитальные работы, ликвидация стимулирующих фондов и выплат и т.д. Устанавливалась временная надбавка к сельскохозяйственному налогу и подоходному налогу с населения. Повышались цены на спиртное[19].

Очень быстро стало ясно, что этих мер недостаточно. Наркомфин в конце июля инициировал вопрос о мероприятиях по выполнению госбюджета в третьем квартале 1941 г. Он предлагал обеспечить срочную доставку имеющихся товаров широкого потребления до потребителя; расширить коммерческую торговлю; повысить цены на табачные изделия, увеличить производство водки; прекратить выплаты процентов по государственным займам и стимулирующих премий в сельском хозяйстве; ввести новые сборы в пользу Красного Креста и в Фонд обороны[20]. Оценивая эти предложения, Госплан занял более «рыночную» позицию. Одобрив многие меры Наркомфина, руководители Госплана возражали по поводу расширения коммерческой торговли: «Финансовый эффект этих мероприятий будет незначителен из-за ограниченности могущих быть выделенными товарных фондов, а влияние этих мероприятий на устойчивость рубля и денежное обращение может быть отрицательным». По тем же мотивам оспаривалось предложение о прекращении выплат по государственным займам, что «по существу означает отказ от экономических стимулов в деле привлечения добровольных взносов населения». Предложения о сокращении на 50% выплат премий-надбавок по техническим культурам и об отмене отпуска минеральных удобрений по льготным ценам снижали «стимулирование важнейших отраслей сельского хозяйства»[21].

По итогам рассмотрения вопроса о дополнительных доходах в специально созданной комиссии из руководителей Наркомфина, Госбанка, Госплана и других ведомств[22] в постановление СНК СССР «О союзном бюджете Союза ССР на IV квартал 1941 г.» от 16 ноября 1941 г. оказался включен перечень дополнительных мер. Вводился налог на холостяков, одиноких и бездетных граждан; намечалось проведение денежной лотереи, а также зачисление в доход бюджета средств, поступающих в Фонд обороны и различных фондов предприятий[23].

---

[19] Постановление СНК СССР № 1804-804с «О союзном бюджете Союза ССР на III квартал 1941 года» от 2 июля 1941 г. (ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 106с, д. 22, л. 267—283).

[20] Докладная записка Наркомата финансов СССР в СНК СССР от 29 июля 1941 г. (Там же, оп. 25а, д. 7157, л. 36—44).

[21] Заключение Госплана СССР о проекте постановления о мероприятиях по наполнению госбюджета в третьем квартале 1941 г. от 5 августа 1941 г. (Там же, л. 7—8).

[22] Докладная записка комиссии по рассмотрению бюджета на четвёртый квартал 1941 г. [После 17 сентября 1941 г.] (Там же, д. 7159, л. 356—360).

[23] Постановление СНК СССР № 2211-1010с «О союзном бюджете Союза ССР на IV квартал 1941 г.» от 16 ноября 1941 г. (Там же, оп. 106с, д. 28, л. 87—91).

В основных чертах система военных доходов бюджета сложилась в 1942 г. На её формирование воздействие оказывали продолжавшиеся дискуссии между Наркомфином и Госпланом. Планируя финансирование бюджета, Наркомат вновь ориентировался на приоритетное использование двух источников: повышение цен и налогов. Конкретно речь шла о повышении в 2—3 раза цен на основные промышленные и некоторые продовольственные товары, росте тарифов на транспорт и связь, об увеличении оплаты коммунальных услуг. Особенно заметное повышение цен предусматривалось на товары повседневного спроса, без которых население обойтись не могло: на спички с 5 до 50 коп. за коробку, на соль поваренную с 16 коп. до 1 руб. за кг, на керосин с 80 коп. до 2 руб. за литр[24].

Критикуя эти предложения в заключении на проект бюджета на 1942 г., руководители Госплана указывали: «Предлагаемое Наркомфином в качестве основного пути сокращения дефицита государственного бюджета повышение цен по большинству товаров является неправильным, так как оно повлечёт за собой подрыв силы рубля и неминуемо приведёт к необходимости повышения заработной платы значительной части рабочих и служащих, что ещё более усилит потребность в эмиссии и вызовет дальнейший рост цен на колхозном рынке. Таким образом, этот путь не даст ощутимых положительных результатов и приведёт к ещё большему ухудшению денежного обращения». Взамен Госплан предлагал более консервативные меры — активизацию товарооборота за счёт наращивания товарных ресурсов сельскохозяйственной продукции; проведение жёсткого режима экономии; привлечение средств населения через сберкассы, путём организации займа и лотереи. Госплан поддержал предложение Наркомфина о приостановке выплаты рабочим и служащим компенсации за отпуска, которые были отменены в связи с началом войны[25]. Реальную финансовую политику 1942 г. можно оценить как компромисс между этими первоначально заявленными подходами Наркомфина и Госплана.

Намерение повысить цены отчасти реализовалось постановлением СНК СССР от 8 апреля 1942 г. Оно предполагало подорожание промышленных товаров в коммерческой торговле, а также общий рост на спиртные напитки, мыло, спички, соль. Почти втрое подорожал керосин, продававшийся в сельской местности. Бутылка водки стала стоить 50 руб. вместо 22, папиросы — 4 руб. вместо 2, 100-граммовый кусок туалетного мыла — 2 руб. вместо 75 коп. и т.д.[26] В октябре 1942 г. цены на водку, водочные изделия, питьевой спирт и денатурат, а также на продукцию винодельческой промышленности оказались повышены вдвое, а на одеколон и духи, а также пиво — на 50%[27]. В мае значительно выросли цены на изделия из драгоценных металлов[28].

---

[24] Заключение Госплана СССР о проекте государственного бюджета на 1942 г. от 24 февраля 1942 г. (Там же, оп. 43а, д. 3717, л. 3—4).

[25] Там же, л. 1—3.

[26] Постановление СНК СССР № 451-228сс «О повышении розничных цен на промышленные товары в коммерческих магазинах и цен на водку, вина, табачные изделия и некоторые другие товары» (Там же, оп. 106с, д. 44, л. 9—10).

[27] Постановление СНК СССР № 1622-769с «О союзном бюджете Союза ССР на IV квартал 1942 г.» от 2 октября 1942 г. (Там же, д. 63, л. 75—76).

[28] Постановление СНК СССР № 647-333сс «О повышении розничных цен и ставок налога с оборота на изделия из драгоценных металлов» от 7 мая 1942 г. (Там же, оп. 43а, д. 6195, л. 25—27).

Вместе с тем повышение цен касалось определённой группы товаров, а главное — не распространялось на продовольствие, распределяемое по карточкам. Отчасти такой подход тормозил инфляцию. Ещё большее значение для её сдерживания имело увеличение налогов и других изъятий доходов населения. В 1942 г. начали активно взиматься новые налоги военного времени. К традиционным подоходному и сельскохозяйственному добавились значительный по размерам военный налог, а также налог на холостяков, одиноких и бездетных граждан. Резко возросло значение займов и лотерей. Крупные суммы от населения поступали в фонд Красной армии[29]. В 1942 г., в соответствии с предложениями Наркомфина и Госплана, прекратилась выплата денежной компенсации за неиспользованные отпуска[30]. Эти меры сыграли роль в постепенном сокращении бюджетного дефицита. В целом за 1942 г. он оставался значительным (см. табл. 5), но демонстрировал тенденцию к снижению по кварталам[31].

Однако, несмотря на некоторые обнадеживающие признаки в финансовой сфере, проявившиеся в конце 1942 г., составители бюджета на 1943 г. были настроены скептически. Оценивая в марте 1943 г. перспективы на текущий год, Госплан исходил из показателя дефицита государственного бюджета в 23,1 млрд руб.[32], что значительно превосходило соответствующий показатель 1942 г. (см. табл. 5). Скорее всего, именно сложности формирования бюджета оказались причиной затягивания окончательного его утверждения. Только 18 июня в бюджет внесли последние важные изменения, связанные с поступлением новых доходов. В июне правительство значительно повысило сельскохозяйственный налог, а подписка на Второй государственный военный заём к этому времени составила 20,5 млрд руб. вместо принятых в расчётах по первоначальному проекту 13,5 млрд.[33] В результате в принятом 3 июля постановлении СНК СССР о государственном бюджете на 1943 г. дефицит был заложен в размере 16 млрд руб.[34]

Реальные результаты 1943 г. оказались, однако, намного лучше, чем предполагалось (см. табл. 5). Свою роль сыграло улучшение работы ряда отраслей народного хозяйства и рост соответствующих отчислений от их прибылей. Очень сильно выросли поступления от населения — за счёт налогов, займов и лотерей, фонда Красной армии. Большое увеличение доходов наблюдалось также по таможенным доходам и по доходам от реализации товаров, получаемых по ленд-лизу. В 1943 г. по предварительным данным они составили 19,4 млрд

---

[29] История Министерства финансов России. Т. III. С. 121—123, 160—162; *Ironside K.* Rubles for victory: the social dynamics of state fundraising on the Soviet home front // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian history. 2014. Vol. 15. № 4. P. 799—828.

[30] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 апреля 1942 г. «О временном прекращении выплаты денежной компенсации за неиспользованный отпуск в 1942 году» (ГА РФ, ф. Р-7523, оп. 4, д. 51, л. 49). В последующем действие этого указа продлевалось.

[31] Докладная записка Наркомата финансов СССР в СНК СССР о государственном бюджете на 1943 г. от 27 февраля 1943 г. (Там же, оп. 44а, д. 4702, л. 206—207).

[32] Заключение Госплана СССР на проект государственного бюджета на 1943 г. [Март 1943 г.] (Там же, д. 4698, л. 167).

[33] Докладная записка Наркомата финансов СССР в СНК СССР о государственном бюджете на 1943 г. от 18 июня 1943 г. (Там же, л. 89).

[34] Постановление СНК СССР № 722-213с «О государственном бюджете Союза ССР на 1943 год» (Там же, оп. 106с, д. 81, л. 165).

руб. против 12,1 млрд в 1942 г.[35] Как известно, именно в 1943 г. резко увеличились поставки по ленд-лизу, и этот рост продолжался следующие два года[36].

Вместе с тем, по мнению финансовых органов, ряд важных резервов пополнения бюджета был исчерпан. 7 сентября руководство Наркомфина направило Сталину записку о состоянии бюджета к началу третьего года войны: «Значительно снизить бюджетный дефицит путём повышения налогов и сокращения расходов на народное хозяйство и культуру в данное время не представляется возможным. Дальнейшее повышение налогов нецелесообразно в связи с тем, что бюджеты рабочих и служащих в достаточной степени напряжены, а налоги с сельского населения были недавно увеличены. Сокращать расходы на народное хозяйство и культуру также нецелесообразно, так как эти расходы за период войны... были резко снижены». Выход из положения виделся в расширении производства предметов потребления и соответствующем увеличении розничного товарооборота, а также в повышении рентабельности промышленности и сдерживании роста заработной платы[37]. Фактически речь шла о постепенной замене чрезвычайных военных источников пополнения бюджета традиционными довоенными, ведущую роль среди которых играл налог с оборота.

Вместе с тем было очевидно, что в условиях продолжающейся войны осуществить такой поворот сложно. Эти трудности нашли отражение в государственном бюджете, утверждённом 19 января 1944 г. Он предусматривал некоторый рост налогов с оборота, однако не настолько существенный, чтобы перекрыть необходимость чрезвычайных поступлений. План по налогам с населения, доходам от займа и денежно-вещевой лотереи был повышен[38]. Очевидно, что именно опасения из-за напряжённости бюджета, основанного на чрезвычайных методах пополнения, заставили правительство проявить осмотрительность. Составленный Наркомфином в конце 1943 г. проект бюджета исходил из сохранения дефицита в 17,3 млн руб.[39] Эти предложения без изменений вошли в постановление СНК СССР о государственном бюджете на 1944 г.[40]

Однако в реальности впервые с начала войны оказался достигнут профицит бюджета, причём сразу на 4,7 млрд руб. (см. табл. 5). Произошло это благодаря росту как налога с оборота, так и налогов с населения[41]. Заметную роль в росте налога с оборота играло, однако, не наращивание производства широкого круга потребительских товаров. Перевыполнение плана обусловил значительный рост производства водки, что дало дополнительных доходов почти на 11 млрд руб., т.е. примерно 11% всех поступлений налога с оборота. Значительную сум-

---

[35] Докладная записка Наркомата финансов СССР в СНК СССР о государственном бюджете на 1944 г. от 23 декабря 1943 г. (Там же, оп. 46а, д. 3827, л. 190—192).

[36] Подробнее см.: *Бутенина Н.В.* Ленд-лиз: сделка века. М., 2004.

[37] Докладная записка Наркомата финансов СССР И.В. Сталину о государственном бюджете и денежном обращении к началу третьего года войны от 7 сентября 1943 г. (РГАНИ, ф. 3. оп. 39, д. 49, л. 58—60).

[38] Постановление СНК СССР № 66-33с «О государственном бюджете Союза ССР на 1944 год» (ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 106с, д. 100, л. 120—141). Ср. выполнение плана по доходам в 1943 г.: Государственный бюджет СССР. С. 51—68.

[39] Докладная записка Наркомата финансов СССР в СНК СССР о государственном бюджете на 1944 г. [Декабрь 1943 г.] (ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 46а, д. 3827, л. 175).

[40] Постановление СНК СССР № 66-33с «О государственном бюджете Союза ССР на 1944 год» от 19 января 1944 г. (Там же, оп. 106с, д. 100, л. 120).

[41] Справка Управления делами СНК СССР о проекте государственного бюджета на 1945 г. [Январь 1945 г.] (Там же, оп. 47а, д. 2670, л. 154—155).

му (4,6 млрд) дало расширение коммерческой торговли благодаря созданию в марте 1944 г. торговой сети Главособторга[42]. До 40 млрд руб. (по сравнению с 24 млрд в 1943 г.) выросли таможенные доходы, значительную долю которых составили поступления от продажи ленд-лизовских товаров. Они превратились в крупнейший источник советского бюджета, превысивший поступления от налогов с населения и составивший более 40% от налога с оборота[43]. Одновременно бюджет недосчитался части запланированных доходов от прибылей от промышленности и налога с оборота от отраслей, не связанных с производством водки[44].

Осознавая сложности дальнейшего наращивания бюджета за счёт чрезвычайных источников, Наркомфин, Госплан и правительство при разработке бюджета на очередной год предпочли расчёты на худшее. Государственный бюджет 1945 г. был утверждён, несмотря на профицит 1944 г., с равными доходами и расходами[45]. Год действительно оказался сложным в финансовом отношении. Победа в войне для бюджета предполагала не только облегчение, но и дополнительные нагрузки. Затрат требовали демобилизация огромной армии, конверсия промышленности. В результате расходы на военные нужды сократились не очень значительно, но одновременно выросли вложения в народное хозяйство и социально-культурную сферу. При этом уменьшились поступления по государственному займу и лотерее, по отчислениям в Фонд обороны и т.д. Несмотря на это, бюджет 1945 г. был сведён с профицитом (см. табл. 5). Выпадающие статьи доходов в значительной части компенсировались поступлениями от распространения коммерческой торговли, сохранением на высоком уровне реализации товаров, поступавших по ленд-лизу, доходов, полученных от использования ресурсов оккупированных европейских стран[46].

Некоторые итоги

Мобилизация финансовых ресурсов на ведение войны была одной из важнейших задач, которые решались советским руководством в 1941—1945 гг. Огромный рост расходов на армию потребовал существенной реконструкции бюджета, максимального сокращения вложений в отрасли социально-экономической жизни, не связанные непосредственно с ведением боевых действий. Происходило это в условиях резкого уменьшения доходной части бюджета. Падение производства предметов широкого потребления и затруднения в транспортировке даже имеющихся товаров резко понизили налог с оборота — один из ключевых источников дохода в довоенный период. Аналогичные трудности возникали с получением налоговых отчислений от прибылей предприятий. Рост военных расходов и сокращение традиционных доходов привели к зна-

---

[42] Справка Управления делами СНК СССР об исполнении государственного бюджета за 1944 г. от 10 марта 1945 г. (Там же, л. 159—160); *Твердюкова Е.Д.* Особторг. Коммерческая торговля в СССР в 1944—1947 годах // Родина. 2010. № 10. С. 132—134.

[43] Справка Управления делами СНК СССР об исполнении государственного бюджета за 1944 г. от 10 марта 1945 г. (ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 47а, д. 2670, л. 159—160).

[44] Справка Управления делами СНК СССР о проекте государственного бюджета на 1945 г. [Январь 1945] (Там же, л. 154—156).

[45] Постановление СНК СССР № 478-136с «О государственном бюджете Союза ССР на 1945 год» от 14 марта 1945 г. (Там же, оп. 106с, д. 100, л. 96).

[46] Докладная записка Наркомата финансов СССР И.В. Сталину о бюджете и денежном обращении во время войны от 8 января 1946 г. (РГАНИ, ф. 3, оп. 39, д. 49, л. 64—89).

чительному дефициту бюджета в 1941, 1942 и отчасти 1943 г. Его невозможно было погасить одной только эмиссией. Для покрытия военных расходов потребовались новые источники чрезвычайных доходов.

Выработка направлений финансовой политики происходила в первый период войны в ходе обсуждения путей преодоления растущего бюджетного дефицита. Основными ведомствами, принимавшими участие в согласовании этих вопросов, были Наркомат финансов, Госплан и Государственный банк СССР. Окончательные решения принимались руководством страны.

Несмотря на относительную лёгкость прямого повышения цен, этот метод получения доходов не был основным, применялся в отношении лишь части товаров, а также посредством распространения коммерческой торговли. Основные товарные фонды распределялись по карточкам по фиксированным ценам. Заметную роль в наращивании товарооборота играла продажа товаров, закупленных по импорту и полученных в рамках союзной помощи. Наряду с, и отчасти вместо, повышения цен применялись высокие налоги (в том числе военный и на холостяков, одиноких и малосемейных граждан) и сборы с населения. За годы войны были проведены четыре военных займа и четыре лотереи. Широко привлекались средства в Фонд обороны. Одновременно ограничивалась выдача вкладов из сберкасс и консервировались различные выплаты населению. В результате изъятия средств населения росли как в абсолютных размерах, так и относительно других статей доходов. Удельный вес налогов и сборов с населения в составе доходов государственного бюджета увеличился с 5,2% в 1940 г. до 12,3% в среднем за 1941—1945 гг. Соответствующие цифры по доходам от займов и лотерей составляли 6,3 и 11,2%. Удельный вес налога с оборота в доходах государственного бюджета упал с 58,7% в 1940 г. до 40,2% в среднем за 1941—1945 гг.[47]

Результатом такой финансовой политики стало существенное понижение уровня жизни народа, выносившего на своих плечах тяготы войны во всех их проявлениях. Отчасти изъятие значительной части доходов населения сдерживало инфляцию, возможное раскручивание спирали роста цен и зарплат и полного обесценения рубля. Вместе с тем рост цен оказался значительным. В государственной торговле цифры на ценниках увеличивались по ряду важных позиций. Повышение цен на водку проводилось трижды, из-за чего они превысили довоенный уровень в 7,5 раз. Вдвое подорожали в государственной торговле табачные изделия и парфюмерия[48]. В целом цены в государственной торговле за годы войны выросли вдвое. Огромным был рост в коммерческой торговле. Например, стоимость 1 кг сливочного масла в нормированной торговле в конце 1940 г. составляла 25 руб., а в коммерческой торговле в конце 1944 г. — 750 руб., стоимость мужского демисезонного пальто — 377 и 4 300 руб.[49] Быстрее всего росли цены на городских рынках. В 1942 г. по отношению к 1940 г. они увеличились в 7,5 раз, в 1943 г. — в 13, а в 1944 г. — в 10 раз[50]. Эти показатели свидетельствовали о существенном ослаблении рубля.

---

[47] Государственный бюджет СССР... С. 69—81.

[48] По страницам архивных фондов Центрального банка... С. 84.

[49] Советская жизнь. 1945—1953 / Сост. Е.Ю. Зубкова и др. М., 2003. С. 512—514.

[50] Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. 1941—1945. Статистический сборник. М., 1990. С. 193, 197.

В 1945 г. за счет расширения нормированного снабжения, распространения коммерческой торговли, роста налогообложения в деревне и других факторов цены на городских рынках по отношению к 1940 г. выросли значительно меньше, чем в предыдущие годы — в среднем в 5,5 раз[51]. Однако дальнейшее укрепление рубля затруднялось прежде всего по причине значительной эмиссии и ограниченности товарооборота. К концу 1945 г. излишек денег на руках населения оценивался в 35 млрд руб., что составляло 47% общей суммы денег в обращении[52]. Намечая меры финансового оздоровления в начале 1946 г., Наркомат финансов предложил руководству страны ряд мер. С одной стороны, речь шла о таких рутинных задачах, как увеличение выпуска товаров широкого потребления, расширение коммерческой торговли, заморозка фондов заработной платы, повышение рентабельности государственных предприятий. С другой — предлагалось изъятие «у отдельных групп населения конъюнктурных доходов военного времени»[53]. В последующий период эти меры послевоенной нормализации финансовой системы в той или иной степени проводились в жизнь. Наиболее радикальной из них стала денежная реформа 1947 г., благодаря которой из оборота оказались изъяты огромные излишки денег, накопленные населением в годы войны.

[51] Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне... С. 197; По страницам архивных фондов Центрального банка... С. 66—67.

[52] По страницам архивных фондов Центрального банка... С. 86.

[53] Докладная записка Наркомата финансов СССР И.В. Сталину о бюджете и денежном обращении во время войны от 8 января 1946 г. (РГАНИ, ф. 3, оп. 39, д. 49, л. 64—89).

Полковник Г.С. Иссерсон и его записка «О причинах и закономерностях военных событий июня 1941 года»

Алексей Кривопалов

Colonel G.S. Isserson and his note «On the causes and regularities of the military events of June 1941»

Alexey Krivopalov
(Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI 10.31857/S086956870010141-6

Георгий Самойлович Иссерсон (1898—1976) волею судеб не стал участником Великой Отечественной войны. Тем не менее ему довелось оказать значительное, хотя и косвенное влияние на успехи советского оружия. В 1920—1930-е гг. он входил в плеяду выдающихся военных интеллектуалов Советского государства. Именно ему принадлежала тогда ключевая роль в разработке теоретических основ советского оперативного искусства и в создании концепции глубокой наступательной операции.

Иссерсон с энтузиазмом принял большевистскую революцию, добровольцем пошёл в Красную армию, а по окончании Гражданской войны остался в её рядах, получив вскоре высшее военное образование. Во второй половине 1920-х гг. штабные работники новой формации, практически никак не связанные со службой Генерального штаба Императорской армии, вошли в состав советской элиты. Многим из них тогда не было и 30 лет. Когда М.Н. Тухачевский возглавлял Штаб РККА, Иссерсон уже занимал в нём должность заместителя начальника Оперативного управления (1926—1927). Вскоре он сосредоточился на преподавательской работе в Военной академии им. М.В. Фрунзе. В 1936 г., после открытия в Москве Академии

Генерального штаба, комбриг Иссерсон возглавил там кафедру армейских операций, а в 1938 г. занял должность профессора по кафедре оперативного искусства. Среди его учеников были А.М. Василевский, Н.Ф. Ватутин, А.И. Антонов, Р.Я. Малиновский, И.Х. Баграмян, М.В. Захаров, С.М. Штеменко, Л.М. Сандалов и др.

Как известно, в 1920—1930-е гг. все крупнейшие европейские армии искали выход из тупика фронтальности, характерного для Первой мировой войны, когда нередко оказывалось невозможным преодолеть сильно укреплённые позиции противника из-за того, что на очередном технологическом витке средства обороны далеко превзошли пробивную силу нападения. Наступательные операции обеих воюющих сторон на Западном фронте во Франции в 1915—1918 гг. сопровождались огромными безвозвратными потерями и не давали практически никакого результата за пределами переднего края оборонительной

© 2020 г. А.А. Кривопалов

линии противника. Предельная концентрация живой силы и тяжёлой артиллерии на узких участках фронта позволяла атакующим одерживать успехи тактического масштаба, но не обеспечивала даже самым многообещающим прорывам дальнейшего развития.

Решить эту проблему в странах Антанты рассчитывали в первую очередь с помощью техники, развернув в 1917—1918 гг. серийное производство танков, в Германии же меняли тактику, реорганизовывали и переучивали пехоту. Если в 1914—1916 гг. батальоны, делившиеся на роты и взводы, атаковали волнами стрелковых цепей, следуя за огневым валом артиллерии, то теперь немцы формировали из отделений самостоятельно действующие штурмовые группы (7—8 человек под командованием унтер-офицера). Смысл новой тактики заключался в просачивании, самостоятельном выявлении и подавлении огневых точек противника. Наступлению пехоты предшествовала краткая, но исключительно мощная артподготовка, для сохранения эффекта внезапности проводившаяся без предварительной пристрелки батарей. В ходе «инфильтрации» ударные группы тесно взаимодействовали со штурмовой артиллерией[1]. Однако, несмотря на отдельные яркие успехи, достигнутые германскими войсками на Западе в марте—июле 1918 г. и армиями стран Антанты — в ходе общего контрнаступления в августе—ноябре 1918 г., задача оперативного прорыва фронта по-прежнему оставалась неразрешённой.

В конечном итоге, когда осенью 1918 г. Германия рухнула от истощения своих моральных и материальных сил, её стратегический фронт так и не был сокрушён на поле боя. Маршал Ф. Фош смог лишь привести его в неустойчивое положение, хотя к концу 1918 г., помимо англо-французских контингентов, он получил в своё распоряжение около 2 млн американских солдат и офицеров. Под воздействием последовательных ударов, наносившихся на ограниченную глубину, германский фронт во Франции в течение пяти месяцев откатился в северо-восточном направлении на 100—150 км, но устоял и сохранил целостность. В 1920—1930-х гг. проблема осуществления прорыва неизменно оставалась узловой темой военно-теоретических работ. Теснейшим образом с ней были связаны и поиски оптимальных организационных форм управления крупными соединениями.

В военном искусстве XIX в. длившееся неделями и месяцами перемещение войск на театре боевых действий относилось к области стратегии, генеральное же сражение — кульминация всех марш-манёвров — разыгрывалось как одноактный чисто тактический эпизод, продолжавшийся от нескольких часов до нескольких дней. Промежуточные формы между тактикой и стратегий, по существу, отсутствовали. Для Наполеона и Г. фон Мольтке-старшего удачное завершение кампании зачастую было лишь производной от успеха первоначального стратегического развёртывания и победы в решающей битве.

Впоследствии, по мере развития вооружения, техники и коммуникаций, а также роста численности армий, на смену походу и венчавшей его баталии пришли операции, в которых множественные и протяжённые во времени боевые усилия распределялись по фронту и в глубину, охватывая всё пространство театра военных действий. При этом их последовательность становилась практически непрерывной. Таким образом, вместо бинарной системы, включав-

[1] *Lupfer T.T.* The Dynamics of Doctrine. The Changes in German Tactical Doctrine During the First World War // Leavenworth Papers. 1981. № 7.

шей тактику и стратегию[2], возникла триангулярная, где тактика обеспечивала победу в бою, стратегия отвечала за ведение войны, а оперативное искусство подчиняло к единой цели множество частных боевых столкновений на театре военных действий силы.

Опыт 1918 г. показал, что в новых технологических условиях ресурсы современной обороны позволяли успешно преодолевать даже очень серьёзные тактические неудачи. Под натиском атакующего фронт постепенно вдавливался, но сохранял оперативную целостность, а следовательно, и способность к сопротивлению. По мере продвижения вперёд наступавшие войска испытывали возраставшие материальные трудности вследствие дезорганизации их тылового обеспечения. Они стремительно сгорали на переднем крае фронта, а подтягиваемые из глубины резервы обороняющихся всякий раз восстанавливали систему огня, запечатывали намечавшиеся прорывы и не позволяли выйти на оперативный простор.

В послевоенные 20 лет французы сохраняли верность идее «методичного сражения» и организационным принципам 1918 г. Сомневаясь в возможности преодоления стратегического фронта противника при помощи одного или нескольких сокрушительных ударов и стремясь к минимизации потерь, они склонялись к стратегии измора в обороне и в ходе тщательно спланированных и хорошо подготовленных локальных наступательных операций с предельно централизованным управлением. Осуществляя взаимосвязанные дробящие удары на ограниченную глубину, пехота должна была продвигаться вперёд в сопровождении большого количества танков, прикрываясь валом артиллерийского огня[3].

Веймарская Германия, в отличие от Франции, в любой вероятной войне вынуждена была делать ставку на решительное наступление, поскольку Версальский мир лишил её границ, пригодных для статичной обороны, и на западе, и на востоке[4]. Уже в силу этого немцы оказались перед необходимостью ремилитаризации и подготовки к активным маневренным действиям[5].

Командование рейхсвера исходило из того, что для взлома позиционного фронта и последующего расширения прорыва до оперативных масштабов задействованным в этом соединениям помимо большой пробивной силы удара необходима ещё и высокая подвижность. После длительных экспериментов со штатами в 1935 г. немцам удалось создать практически универсальный инструмент маневренной войны — танковую дивизию. Она включала 3—4 батальона танков, 3—4 батальона мотопехоты, 3—4 дивизиона моторизованной артиллерии с мощными тягачами, а также разведывательные, вспомогательные и тыловые подразделения, насчитывая примерно 15 тыс. человек, 250—300 танков и 2—3 тыс. единиц колёсного автотранспорта. Такое соединение одинаково легко преодолевало тактическую зону обороны противника и развивало успех в его оперативной глубине — отражало контрудары, перехватывало и громило на марше резервы. Окончательную изоляцию поля боя должна была обеспечить

---

[2] Впервые оба этих явления описал Дитрих фон Бюлов в трактате 1799 г. «Дух новейшей военной системы».

[3] *Doughty R.A.* French Operational Art: 1888—1940 // Historical Perspectives of the Operational Art. Washington, 2005. P. 86—94.

[4] *Corum J.S.* The Roots of Blitzkrieg: Hans von Seeckt and German Military Reform. University Press of Kansas, 1994.

[5] *Свечин А.А.* Стратегия. М., 1927. С. 184.

авиация, которой предстояло атаковать как передовые позиции, так и резервы и коммуникаций в тылу врага[6].

Все компоненты танковой дивизии обладали исключительно высокой маршевой скоростью. Не уступали им в мобильности и облегчённые, не имевшие в своём штате танков, моторизованные дивизии. По расчётам «войскового управления»[7] использование в наступлении мобильных соединений создавало реальные предпосылки к успешному сокрушению даже очень мощного позиционного фронта. Примерно семикратная разница в подвижности танковых и пехотных дивизий порождала постоянное запаздывание контрмер обороняющейся стороны, которая в случае прорыва уже практически не имела шанса, как в 1918 г., запечатать образовавшуюся брешь подтянутой из резерва пехотой.

К схожим выводам пришли в 1930-е гг. и в СССР, где разрабатывали теорию глубокой наступательной операции. Отличия советского и германского подходов заключались лишь в нюансах. Если у немцев и взлом позиций, и глубокий прорыв осуществлял один эшелон мобильных соединений, то в Красной армии предпочитали двухступенчатое решение этих задач. Преодоление линии фронта возлагалось на так называемую ударную армию, объединявшую стрелковые корпуса, танковые бригады поддержки пехоты, инженерные войска и части тяжёлой артиллерии. А расширение пробитой бреши до оперативных масштабов достигалось с помощью ввода в неё высокомобильного «эшелона развития прорыва», состоявшего из механизированных корпусов и моторизованных кавалерийских дивизий.

Однако принципиальную роль в данном случае играли вовсе не различия в приёмах ведения операций. Вермахт безусловно опережал Красную армию в скорости внедрения новых организационных форм в текущую боевую учёбу войск, а также в практику подготовки штабов во всех звеньях командной цепочки. Таким образом, если немцы смогли воплотить свои замыслы в жизнь ещё до начала Второй мировой войны, то в Красной армии теоретические находки 1930-х гг. освоили лишь в середине 1940-х гг. Каскадом глубоких операций, проведённых на Восточном фронте с января 1944 по май 1945 г., бóльшая часть германской сухопутной армии была разбита и уничтожена.

Концепция оперативного искусства стала вершиной отечественной военной мысли XX в., её важнейшим самостоятельным достижением, во многом недооценённым и не понятым в нашей стране. В межвоенные годы ни французская, ни англо-американская, ни даже германская доктрины не содержали столь систематизированного учения об оперативном уровне войны. По словам Ш. Навэ, в западных армиях 1930-х гг. происходила «тактизация стратегии», возникавшая вследствие расширительного толкования тактики и потери из виду оперативно-стратегического горизонта вооружённой борьбы[8]. Характерно, что интеллектуальный приоритет советской военной науки в данной сфере в первую очередь был признан в американской историографии[9]. Б. Мэннинг, переводивший «Эволюцию оперативного искусства» Иссерсона на английский

---

[6] О задачах люфтваффе в рамках доктрины блицкрига подробнее см.: *Corum J.S.* Luftwaffe. 1939—1940 // Security and Defence Quarterly. 2013. № 1. P. 158—189.

[7] Так назывался в Веймарской Германии формально запрещённый, согласно Версальскому договору, Генеральный штаб.

[8] *Naveh S.* In Pursuit of Military Excellence. The Evolution of Operational Theory. L.; N.Y., 1997.

[9] Подробнее см.: *Howard J.R.* The Roots of Soviet Victory: the Application of Operational Art on the Eastern Front, 1942—1943. Fort Leavenworth (Kansas), 2003; Historical Perspectives of the Operational

язык, отмечал: «Эта книга больше, чем просто апология советской концепции глубокой наступательной операции, она создала военно-интеллектуальный прорыв своим критическим анализом эволюции военного искусства в историко-теоретической перспективе. Книга является образцом предвидения природы будущей войны. По сути, заключительные выводы Иссерсона могли быть поняты как теоретический образец тех принципов, в соответствии с которыми в 1941—1945 гг. на Восточном фронте в действительности проводились крупномасштабные операции»[10].

Иссерсон счастливо пережил апогей «большого террора» 1937—1938 гг., однако затем стремительный взлёт его карьеры сменился крутым пике. В декабре 1939 г. он был понижен в звании и должности, покинув пост начальника штаба 7-й армии из-за неудач в начальный период Советско-финской войны. 7 июня 1941 г. его арестовали и в начале 1942 г. приговорили к расстрелу как участника военного заговора. Впоследствии Военная коллегия Верховного суда СССР заменила ему высшую меру наказания десятью годами лагерей.

Полковник вышел на свободу в 1955 г. тяжело больным стариком. После реабилитации и восстановления в звании его тут же уволили в запас. Многое в жизни пришлось начинать заново. Крупные научные достижения и неформальное положение лидера советской военной науки остались позади. Великая Отечественная война прошла мимо. Он оказался в стороне от главного события в судьбе офицеров его поколения. Между тем бывшие ученики, ставшие прославленными генералами и маршалами, далеко опередили своего учителя на иерархической лестнице.

Став пенсионером, последние 20 лет жизни Иссерсон посвятил попыткам добиться уже не судебной, а профессиональной реабилитации. Он жаждал признания своего вклада в теорию глубокой наступательной операции и учение об оперативном искусстве. Однако за новые большие исследования более не принимался. Отчасти этому препятствовало подорванное в тюрьмах и лагерях здоровье, но сказывалось и то, что спрос на фундаментальные военно-научные труды в 1950—1970-е гг. стремительно снижался, а в тех, которые тогда публиковались, всё чаще доминировали идеологическая схоластика и партийный догматизм.

Иссерсон продолжал изредка печататься на страницах Военно-исторического журнала, выступал с докладами и лекциями в Военно-научном обществе, но в основном писал «в стол». Сохранились рукописи широко задуманного, но оставшегося не завершённым философского трактата «Введение в теорию познания»[11], а также размышлений о влиянии ядерного оружия на оперативные формы военного дела[12]. При жизни Иссерсона была напечатана лишь малая часть составленного им биографического очерка о М.Н. Тухачевском — «Судьба полководца»[13].

Art. Washington, 2005; *Harrison R.W.* Architect of Soviet Victory in World War II. The Life and Theories of G.S. Isserson. Jefferson (North Carolina), 2010.

[10] *Иссерсон Г.С.* Эволюция оперативного искусства. М., 1932; *Isserson G.S.* The Evolution of Operational Art. Fort Leavenworth (Kansas), 2013.

[11] РГВА, ф. 40871, оп. 1, д. 18.

[12] После смерти учёного в апреле 1976 г. данные материалы были переданы его вдовой Л.К. Чукреевой на архивное хранение и сегодня образуют значительную часть личного фонда Г.С. Иссерсона в РГВА.

[13] РГВА, ф. 40871, оп. 1, д. 30; *Иссерсон Г.С.* Записки современника о М.Н. Тухачевском // Военно-исторический журнал. 1963. № 4. С. 64—78.

В ноябре 1960 г. Иссерсон подготовил краткую (всего 12 машинописных страниц) заметку «О причинах и закономерностях военных событий июня 1941 г. в трактовке “Истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.”»[14]. Она фактически представляла собой полемику с первым томом официального издания Министерством обороны[15]. Даже в разгар хрущёвской «оттепели» и после опалы Г.К. Жукова подобный материал не имел шансов пройти через цензуру ГлавПУРа.

Критикуя утвердившийся к концу 1950-х гг. канон, Иссерсон утверждал: «Драма, разыгравшаяся в начале войны на нашем западном театре военных действий, имеет глубокие и сложные причины. К сожалению, наша послевоенная литература мало занимается их конкретным выяснением. А допускаемое упрощение только вредит раскрытию исторической правды. В решении этого большого вопроса у нас установился даже некоторый стандарт, которого придерживаются и авторы 1-го тома. Виновным во всех бедах, обрушившихся на нашу армию в начале войны, называют лишь одно имя Сталина, который не предвидел внезапного нападения Гитлера на Советский Союз... Таким образом, на одного Сталина возлагается вина в том, что мы в июне 1941 года оказались не готовыми встретить и отразить внезапное нападение врага, и этим исчерпывается вопрос о причинах наших поражений в начале войны»[16].

Иссерсон признавал «просчёты» Сталина, связанные с неверной оценкой «реальности и возможных сроков внезапного нападения на нас», однако настаивал на том, что высшее командование также должно нести ответственность за положение войск перед войной. Ведь даже «если бы у Сталина не было никаких просчётов, он всё равно мало что мог бы изменить в тяжёлом ходе событий в начале войны, если в решающие перед войной (38—40) годы Генеральный штаб не принял всех мер, чтобы обеспечить мобилизацию армии и держать её в оперативной готовности к вступлению в войну в любых условиях, которые ей могут быть навязаны, — ибо то, что происходит в начале войны, готовится задолго до её возникновения. Это и обязывает нас, говоря о событиях начального периода войны, прежде всего исследовать факторы, которые непосредственно определили мобилизацию, сосредоточение и стратегическое развёртывание нашей армии в июне 1941-го года»[17].

Иссерсон не сомневался в том, что «причины ослабления бдительности вооружённых сил, выразившиеся в её практической мобилизационной и оперативной неготовности, нужно искать в пределах самой военной системы, а не вне её, ибо бдительность, то есть готовность вступить в борьбу, есть требование, присущее самой природе армии в любой политической обстановке и вне оценки её тем или иным государственным деятелем. Если армия мобилизационно и оперативно не готова в любой момент вступить в войну, в каких бы условиях она ни была ей навязана, значит — в самой военной системе есть крупные недостатки». «Не допускаем ли мы тут, — размышлял полковник, — совершенно неприемлемую для нас аналогию с немецкими нацистскими генералами, которые в своих писаниях сваливают сейчас всю вину за проигранную

---

[14] РГВА, ф. 40871, оп. 1, д. 24.

[15] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. Т. 1—6. М., 1960—1965.

[16] РГВА, ф. 40871, оп. 1, д. 24, л. 2.

[17] Там же, л. 4—5.

войну на одного Гитлера, отводя от себя всякую ответственность за допущенные ошибки и просчёты. В грозных событиях войны никогда не может быть виновно лишь одно лицо, хотя бы и стоящее во главе власти»[18]. Более того, «возводить всю вину за события 1941 года на одного Сталина исторически неверно и, по существу, примитивно. Подобная точка зрения просто противоречит материалистическому пониманию истории и роли личности в ней. Если говорить о личности Сталина и его роли в Великой Отечественной войне, то нужно скорее говорить о той его деятельности как главы государства и верховного главнокомандующего, которая в тягчайшей обстановке привела к коренному перелому в ходе войны и к полной победе. Что же касается событий 1941-го года, то нужно иметь в виду, что ни один глава правительства, сколь гениален он бы не был, ничего не сможет сделать в начале войны, если у него до войны не было и к началу войны нет инициативного, умного, руководимого дальновидным прогнозом и передовой военной теорией Генерального штаба. Такого Генерального штаба накануне войны у Сталина не было и, к сожалению, в значительной степени по его собственной вине»[19]. При этом автор записки явно игнорировал непрочность институциональных позиций Генерального штаба внутри сталинской вертикали управления и подчинённое положение «мозга армии» и военно-стратегического планирования в условиях диктатуры.

Как считал Иссерсон, «перед каждым, занимающимся военно-историческим исследованием начального периода Великой Отечественной войны и спрашивающим себя, почему события 1941-го года приняли для нас сразу такой тяжёлый, драматический оборот, неизбежно встают два вопроса. Первый вопрос — почему наша армия оказалась в июне 1941-го года в мобилизационном и оперативном отношениях в такой неготовности и невозможности организованно вступить в борьбу и дать отпор напавшему врагу. Второй вопрос — как можно было в тяжелейшей обстановке, в которой война для нас началась, вырвать события из хаоса, в который они были ввергнуты внезапностью напавшего врага; ввести их в определённое русло, подчинить их определённой стратегической идее, придать таким образом событиям некий управляемый ход, создать организованный фронт и остановить нашествие врага на избранном стратегическом рубеже. Оба эти вопроса требуют своего ответа, и всякое военно-историческое исследование, которое их обходит, становится беспринципным. А разрешая эти вопросы, оно вместе с тем раскрывает причины: в первом случае — почему это произошло (то есть почему мы оказались неготовыми вступить в борьбу); а во втором случае — почему это не произошло (то есть почему мы не могли подчинить ход событий своей целеустремлённой воле и не остановили нашествие врага). Не задаваться этими вопросами — значит встать на совершенно неприемлемую для исторического материализма и в корне порочную точку зрения, которая сквозит в высказываниях ряда наших авторов, в том числе и авторов 1-го тома Истории Великой Отечественной войны..., и заключается в том, что всё, что произошло в 1941-ом году в начале войны; в условиях той обстановки, в которой оно произошло, — было неизбежно и не могло быть иначе. Во всяком случае, все причины, которые выискивают авторы 1-го тома[20] (и просчёты Сталина, и проблемы нашей оперативной подготов-

[18] Там же, л. 3.
[19] Там же, л. 4.
[20] В рукописи Иссерсон ссылался на с. 479 рассматриваемого тома.

ки, и недостатки в организации обороны западной государственной границы СССР, и стратегическая внезапность нападения и т.д., и т.п.) должны как будто оправдать эту точку зрения и доказать, что в тех условиях, в которых война для нас началась, — все беды 1941-го года должны были наступить автоматически. *Ненаучная это точка зрения*»[21].

Иссерсон исподволь указывал на опасную инерцию советского военно-стратегического планирования, остававшегося в своих ключевых аспектах неизменным, начиная с 1925 г.[22] По его словам, «причины событий 1941-го года уходят своими корнями в те решающие перед войной (38—40-ые) годы, когда окончательно уточнялись наши мобилизационные и оперативные планы и когда наш фронт развёртывания был вынесен вперёд на территорию Западной Белоруссии и Западной Украины, что совершенно изменило условия мобилизационной и оперативной готовности наших пограничных войск»[23].

В результате «приграничные войска были на линии Западного Буга в сущности открыто подставлены удару, оставаясь ничем не обеспеченными ни в мобилизационном, ни в оперативном, ни в военно-инженерном отношениях». «Речь идёт здесь, разумеется, не о том, что не следовало занимать Западной Белоруссии и Западной Украины, — пояснял полковник, — в политической обстановке 1939-го года это было совершенно необходимо и стратегически выгодно. Но всякое вынесение вперёд линии развёртывания является серьёзным, большим стратегическим актом, требующим немедленного принятия ряда практических мер в области мобилизации, сосредоточения, инженерного обеспечения и принятия соответствующей оперативной группировки дислокации. Однако в этом отношении практически ничего не было сделано, и авторы 1-го тома И[стории] В[еликой] О[течественной] В[ойны] это в скрытом виде признают, предъявляя ряд серьёзных обвинений Генеральному штабу»[24].

Традиционно большие сроки советской мобилизации и негибкость плана стратегического развёртывания, ещё как-то допустимые, пока противником являлась Польша, после её разгрома и поглощения Германией стали смертельно опасны. Между тем «выдвижение вперёд нашей линии развёртывания без принятия цельной системы мер обеспечения этой стратегической акции» свелось «к простому перенесению дислокации приграничных войск из казарм на Березине в казармы на Буге». Именно «это и поставило наши лучшие приграничные войска в невыносимое положение, подставив их в июне 1941-го года под внезапный удар в неотмобилизованном виде, в казарменном или лагерном расположении, без всякой оперативной группировки и без возможности опереться на укреплённые районы, в то время как оставленные позади укреплённые районы были разоружены». «Поэтому, — заключал Иссерсон, — если говорить о главном просчёте, как об одной из основных причин тех бедствий, которые постигли нашу несомненно хорошую армию в первый период войны, то этот просчёт был сделан именно Генеральным штабом в решающие 39—40 годы. Ибо не ждать внезапного стратегического нападения со стороны фашисткой Германии после всего того, что произошло в 39—40 годах в Польше, Норвегии,

---

[21] РГВА, ф. 40871, оп. 1, д. 24, л. 6—7. Фраза, выделенная курсивом, в записке подчёркнута.

[22] Подробнее см.: *Кен О.Н.* Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х — середина 1930-х гг.). М., 2008. С. 33.

[23] РГВА, ф. 40871, оп. 1, д. 24, л. 8.

[24] Там же, л. 9.

Франции и на Балканах; не готовить свой стратегический фронт и свои вооружённые силы к такой возможности вне зависимости от того, каковы соображения по этому поводу правительственных кругов и в данном случае Сталина; сохранять беспечное спокойствие в тиши Генерального штаба и без всякого стратегического предвидения взирать на бурю, которая в Европе бушевала уже у самых наших границ, — это, конечно, могло быть присуще только беспечности и недальновидности, столь недопустимым на высшем стратегическом посту в армии»[25].

Конечно, настаивал Иссерсон, «нужно всегда иметь в виду, что крупные события войны никогда не являются следствием одной причины или вины одного человека. Но в данном случае речь идёт только о тех допущенных перед войной просчётах и недальновидности, следствием которых была мобилизационная и оперативная неготовность наших передовых армий, за что Генеральный штаб нёс прямую ответственность. Но более того; когда война уже грянула и приняла сразу столь грозный оборот, разве не следовало, осознав допущенные просчёты, искупить их обязанностью подать разумный стратегический совет, как вывести не готовые к бою приграничные войска из-под удара, как и где организовать отпор нашествию врага. Но это также не последовало и ввергло ход событий в неуправляемый и тяжёлый хаос»[26]. Между тем, если с осени 1939 г. до лета 1941 г. ещё имелось время для реализации каких-либо альтернативных решений, то когда оно истекло, и немцы, упредив Красную армию в мобилизации и сосредоточении, добились самых благоприятных условий для начала боевых действий, катастрофа приграничного сражения становилась неотвратимой. И ни Сталин, ни Генеральный штаб уже практически ничего не могли предпринять для спасения войск западных округов от разгрома.

В послевоенные десятилетия от маршалов и генералов победоносной Советской армии сложно было ожидать энтузиазма в работе над ошибками. Обычно лишь побеждённые бывают по-настоящему проницательны и самокритичны. Государственная власть, ревниво оберегавшая репутацию армии, также не желала широких дискуссий о причинах поражений 1941 г. и тем более — поимённого установления виновных, чего добивался Иссерсон. «За конкретными фактами, — напоминал он в своей записке, — стоят конкретные личности. В задачи истории входит как одно из требований давать этим личностям объективно правильную оценку в свете вскрывшихся событий. История — суровый предмет. Вскрывая факты, она находит их виновников и призывает к ответственности каждого, кто за происшедшие события в ответе. Если история этой задачи не выполняет, она теряет свою поучительность. Так не следует ли такому значительному историческому изданию, как И[стория] В[еликой] О[течественной] В[ойны] эту задачу выполнить и назвать конкретного виновника той драмы, которая разыгралась на театре военных действий в начале войны, не прикрываясь именем Сталина; и не нужно ли отбросить точку зрения тех авторов, которые обходят этот вопрос, оказывая очень плохую услугу истории, которая должна учить и предостеречь от подобных ошибок, дабы 1941 год никогда больше не повторился»[27].

---

[25] Там же, л. 10.
[26] Там же, л. 11.
[27] Там же, л. 11—12.

Отвергая официальную версию событий предвоенного периода, чётко разделяя политические и оперативно-стратегические предпосылки катастрофы и прямо связывая её с мобилизационными и оперативными планами, составленными в 1939—1941 гг., Иссерсон, по существу, шёл даже дальше, чем А.М. Некрич в его новаторской для своего времени работе[28].

Фактически вина за поражения советских войск возлагалась в записке на маршала Б.М. Шапошникова, возглавлявшего Генеральный штаб в 1937—1940 гг. (хотя прямо он назван не был). Именно ему осенью 1939 г., после изменения западной границы СССР, предстояло определить основные направления стратегической подготовки к неизбежному столкновению с Германией. Сменившие его К.А. Мерецков и Г.К. Жуков во многом являлись заложниками решений своего предшественника. Основы мобилизационного развёртывания армии ими не пересматривались.

Однако, выдвигая свои обвинения, автор записки явно не был свободен от личных пристрастий и давних счётов. Талантливый, но излишне резкий в суждениях, упрямый и заносчивый Иссерсон относился к числу «трудных подчинённых». В середине 1920-х гг. он быстро настроил против себя Тухачевского[29], а в середине 1930-х гг., работая в центральном аппарате Генерального штаба, вступил в конфликт со своими непосредственными начальниками — комкорами В.Н. Левичевым и С.А. Межениновым[30]. С Шапошниковым — признанным «патриархом» советской штабной службы — у главного теоретика глубокой наступательной операции ещё в начале 1930-х гг. возникли достаточно острые профессиональные разногласия. Иссерсон служил тогда преподавателем и адъюнктом Военной академии, которой руководил Борис Михайлович[31].

В 1960 г. полковник заявлял, что советская стратегия обязана создать для внешней политики действенную опору, но не указывал, каким именно способом. Иссерсон также писал о необходимости заблаговременно противопоставить немцам на передовом рубеже организованный фронт, хотя в реальности подобные контрмеры было практически невозможно предпринять при существовавшей в Красной армии схеме мобилизационного развёртывания.

В июне 1941 г., как и в 1920—1930-е гг., вооружённые силы СССР оставались типичной массовой, т.е. кадрово-резервной армией. Для того, чтобы развернуть свои главные силы с соответствующими тылами и средствами усиления, ей требовалось пройти через длительный период мобилизации и сосредоточения. Скорость доведения кадрированных дивизий до штатов военного времени за счёт призыва из запаса обученных резервистов, а затем перемещения этих войск на театр военных действий, в конечном итоге определяла то, как быстро стратегия могла откликнуться на изменившиеся внешнеполитические условия. Для России с её огромными пространствами, недостаточно развитыми коммуникациями и относительно низкой плотностью населения эти сроки традиционно были очень большими.

К 22 июня 1941 г. Красная армия насчитывала 4 826 тыс. человек (в том числе 74 945 военнослужащих и военных строителей в формированиях гражданских ведомств), объединённых в 79 авиационных и 303 стрелковые, танко-

---

[28] *Некрич А.М.* 1941. 22 июня. М., 1965.
[29] *Harrison R.W.* Op. cit. P. 43.
[30] Ibid. P. 150—151.
[31] Ibid. P. 168.

вые, механизированные, мотострелковые, кавалерийские дивизии[32]. Если бы в июне 1941 г. Советский Союз успел завершить общее мобилизационное развёртывание, под ружьём оказалось бы 8 682 827 человек. По сравнению с 1 сентября 1939 г. численность войск увеличилась более чем в 2,5 раза, однако этот рост достигался в первую очередь за счёт наращивания численности кадрированных соединений. Способность советских вооружённых сил действовать, не прибегая к экстраординарным мобилизационным приготовлениям, по-прежнему оставалась крайне ограниченной.

Между тем в 1940 г. вышла в свет последняя большая книга Иссерсона «Новые формы борьбы»[33]. В ней анализировался опыт гражданской войны в Испании 1936—1939 гг. и Сентябрьской кампании 1939 г. в Польше и, в частности, рассматривались новые оперативные приёмы преодоления позиционного тупика и способы целенаправленного смещения в мирное время значительной части военных приготовлений для упреждающего и скрытного создания фронта вторжения. Вдумчивое изучение подготовки немцев к Польской кампании позволяло обнаружить несомненную пользу от постоянного содержания половины расчётного состава вермахта в штатах военного времени. В результате Германия смогла собрать и двинуть в бой силы, достаточные для разгрома и оккупации Польши, не объявляя мобилизацию, которая сигнализировала бы полякам о надвигавшейся на них угрозе. Более того, Иссерсон делал достаточно прозрачный намёк на то, что при неблагоприятном стечении обстоятельств Советский Союз рискует также оказаться застигнутым врасплох и повторить, в многократно увеличенном масштабе, польскую драму.

Весной 1941 г. в положении СССР и Германии существовала важная стратегическая асимметрия. Армия Гитлера не нуждалась в мобилизационном развёртывании. Вермахт уже находился на положении военного времени, имел полную штатную численность дивизий, необходимые средства усиления и организованный тыл. Чтобы вступить в войну с Советским Союзом, немецким генералам следовало просто передислоцировать на восток и скрытно разместить в приграничных районах намеченные по плану «Барбаросса» ударные группировки.

В то же время лишь немногие советские дивизии в приграничной полосе были на постоянной основе укомплектованы близко к штатам военного времени. Именно из них на западном стратегическом направлении перед войной формировался старомодный эшелон прикрытия, занимавший линию укрепрайонов и призванный обеспечить беспрепятственное сосредоточение войск в момент перехода от мирного состояния к военному, когда Красная армия была наиболее уязвима. Однако противостоять главным силам противника в приграничном сражении он был заведомо неспособен.

Весной—летом 1941 г. советские мобилизационные приготовления начались с безнадёжным опозданием. В результате запоздалых и половинчатых мер, принятых в мае—июне, к началу войны группировка, собранная на передовом рубеже, находилась в состоянии незавершённого развёртывания. Значительная часть входивших в неё дивизий оставалась неотмобилизованной. Сама эта группировка не имела ни наступательной, ни оборонительной конфигурации,

---

[32] *Веселов В.А.* Состояние вооружённых сил Советского Союза перед Великой Отечественной войной // Великая победа: историческое значение и современность. Тверь, 2000. С. 34.

[33] *Иссерсон Г.С.* Новые формы борьбы. М., 1940.

находясь перед лицом заранее развёрнутых главных сил противника. Дивизии вторых эшелонов приграничных округов, хотя и были скрытно пополнены в ходе «больших учебных сборов», маскировавших частичную мобилизацию, находились слишком далеко от границы.

Но для того, чтобы в 1939—1941 гг., при резко возросшей опасности войны, постоянно содержать на западном направлении заранее развёрнутый стратегический фронт, способный выдержать встречное сражение с главными силами вермахта ещё до подхода поднимаемых по мобилизации резервных соединений, Советскому Союзу требовалось постоянно иметь на границе в штатах военного времени десятки дивизий вместе со средствами их усиления. Оперативную готовность армии «к вступлению в войну в любых условиях, которые ей могут быть навязаны», на необходимости которой настаивал Иссерсон, по-другому обеспечить было просто нельзя. Соответственно, данный передовой эшелон пришлось бы, по сути, исключить из общего мобилизационного расписания. При этом людей, технику и запасы вооружения для его создания в реальности можно было высвободить лишь за счёт радикального сокращения численности кадрированных дивизий. Ничего подобного советские планы 1939—1941 гг., как известно, не предусматривали[34].

Такая мера, будь она предпринята, потребовала бы полной и радикальной перестройки всей организационной структуры Красной армии, причём в предельно сжатые сроки. Она повлекла бы за собой резкое сокращение количества кадрированных соединений, игравших роль структурного каркаса развёртываемой по мобилизации массовой армии, для создания ограниченного числа дивизий постоянной готовности. В военном строительстве подобные импровизации могут иметь самые тяжёлые последствия. Потребовался бы разрыв с предшествовавшей 80-летней традицией строительства вооружённых сил по кадрово-резервному принципу и слом — буквально на пороге войны — пусть и не соответствовавшей обстановке, но привычной и всё ещё вполне работоспособной схемы всеобщей мобилизации и связанного с ней плана стратегического развёртывания. Столь фундаментальная и рискованная реконструкция нуждалась в санкции не Наркомата обороны и Генерального штаба, а высшего политического руководства и лично Сталина.

Вторжение же военных в сферу ответственности партийной власти могло иметь для них самые трагические последствия. В 1937—1938 гг. Сталин ясно дал понять, что ни при каких обстоятельствах не потерпит подобной дерзости, а потому лишний раз указывать на ненадёжность пакта о ненападении с Германией или настаивать на необходимости серьёзной реорганизации Красной армии было смертельно опасно. От высшего командования, только что подвергнутого децимации и запуганного, не следовало ожидать нестандартных решений, самостоятельных оценок или инициатив.

Как бы то ни было, несмотря на спорность некоторых суждений Г.С. Иссерсона, его наблюдения по-прежнему представляют несомненный интерес для историков. Помимо прочего, они показывают, как в 1950—1980-х гг. могло бы развиваться критическое осмысление опыта Великой Отечественной войны, если бы позднесоветская военно-историческая школа опиралась на научно-теоретические достижения 1930-х гг.

---

[34] Подробнее см.: 1941 год — уроки и выводы. М., 1992; 1941 год. Кн. 1—2. М., 1998; 1941: документы и материалы. К 70-летию начала Великой Отечественной войны. Т. 1—2. СПб., 2011.

Документы РГВА об акциях сопротивления «восточных рабочих» в Третьем рейхе

Владимир Коротаев

RSMA historical records about eastern workers' (ostarbeiters) acts of resistance in the Third Reich

Vladimir Korotaev
(Russian state military archive, Moscow)

DOI 10.31857/S086956870010142-7

Изучение проблемы «восточных рабочих» («остарбайтеров») в нацистской Германии остаётся актуальным и в настоящее время как в гуманитарном, так и в историческом аспектах. Есть несколько причин, позволяющих утверждать, что эта тема, несмотря на серьёзные аспекты, различные исторические изыскания и публикации, не является до конца исследованной.

Количество советских граждан, работавших в промышленности и сельском хозяйстве Третьего рейха, исчислялось миллионами[1]. Установить судьбы такого огромного числа людей и жизненные коллизии, с ними происходившие, — задача чрезвычайно трудная и, как это ни печально, почти невыполнимая. Другой, тоже серьёзной причиной, препятствующей всестороннему и объективному исследованию данной проблемы, являются фрагментарность документов, их разбросанность по различным архивам и фондам. Многие материалы были уничтожены во время войны[2].

Документы об угнанных советских гражданах хранятся во многих отечественных и зарубежных архивах, в том числе в РГВА (речь идёт, в первую очередь, о материалах немецкого происхождения). Введение их в научный оборот стало осуществляться в начале 1990-х гг. До этого в Советском Союзе тема «восточных рабочих» в Третьем рейхе была табуированной. Сегодня процесс рассекречивания соответствующих архивных документов ещё не закончен. Во многом это обусловлено ограниченными техническими возможностями архивов, а также усложнённой процедурой рассекречивания. Например, один из интереснейших источников — имеющиеся во многих архивах (государственных, ФСБ) фильтрационно-проверочные дела — в ряде случаев находятся на закрытом хранении.

© 2020 г. В.И. Коротаев

[1] По оценке западного историка А. Даллина, летом 1944 г. в рейхе насчитывалось 2 792 699 «восточных рабочих». Всего же, по мнению российского историка П. Поляна (при учёте гражданских лиц, вывезенных Румынией и Финляндией), их было не менее 3,2 млн человек (*Полян П.* Жертвы двух диктатур. М., 2002. С. 132). В трофейных немецких фондах РГВА мной обнаружено дело, содержащее статистические данные за 1943 г., составленные статистическим центром германского трудового фронта. Сведения касаются всех категорий иностранных рабочих, занятых в промышленности нацистской Германии, в том числе и «остарбайтеров» (с разбивкой по национальностям). В октябре 1943 г. в 20 741 лагере находились 970 тыс. восточных рабочих, в том числе 4 781 896 мужчин и 480 164 женщины. (РГВА, ф. 504к, оп. 4, д. 291, л. 108).

[2] Согласно обнаруженному мной приказу рейхсфюрера СС от 5 февраля 1944 г., «вражескими силами в РСХА уничтожена центральная картотека по учёту иностранных (польских и восточных) рабочих (по этой причине на местах следует составлять 1 экз. карточки, не присылая 2 экз. в РСХА)» (Там же, оп. 2, д. 7, л. 39).

В РГВА в десятках фондов немецкого происхождения есть немало содержащих необходимые сведения документов. Их изучение затруднено из-за «распылённости» информации по многим фондам и тысячам различных дел. Несмотря на частичное использование этих сведений отечественными и зарубежными исследователями, многие архивные материалы ещё не введены в научный оборот. Для проведения комплексного выявления интересующих нас документов потребуется много сил и времени.

В архиве среди немецких материалов периода нацистской Германии имеются касающиеся конкретных персоналий документы (трудовые книжки, карточки иностранных рабочих, медицинские свидетельства, истории болезней и т.д.); нормативные акты (приказы, циркуляры, распоряжения, инструкции) и статистические материалы; полицейские розыскные списки; документы Главного управления имперской безопасности (РСХА). Особый интерес представляют следственные дела, связанные с побегами, фактами саботажа, антифашистской пропагандой и организованным сопротивлением «остарбайтеров».

Одной из форм их протеста, а иногда и актом отчаяния, нежеланием работать в нечеловеческих условиях, являлись побеги. Они принимали массовый характер, даже несмотря на очевидную бесперспективность попыток пробраться через вражескую территорию к «своим» или, в крайнем случае, к партизанам. Об этом свидетельствуют имеющиеся в архиве многочисленные немецкие документы: розыскные списки; циркуляры полиции безопасности (гестапо) и Службы безопасности рейхсфюрера СС (СД) на бежавших иностранных рабочих[3] и лиц, подлежавших аресту[4]; донесения гестапо г. Штеттина о случаях побегов «восточных рабочих» с целью присоединения к партизанским отрядам[5]; списки бежавших из трудового лагеря фирмы «Сименс»[6] и др. Как правило, все попытки побегов заканчивались поимкой беглецов и их последующим жестоким наказанием. В соответствии с циркуляром IV Управления РСХА от 13 июля 1943 г. под термином «побег» подразумевался любой случай невозвращения рабочего на своё место (в частности из отпуска), а также его несанкционированный уход с работы[7].

Согласно приказу начальника полиции и СД от 17 декабря 1942 г., беглых «остарбайтеров», нанёсших ущерб рейху (и даже не сделавших этого), отправляли в концлагерь[8]. Так, Василий Тихончук, совершивший побег в августе 1942 г., был пойман и отправлен в концлагерь Заксенхаузен[9].

Несколько либеральнее было сформулировано отношение к бежавшим рабочим в циркуляре от 24 апреля 1944 г. (видимо, из-за возраставшего тогда в рейхе дефицита рабочей силы). В документе указывалось, что пойманных беглых «восточных рабочих», чьи имена и места работы не удалось сразу установить, надлежало помещать в трудовые лагеря (до выяснения необходимых сведений). Если расследования не давали положительных результатов, беглецов отправляли в концлагеря[10]. Например, Владимир Дмитриев и Владимир

---

[3] Там же, ф. 1323к, оп. 1, д. 62, 63; и др.
[4] Там же, оп. 2, д. 86; и др.
[5] Там же, ф. 503к, оп. 1, д. 20, 29, 30, 33.
[6] Там же, ф. 1367к, оп. 1, д. 26.
[7] Там же, ф. 504к, оп. 2, д. 7, л. 111—114.
[8] Там же, ф. 1164к, оп. 1, д. 1, л. 2.
[9] Там же, д. 81.
[10] Там же, ф. 504к, оп. 2, д. 7, л. 77—79.

Слесарев стали заключёнными Бухенвальда за побег и отказ сообщить о своих местах работы[11].

В то же время, судя по имеющимся следственным делам, в концлагерь могли отправить беглеца сразу же после его поимки (без содержания в трудовом лагере). Так, в деле № 24 фигурирует Анатолий Заболоцкий, покинувший своё рабочее место в сентябре 1944 г. За уход с работы и снятие нашивки «восточный рабочий» его сразу же направили в концлагерь Заксенхаузен[12].

Уже в первой половине 1942 г. в Берлин начали поступать донесения о распространении на территории Германии и оккупированных ею стран антифашистских листовок и воззваний. Содержание многих листовок было заимствовано в основном из передававшихся по лондонскому и московскому радио новостей, в первую очередь с фронтов. Так, сообщалось о распространении среди угнанных советских граждан лагеря Форбрух издававшегося в Стокгольме и содержавшего сведения о положении на Восточном фронте «Бюллетеня советской прессы» (донесение гестапо г. Штеттина)[13]; в лагерях для «остарбайтеров» в Вюртемберге — советских антифашистских листовок восточным рабочим Михаилом Орловым (справка РСХА от 23 июня 1943 г.)[14].

Иногда среди документов встречаются самодельные рукописные листовки, содержащие эмоциональные призывы к борьбе против фашизма. В качестве примера — написанное в стихотворной форме письмо-воззвание из г. Меггена, адресованное Марии Маловой в г. Штаргарде и ставшее известным в одном из трудовых лагерей[15]. Естественно, подобные акции оказывались в центре внимания гестапо.

Впрочем, преступлением нацисты считали не только распространение листовок и новостей вражеского радио, но и передачу нежелательных сведений через обычную переписку. Последняя тщательно проверялась цензурой. Например, в письме Анны Устименко родителям (часть послания была написана молоком) сообщалось о вызванных налётами английской авиации разрушениях в Эссене, Кёльне, Дортмунде, Дуйсбурге. «Я рада, — написала Анна, — что наш город (Эссен) уже разрушен». За эту фразу её арестовали, сначала содержали в тюрьме Эссена, а затем направили в концлагерь Равенсбрюк[16].

Среди материалов фонда «Документальные материалы полицейских органов Германии на советских и польских граждан, находившихся в Германии до конца Второй мировой войны в немецко-фашистском плену» имеются архивно-следственные дела на «восточных рабочих», обвинявшихся в различных преступлениях, в том числе саботаже, вредительстве, уклонении от принудительных работ. В частности есть следственные дела на рабочих: Павел Лазоренко — отказался от работы и нанёс травмы немцу-мастеру[17]; Михаил Ярёменко — не стал работать сам и призвал других «остарбайтеров» последовать его примеру[18]; Андрей Грецак (арестован в феврале 1941 г.) — за отказ выполнять работу был отправлен в лагерь строгого режима[19].

---

[11] Там же, ф. 1164к, оп. 1, д. 20.
[12] Там же, д. 24.
[13] Там же, ф. 503к, оп. 1, д. 446, л. 2; д. 467, л. 46.
[14] Там же, оп. 4, д. 139, л. 55.
[15] Там же, оп. 1, д. 645, л. 1—2.
[16] Там же, ф. 1164к, оп. 1, д. 85.
[17] Там же, д. 49.
[18] Там же, д. 101.
[19] Там же, д. 19.

Наряду с индивидуальными и стихийными акциями протеста предпринимались и попытки организованного сопротивления «восточных рабочих». Представление о характере и размерах наиболее значительных подпольных организаций советских людей, действовавших на территории Германии в конце 1943 г. — первой половине 1944 г., даёт составленная РСХА секретная «Сводка ликвидированных и обнаруженных в 1944 г. групп нелегальных коммунистических организаций среди восточных рабочих и советских военнопленных в империи». В этом документе речь идёт, естественно, лишь о тех организациях, которые нацистам удалось выследить.

В ежедневных донесениях гестапо г. Штеттина, направленных в IV управление РСХА в Берлин, сообщалось, что в течение апреля—июня 1944 г. были арестованы 64 члена антифашистской организации «восточных рабочих» «Искра». Подпольная организация, состоявшая из небольших групп, действовала в округах Штольп, Кёльн, Лауденбург, в г. Штеттине и ставила своей задачей «пробиться с боями на соединение с партизанами в районе Белостока». Также указывалось, что члены всех групп принимали присягу, заполняли анкеты, где сообщали собственные биографические данные, адреса родственников и прилагали свои фотографии. Согласно донесениям, помощь организации оказывала гражданка Германии (русская по национальности), которая поддерживала рабочих продуктами и организовывала прослушивание радиопередач московского радио[20].

В октябре 1944 г. главный прокурор судебной палаты в Берлине начал следствие по делу членов «Национального комитета свободной Германии Вилли Хильшера и Артура Матнора, обвинявшихся в государственной измене и приговорённых к смертной казни за создание антифашистских групп среди восточных рабочих, находившихся в лагерях под Берлином»[21].

Ещё одно следственное дело касалось «остарбайтеров» Александра Колбасана и Ирины Орловой, работавших на военном заводе «Райнметалл Борзиг АГ» в Берлине в 1942—1943 гг. и участвовавших в деятельности нелегальной группы, организованной немецкими коммунистами Фрицем Любеном и Отто Хазе. Члены этой группы распространяли листовки, прослушивали передачи лондонского радио и занимались организацией саботажа на производстве. Любена и Хазе приговорили к смертной казни, Колбасана — к семи, Орлову — к двум годам тюремного заключения[22].

В целом обнаруженные в различных немецких фондах РГВА документы — это небольшое, но ценное дополнение к известному комплексу архивных материалов по проблеме, детальное исследование которой, безусловно, будет продолжено.

---

[20] Там же, ф. 503к, оп. 1, д. 29, л. 18, 19, 21, 24—26, 28, 29.
[21] Там же, ф. 1361к, оп. 1, д. 3505.
[22] Там же, оп. 2, д. 21.

У истоков советско-французского военного сотрудничества: миссия Б.М. Симонова во Франции (1932—1933 гг.)

Александр Вершинин

Origins of the Soviet—French military collaboration: B.M. Simonov's mission to France (1932—1933)

Aleksandr Vershinin
(Lomonosov Moscow State University, Russia)

DOI 10.31857/S086956870010143-8

«Невероятный союз» — так современные историки часто характеризуют попытки советско-французского сближения в межвоенный период. Несмотря на столь однозначную формулировку, причины неудачи этого процесса по сей день остаются одной из острых тем дискуссии о предыстории Второй мировой войны. Этот интерес понятен. Потенциальный военно-политический блок СССР и Франции, по замечанию французского историка Ф. Гельтона, в 1930-х гг. «наверняка изменил бы ход истории»[1]. «Только Советский Союз мог обеспечить возможность войны на два фронта, необходимую для того, чтобы гарантировать безопасность Франции», — поясняет эту мысль британский исследователь З. Штайнер[2].

Однако вопрос о степени готовности двух сторон к созданию полноценного союза по типу франко-русского альянса накануне Первой мировой войны пока не нашёл ответа. Отечественная историография традиционно возлагала ответственность за провал переговоров на французскую сторону. Советские историки утверждали, что внешняя политика Парижа, обусловленная классовыми интересами буржуазии, преследовала цель направить гитлеровскую агрессию на Восток. Официозная «История Второй мировой войны» отмечала: «Курс на франко-советское сотрудничество против агрессии натолкнулся на противоположную тенденцию — антисоветского сговора с Германией. Его активно поддерживали французские политические деятели и дипломаты, связанные с крупнейшими металлургическими и химическими монополиями, которые были заинтересованы в получении больших прибылей от перевооружения Германии и руководствовались антисоветскими устремлениями»[3]. Схожую точку зрения выражали и другие историки, хотя в целом проблематика европейской безопасности в первой половине 1930-х гг. оказалась на периферии их внимания по сравнению с сюжетами 1938—1939 гг.

© 2020 А.А. Вершинин

Статья подготовлена при содействии гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских учёных — кандидатов наук (проект МК-6084.2018.6).

[1] *Guelton F.* Les relations militaires Franco-Soviétiques dans les années trente // La France et l'URSS: dans l'Europe des années 30 / Dir. de M. Narinski, E. du Réau, G.-H. Soutou, A. Tchoubarian. P., 2005. P. 72.

[2] *Steiner Z.* The triumph of the Dark. European international history, 1933—1939. Oxford, 2011. P. 408.

[3] История Второй мировой войны в 12 томах. Т. 1. М., 1973. С. 285.

Российские исследователи во многом скорректировали взгляды своих предшественников. Так, А.В. Шубин отметил объективную обоснованность взятого Францией курса на сближение с СССР и подчеркнул, что его провал стал результатом обстоятельств, во многом не зависевших от Парижа[4]. Ту же мысль выразил М.И. Мельтюхов[5]. С другой стороны, опираясь на новые архивные источники, исследователи начинают переосмыслять суть советской внешней политики на европейском направлении. Так, С.З. Случ подчеркнул сложность международной игры, которую с начала 1930-х гг. вела Москва. По его мнению, курс на союз с западными демократиями никогда не рассматривался Кремлём как безусловный. И.В. Сталин не оставлял попыток так или иначе прийти к нормализации отношений с Германией. Предотвращение военной угрозы не рассматривалось руководством СССР как самоцель и всегда соотносилось с внешнеполитическим интересом — в том его виде, в каком его понимал прежде всего сам Сталин[6]. Однако и современные российские историки концентрируются на событиях последних предвоенных лет. Первые попытки СССР договориться с западными демократиями, пришедшиеся на 1930—1935 гг., остаются малоизученными.

В зарубежной историографии также затронута проблематика советско-французского сотрудничества[7]. Наглядно показано, что, несмотря на перспективы нормализации двусторонних отношений с последующим выходом на рабочее взаимодействие, существовали фундаментальные ограничения, мешавшие реальному сближению. В их числе — идеологические противоречия, сдержанность французского общественного мнения и элит, внутриполитические проблемы Третьей республики, отсутствие у лиц, принимавших внешнеполитические решения, адекватной информации о Советском Союзе и целях его руководства[8].

Однако большинство зарубежных исследований посвящено объяснению того, почему французская сторона не смогла или не пожелала выстроить партнёрские отношения с СССР. В том, что касается позиции советского руководства, до сих пор немало белых пятен. Несмотря на ряд работ, написанных на материалах российских архивов[9], до сих пор нет цельной картины мотивов, которыми руководствовалась Москва в выстраивании отношений с Парижем. Особое место занимает вопрос о военном сотрудничестве между двумя странам.

---

[4] *Шубин А.В.* Мир на краю бездны. М., 2004. С. 169—172.

[5] *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина. М., 2000. С. 37.

[6] *Случ С.З.* Сталин и Гитлер, 1933—1941: расчёты и просчёты Кремля // Отечественная история. 2005. № 1.

[7] Les relations Germano-Soviétiques de 1933 a 1939 // Coord. J.-B. Duroselle. P., 1954; *Duroselle J.-B.* Louis Barthou et le rapprochement Franco-Soviétique en 1934 // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. 1962. Vol. 3. № 4; *Duroselle J.-B.* Histoire diplomatique de 1919 a nos jours. P., 1993; *Giraul R.* Les relations Franco-Soviétiques a la veille de la Seconde Guerre mondiale: bilan des années 1937—1940 // Revue des études Slaves. 1977. T. 50, fasc. 3; *Mourin M.* Les relations Franco-Soviétiques de 1917 a 1967. P., 1967; *Scott W.E.* Alliance against Hitler. The origins of the Franco-Soviet pact. Durham (N.C.), 1962.

[8] *Carley M.J.* 1939: the alliance that never was and the coming of World War II. Chicago, 1999. P. XIII—XX.

[9] *Dullin S.* Des hommes d'influences. Les ambassadeurs de Staline en Europe. P., 2001; *Dessberg F.* Le triangle impossible. Les relations Franco-Soviétiques et le facteur Polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924—1935). Bruxelles, 2009; *Beloussova Z.* L'Union Soviétique et les problemes Européens: années 1933—1934 // La France et l'URSS...; *Narinski M.* Les relations entre l'URSS et la France // La France et l'URSS...

Достаточно подробно изученный в том, что касается действий французов[10], он мало освещён с точки зрения интересов, целей и задач советского военно-политического руководства[11].

В то же время именно военный аспект советско-французских контактов показывает, как именно смотрели на Францию в Москве. Дипломатические связи выстраивались при активном участии Наркомата иностранных дел и его главы М.М. Литвинова, испытывая на себе известное влияние его воззрений на то, какие цели стоят перед советской внешней политикой. Взаимодействие же с Западом в военной сфере оставалось «заповедной территорией» высшего руководства страны. Дипломаты часто оставались в стороне от принятия ключевых решений, а военные атташе, несмотря на введение в 1934 г. единоначалия полпредов над всем штатом зарубежных миссий, отчитывались непосредственно наркому по военным и морским делам К.Е. Ворошилову, входившему в «ближний круг» Сталина. В 1930-х гг. это ведомство направляло во Францию военные миссии, которые действовали во многом независимо от полпредств.

Важным эпизодом начального периода советско-французского сотрудничества накануне Второй мировой войны стала миссия Б.М. Симонова в конце 1932 — начале 1933 г., направленная с целью изучения возможности развития военно-технических контактов с Парижем и установления связей с военно-политическим руководством страны. Симонов стал первым официальным представителем Красной армии, посетившим Францию, и руководство СССР возлагало на него особую ответственность. До сих пор эта миссия остаётся белым пятном в истории советско-французских отношений. М. Вайс назвал её «сверхсекретной»: все сведения о ней исчерпывались несколькими докладными записками, поданными подполковником Ж. де Латром де Тассиньи на имя командующего французской армией генерала М. Вейгана. Задачи Симонова, его контакты с Москвой, детальный ход переговоров в Париже оставались невыясненными. Однако документы, найденные в российских архивах (РГАСПИ, РГВА, АВП РФ), позволяют подробно осветить ход и результаты его работы в контексте общего развития советско-французских отношений в начале 1930-х гг.

---

[10] *Alexander J.* The Republic in danger: general Maurice Gamelin and the politics of French defence, 1933—1940. Cambridge, 1992; *Bach A.* Le colonel Mendras et les relations militaires Franco-Soviétiques: 1932—1935, mémoire de maotrise d'Histoire. Vol. 1. P., 1981; *Buffotot P.* The French high command and the Franco-Soviet alliance 1933—1939 // Journal of strategic studies. 1982. Issue 4. Vol. 5; *Burrigana D.* Les rapports politico-strategiques Franco-Sovietiques, 1930—1934: naissance d'une aliance manquée? // Cahiers du centre d'etudes d'histoire de la defence. 1999. № 3; *Dessberg F.* L'Union soviétique où l'impossible allié (1922—1941) // Dessberg F., Malis C., Davion I. (dir.) Les Européens et la guerre: actes des colloques organisé du 24 et 25 novembre 2010 a Coëtquidan et du 15 septembre 2011 a Paris. P., 2013; *Guelton F.* Jean de Lattre de Tassigny et les relations Franco-Sovietiques au debut des annees trente // Revue Historique des Armees. 2002. № 2; *Guelton F.* Les relations militaires Franco-Soviétiques dans les années trente // La France et l'URSS...; *du Réau E.* Jean de Lattre de Tassigny, collaborateur du général Weygand // Bulletin de la Société d'histoire moderne. 1982. Seizième série. № 15; *Vansse M.* Les militaires Francais et l'alliance Franco-Soviétique au cours des années 1930 // Forces armées et systèmes d'alliances. Montpellier, 1981; *Vidal G.* Une alliance improbable: L'armée française et la Russie soviétique 1917—1939. Rennes, 2015.

[11] *Castellan G.* Reichswehr et Armée Rouge 1920—1939 // Les relations Germano-Soviétiques de 1933 a 1939; *Erickson J.* The Soviet high command. A military-political history, 1918—1941. N.Y., 2001; *Дессберг Ф., Кен О.Н.* 1937—1938: Красная армия в донесениях французских военных атташе // Вопросы истории. 2004. № 10.

Активизация межгосударственных контактов вызывалась серьёзными изменениями во внешней и внутренней политике двух стран. Советская дипломатия имела веские причины искать пути сближения с Францией. «Подобно тому, как Германия, благодаря Локарнским соглашениям и вступлению в Лигу Наций, вышла из изоляции, в которой оказалась в начале 1920-х гг., точно так же Литвинов в начале 1930-х гг. считал необходимым попробовать завоевать для СССР место на европейской дипломатической сцене», — объясняет её мотивы С. Дюллен[12]. Несмотря на полосу признания Советского Союза в середине 1920-х гг. и установление особых отношений с Берлином после подписания Рапалльского договора (1922), страна находилась в международной полуизоляции.

К тому же советско-германские отношения начали деградировать ещё до прихода к власти Гитлера[13]. Политика в духе Рапалло имела перспективы лишь до тех пор, пока Германия оставалась за рамками Версальско-Вашингтонской системы. Постепенная интеграция в неё делала для Берлина «советское направление» внешней политики второстепенным. Над отношениями между СССР и Францией также довлел груз недоверия, уходившего корнями в годы революции и Гражданской войны. Именно он препятствовал качественному улучшению двусторонних отношений в 1920-е гг. Однако во французской политике действовали силы, заинтересованные, как минимум, в их нормализации. Сделав на них ставку, можно было попытаться добиться расширения каналов связи с Западом. Диверсификация этих каналов становилась всё более важной по мере того, как набирала темпы сталинская индустриализация и всё более явственно ощущалась потребность в западных технологиях и капиталах.

Корни поворота французской внешней политики в сторону сближения с СССР хорошо отражены в литературе. Обобщая их, Э. дю Рео выделяет три группы причин[14]. Первая лежит в сфере экономики: разгоравшаяся Великая депрессия заставляла французские деловые круги искать новые рынки сбыта продукции. Советский Союз мог бы стать таким рынком, в частности для владельцев военных производств. Вторая — политическая: меняющийся расклад сил в Германии, в особенности рост влияния нацистов, ставил под угрозу всю политику франко-германского примирения, осуществлявшуюся со времени подписания Локарнских соглашений. Не способствовало её развитию и заключение германо-австрийского таможенного союза в 1931 г. — явный намёк на возможный аншлюс. Такая обстановка также подталкивала к диалогу с Москвой.

Третья причина важна для понимания как позиции Парижа, так и линии поведения Москвы. С точки зрения советской дипломатии, ключевым препятствием к развитию отношений являлась постоянная нестабильность правительств Третьей республики[15]. Рассчитывать на долгое пребывание у власти кабинета, благоприятно настроенного к СССР, было проблематично. Поэтому

---

[12] *Dullin S.* Des hommes d'influences... P. 118.

[13] *Haslam J.* The Soviet Union and the struggle for collective security in Europe, 1933—1939. L., 1984. P. 6.

[14] *Du Réau E.* Du plan Briand au traité de non-agression franco-soviétique. Les relations Franco-Soviétiques au début des années trente: vers un rapprochement des deux Etats (1930—1933) // L'URSS et l'Europe dans les annïes 20. Actes du colloque organisé a Moscou les 2 et 3 octobre 1997 / Dir. de M. Narinski, E. du Réau, G.-H. Soutou, A. Tchoubarian. P., 2000. P. 169.

[15] *Carley M.J.* A Soviet eye on France from the rue de Grenelle in Paris, 1924—1940 // Diplomacy & Statecraft. 2006. Vol. 17. Issue 2. P. 314.

особую важность приобретало наполнение двусторонних контактов конкретным содержанием. Военное сотрудничество могло явиться ключевым компонентом новых советско-французских отношений, придать им необходимую устойчивость[16].

В мае 1933 г., уже после официального обмена военными атташе, заместитель наркома по иностранным делам Н.Н. Крестинский инструктировал поверенного в делах в Париже М.И. Розенберга: «Надо, чтобы и т. Довгалевский (полпред СССР во Франции в 1927—1934 гг. — *А.В.*), и Вы лично познакомились с руководящими военными, встречались с ними, приглашали их к себе, бывали иногда на приёмах у военного министра... Если и правительственные, и военные круги будут видеть, что мы не избегаем контакта с военными кругами, они будут с бульшим доверием относиться к нашим заявлениям о стремлении к миру, о желании иметь дружественные отношения с Францией и её союзниками, будут меньше доверять россказням о советско-германском военном сближении»[17].

Сближение должно было опираться на мощный фундамент советского присутствия в различных сферах внутренней жизни Третьей республики[18]. Однако свою роль здесь играло не только желание дипломатов подвести под сотрудничество серьёзную основу. Высшие руководители СССР, санкционировавшие политику диалога с Западом, продолжали относиться к нему с подозрением. Ещё в июне 1930 г., выступая на XVI съезде ВКП(б), Сталин называл Францию «самой агрессивной и милитаристской страной из всех агрессивных и милитаристских стран»[19]. На его стол ложились отчёты разведки, которые рисовали достаточно тревожную картину настроений, господствовавших в умах французского военного командования[20]. Если дипломаты, говоря о необходимости проникновения в военные круги Франции, думали в первую очередь о расширении влияния на общественное мнение и политическую элиту страны, то для сталинского окружения немаловажными оставались задачи сбора сведений о настроениях в среде высшего офицерства и проникновения во французскую армию. Эта работа шла не только по дипломатическим каналам.

Осенью 1932 г. в Париже активно действовал представитель советского торгпредства М.С. Островский, являвшийся доверенным лицом Ворошилова. Первый военный атташе СССР во Франции С.И. Венцов впоследствии отмечал, что Островский выполнял обязанности «негласного военного представителя»[21] Москвы. Этот человек не имел формального статуса, позволявшего выступать от имени советского правительства. Переписка, которую он вёл с Москвой, шла в обход обычных дипломатических каналов. 26 декабря 1932 г. Ворошилов писал Сталину о ходе переговоров с представителями французской армии: «Дорогой Коба! Посылаю копию последнего письма т. Островского, прошу изучить, интересно. Островскому я ответил в духе наших разговоров»[22].

Островский обсуждал с французами ряд важных вопросов, в первую очередь — возможный обмен военными атташе. Он взаимодействовал с группой

---

[16] АВП РФ, ф. 05, оп. 13, п. 94, д. 64, л. 6.
[17] Там же, л. 7.
[18] *Dullin S.* Des hommes d'influences... P. 120.
[19] *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 12. М., 1949. С. 256.
[20] РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 185, л. 65—70.
[21] Там же, д. 432, л. 139.
[22] Там же, д. 431, л. 146.

офицеров и гражданских лиц, связанных с генералом Вейганом. Главную роль в ней играл полковник де Латр де Тассиньи. Он был энтузиастом советско-французского сближения, считая, что таковое может гарантировать Францию от ренессанса Раппальской политики и обеспечить ей, как минимум, благожелательный нейтралитет СССР в случае конфликта между Германией и блоком восточноевропейских государств, который поддерживал Париж[23]. Путь к этому открыло подписание 29 ноября 1932 г. советско-французского пакта о ненападении. По мнению де Латра, сближение в военной сфере (в частности, обмен военными атташе) позволило бы закрепить этот успех.

Де Латр был не чужд определённых амбиций и, разыгрывая «советскую карту», очевидно, пытался не только добиться реализации идей, в обоснованность которых верил, но и укрепить свои позиции в армейских кругах. Его стиль ведения переговоров, во всяком случае, говорит о том, что полковник вёл и собственную игру. Он старался всячески скрыть принципиальный момент: какая из сторон проявляла бóльшую заинтересованность в ходе переговоров. Это обстоятельство отнюдь не являлось второстепенным на фоне прохладных советско-французских отношений, отягощённых сложным прошлым и взаимными подозрениями. С одной стороны, он докладывал Вейгану, что советские представители изыскивают всяческие способы «ещё сильнее укрепить связь, которая только что была установлена», и, соответственно, интенсифицируют военные переговоры[24]. При этом в разговорах с Островским он расставлял акценты иначе. «Из разговоров с де Латром выяснилось следующее: генеральный штаб во главе с Вейган поддерживают идею о скорейшем обмене с СССР военными атташе и настаивают на проведении этой идеи в жизнь». Комментируя предположение де Латра, что ведомственные препоны могут отложить обмен военными атташе до лета 1933 г., один из участников переговоров с французской стороны заметил, что Советы вполне могут позволить себе такую отсрочку, однако французской стороне «ждать пять—шесть месяцев никак невозможно»[25]. Французы также намекали, что альтернативой соглашению с СССР для Парижа может стать сближение с Германией[26]. Эти предупреждения Островский расценивал как попытки его «попугать» и, судя по всему, не считал серьёзными.

В целом, к переговорам с де Латром советская сторона подошла осторожно. Письма Островского Ворошилову свидетельствуют, что вывод об особой заинтересованности Москвы в заключении соглашения о военном сотрудничестве, сделанный полковником в докладах Вейгану, — заведомое преувеличение. Сама возможность использовать полковника для налаживания контакта с военными кругами Франции была осознана, видимо, не раньше ноября 1932 г. Именно этим временем датируется записка Ворошилова Сталину, поданная вместе с копиями донесений Островского и предлагающая «позондировать у Де-Латтра его мнение об обмене воен[ными] атташе»[27].

Советские дипломаты в Париже считали, что Москва может пойти на определённые имиджевые уступки. Французы, по мнению Довгалевского, не готовы взять на себя инициативу в деле запуска формальной процедуры обмена

---

[23] *De Lattre de Tassigny J.* Ne pas subir. Écrits 1914—1952. P., 1984. P. 133.
[24] Ibid. P. 135.
[25] РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 431, л. 124—125.
[26] Там же, л. 148.
[27] Там же, л. 120.

атташе, так как это походило бы «в некотором роде на Каноссу». Советской стороне следовало бы помочь Парижу сохранить лицо и самой сделать первый шаг «в тот или иной момент, который мы сочтём наиболее благоприятным»[28]. Впрочем, с окончательным решением не спешили: настойчивость французов, выступавших как полуофициальные лица, могла вселять определённую настороженность. Параллельно с переговорами, которые велись по линии Островского и через полпредство, во Францию отправилась военная миссия во главе с бывшим начальником Главного артиллерийского управления РККА Б.М. Симоновым. Решение о её отправке приняло Политбюро ЦК ВКП(б). Формально ставилась цель «посещения и ведения переговоров с фирмой Шнейдер—Крезо в отношении дивизионной артиллерии»[29], однако фактически преследовались более серьёзные цели. Советские дипломаты в переписке отмечали, что Симонов должен был способствовать расширению связей полпредства в военной сфере[30]. Фактически переговоры о закупке отдельных образцов вооружения, безусловно важные сами по себе, рассматривались как повод для обсуждения советско-французских военных отношений на самом высоком уровне. При этом информация о поездке оказалась ограничена. «Не скрою от Вас неприятного изумления по поводу того, что Полпредство не было поставлено в известность Наркоминделом о миссии представителя военного ведомства, тов. Симонова. Для меня не подлежит сомнению, что Наркоминдел был в курсе этой миссии, которая безусловно носит гораздо более политический, чем коммерческий характер»[31], — писал Крестинскому Довгалевский.

Аппарат полпредства, тем не менее, сразу подключился к переговорам. Попытки Симонова достичь соглашения с фирмой буксовали. «Шнейдер отказывался продавать оружие Красной армии, ссылаясь на незначительные объёмы заказов, риск последующего копирования полученных образцов на территории СССР и возможные политические последствия подобной политики»[32]. Розенберг по согласованию с Симоновым апеллировал к военному министру Э. Даладье. Тот брался поговорить с руководством фирмы, однако допустил, «что в определённых кругах (по-видимому, в военном министерстве и Генштабе) были и есть отдельные противники переговоров с нами, заявлявшие, что “Ну вот, теперь Советы будут нашими же снарядами убивать наших друзей и союзников — поляков”»[33]. В качестве альтернативного варианта Даладье предложил разместить советские заказы на казённых военных заводах[34].

Полпредство демонстрировало очевидный энтузиазм по поводу возможностей, открывавшихся с приездом во Францию миссии Наркомвоенмора. В докладе от 9 января 1933 г. на имя Сталина, Молотова, Ворошилова, Орджоникидзе, Литвинова, подписанном Симоновым, Розенбергом и торгпредом СССР во Франции М.Г. Гуревичем, вопрос ставился ребром: «Теперешнее Правительство относится весьма положительно к установлению серьёзных связей с нами по линии военных заказов. Уже в теперешней стадии переговоров, кроме Министерства, принимает участие Генеральный Штаб. Это придаёт пе-

---

[28] АВП РФ, ф. 05, оп. 13, п. 94, д. 70, л. 14 об.
[29] РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 14, л. 27.
[30] АВП РФ, ф. 05, оп. 13, п. 94, д. 64, л. 7.
[31] Там же, д. 70, л. 13.
[32] *Dullin S.* Des hommes d'influences... P. 120—121.
[33] РГВА, ф. 33988, оп. 3а, д. 299, л. 15.
[34] Там же, л. 29.

реговорам более солидный характер. Каково будет отношение Штаба при перемене Правительства — неизвестно. Отсюда вывод: создавшуюся благоприятную обстановку необходимо максимально использовать, всячески форсируя переговоры. Необходимо создать реальный факт в виде законченной коммерческой сделки, дабы дальнейшие отношения стали бы более независимы от временных перемен политической обстановки»[35].

Советские дипломаты в Париже имели непростой опыт ведения переговоров с французами (Довгалевский жаловался, например, что те способны дважды полностью поменять позицию даже в присутствии стенографистов[36]). Именно поэтому они настаивали на необходимости заключения крупной сделки именно с французским правительством, считая, что «прямая связь с военным министерством, Генштабом и казёнными военными заводами имеет в политическом аспекте некоторый — и весьма ощутительный — преферанс перед сделкой со Шнейдером». Довгалевский сообщал: «Если, как к этому следует стремиться всеми силами, из переговоров тов. Симонова проистечёт серьёзный заказ, то он нас свяжет с французским военным ведомством на длительный срок — возможно, от полутора до двух лет, и может явиться предпосылкой для дальнейших связей»[37].

Иными словами, заключая крупный контракт на поставку французских вооружений, СССР, по мнению полпредства, добивался успеха сразу на нескольких направлениях. Во-первых, возникал стабильный фундамент для развития отношений, нивелировавший политические и идеологические факторы. Во-вторых, советская сторона вступала в непосредственные отношения с военной верхушкой. В-третьих, это создавало основу для дальнейшего расширения влияния во Франции, в частности в среде торгово-промышленных элит. Дипломаты не могли не ухватиться за столь удачную возможность.

Переговоры, которые вёл в Париже Симонов, сопровождались активным проникновением советских представителей в высшие военно-политические круги страны. Эмиссара Москвы хорошо отрекомендовали советские дипломаты. Даладье санкционировал его встречу со своим заместителем Г. Ля Шамбром, который заявил, что «“рад видеть у себя представителя советской армии”, что военное министерство не только не препятствует нашим переговорам, но наоборот, готово, чем нужно, помочь и что в частности сам министр (Даладье) взялся за это дело»[38]. Симонова принимали официально, с соблюдением всех протокольных требований. Его переговоры с заместителем министра проходили в здании министерства, в присутствии чинов ведомства. Как сообщал он заместителю наркомвоенмора М.Н. Тухачевскому, курировавшему его миссию, «прием внешне был обставлен соответственно», что не давало никакого повода для недовольства.

В ходе переговоров с Даладье и Ля Шамбром Симонов поднял вопрос о перспективах сотрудничества двух армий. Французской стороне было сообщено об имеющемся у советского представителя «попутном поручении» осмотреть поля сражений Первой мировой войны, однако не с познавательной, а «с чисто военной точки зрения». В военном министерстве благосклонно отнеслись к этой просьбе и выделили сопровождение из нескольких офицеров. Симонов

---

[35] АВП РФ, ф. 05, оп. 13, п. 94, д. 70, л. 11.
[36] *Carley M.J.* A Soviet eye on France... P. 311.
[37] АВП РФ, ф. 05, оп. 13, п. 94, д. 70, л. 13 об.
[38] РГВА, ф. 33988, оп. 3а, д. 299, л. 15.

особо отмечал успех на этом направлении: «Сам факт, что официальное лицо высшего начсостава нашей армии сопровождают официально выделенные офицеры французской армии, по моему мнению, имеет большое значение, как первый случай установления непосредственной связи с французской армией»[39].

В ходе бесед Симонов приходил к мысли, что далеко не весь французский генералитет настроен антисоветски. В письме Тухачевскому он специально привёл характеристику Вейгана, которую в разговоре с Розенбергом дал военный министр: «Даладье считает, что напрасно мы расцениваем Вейгана как самого активного нашего противника. По словам Даладье, Вейган не такого уж высокого мнения о военных доблестях поляков, и с другой стороны он очень "почтительно" и серьёзно относится к Красной армии... дело не столько в самом Вейгане, сколько в его ближайшем окружении, в "политиканствующих генералах", как выразился Даладье»[40]. Всё это давало Симонову основание считать, что в целом путь к развитию контактов между РККА и французской армией открыт.

Переговоры, которые вели в Париже советские дипломаты и сам Симонов, привели к важным результатам. 7 января в военном министерстве эмиссару Наркомвоенмора сделали окончательное коммерческое предложение о покупке у правительства Франции и у отдельных фирм при его посредничестве новейших артиллерийских систем. Речь шла о 24 батареях зенитных орудий калибром 75 мм с комплектующими стоимостью около 300 тыс. руб. каждая. Все предварительные испытания предлагалось провести на полигонах французской армии. В большом письме, адресованном Сталину, Молотову и Ворошилову, Симонов высказался за принятие этого предложения. Понимая, что приходится преодолевать глубоко засевшую подозрительность советского руководства в отношении руководства западных стран, он особо подчёркивал, что французы, по его мнению, не ведут двойную игру. Их мотивы понятны: стремление заработать, но в первую очередь — желание помешать советско-германскому сотрудничеству. «Намерения французского правительства в данном вопросе не случайны, и нет оснований здесь опасаться какой-либо провокации». Для Москвы же французское предложение представляло большой интерес с точки зрения «политического значения этого факта». Оно позволило бы установить связь с Генштабом, который при «частой смене кабинета остаётся единственным постоянным директивным органом», а через него — и со всей армией. Здесь также можно было наладить контакт «со всей ведущей военной промышленностью Франции».

Симонов брался выторговать более выгодные условия по контракту, однако настаивал на выделении дополнительных средств — минимум 3 млн руб., хотя «лучше было бы исходить из суммы в 6 млн руб.». Номенклатуру предназначенных для закупки образцов военной техники он предлагал расширить, не ограничиваясь только артиллерийскими системами: «Этой ценой можно заставить приоткрыть ворота французской военной промышленности и армии»[41].

Как это расценили в Москве? Чтобы ответить на данный вопрос, необходимо взглянуть на ход и итоги миссии Симонова с точки зрения, отличной от позиции самого представителя Наркомвоенмора, а также советских дипломатов в Париже. В письме Литвинову от 1 января 1933 г. Розенберг отмечал,

[39] Там же, л. 14.
[40] Там же, л. 12.
[41] Там же, л. 25—26.

что активизация контактов по военной линии «целиком соответствует взглядам наших руководящих товарищей»[42], однако эта оценка требует важных пояснений. Советское руководство придавало большое значение поездке Симонова, однако, помимо задач общего зондирования военно-политических кругов, ставило перед ней конкретные цели — в первую очередь переговоры с фирмой «Шнейдер—Крезо» о возможности приобретения образцов дивизионной артиллерии в рамках программы размещения импортных заказов для нужд армии в 1933 г. Показательно, что решение Политбюро об отправке миссии Симонова оказалось оформлено одним протоколом с поездкой начальника Управления моторизации и механизации РККА И.А. Халепского в США для покупки чертежей танка Кристи[43].

Симонов вышел за пределы первой задачи и практически не справился со второй. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить содержание его писем Тухачевскому до приезда во Францию и отчётов, направленных непосредственно из Парижа. 22 декабря, находясь ещё в Берлине, но уже получая информацию из Франции по телефону, он писал Тухачевскому исключительно о трудностях в переговорах с «Шнейдер—Крезо» и при этом оговаривался: «Что касается путей, которыми пойду в Париже, пока сказать трудно, надо лично ориентироваться в обстановке»[44]. Иными словами, накануне приезда Симонов не собирался подключаться к переговорам на уровне правительства и не поднимал вопроса о поиске альтернативных каналов закупки образцов вооружения.

При этом он достаточно скептически относился к участию в этом деле работников полпредства и торгпредства СССР: «У меня сложилось впечатление, что Гуревич недостаточно активен в нашем вопросе... Поэтому было бы весьма желательно, если бы Гуревичу была дана теперь же телеграмма от Вас или от кого найдёте нужным максимально обеспечить мою работу и лично принять участие в ней. Вероятно, что в дальнейшем потребуются указания Москвы нашему посольству в Париже о предпринятии некоторых шагов в правит[ельственных] сферах».

Активное вовлечение Симонова в переговоры, которые быстро вышли за рамки диалога с «Шнейдер—Крезо», происходило по мере всё более интенсивного участия в них советских дипломатов в Париже. Как видно из письма Тухачевскому от 31 декабря 1932 г., консультации во французских политических кругах были начаты Розенбергом и Гуревичем по собственной инициативе, после простого обсуждения с Симоновым[45]. За несколько дней они успели поговорить с Даладье, А. Де Монзи, П. Котом, И. Дельбосом, сообщив им о миссии, которая подготавливалась в Москве как секретная. После знакомства с поступившими из Парижа отчетами её руководителя у советских руководителей могло сложиться впечатление, что Симонов (по словам Розенберга, «не знакомый с условиями заграничной работы»[46]) отдал инициативу в руки дипломатов, которые недопустимо расширили круг обсуждаемых вопросов.

Отношения между советскими дипломатами в Европе и партийным руководством в Москве всегда оставались непростыми. Это проявлялось во всём, начиная с трений между сотрудниками полпредств и партработниками и за-

---

[42] АВП РФ, ф. 05, оп. 13, п. 94, д. 70, л. 10.
[43] РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 14, л. 27.
[44] РГВА, ф. 33988, оп. 3а, д. 299, л. 4.
[45] Там же, л. 16.
[46] АВП РФ, ф. 05, оп. 13, п. 94, д. 70, л. 2.

канчивая разногласиями по принципиальным вопросам внешней политики[47]. Дипломаты в силу многолетнего опыта жизни во Франции, рабочих и личных связей, чувства профессиональной заинтересованности в улучшении взаимоотношений между двумя странами, ориентировались на углубление двусторонних связей: «Наркоминдел хотел сотрудничать с Западом, а не разрушать его»[48]. В 1932—1933 гг., на волне отхода от идеи мировой революции, о разрушении говорили всё меньше, однако подозрение в отношении Запада, стремление воспользоваться им[49], чтобы ещё сильнее обособиться от него, сохранялось.

Работники полпредства достаточно откровенно писали в Москву об особой заинтересованности в достижении максимально возможного результата по итогам миссии Симонова и опасениях того, что она может окончиться ничем. «Надо ковать железо пока оно горячо. Разумеется, нам нужно купить только то, в чём мы действительно нуждаемся, и на сходных условиях. Было бы буквально катастрофой, если бы из переговоров ничего не вышло, и если бы в частности мы дали бы основание французам заподозрить и обвинить нас в неискренности и в том, что нами руководили только чисто разведывательные соображения и цели»[50], — сообщал Крестинскому Розенберг. Иными словами, он допускал, что ожидания от миссии могли не совпадать с тем, что хотели получить дипломаты в Париже. С одной стороны — конкретные коммерческие переговоры в рамках строго определённого поручения с попутными задачами зондажа и сбора информации. С другой — стремление максимально расширить поле сотрудничества СССР и Франции с соответствующим усилением влияния полпредства.

Советское руководство не могло не сопоставлять сведения, получаемые от Симонова, с информацией Островского, который в то же время вёл осторожные переговоры на предмет налаживания контактов в военной среде как одного из фундаментов нормализации межгосударственных отношений. Размах деятельности Симонова мог смутить Москву. С подачи полпредства он вступил в многочисленные контакты с лицами, которые хотя и имели официальный статус, но не принимали окончательных политических решений. К подобного рода связям в Кремле относились с подозрением. В июне 1932 г. полпред в Японии А.А. Трояновский начал неофициальные переговоры с лицами, связанными с военно-промышленными кругами Токио. Предметом диалога являлась возможная компенсация СССР за использование японцами КВЖД. Политбюро резко осудило поведение полпреда, нарушившего директивы руководства. Сталин отметил, что Трояновский «разводит отсебятину»[51].

15 января 1933 г., накануне своего отъезда на родину, Симонов имел обстоятельную беседу с де Латром, организованную для него Островским. Её суть изложена в записке, поданной полковником Вейгану[52]. Первое, что бросается в глаза — полное отличие тональности заявлений Симонова от тех выводов, которые он делал в докладах Москве. Эмиссар посетовал собеседнику, что так и не смог встретиться с кем-то из первых лиц военно-политического руководства

---

[47] *Dullin S.* Des hommes d'influences... P. 97—108.
[48] *Carley M.J.* A Soviet eye on France... P. 298.
[49] *Pons S.* Stalin and the inevitable war, 1936—1941. L., 2002. P. X—XI.
[50] АВП РФ, ф. 05, оп. 13, п. 94, д. 70, л. 13 об.
[51] Сталин и Каганович. Переписка. 1931—1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк, Р.У. Дэвис, Л.П. Кошелева, Э.А. Рис, Л.А. Роговая. М., 2001. С. 192—193.
[52] *De Lattre de Tassigny J.* Ne pas subir... P. 137—139.

Франции. Официальные лица военного министерства, сопровождавшие его, оказались малокомпетентными. Офицер, которому поручили вести переговоры о продаже СССР военной техники, действовал как «ответственный за ликвидацию старых запасов».

Французы, по словам Симонова, не собирались передавать советской стороне современное оружие: «Хотя Ваша сдержанность в этом вопросе нам кажется вполне логичной, но мы бы хотели, чтобы нам её откровенно объяснили и чтобы к представляемому нами народу в 170 миллионов человек не относились как к какому-то “Перу”, которому хотят сбагрить старый хлам». Замечание де Латра о том, что советская миссия не подготовлена соответствующим образом на официальном уровне, Симонов парировал тем, что сам факт приезда во Францию представителя СССР в ранге заместителя начальника Главного артуправления армии, требует соответствующего к нему отношения со стороны властей. «Я должен признаться, — добавил Симонов, — что, в то время как мы уже несколько недель протягиваем Вам руку, французское общественное мнение и, очевидно, французский генеральный штаб, по-видимому, сохраняют большое недоверие к нам».

Советский эмиссар отмёл утверждение де Латра, что подобное отношение (сам факт которого полковник не стал оспаривать) связано с многолетним военным сотрудничеством между СССР и Германией: «Моё правительство поручило мне изыскать возможность, чтобы объяснить членам французского военного руководства, что все доходящие до Вас сведения о влиянии германского генерального штаба на нашу армию, о нашем военном союзе и общности военных целей с Германией, не соответствуют действительности». «Пошлите к нам военных атташе, пошлите к нам благожелательно настроенных людей, которые бы приехали и увидели, что мы делаем и насколько мы нуждаемся в помощи», — подытожил Симонов. Этот обмен мнениями де Латр оценил как тревожный знак того, что отсутствие реакции на инициативы советской стороны может иметь неблагоприятные последствия для дальнейшего диалога Москвы и Парижа.

Чем объясняется столь резкое изменение переговорной линии советского представителя? Об этом можно судить лишь косвенно. В начале января Симонов на короткое время посетил Москву для получения дополнительных инструкций, однако речи о скором возвращении миссии, судя по его последнему отчёту от 9 января, тогда не шло. Тем не менее уже через неделю Симонов встречался с де Латром, имея на руках вызов на родину, что фактически предполагало прекращение всех контактов во Франции, которые стараниями советских дипломатов зашли достаточно далеко. Логично предположить, что смена тональности в переговорах объяснялась указаниями, полученными из Москвы. На это указывает и факт присутствия на встрече с де Латром Островского. Внезапный отзыв миссии свидетельствовал скорее о недовольстве советского руководства, чем о его согласии с предложениями, озвученными представителем Наркомвоенмора. Основная цель поездки — закупка артиллерийских систем у «Шнейдер—Крезо» — достигнута не была. Техника, которую французское правительство предложило взамен, Москву не устроила. Встретиться с кем-то из высшего военно-политического руководства Симонову не удалось. Перехватившие у него инициативу дипломаты создали у французов впечатление, что именно Советы заинтересованы в интенсификации военных контактов и, вероятно, дали де Латру дополнительные основания именно в таком свете пред-

ставить ход дел Вейгану. Именно этого Островский пытался избежать в ходе переговоров осенью—зимой 1932—1933 гг.

Однако у советского руководства имелись и другие причины быть недовольным Симоновым. 14 января на стол Сталина легла записка, поданная заместителем председателя ОГПУ Г.Е. Прокофьевым и начальником иностранного отдела ОГПУ А.Х. Артузовым. Из неё следовало, что Симонов «активно разрабатывается французской контрразведкой»[53]. Сообщалось, что посредник в переговорах с фирмой «Шнейдер—Крезо», привлечённый эмиссаром Наркомвоенмора, в действительности работал на французские спецслужбы. В личных беседах Симонов «выболтал» ему ряд важных сведений — в частности, что советско-германские отношения, перспективы которых особенно волновали французов, развиваются вполне динамично: «С Германией, разумеется, продолжаются лучшие отношения. Несмотря на наличие кабинета баронов и генералов, несмотря на борьбу с внутренними коммунистами, ничто не препятствует сохранению и выполнению до конца Раппальского договора и всех последующих экономических, военно-технических и просто военных конвенций... Разумеется, главным противником, который должен быть сокрушён, является Франция. В успехе такого предприятия для него (Симонова) нет никаких сомнений»[54]. Компрометировала Симонова и констатация собеседников, что «следов коммунистического миросозерцания в нём заметно мало».

Вопрос о том, насколько эта информация соответствовала действительности, остаётся открытым, однако сам факт её появления не мог не встревожить склонное к подозрительности высшее руководство СССР. Симонов спешно отбыл на родину, прервав все переговоры, что вызвало весьма болезненную реакцию в полпредстве. 27 января Довгалевский писал Литвинову: «Решение, принятое по делу о военных заказах, сводящееся к отзыву комиссии и отсрочке решения на один—полтора месяца, поставило нас в положение, при котором превзойдены наши худшие опасения... Подобный уход со сцены... является, мягко выражаясь, крайне неудобным, отразится на отношении к нам со стороны правительства, уже не говоря о реакции в кругах Генштаба, может отразиться на разрешении вопроса об обмене военными атташе и т.п.». Розенберг, в свою очередь, опасался, что во Франции миссию Симонова расценят как «простую шпионскую вылазку при участии немцев». «Мы рассчитываем на то, что НКИД поставит перед инстанцией вопрос о пересмотре принятого решения»[55], — настаивал он.

Конструкция, возведённая советскими дипломатами в Париже как основа для возобновления межгосударственных отношений, рушилась. Розенберг, впрочем, не оставлял надежд поправить ситуацию. 11 февраля он писал Тухачевскому: «Нам удалось разными источниками установить, что тов. Симонов оставил о себе отличное впечатление, его считают умным человеком, большим знатоком своего дела и т.п., причем это мнение как аппарата Военмина, так и Шнейдера. Мы Вам сообщаем об этом на тот случай, если у Вас будет решаться вопрос о том, кого сюда послать — если, конечно, на всём этом деле не будет вообще поставлен крест». В переписке с руководством НКИД дипломат настаивал на необходимости заключения сделки на французских условиях: «Если мы предполагаем отвалить на Францию какие-нибудь 200—300 тыс. руб., то, уже

[53] РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 431, л. 163.
[54] РГВА, ф. 33988, оп. 3а, д. 299, л. 75.
[55] АВП РФ, ф. 05, оп. 13, п. 94, д. 70, л. 22—23.

не говоря о том, что мы зря ломились с этим делом к правительству, незачем тянуть с вопросом, так как с таким предложением одинаково неудобно будет выступить как сегодня, так и через полтора месяца. Не упускайте также из виду, что цифра в 1 млн руб. плюс 3—4 млн на оборудование военной промышленности, привезённая тов. Симоновым, не только "воодушевляла" здесь все наши действия, но и фигурировала также в разговорах с французами»[56].

Ответ Тухачевского не оставлял сомнений, что итоги миссии Симонова в Москве оценили достаточно сдержанно. Он дезавуировал утверждение Симонова о выделении ему 1 млн руб. на закупку военной техники: «Первоначально хотели твёрдо зафиксировать 500 000 р., но в дальнейшем было высказано пожелание подождать результатов американской поездки т. Халепского, чтобы решить вопрос, имея на руках все данные о возможных закупках». На проблему военно-технического сотрудничества с Францией в Москве смотрели прагматично и оказались не готовы на большие траты ради перспектив, очерченных эмиссаром Наркомвоенмора, а также советскими дипломатами: «Сейчас было бы преждевременно как-либо жать в направлении начатого т. Симоновым дела и потому было решено вызвать комиссию для доклада»[57].

История миссии Симонова дополнительно раскрывает мотивы, которые двигали советским руководством в конце 1932 — начале 1933 г. в ходе переговоров об активизации военного сотрудничества с Францией. Фактически речь шла о налаживании каналов поступления информации и базового взаимодействия с целью изучения возможностей дальнейшего углубления сотрудничества. При этом существовали важные ограничения. Чрезмерная активность в контактах с политическими кругами, сам факт которой создавал определённые обязательства, предложения о заключении особо крупных контрактов, влёкшие за собой смещение внешнеполитических акцентов или формировавшие подобное мнение у общественности и элит западных стран, рассматривались как нежелательные. Неизменно важным считалось избежать впечатления, что именно советская сторона заинтересована в развитии двусторонних военно-политических связей.

Островский проводил эту линию в контактах с французами. В начале февраля 1933 г. они получили дополнительный импульс после прихода к власти в Германии нацистов. В беседе с советским представителем 6 февраля де Латр «выразил огорчение, что события в Германии пришли слишком рано ("до того, как мы успели нормализировать окончательно наши отношения с Россией")». В ответ Островский намекнул, что мяч находится на французской стороне: «Исторические события никогда не происходят слишком рано, а политики, случается, действуют с значительным опозданием, а между тем управлять — значит предвидеть». Он специально подчеркнул, что СССР не будет в одностороннем порядке форсировать переговоры: «Над нами не каплет, мы можем подождать». Присутствовавший при разговоре сотрудник де Латра ответил, что «мы ждать не имеем права»[58].

В начале февраля вошли в активную фазу переговоры об обмене военными атташе. 17 февраля коллегия НКИД, очевидно, оформляя решение Политбюро ЦК ВКП(б), постановила принять предложение французского правительства[59].

---

[56] Там же, л. 25—26.
[57] РГВА, ф. 33988, оп. 3а, д. 299, л. 83.
[58] РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 432, л. 56—57.
[59] АВП РФ, ф. 0136, оп. 17, п. 159, д. 7, л. 58.

Инициатива, таким образом, принадлежала французам: с ней от лица своей страны выступил посол М. Дежан. Принципиальное согласие Кремль дал, но советская сторона выдержала паузу. Де Латр отметил это обстоятельство, информируя 22 февраля Островского о благополучном исходе переговоров[60]. Полковник и его единомышленники, тем не менее, считали, что добились большого успеха. В мае в Париж прибыл военный атташе комбриг С.И. Венцов.

Таким образом, советско-французское военное сотрудничество, стартовавшее в конце 1932 — начале 1933 г., несло на себе отпечаток тех же противоречий, что и сближение двух стран в политической сфере. Ограничения, стоявшие перед французской стороной, обуславливались удалённостью территории СССР от потенциального театра военных действий в Центральной Европе, его напряжёнными отношениями с Японией, неуверенностью в боеспособности РККА, недоверием к Советам и их идеологии. Однако советская сторона также имела ограничения. Реальный военный союз с Францией или превращение Парижа в первого военного партнера в Европе вместо Германии, как показывает анализ документов, не стояли на повестке дня.

По-видимому, недоверие к буржуазному правительству было не меньшим, чем неприятие французскими политическими кругами большевизма с его разрушительной идеологией. После назначения Литвинова на пост наркома иностранных дел и перехода к политике нормализации отношений с Западом оно смягчилось, приняло скрытые формы, однако не исчезло и сопровождало все попытки активизации двусторонних военных контактов вплоть до начала Второй мировой войны.

Как и во Франции, в СССР вопрос сближения двух стран в военной сфере стал объектом дискуссии на уровне лиц, принимавших основные внешнеполитические решения. Советские дипломаты в Париже, считавшие сближение с Францией приоритетом, рассматривали его как способ активизировать этот процесс и вывести его на качественно новый уровень. Сталин и действовавший от его имени Ворошилов оценивали проблему иначе. Советский лидер «не был полностью привержен какой-либо одной внешнеполитической линии, будь то “умеренной” или “радикальной”. Его личная власть основывалась на развитом прагматизме, отсутствии видимой политической последовательности, готовности поддержать различные взгляды в разные моменты времени... Как кажется, единственной рациональной целью Сталина было избежать ситуации, при которой чёткий набор политических альтернатив ограничил бы его независимость в процессе принятия внешнеполитических решений»[61].

Выбор в пользу полноценного соглашения с Парижем, имеющего военную составляющую, создавал бы именно такое положение дел. Обмен военными атташе и начало двустороннего сотрудничества в военной сфере потенциально могли бы помочь делу сохранения мира в Европе. Однако значение этого события не следует преувеличивать. Его возможный положительный эффект сдерживался воззрениями военно-политических элит Советского Союза и Третьей республики на ситуацию в мире и место своих стран в нём. Военной дипломатии окружения генерала Вейгана и доверенных лиц Ворошилова преодолеть эти ограничения было не под силу.

---

[60] РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 432, л. 61.

[61] *Pons S.* Stalin and the inevitable war... P. XII.

Организация взаимодействия с союзниками в рамках северных конвоев в годы Второй мировой войны

Евгений Гурьев

Organization of interaction with allies in the framework of the northern convoys during the Second World War

Evgeniy Guriev
(Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Russia)

DOI 10.31857/S086956870010144-9

Историография проблемы борьбы Германии на морских коммуникациях СССР и его союзников в период Второй мировой войны 1939—1945 гг. достаточно обширна. При этом советские исследователи уделяли основное внимание изучению истории Скандинавских стран, в итоге наиболее изученными оказались вопросы внешней политики Швеции, Дании и Норвегии, а также движения Сопротивления в Норвегии. Монография А.М. Носкова[1], увидевшая свет более 40 лет назад, считается наиболее авторитетной по ключевой проблеме темы — оценке Скандинавского плацдарма с военной точки зрения.

Одна из самых известных страниц истории Второй мировой войны — деятельность северных конвоев — рассматривалась советскими учёными преимущественно в рамках изучения действий, с одной стороны, вооружённых сил Германии, с другой — советского Северного флота (СФ) по защите своих коммуникаций. Между тем отечественные специалисты практически не исследовали вопрос взаимодействия на данном направлении СССР и его союзников. Это свидетельствует о некоторой тенденциозности советской историографии, стремившейся преувеличить успех вооружённых сил Советского Союза и приуменьшить результаты действий его противника.

С середины 1990-х гг. ситуация изменилась. История северных конвоев, Норвежская операция сил вермахта, действия немецких вооружённых сил в 1939—1945 гг. стали объектом серьёзного исследовательского интереса как в сугубо академической среде, так и в рядах популяризаторов истории. Одной из наиболее основательных работ по заявленной теме, на мой взгляд, является книга М.Н. Супруна, основанная на впечатляющем объёме источников[2]. Автор подробно рассмотрел внешнеэкономическую сторону сотрудничества союзников. Используя материалы зарубежных архивов и изданные за границей труды, он представил внушительный и разнообразный фактический и справочный материал. Супрун подробно описал события, связанные с действиями не только каждого конвоя, но и сил противника. Детально охарактеризовав противостояние флотов союзников и кригсмарине, автор в то же время весьма скептически оценил действия Северного флота.

Большинство написанных российскими авторами работ о действиях кригсмарине против конвоев ближе к жанру научно-популярной исторической

© 2020 г. Е.П. Гурьев

[1] *Носков А.М.* Скандинавский плацдарм во Второй мировой войне. М., 1977.

[2] *Супрун М.Н.* Ленд-лиз и северные конвои, 1941—1945 гг. М., 1997.

литературы[3]. Как правило, эти авторы не рассматривали затронутую проблему в контексте военно-морского противостояния Германии и её сателлитов с СССР и его союзниками. В связи с этим интересна работа А.А. Сергеева, который на основе материалов немецких архивов подробно описал боевые действия германских подводных лодок в Норвежском, Баренцевом и Карском морях против судоходства союзников в годы Второй мировой войны[4].

Исследователи проблемы борьбы нацистской авиации против союзных конвоев[5] сопоставили действовавшие в Заполярье силы союзной и нацистской авиации, сравнив состояние авиационной техники обеих сторон. В разные годы выходили статьи, посвящённые боевым действиям в Скандинавии[6], а также участию вооружённых сил Германии в Норвежской операции[7]. Особо отмечу сборники «Северные конвои», в каждом из которых представлены документы, исследования и воспоминания по рассматриваемой теме. Важно, что эти сборники подготовлены как отечественными, так и зарубежными авторами

---

[3] *Кобчиков Е.Ю.* Надводные силы Kriegsmarine в войне против Советского Союза в 1941—1945 гг. СПб., 2002; *Еремеев Л.М.* Некоторые итоги крейсерских операций германского флота. В 2 ч. СПб., 1995—1996; *Еремеев Л.М., Шергин А.П.* Подводные лодки иностранных флотов во Второй мировой войне. М., 1962; *Грановский Е., Морозов М., Дашьян А.* Германские эсминцы в бою. В 2 ч. М., 1995; *Сергеев А.А.* Германские подводные лодки в Арктике 1941—1942. М., 2003; *Горбатенко Д.Д.* Тень Люфтваффе над Европой. М., 1967; *Зефиров М.В.* Асы Люфтваффе: Бомбардировочная авиация. М., 2002; *Зефиров М.В.* Штурмовая авиация Люфтваффе. М., 2001; *Зефиров М.В., Дёгтев Д.М., Башенов Н.Н.* Тени над Заполярьем. Действия Люфтваффе против советского Северного флота и союзных конвоев. М., 2009; *Патянин С.В., Морозов М.Э.* Немецкие эсминцы Второй мировой. Демоны морских сражений. М., 2007; *Патянин С.В., Морозов М.Э.* «Чёрные молнии» Кригсмарине. Немецкие миноносцы Второй мировой. М., 2009; *Малов А.А., Патянин С.В., Сулига С.В.* Линкоры фюрера. Главный калибр Кригсмарине. М., 2008; *Кофман В.Л.* Принцы Кригсмарине. Тяжёлые крейсера Третьего рейха. М., 2008; *Кофман В.Л., Князев М.Б.* «Бронированные пираты» Гитлера. Тяжёлые крейсера типов «Дойчланд» и «Адмирал Хиппер». М., 2012.

[4] *Сергеев А.А.* Германские подводные лодки в Арктике...

[5] *Горбатенко Д.Д.* Тень Люфтваффе над Европой; *Зефиров М.В.* Асы Люфтваффе...; *Зефиров М.В.* Штурмовая авиация Люфтваффе; *Зефиров М.В., Дёгтев Д.М., Башенов Н.Н.* Тени над Заполярьем...

[6] *Assman K.* Wandlungen der Seekriegsführung. Hamburg, 1953 (*Ассман К.* Война на море // Итоги Второй мировой войны (выводы побеждённых). М., 1957. С. 159—175); *Godt E.* Der U-Boot-Krieg. Hamburg, 1953 (*Годт Э.* Подводная война // Итоги Второй мировой войны... С. 185—286); *Ziemke E.* The German Northern Theater of Operations 1940—1945. Washington, 1959 (*Цимке Э.* Вторжение в Норвегию и Данию (1040 год) // Важнейшие решения. Сборник статей. М., 1964. С. 74—98); *Грановский Е.А.* Торпедоносцы против арктических конвоев // Северные конвои: исследования, воспоминания, документы. Вып. 3. М., 2000. С. 51—60; *Супрун М.Н., Ларинцев Р.И.* Пятый флот Люфтваффе в небе Заполярья. Взгляд из России // Северные конвои: исследования... Вып. 3. С. 40—50.

[7] *Гальперин Е.С.* Норвежская операция 1940 г. // Морской сборник. 1948. № 8. С. 92—104; *Георгиади И.А.* Набег английских миноносцев 10 апреля 1940 г. // Морской сборник. 1940. № 12. С. 26—30; *Головач С.Ф.* Воздушные десанты в морской десантной операции // Морской сборник. 1940. № 12. С. 31—36; *Дашичев В.И.* Гитлеровская агрессия против Норвегии в 1940 г. // Новая и новейшая история. 1971. № 3. С. 62—73; *Десятов Л.* Операции в Норвегии (апрель—июнь 1940 г.) // оенно-исторический журнал. 1941. № 4. С. 3—21; *Игнатьев А.В.* ВВС в Норвежской операции // Морской сборник. 1940. № 8. С. 17—36; *Киселёв А.А.* Крушение планов фашистской Германии в Заполярье // Вопросы истории. 1984. № 11. С. 25—38; *Ковалёв С.* Секретные базы Кригсмарине в советском секторе Арктики // Морской сборник. 2002. № 8. С. 65—69; № 9. С. 80—84; *Соколов В.В.* Ленд-лиз в годы Второй мировой войны // Новая и новейшая история. 2010. №. 6. С. 3—17; *Хавкин Б.Л.* Гросс-адмирал Дениц — последний фюрер Третьего рейха // Новая и новейшая история. 2017. № 2. С. 165—183; *Кикнадзе В.Г.* Международное сотрудничество в области освещения обстановки в Арктике (по опыту Второй мировой войны) // Военно-исторический журнал. 2014. № 12. С. 41—46; *Гусаров В.И.* Тайны «Учения на Везере», или как Гитлера объявили крестоносцем // Военно-исторический журнал. 2010. № 9. С. 34—37.

(в том числе участниками тех событий из Англии, США и Германии), а их справочный материал касается и боевых действий, и деятельности в портах приёма караванов[8].

Имеющийся сегодня у отечественных историков массив фактического материала по проблеме борьбы нацистской Германии с СССР и его союзниками в Артике позволяет приступить к более основательным исследованиям. В частности, результатом одного из них стала монография, во многом обобщающая достижения отечественной и зарубежной историографии начиная с 1945 г.[9]

После вступления в НАТО Норвегии и Дании (1949) в условиях противоборства двух лагерей холодной войны в западной историографии, особенно военной, появились исследования, посвящённые изучению опыта боевых действий в Заполярье, а также оценкам значения Скандинавского плацдарма. При этом особое внимание уделялось непосредственным действиям немецких ВМС и ВВС с территории Норвегии против следовавших в Советский Союз конвоев. На основе опубликованных в разные годы работ зарубежных историков можно проанализировать, как они оценивали рассматриваемые события с позиций двух противоборствовавших политических систем[10].

Между тем в кратких обзорах отечественных и зарубежных исследователей (как правило, представленных в общих трудах или журнальных статьях) в основном описаны проведённые против конвоев отдельные операции вооружённых сил Германии или действия каких-либо родов её ВМС[11].

В историографии всё ещё отсутствуют какая-либо конкретика относительно сил, тактических приёмов германских ВМС и ВВС, оценка эффективности их действий. В трудах, посвящённых истории боевых действий на море против конвоев в 1941—1945 гг., главным образом проанализирована борьба на арктических коммуникациях между германскими и союзными ВМС и лишь затронуты некоторые вопросы, связанные с использованием Скандинавского плацдарма.

История войны на морских коммуникациях в Северной Атлантике и Арктике освещена в некоторых трудах зарубежных авторов. Поскольку, по мнению большинства их них, Северный морской театр военных действий не яв-

---

[8] Северные конвои: исследования... Вып. 2. М., 1994; Вып. 3.

[9] *Гурьев Е.П.* Охота за полярными конвоями. Скандинавский плацдарм Третьего рейха. М., 2017.

[10] *Butler J., Gwayer J.* Grand strategy. September 1939 — June 1941. L., 1957 (*Батлер Дж., Гуайер Дж.* Большая стратегия. Сентябрь 1939 — июнь 1941 гг. М., 1967); *Nimitz C., Potter E.* The Great sea war. Prentice-Hall, 1960 (*Нимиц Ч., Поттер Э.* Война на море 1939—1945. М., 1965); *Roskill S.* The navy at war 1939—1945. Vol. 1—3. L., 1954—1961 (*Роскилл С.* Флот и война. В 3 т. М., 1967); *Ruge F.* Der Seekrieg 1939—1945. Stuttgart, 1956 (*Руге Ф.* Война на море 1939—1945. М., 1957); *Freier P.H.* Der Tod auf allen Meeren. Ein Tatsachenbericht zur Geschichte des faschistischen U-Boot-krieges. Berlin, 1972; *Herzog B.* U-Boote im Einsatz 1939—1945. Oberhausen, 1970.

[11] *Андреев В.И.* Борьба на океанских коммуникациях. М., 1961; *Вайнер Б.А.* Северный флот в Великой Отечественной войне. М., 1964; Блокада и контрблокада. Борьба на океанских коммуникациях во Второй мировой войне. Сборник статей. М., 1967; Два конвоя. Сборник. М., 2003; *Irwing D.* The destruction of convoy PQ-17. L., 1967 (*Ирвинг Д.* Разгром конвоя PQ-17. М., 2004); История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. В 6 т. М., 1961—1965; История Второй мировой войны 1939—1945 гг. В 12 т. М., 1975—1976; Великая Отечественная война, 1941—1945. Военно-исторические очерки. В 4 кн. М., 1998—1999; *Киселёв А.* Крушение планов фашистской Германии в Заполярье; *Ковалёв С.* Секретные базы Кригсмарине в советском секторе Арктики; *Ферапонтов Н.* Немецкие конвои на Севере // Морской сборник. 1942. № 8. С. 43—46; Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 1—6. Berlin, 1974—1985.

лялся главным, в данных исследованиях боевым действиям в Арктике отведено незначительное место. Так, в написанной ещё в 1930-х гг. (но изданной в 1941 г.) книге начальника штаба германского флота В. Вегенера обосновывается война на морских коммуникациях Англии с использованием военно-морских баз в Норвегии[12].

Весьма внушительный объём за рубежом составляют посвящённые боевым действиям на море в 1939—1945 гг. работы, прежде всего немецких авторов, в той или иной мере осветивших значение стратегического плацдарма в Скандинавии как базы для борьбы на морских коммуникациях против союзных конвоев. При этом подчёркиваются значение операций противника на морских коммуникациях и необходимость создания соответствующих баз вне отечественных вод, включая Скандинавию. Немецкие авторы, проанализировавшие действия ВМС ВВС Германии, причины её поражения связывали с некомпетентностью А. Гитлера. Авторы других зарубежных стран рассматривали действия на северных коммуникациях как второстепенные и не уделяли им достаточного внимания.

Иллюстрацией реальной оценки стратегической обстановки самими немцами является труд адмирала Ф. Руге[13], основанный на источниках и Германии, и её противников. Автор дал весьма сжатый и вместе с тем полный анализ действий германских ВМС во Второй мировой войне. Отдельные разделы книги посвящены боевым действиям надводных и подводных сил против конвоев, позиция же А. Гитлера — действовать только против них — названа ошибочной. Кроме того, Руге считал, что захват Скандинавии объяснялся лишь экономическими и политическими соображениями.

Зарубежные авторы достаточно подробно описали действия отдельных родов ВМС Германии[14], конкретные операции против северных конвоев[15], оценили боевые действия германских вооружённых сил против Советского Союза в Арктике и союзных конвоев[16], охарактеризовали борьбу против них[17].

Наиболее яркой страницей, иллюстрирующей сотрудничество СССР с Великобританией и США в 1941—1945 гг., стали Северные союзные морские конвои, доставлявшие в Советский Союз важнейшие военные грузы, которые защищали советские и союзные военные моряки. Опыта проведения подобных операций и достаточных сил у Северного флота в то время не имелось. В результате было решено сопровождать конвои силами Королевского ВМФ Великобритании и СФ СССР, для чего требовалось наладить и организовать взаимодействие между союзниками и советским командованием. Это взаи-

---

[12] *Wegener W.* Die Seestrategie des Weltkrieges. Berlin, 1941.

[13] *Руге Ф.* Указ. соч.

[14] *Дениц К.* Немецкие подводные лодки во Второй мировой войне. М., 1964; *Busch H.* So war der U-Boot Krieg. Bielefeld, 1954; *Kurowski F.* Krieg unter Wasser. U-Boote auf Sieben Meeren 1939—1945. Düsseldorf, 1979; *Blair C.* Hitlerґs u-boat war 1939—1945. Vol. 2. N.Y., 1996 (*Блейр К.* Подводная война Гитлера 1939—1945. В 2 т. М., 2001).

[15] *Лунд П.* PQ-17 — конвой в ад // Два конвоя: PQ-17 и PQ-18. Сборник. М., 2004; *Брум Д.* Конвою рассеяться! // Два конвоя...; *Смит П.* Победа в Арктике // Два конвоя...; *Ирвинг Д.* Разгром конвоя PQ-17.

[16] *Дениц К.* Немецкие подводные лодки...; *Assman K.* Deutsche Seestrategie in zwei Weltkriegen. Heidelberg, 1957; *Meister J.* Der Seekrieg in den Osteuropäischen Gewässern 1941—1945. München, 1957; *Roskill S.* Op. cit.; *Morison S.E.* The battle of the Atlantic, 1939—1945. Vol. 2. L., 1953 (*Морисон С.Э.* Битва за Атлантику. Сентябрь 1939 — май 1945. В 2 т. М., 1956); *Butler J., Gwayer J.* Op. cit.

[17] *Irwing D.* Op. cit.; *Скофилд Б.* Русские конвои // Полярные конвои. Сборник. М., 2003; *Поуп Д.* Новогодний бой // Полярные конвои...

модействие налаживали с нуля, преодолевая не только военно-технические, политические, но и идеологические, ментальные разногласия между людьми, существовавшими в рамках разных общественно-экономических систем, учитывая то, что опыта подобного «общения» не имелось.

Для взаимодействия с советским флотом в северных портах СССР были развёрнуты британские военно-морские миссии, призванные организовывать взаимодействие флотов в совместных операциях: 20 июля 1941 г. — в Архангельске (глава кэптен (капитан 1-го ранга) Ф. Вайберд) и 29 июля — в главной базе СФ Полярном (кэптен Р. Беван). В августе того же года в Архангельске была создана американская военно-морская миссия во главе с лейтенантом С. Френкелем[18].

Первым опытом взаимодействия советских и союзных моряков стала организация базирования в портах Севера СССР британских ВВС и ВМС. В начале августа в Полярный прибыли две английские подводные лодки — «Тайгрис» и «Трайдент» (совершили три боевых похода, потопив шесть немецких торговых судов и два эскортных корабля), в ноябре их сменили подлодки «Сивулф» и «Силайон» (потопили четыре корабля противника). В январе 1942 г. на главной базе Северного флота в течение недели базировалась британская подводная лодка «Стёрджен»[19].

В сентябре 1941 г. на советский аэродром Ваенга (ныне Североморск) из Англии перебросили 151 истребительное авиакрыло на истребителях «Харрикейн», которые до ноября участвовали в боях с немецкой авиацией. Кроме того, с сентября в Архангельске и Иоканьге базировались корабли 6-й британской флотилии тральщиков, обеспечивавшей встречу конвоев в советских водах[20].

В конце 1941 г. окончательно оформилась схема доставки военной техники союзников из портов Исландии и Шотландии в северные порты СССР. Непосредственное эскортирование транспортов между Великобританией и нашей страной возлагалось на ВМФ Великобритании. Северный флот обеспечивал движение конвоев в своей операционной зоне (к востоку от 20-го меридиана восточной долготы, или траверза острова Медвежий в Баренцевом море).

На советский флот возлагались следующие задачи: поддержание выгодного оперативного режима на театре военных действий, достигаемого повседневной деятельностью флота; предварительное обеспечение безопасности прохождения союзных конвоев силами СФ, включавшее в себя нарушение развёртывания сил противника для ведения боевых действий против конвоев, а в случае, если развёртывание уже произошло, то нанесение СФ ударов по силам противника; непосредственное обеспечение союзных конвоев на переходе морем; эскортирование кораблями СФ Беломорской группы союзных транспортов между точкой разделения конвоя на Беломорскую и Кольскую группы и портами Белого моря — Архангельском и Молотовском (ныне Северодвинском)[21].

Взаимодействие с ВМФ Великобритании при обеспечении переходов конвоев осуществлялось через английскую военную миссию в Полярном и Архангельске. Касавшиеся конвоев проблемы решало командование СФ на месте путём согласования с английской миссией. В частности требовалось установить районы боевой деятельности советских и союзных сил по обеспечению кон-

---

[18] *Супрун М.Н.* Ленд-лиз и северные конвои... С. 33—34.
[19] Там же. С. 35—36.
[20] Там же. С. 39—41.
[21] Центральный военно-морской архив (далее — ЦВМА), ф. 767, оп. 2, д. 75, л. 219.

воев (для этого Баренцево море разделялось на зоны: союзников — к западу от 20-го меридиана, СФ — к востоку от него); организовать встречу конвоя с кораблями Беломорской военной флотилии для эскортирования Беломорской группы в порты Архангельск и Молотовск; гарантировать непосредственное охранение при переходах союзных конвоев между Кольским заливом и портами Белого моря; снабдить движение конвоев средствами навигационного обеспечения (установка навигационных знаков на фарватерах), союзные транспорты — проводкой и боевые корабли охранения — лоцманами при входе и выходе из наших портов; обмениваться разведывательной информацией о деятельности противника в районе движения конвоев, о базировании вражеских сил в портах и на аэродромах в Северной Норвегии, о минной обстановке по маршруту следования конвоев[22].

Связанные с их обеспечением вопросы согласовывали во время встреч командования СФ со старшим британским офицером (SBNO) на Севере России (главой военно-морской миссии), офицеров штаба флота и английской миссии, а также посредством их переписки.

Боевое управление в ходе конвойной операции имело некоторые организационные особенности. Перед выходом конвоя в советские порты английская военная миссия в Полярном давала командованию СФ необходимую информацию: состав конвоя (названия транспортов и кораблей непосредственного эскорта) и схема походного ордера; время и дата выхода из союзных портов и ориентировочное время прибытия в Кольский залив; состав отряда дальнего прикрытия конвоя и район его действия; маршрут движения конвоя; его литер («PQ» — 1941—1942 гг., «JW» — 1942—1945 гг.) и радиопозывные каждого транспорта и боевого корабля в отдельности; фамилия командира эскорта, название корабля, на котором он находился; фамилия коммодора конвоя и название его корабля; состав группы кораблей, направлявшихся в порты Белого моря[23].

Для выбора маршрута следования конвоя перед его выходом из Великобритании силами СФ проводилась ледовая разведка в Баренцевом море для установления границы кромки пакового (сплошного) льда, результаты сообщались в английскую военно-морскую миссию. Пользоваться радиосвязью командиру конвоя разрешалось только в случае нападения противника или серьёзной аварии. Перед прибытием конвоя в Кольский залив один из офицеров конвойной службы проводил инструктаж лоцманов[24].

После получения всех данных о покинувшем Англию конвое и о его выходе от английской военно-морской миссии главком СФ издавал приказ, в котором ставились задачи всем службам флота по обеспечению соответствующей встречи. На основании этого приказа в штабе СФ составляли план с подробным указанием, каким службам, что и когда предстояло выполнить для приёма конвоя[25].

В основу безопасности движения союзных конвоев были положены противолодочное, противовоздушное, противоминное и противокорабельное виды боевого обеспечения. Соответствующие операции развёртывались на участках морей протяжённостью до 1 тыс. морских миль. Взаимодействуя с силами со-

[22] Там же, л. 220.
[23] Там же, л. 223.
[24] Там же, л. 224.
[25] Там же, д. 79, л. 64.

юзников, СФ решал задачи предварительного и непосредственного обеспечения конвоев. Первый из них включал предварительные: усиленную воздушную разведку для установления базирования и действий сил противника в Северной Норвегии; поиск вражеских подводных лодок авиацией в открытом море и надводными кораблями на подходах к базам СФ; траление фарватеров и курсов движения конвоев, опасных в минном отношении, а также нанесение бомбовых ударов по аэродромам и базам противника в регионе до выхода конвоя в море.

Непосредственное обеспечение конвоев включало воздушную разведку, поиск и уничтожение подлодок противника и плавающих мин в районе движения конвоев; наблюдение за вражескими надводными кораблями силами советских подводных лодок у побережья Норвегии; нанесение бомбовых ударов по немецким военно-морским базам и аэродромам во время движения конвоев; прикрытие их с воздуха самолётами-истребителями и зенитной и береговой артиллерией при движении вдоль побережья и при входе в Кольский залив; противолодочную оборону впереди по курсу движения конвоя в 30—120-мильной зоне от Кольского залива самолётами ближнего, а в зоне 180—200 миль — дальнего радиуса действия; наличие в готовности кораблей для поиска и сопровождения отставших от конвоя транспортов, а также кораблей со средствами аварийно-спасательного обеспечения для транспортов, потерпевших аварию; эскортирование транспортов Беломорской группы конвоя между точкой разделения и портом назначения. В ходе операций по сопровождению союзных конвоев СФ потерял два эсминца, по одному тральщику, морскому охотнику и торпедному катеру[26].

Боевое взаимодействие при сопровождении конвоев в море определялось совместными решениями командования СФ и британской военной миссии. Значительно сложнее оно осуществлялось на берегу, в портах назначения грузов — Архангельске и Мурманске. Впервые после интервенции Антанты в 1918—1919 гг. в этих городах одновременно находилось очень много прибывших в составе конвоев иностранцев, моряков и обслуживающего персонала британской военной миссии. Как правило, экипажи торговых судов, за исключением командного состава, состояли из моряков, которые, помогая СССР, руководствовались не патриотическими чувствами, а нанимались за большие деньги на один—два рейса. Это были люди разных национальностей, часто не отличавшихся особой дисциплинированностью и сознательностью. К примеру, для советских людей были непонятны случаи, когда моряки одного из судов конвоя отказывались выйти в плавание, пока им не выдали вторые одеяла[27], или когда среди союзных моряков, спасённых с потопленных кораблей конвоя «PQ-17» советским катером МО-113, на его борту начались межнациональные ссоры между ранеными[28].

Для организации быта и досуга иностранных моряков в Архангельске и Мурманске были открыты интернациональные клубы, где демонстрировались кинофильмы, проводились совместные вечера отдыха, имелась возможность простого общения иностранных моряков с советскими гражданами, что, в свою очередь, вызывало беспокойство органов НКВД. Поведение нарушавших общественный порядок иностранных моряков часто приводило к конфликтам

[26] Там же, д. 75, л. 231—233.
[27] Там же, д. 24, л. 128.
[28] *Нечаев В.М.* Нельзя забыть // Северные конвои: исследования... Вып. 2. С. 146—167, 161.

с местными органами власти. Известны случаи, когда нарушения со стороны иностранцев были настолько серьёзны, что становились предметом обсуждения между командованием СФ и главой британской военной миссии. Например, английский матрос сорвал с витрины ТАСС иллюстрирующие зверства нацистов фотографии и унёс их с собой. В итоге советский патруль изъял у англичанина фотографии, а военная миссия извинилась перед командованием СФ[29]. Однажды двое офицеров из английской военной миссии устроили пьяную драку и дебош в столовой бригады подводных лодок СФ[30].

Главный морской штаб (ГМШ) ВМФ СССР вынужден был направить военным советам СФ и Беломорской военной флотилии письмо «Об упорядочении увольнения иностранных моряков на берег, нарушающих наши распорядки, пьянствующих, спекулирующих, занимающихся контрабандой»[31]. Помимо прочего, в нём указывалось, что американское и британское командования должны контролировать поведение своих моряков, а также следить за посещением иностранцев советскими гражданами[32].

Естественно, что ограничительные мероприятия местных властей вызывали у иностранных моряков недовольство. Офицер одного из судов конвоя вспоминал, в каком «рудиментарном» лагере для иностранных моряков приходилось жить на берегу: «Это были деревянные бараки с “удобствами” на улице, с отсутствием туалетной бумаги. В рационе питания не хватало свежих овощей и фруктов»[33].

Согласно переписке главкома Северного флота с главой британской миссии союзные конвои и корабли эскорта часто обеспечивались в портах СССР топливом и продуктами питания. Если первый вопрос решался просто, то второй — намного сложнее. На одном из писем британского командующего, где запрашивались продукты (хлеб — 1,5 тыс. кг, картофель — 1 тыс. кг, мясо — 800 кг, овощи — 400 кг, фрукты — 400 кг), против каждого наименования заместитель по снабжению командующего СФ уменьшил показатели в два раза, а напротив «фруктов» поставил резолюцию «нет и не будет»[34].

Командующий СФ вице-адмирал А.Г. Головко вспоминал: «В круг вопросов, связанных с возможным базированием английских кораблей в Кольском заливе, входили: можем ли мы снабжать корабли овощами, какого качества будут овощи, и нельзя ли посмотреть их; можем ли снабжать мазутом и какого качества мазут; можем ли организовать для английских матросов тюрьму на берегу (гауптвахту); есть ли у нас дома терпимости. На всё это я ответил так: из овощей будем давать то, что сами имеем, домов терпимости нет и не будет, тюрьму для английских матросов организовывать не станем»[35].

Как указано в докладной записке представителя Совинформбюро на Севере известного писателя В.П. Беляева, «90% моряков, побывавших в северных портах, вследствие местных порядков уезжают врагами советской власти и русского народа. Сами иностранцы считают, что с русскими может встре-

---

[29] ЦВМА, ф. 767, оп. 2, д. 157, л. 132.

[30] Там же, л. 134.

[31] Там же, д. 24, л. 128.

[32] Там же, д. 157, л. 132.

[33] Русский север. Социальные аспекты взаимоотношений с союзниками / Публ. П.Н. Кнышевского // Северные конвои: исследования... Вып. 2. С. 206.

[34] Там же.

[35] *Головко А.Г.* Вместе с флотом. М., 1984. С. 89.

чаться либо самоубийца, либо человек, тайно работающий в органах НКВД»[36]. На основании этой записки заместитель наркома иностранных дел С.А. Лозовский писал наркому иностранных дел В.М. Молотову: «Что бесспорно в жизни иностранцев на Севере? 1) Несомненно, на всякий ли случай или заведомо точно, они рассматривают Север как возможный плацдарм для вторжения англо-американских войск в Россию, как территорию, на которой прежде всего может быть повторена интервенция. 2) В связи с этим и повышенная деятельность английской и американской разведки, и тщательное изучение "впрок" каждого русского человека, каждого явления общественной жизни и вообще всей обстановки. 3) Отсюда стремление как можно глубже проникнуть вглубь советского народа, разузнать его действительные настроения, окутать себя мифом "благодетелей", абсолютно безупречных людей и т.д. 4) Естественно поэтому, что никому из союзников, а в первую очередь представителям миссий, не нравятся те препятствия, которые чинят представители советской власти на пути общения с иностранцами. Эти препятствия мешают работать разведчикам, как в любой другой стране. Однако все это не даёт нам права оставлять широкие массы тружеников — американских и английских моряков, в симпатиях которых мы всегда были заинтересованы, людей, которые, рискуя жизнью, возят всё-таки оружие в СССР — за пределами нашего внимания, за своеобразной "Китайской" стеной».

Далее предлагалось разрешить более широкие встречи советских и иностранных моряков, улучшить работу интерклубов, обеспечив их высококвалифицированными специалистами; приравнять инструкторский штат по продовольственному снабжению к научным работникам, чтобы люди не голодали и не ходили в рваной одежде и обуви. Кроме того, хотели создать условия, чтобы города Севера стали образцовыми, а «иностранцы не рассказывали у себя, что люди в Архангельске убивают друг друга, чтобы влезть в трамвай, или как ребятишки атакуют каждого иностранного моряка, чуть не силой требуя от него сигарет. Это мнение принесёт плохую славу СССР, и эти рассказы очевидцев в какой-то мере парализуют нашу пропаганду в союзных странах. Следует добиться того, чтобы зимой Архангельск не сидел половину вечеров без света, чтобы туда приезжали лучшие, хорошие артисты, чтобы было в нём много бань, и не ломали бы себе ноги прохожие на архангельских улицах, и чтобы культурно работала архангельская милиция»[37].

Другой советский писатель — Ю.П. Герман, находившийся в то время в Архангельске в качестве военного корреспондента ТАСС, обратился в политуправление Беломорской военной флотилии с рапортом, в котором сообщалось о «фактах дискриминации по отношению к советским морякам — участникам конвоев со стороны советской власти... 1) Все американские и английские капитаны глубоко возмущены тем, что прекрасные, заслуженные, покрывшие себя славой русские офицеры не пропускаются в ресторан интуриста и интерклуба, в то время как любой польский солдат может пьянствовать в ресторане даже с дамой. Среди союзников циркулируют слухи, что рестораны интуриста и интерклуба содержит последний частник в России, для которого иностранные клиенты выгоднее советских. Иначе они не могут объяснить такое положение. 2) Все решительно капитаны судов союзников жалуются на холодный, неприязненный приём в Архангельске. Они поражены, что никто

[36] Русский север... С. 207—208.
[37] Там же. С. 205—206.

не поздравляет с прибытием, что офицеры русского флота не бывают у них в гостях и не приглашают их к себе, что союзников чураются, что никто из русских офицеров не желает выпить с ними стакан виски. “Второй фронт, — говорят капитаны, — дело нашего правительства, мы — люди маленькие, чуждые политики, мы выполняем свой долг, мы привели конвой в ваши воды и тем выполнили то, что нам было приказано, а вы встречаете нас так, точно мы в чём-то виноваты или мы преступники”. 3) Англичане и американцы особо говорят о наших советских моряках, восхищаясь их мужеством, считают их своими кровными братьями и поэтому совершенно не понимают различия, которое вносится интуристовской администрацией в обслуживание моряков иностранных и моряков русских. Наши капитаны, которые часто ведут себя мужественнее союзников, отбиваясь от атак бомбардировщиков, капитаны эти не имеют доступа туда, куда запросто ходит английский и американский матрос, и зачастую нашим капитанам приходится “блатовать”, унижаться, кланяться, чтобы попасть в глупое положение перед иностранцами, которые всё это видят. Несмотря на просьбы английского командования ограничить отпуск спиртного нижним чинам, официанты клуба за консервы и сигаретки нарушают это, что ведёт к пьянству и дракам». На рапорте Германа секретарь Архангельского обкома ВКП(б) по водному транспорту А.С. Буданов написал резолюцию: «В интерклуб и интурист советских моряков пускать на общих основаниях»[38].

Многие предложения известных писателей в какой-то мере были отражены в ряде постановлений правительства по улучшению инфраструктуры городского хозяйства и не касались социально-экономического положения населения и политической атмосферы. Например, в соответствии с подписанным И.В. Сталиным и изданным 12 мая 1944 г. постановлением ГКО «О мероприятиях по улучшению городского хозяйства городов Архангельска и Молотовска Архангельской области» было улучшено электроснабжение и освещение Архангельска[39].

13 июля 1944 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по улучшению массово-политической работы среди населения городов Архангельска и Молотовска» (за подписью секретаря ЦК А.С. Щербакова). В этих городах реорганизовали, дополнили штаты интерклубов и улучшили их техническое оборудование; организовали гастроли и выступления известных артистов московских театров; провели разъяснительные лекции и беседы с партийным и комсомольским активом, а также в трудовых коллективах и воинских частях; мобилизовали в «шефские бригады» интерклуба лучших комсомольских активистов[40]. Хотя все существовавшие проблемы в ходе этих мероприятий в городах Севера решить не удалось, все же моральная обстановка в них значительно улучшилась.

В результате умелых объединённых действий военной и гражданской администрации на местах Советскому Союзу удалось создать надёжно работавшую в военные годы систему взаимодействия с союзниками. Она позволила, особенно во второй половине войны, успешно проводить конвойные операции на Севере, способствуя приближению Победы.

---

[38] Конвои (исследования, воспоминания, библиография, документы). Архангельск, 1995. С. 228—229.

[39] Русский север... С. 208.

[40] Там же. С. 209.

«Моя поездка в Россию»: визит Клементины Черчилль в СССР весной 1945 г.

Ирина Быстрова

«My visit to Russia»: Clementine Churchill's trip to the USSR in spring of 1945

Irina Bystrova
(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences; Russian State University for the Humanities, Moscow)

DOI 10.31857/S086956870010145-0

23 марта 1945 г. нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов обратился с письмом «в ЦК ВКП(б) — тов. Сталину И.В.»: «В конце марта в СССР должна прибыть жена Черчилля — Клементина Черчилль. 1. Для организации приёма и пребывания в Советском Союзе Черчилль считаю целесообразным назначить комиссию в составе: И.М. Майский, П.С. Жемчужина, П.Д. Дивакова (Красный Крест), Л.Д. Кислова (ВОКС[1]) и Т.К. Кошелева. 2. В плане пребывания К. Черчилль в Советском Союзе предусмотреть посещение Ленинграда, Петергофа, Сталинграда, Ростова-на-Дону, группы Минеральных Вод, Севастополя, Ялты и некоторых других пунктов Крыма и Одессы. Во всех городах предполагается осмотр достопримечательностей, посещение больниц, детских садов, некоторых заводов, научных учреждений и вузов, а также посещение театров, концертов и просмотр кинофильмов. 3. К. Черчилль выразила желание иметь приём у т. Сталина, что и предполагается включить в план. 4. Во время пребывания Черчилль в Москве предусматриваются визиты Черчилль к т. Молотову, т. Колесникову (Красный Крест), в также завтрак у т. В.М. Молотова, чай у П.С. Жемчужиной, обед у т. Колесникова. Предусматриваются визиты, а также обеды, ужины у председателей горсоветов городов, которые К. Черчилль предполагает посетить. 5. Перед отъездом Черчилль из Москвы предполагается организовать приём в ВОКСе с участием советской общественности. Прошу утвердить»[2].

Предыстория этой примечательной поездки такова. В годы Второй мировой войны супруга премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля баронесса Клементина Огилви Спенсер-Черчилль (1885—1977) не занимала никаких официальных должностей в британском правительстве, но имела огромный авторитет в различных слоях населения своей страны. Именно эта женщина с чрезвычайно развитым чувством милосердия сделала очень многое для организации поддержки СССР с самого начала Великой Отечественной войны. По собственной инициативе она организовала и стала президентом «Фонда помощи России» Красного Креста («Aid to Russia Fund»), работавшего с осени 1941 до 1951 г. несмотря на начавшуюся холодную войну. Фонд помогал Советскому Союзу медикаментами, оборудованием для госпиталей, продуктами питания. Благодаря прежде всего исключительному личному авторитету

© 2020 г. И.В. Быстрова

[1] Всесоюзное общество культурной связи с заграницей.

[2] АВП РФ, ф. 06, оп. 7, д. 246, л. 4. На документе резолюция: «За / И. Сталин».

К. Черчилль в Великобритании, Фонд собрал более 8 млн британских фунтов (примерно 200 млн фунтов по современным деньгам).

Материалы о деятельности этой организации, а также о визите Клементины в СССР в марте—мае 1945 г. представлены в фонде К. Черчилль Архива (Архивного центра) У. Черчилля (Churchill Archives Centre). Этот архив был открыт в 1973 г. на территории Колледжа Черчилля в Кембридже, который является национальным мемориалом памяти английского премьер-министра.

Среди документов особо выделяются телеграммы Клементины мужу (их оригиналы наклеены на бумагу малинового и зелёного цветов), наполненные бесценными свидетельствами о положении в различных городах СССР. В том же архиве, но уже в фонде У. Черчилля хранятся материалы об организации этой поездки с британской стороны, а также проникновенные письма Уинстона к жене, полученные ею в ходе этого непростого и затянувшегося против намеченного плана путешествия.

Советская сторона тоже освещала этот визит, которому руководство страны придавало большое политические значение. Соответствующие документы хранятся в АВП РФ в фонде В.М. Молотова.

В январе 1945 г. посол Советского Союза в Великобритании Ф.Т. Гусев от имени правительства СССР и советского Красного Креста пригласил супругу английского премьера посетить нашу страну. Приняв приглашение, Клементина пожелала побывать в ряде военных госпиталей, детских учреждений, а также городов и районов нашей страны[3], что было максимально учтено при составлении плана поездки баронессы. Он, судя по документам МИД, оказался обширным, поэтому неоднократно корректировался в сторону уменьшения. Так, городом-кандидатом на «сокращение» оказалась Одесса (там находилась масса военнопленных из различных европейских стран), но в итоге её оставили в плане. В ходе визита в маршрут включались новые места посещения, например, Курск.

Британская сторона проявила особое внимание организации поездки. По сообщению работника НКИД Г.И. Фомина, 18 марта он принял второго секретаря английского посольства Уотсона по его просьбе. Тот передал меморандум относительно приезда в СССР жены Черчилля. В документе сообщались детали первоначального замысла: Клементину должны были сопровождать «мисс Хэмблин, её личный секретарь, и мисс Джонсон, секретарь “Фонда помощи России” Общества Красного Креста, которая посетила Москву осенью прошлого года вместе с сэром Артуром Абрахамс»[4].

Судя по меморандуму, Черчилль беспокоился относительно безопасности жены: «Она вылетает в Москву на “Скаймастер”-е (С-54), четырёхмоторном моноплане № E.W. 999. Миссис Черчилль желает лететь через Каир прямо в Москву и хотела бы прибыть примерно в полдень 29 марта. Воздушная секция Британской военной миссии в ближайшее время будет иметь в своём распоряжении подробности маршрута и данные относительно организации специальной сигнализации, необходимой для полёта. Поскольку полёт будет совершаться над Чёрным морем и Крымом, Воздушная секция Британской военной миссии предполагает, что соответствующим советским органом, с которым необходимо вести переговоры о мероприятиях, связанных с полётом, является Отдел внешних сношений Народного комиссариата Военно-морского флота.

[3] Там же, ф. 069, оп. 29, д. 89, л. 12.
[4] Там же, ф. 06, оп. 7, д. 246, л. 1—2.

Посольство Его величества было бы благодарно за скорейшее уведомление его о том, что это за компетентный орган в действительности и что этот орган осведомлён о деталях полёта, с тем чтобы Воздушная секция Британской военной миссии могла сообщить без промедления информацию, имеющуюся в её распоряжении»[5].

Представленный Молотовым 23 марта 1945 г. окончательный план поездки был утверждён Сталиным. Знаком особого расположения руководства страны стало предоставление К. Черчилль и сопровождавшим её лицам специального поезда. По сообщению корреспондента службы радиовещания ВВС Д. Тутаева, поезд был оборудован спальней и гостиной. Клементина пригласила британских и русских друзей перед отъездом из Москвы в Ленинград: «Идите и посмотрите, как комфортабельно они меня устроили»[6]. В шифротелеграмме мужу от 7 апреля она писала: «Мы в России не летаем, а путешествуем с места на место в специальном поезде, всё это организовано мистером [И.М.] Майским. Пожалуйста, телеграфируй ему и поблагодари за все усилия, которые он предпринимает, чтобы организовать наш визит приятно и комфортабельно»[7]. Позже супруга английского премьера отмечала, что поезд двигался «со скоростью 20 миль в час, что позволяло хорошо видеть места, по которым мы проезжали»[8].

Представляет интерес биография госпожи Черчилль, составленная работником внешнеполитического ведомства В.Г. Трухановским на базе отечественной и зарубежной прессы, сообщений бывшего посла СССР в Великобритании Майского и записки, полученной из советского Красного Креста. Автор выделил как основные факты биографии, так и яркие личностные качества баронессы: «Точная дата рождения неизвестна, так как К. Черчилль, имея приблизительно 60 лет, предпочитает обходить этот вопрос. Отец Клементины был полковником, служил в кавалерии. Мать происходит из старинной аристократической семьи графов Эрли... Родилась в Шотландии, и, как все шотландцы, весьма гордится этим. Клементина... является культурным человеком, любит музыку, театр. Часто посещает концерты. Любит весёлые комедии, но иногда не прочь посмотреть что-нибудь “душу раздирающее”. Говорит по-французски, но не очень блестяще. Хорошо и со вкусом одевается. Весьма общительна, любит выступать публично и по радио. Любит сниматься по различным официальным поводам и собирает фотографические снимки и киноплёнки... Весьма подвижна, вечно куда-нибудь торопится. Замуж за Уинстона Черчилля вышла в 1908 году. К мужу относится с уважением и восхищением. Муж, в свою очередь, очень предан жене и советуется с ней по различным политическим вопросам, поэтому Клементина... всегда очень хорошо осведомлена и от неё иногда можно узнать интересные вещи». Далее следовала характеристика личной жизни (не очень удачной, по мнению составителя) детей миссис Черчилль (Рэндольфа, Дианы, Сары). Особо была отмечена «любимица своего отца» младшая дочь Мэри, которая служила «в войсках противовоздушной обороны»[9].

---

[5] Там же, л. 2—3.

[6] Churchill Archives Centre. The Papers of Clementine Ogilvy Spencer-Churchill, Baroness Spencer-Churchill of Chartwell, GBR/0014/CSCT 3/48 (CSC’s visit to Russia, 1945), l. 4.

[7] Ibid, CSCT 1/29, l. 18.

[8] *Черчилль К.* Моя поездка в СССР. Лондон, 1945. С. 7. Написанная на английском языке и рассчитанная на западного читателя книга «Моя поездка в Россию» сразу была переведена на русский язык и издана под названием «Моя поездка в СССР».

[9] АВП РФ, ф. 6, оп. 7, д. 246, л. 11, 12.

Трухановский акцентировал внимание на деятельности Клементины по организации помощи СССР: «Она возглавляет созданный 15 октября 1941 г. “Фонд помощи России”, который на 20 марта 1945 г. собрал около 6 700 000 фунтов стерлингов. На средства фонда было закуплено в Англии и отправлено в СССР в 1941—1944 гг. 11 600 тонн медицинского имущества и носильных вещей на сумму в 11 500 000 американских долларов. В настоящее время возглавляемый К. Черчилль фонд готовит оборудование для полного оснащения 2-х больниц в Ростове-на-Дону стоимостью в 400 000 фунтов стерлингов». Также отмечалась её глубокая и искренняя симпатия к советскому народу: «Клементина Черчилль часто выступает по радио и в печати с призывами жертвовать в “Фонд помощи России”... весьма сочувственно отзывается о народах Советского Союза, высоко оценивает военные усилия СССР и успехи Красной армии... 29 сентября 1943 года в “Таймс” было опубликовано заявление К. Черчилль об итогах сбора средств в “Фонд”, в котором она подчеркнула, что собранная сумма (4 млн фунтов стерлингов в то время) незначительна по сравнению с размерами СССР, с количеством его разрушенных городов и численностью его героического непобедимого населения, но она является искренней данью англичан, живущих во всём мире. Богатые и зажиточные люди делают щедрые взносы, но большая часть этой суммы состоит из взносов рабочих, сотни тысяч которых неделя за неделей делают свои вклады. Это действительно народный фонд, и этим путём английский народ выражает советскому народу своё уважение, удивление и восхищение его непревзойдённой храбростью и патриотизмом и военными усилиями». Трухановский подчёркивал, что «выступления Клементины... с призывами помогать народам Советского Союза и её энергичная деятельность как организатора этой помощи по линии Красного Креста имеет большое политическое значение, ибо к её словам прислушиваются и относятся с доверием деловые круги, правые круги консервативной партии и другие элементы, обычно с недоверием воспринимающие положительные отзывы о Советском Союзе»[10].

Оценка степени влияния Клементины на англичан оказалась очень точной. Документы личного архива К. Черчилль (прежде всего письма простых людей) свидетельствуют о её огромном авторитете, благодаря которому во многом и удалось собрать в Фонд такие внушительные суммы. Что же говорить о её влиянии на Уинстона Черчилля? В ходе поездки жены он постоянно посылал ей телеграммы, проникнутые глубокой любовью и заботой. В одной из них, отправленной 31 марта в Каир (Клементина остановилась там из-за непогоды по пути в СССР), Черчилль писал: «Я так сожалею, что ты задержалась. Ты непрестанно в моих мыслях. С нежной любовью от меня и Сары... Желаем всего наилучшего на завтра. Мы шлём и другие послания по случаю дня рождения (она родилась 1 апреля 1885 г. — *И.Б.*), чтобы поздравить тебя по прибытии. Если ты ещё дольше задержишься на Пирамидах, стоит посмотреть Оазис Сива, где Антоний и Клеопатра провели свой медовый месяц... Уинстон»[11].

Миссис Черчилль была своего рода неформальным посланником премьер-министра. В первой посланной Клементине в Москву телеграмме (все они, как правило, передавались через А.К. Керра, посла Великобритании в СССР в 1942—1946 гг.) он писал: «Чудесные отзывы о твоей речи и приёме получены нами здесь. В данный момент ты единственное светлое пятно в

[10] Там же, л. 12—13.

[11] Churchill Archives Centre, CSCT 3/49 (Cables: WSC—CSC—WSC. Russian visit 1945), l. 2.

англо-русских отношениях. Люблю тебя. Шлю тебе письмо от Мэри»[12]. 5 и 6 апреля Уинстон просил: «Пожалуйста, свободно телеграфируй мне каждый день о своих деяниях и политических контактах»; «говори всегда о моём искреннем желании продолжать дружественные отношения между британским и советским народами и о моей решимости упорно над этим работать»[13].

Телеграммы, отправленные Клементиной мужу по пути следования, были наполнены сильными впечатлениями и искренними чувствами. «Верь мне или нет, но я имела огромный успех, — писала она в одной из них, переданной через Керра 13 апреля из Москвы по пути в Сталинград. — Толпы приветствовали меня везде и были очень дружелюбны... Мы проехали через эту огромную страну с севера на юг, и я хотела бы, чтобы ты знал, что это огромное тёплое чувство кажется повсеместным»[14]. Во время одной из остановок, она сообщила: «Семьдесят пять моряков приехали из Севастополя и развлекали нас дома песнями и танцами. Это был захватывающий спектакль. Одна вдохновляющая песня была в честь британских моряков, которые рискуют своими жизнями, приводя конвои в Архангельск»[15]. Советские газеты тоже сообщили об этом: «Г-жа Черчилль присутствовала в Алупкинском дворце на концерте, который был дан ансамблем песни и пляски Черноморского флота. Ансамбль исполнил песню, посвящённую морякам Английского королевского флота, занятым транспортировкой грузов в СССР. Г-жа Черчилль поблагодарила участников ансамбля и выразила уверенность, что дружба между советскими и британскими моряками будет расти и крепнуть, так же как и дружба Советского Союза с Великобританией»[16].

Сухие документы из советского архива контрастируют с эмоциональными — из личного архива Клементины. Казалось, каждый шаг её на территории СССР был чётко спланирован и регламентирован. Тексты сообщений о её поездке в центральных газетах тщательно выверялись и редактировались. Так, в фонде Молотова содержатся вырезки из газет с освещением этого визита, который служил средством пропаганды достижений СССР в войне и должен был содействовать укреплению советско-британских отношений. Поэтому во многих местах пребывания миссис Черчилль предусматривались и её выступления по радио, и «кино- и фотосъёмка». Газета «Правда» печатала довольно краткие сообщения с перечислением мест посещения высокой гостьи (иногда цитировались выдержки из её выступлений), а также присутствовавших при этом лиц.

3 апреля 1945 г. газета «Известия» сообщала: «По приглашению правительства СССР и исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР 2 апреля в Москву прибыла председатель Британского комитета “Фонда помощи России” г-жа Клементина Черчилль, супруга премьер-министра Великобритании, в сопровождении секретаря комитета... М. Джонсон. Вместе с г-жой Черчилль прибыл представитель исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР в Лондоне проф. С.А. Саркисов. На Центральном аэродроме г-жу Черчилль встречали заместитель народного комиссара иностранных дел СССР И.М. Майский, П.С. Жемчужина-Молотова, председатель исполкома Союза обществ Красного

[12] Ibid, l. 3.
[13] Ibid, l. 6, 7.
[14] Ibid, l. 18, 38.
[15] Ibid, l. 53.
[16] АВП РФ, ф. 06, оп. 7, д. 246, л. 74.

Креста и Красного Полумесяца СССР С.А. Колесников, заместитель председателя исполкома Московского городского совета М.В. Сарычева, заместитель председателя исполкома Красного Креста и Красного Полумесяца СССР П.Д. Диваков, Л.Д. Кислова, Т.К. Кошелева и др. П.С. Жемчужина поднесла г-же К. Черчилль букет цветов. На аэродроме присутствовали посол Великобритании г-н А. Керр, посол Соединённых Штатов Америки г-н А. Гарриман, начальник Военной миссии Великобритании контр-адмирал Э. Арчер и дипломатический состав Великобританского посольства. Аэродром был украшен британскими и советскими флагами... Выступая перед микрофоном на московском аэродроме, г-жа К. Черчилль заявила: "Это один из самых вдохновляющих и волнующих моментов в моей жизни. Мне давно хотелось посетить вашу великую страну, потому что за долгие годы войны я, мои соотечественники и соотечественницы следили с восхищением, уважением, трепетом, удивлением и любовью за великими усилиями вашей замечательной армии и всех ваших мужчин и женщин. Я уверена, что получу большое удовольствие от пребывания у вас"»[17].

Корреспондент службы ВВС Д. Тутаев в репортаже от 11 апреля дал более живое описание встречи: "Я был на московском аэродроме, украшенном "Юнион Джеком" (флаг Британской империи) и Красным флагом, когда самолёт Королевских В[оенно]-в[оздушных] с[ил] с миссис Черчилль на борту появился в сером небе, чтобы совершить идеальную посадку... Через минуту или две складная, нарядная фигура миссис Черчилль стояла на трапе, и приглушённый синий цвет униформы Красного Креста контрастировал с яркими весенними цветами, переданными ей мадам Жемчужиной. Было очевидно... приятным сюрпризом для гостей миссис Черчилль, когда в качестве благодарности она произнесла несколько хорошо выбранных и хорошо отрепетированных слов по-русски. И затем, как бы для того, чтобы свести формальности к минимуму, мадам Майская спросила: "Как дети?". "О, они в порядке", — ответила миссис Черчилль. "А Мэри — она говорила о лейтенанте Мэри Черчилль... — она сейчас за морем. Она уехала со своей противовоздушной батареей". Это было очень хорошо и искренне... Среди встречавших её должно было быть много людей, сыновья и дочери которых служили на фронте"»[18].

Согласно плану организации пребывания Клементины в Москве гости разместились в особняке (ул. Островского, д. 6), подготовку и обслуживание которого, включая питание и обеспечение автомашинами, возложили на НКГБ. В пояснениях заместителя наркома иностранных дел А.Я. Вышинского находим план, уточнённый на каждый день (однако отмечу, что ключевая встреча Клементины со Сталиным в Кремле 7 мая в этот план не попала!): «3. IV. С аэродрома до особняка (дачи) К. Черчилль сопровождают тов. тов. И.М. Майский и П.С. Жемчужина. Прикреплённая к К. Черчилль тов. Кислова Л.Д. постоянно находится в особняке (на даче) и сопровождает Черчилль, за исключением случаев, когда это будет специально оговорено. На приёме К. Черчилль сопровождает тов. тов. И.М. Майский и А. Керр. При осмотре Кремля К. Черчилль сопровождает тов. тов. И.М. Майский и А.А. Майская. Производится кино- и фотосъёмка. На приёме К. Черчилль тов. А.С. Колесниковым присутствует проф. Саркисов. На спектакле «Князь Игорь» в Большом театре в центральной ложе присутствуют: (список прилагается. — *И.Б.*).

[17] Там же, л. 36.
[18] Churchill Archives Centre, CSCT 3/48, l. 3.

Примечание 1: Ответственные работники НКИД, НКЗдрава, Красного Креста и дипломаты Английского посольства размещаются в двух соседних, примыкающих к центральной, ложах. Примечание 2. Дипкорпус в театр не приглашается. 4. IV. При осмотре города К. Черчилль сопровождают тов. тов. Саркисов, Т.К. Кошелева, Л.Д. Кислова. При осмотре К. Черчилль Московского Метрополитена К. Черчилль встречают и дают объяснения тов. тов. Новикова и З. Фёдорова. Список приглашаемых на завтрак 4. IV. к П.С. Жемчужиной и В.М. Молотову прилагается. При посещении ф-ки "Красный Октябрь" К. Черчилль сопровождают тов. тов. И.М. Майский, П.С. Жемчужина и Быстрова. Посещение ф-ки заснять на кино- и фотоплёнку, предусмотреть звукозапись. Дирекция ф-ки преподносит коробку конфект для К. Черчилль и коробку — У. Черчилль (так в документе. — *И.Б.).* 5. IV. При посещении К. Черчилль госпиталя её сопровождают тов. С.А. Колесников, проф. Саркисов. В госпитале производится кино- и фотосъёмка. При посещении К. Черчилль детского сада ф-ки "Дукат", её сопровождают тов. тов. В.М. Сарычева и Быстрова. Производится кино- и фотосъёмка. На заседании исполкома Красного Креста К. Черчилль вручается адрес и значок "Отличник санитарной обороны СССР" (оригинал кожаной красной обложки от этого значка автору удалось обнаружить в фонде К. Черчилль в архиве Черчилля в Кембридже. — *И.Б.*). После заседания выступление детского театра санитарного просвещения (в этом же помещении). На заседании К. Черчилль сопровождают тов. тов. Саркисов, Л.Д. Кислова, Т.К. Кошелева. Производится кино- и фотосъёмка. 6. IV. При посещении железнодорожной больницы К. Черчилль сопровождают тов. тов. Митерев, С.А. Колесников, Саркисов и Диваков. Производится кино- и фотосъёмка. Перед чаем у П.С. Жемчужиной устраивается небольшой концерт 5 ч. (продолжительностью 30 мин). В концерте принимают участие: квартет им. Бетховена, Максакова и Лисицян. Список приглашаемых на чай прилагается. На спектакле "Бахчисарайский фонтан" в Большом театре, в центральной ложе присутствуют те же лица, что и на сп. "Князь Игорь". 7. IV. В Истру К. Черчилль сопровождают тов. тов. П.С. Жемчужина, И.М. Майский, Саркисов и С.А. Колесников. Производится кино- и фотосъёмка... При посещении К. Черчилль родильного дома, её сопровождают тов. тов. С.А. Колесников, Мананникова (заместитель наркома здравоохранения РСФСР. — *И.Б.*), Саркисов. Отъезд в Ленинград спецпоездом в 20.00»[19].

Во время посещения Москвы состоялись несколько приёмов с участием представителей дипкорпуса (с сопровождающими лицами). На один из них — у Жемчужиной — пригласили представителей дипкорпуса союзных держав, а также советской общественности, в том числе выдающихся женщин СССР и жён номенклатурных работников. «5-го апреля, — сообщала "Правда", — П.С. Жемчужина-Молотова устроила чай в честь находящейся в Москве председателя "Фонда помощи России" г-жи К. Черчилль. На чае присутствовали г-жа М. Джонсон, посол Великобритании г-н А. Керр, посол Соединённых Штатов Америки г-н А. Гарриман с дочерью, посол Канады г-н Уилгресс, посланник Новой Зеландии г-н Ч. Босвелл с супругой, временный поверенный в делах Австралии г-н Э. Ашби, г-н Ф. Робертс с супругой, контр-адмирал Арчер и др. С советской стороны... М.Ф. Шверник, К.И. Вышинская, С.А. Лозовская, С.А. Кавтарадзе, М.Г. Кафтанова, М.В. Сарычева, Н.В. Мананникова, В.И. Мухина, Л. Штерн, В.С. Гризодубова и др., а также заместитель

[19] АВП РФ, ф. 6, оп. 7, д. 246, л. 26—27.

народного комиссара иностранных дел СССР И.М. Майский, председатель исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР д-р С.А. Колесников с супругой, председатель Комитета по делам искусств при СНК СССР М.Б. Храпченко, председатель Всесоюзного общества культурной связи с заграницей В.С. Кеменов с супругой и д-р С.А. Саркисов»[20].

Упомянутый ранее корреспондент Тутаев в своём репортаже указал на «ноту тепла и спонтанного дружелюбия, которой была отмечена неделя миссис Черчилль в Москве». В частности Тутаев сообщил следующее. Один советский чиновник воскликнул, что в лице миссис Черчилль он благодарит и всех, кто связан с её Фондом, добавив, что хотел бы даже поблагодарить каждого индивидуально. Тогда ему пояснили, что 7 млн участников Фонда жертвовали по «одному пенни в неделю» (penny-a-week contributors). «А я всё равно говорю, — сказал он с улыбкой, — мы будем рады встретиться с ними со всеми». Корреспондент также отметил, что именно от раненых, находившихся «в военном госпитале, где используется британское оборудование, поставленное фондом» миссис Черчилль «получила... такую признательность... которую нельзя забыть. Когда она покидала здание, толпы искалеченных людей выстраивались на лестницах и в коридорах. Миссис Черчилль помахала им. И тогда красноармеец закричал: “Ура госпоже Черчилль! Ура храброму британскому народу!”». Также автор описал забавный случай, который произошёл на московской шоколадной фабрике. Там облачённую в белую спецодежду Клементину «сопровождали от одного стола к другому и просили попробовать “только ещё один”. Таково русское гостеприимство. В конце визита выросли огромные коробки в подарок её семье. Была и одна специальная, для мистера Черчилля»[21] (судя по всему, гостья в ходе дальнейшей поездки раздарила значительную часть преподнесённых ей конфет, так как к середине поездки их уже не осталось).

Центральным событием официальной программы визита стала встреча миссис Черчилль со Сталиным. Во время беседы, начавшейся 7 апреля в 19 ч, присутствовали также Молотов и госпожа Джонсон. Согласно протоколу встречи, на первый вопрос Сталина, «не было ли утомительным путешествие», Клементина ответила, что «перелёт не был трудным. В Каире самолёт задержался на четыре дня из-за песчаной бури». После дежурного вопроса о том, как гости устроились в Москве, Сталин поблагодарил Черчилль и Джонсон «от своего имени и от имени советского правительства за проделанную ими работу по оказанию помощи населению Советского Союза. Советское правительство намерено наградить г-жу Черчилль орденом, и несколько дней тому назад оно запросило согласие Британского правительства. Но ответа пока ещё не получено. Тов. Сталин спрашивает, кого ещё из своих сотрудников г-жа Черчилль порекомендовала бы наградить за проделанную ими работу. Черчилль благодарит тов. Сталина и говорит, что она будет очень сердита на Британское правительство, если оно даст отрицательный ответ. Черчилль рекомендует наградить также г-жу Джонсон. Джонсон благодарит тов. Сталина»[22].

Этот протокол кажется кратким, сухим и формальным по сравнению, скажем, с весьма оживлёнными беседами Сталина с Керром. Например, Клементина спрашивала в направленной мужу телеграмме, дарить ли Сталину ручку с золотым пером. Премьер посоветовал ей поговорить об этом с опытнейшим

[20] Там же, л. 43.
[21] Churchill Archives Centre, CSCT 3/48, l. 4.
[22] АВП РФ, ф. 06, оп. 7, д. 246, л. 54.

Керром. В итоге подарок был вручён. В записи беседы по этому поводу отмечено: «Черчилль преподносит тов. Сталину вечное перо и говорит, что она привезла его с собой в подарок... от своего мужа, который надеется, что этим пером будут подписаны многие великие документы между Англией и Советским Союзом[23]. Реакция Иосифа Виссарионовича, не зафиксированная в официальном протоколе, описана в воспоминаниях Джонсон: «Сталин сказал, что он пишет только карандашом» — и это действительно было так, о чём хорошо знал посол А.К. Керр[24].

После очередного обмена вопросами о здоровье У. Черчилля и детей, последовал вопрос о Ф. Рузвельте. Клементина рассказала, что едет в Ленинград «завтра вечером и проведёт там четыре дня. Затем она собирается посетить Сталинград, Одессу, Ростов-на-Дону, Крым и вернуться в Москву на два дня перед отлётом в Англию, куда она прибудет уже, вероятно, к приезду туда Рузвельта. Маршал Сталин, говорит Черчилль, наверное, слышал о том, что Рузвельт собирается приехать в Англию. Но, кажется, плохое здоровье мешает ему осуществить своё намерение. Тов. Сталин говорит, что он слышал, что Рузвельт собирается в Англию, но он, тов. Сталин, не знает, что Рузвельт себя плохо чувствует. Черчилль замечает, что Рузвельт очень мужественен, если принять во внимание его инвалидность. Рузвельт — сильная и крупная личность. Тов. Сталин соглашается с этим»[25]. В телеграмме мужу от 8 апреля Клементина предельно кратко сообщила: «Мисс Джонсон и я были приняты Сталиным. Ручка была вежливо принята. Он сказал: “Я его отблагодарю”»[26].

Разрешение британской стороны на получение Клементиной ордена Трудового Красного Знамени было передано Керром Молотову 11 апреля 1945 г.: «Мне поручено моим правительством сообщить Вам, что Его величество король Георг VI одобрил принятие г-жой Черчилль этой награды. Я был бы благодарен, если бы Вы информировали об этом советское правительство»[27].

Связь между супругами Черчилль во время поездки вне Москвы была организована особым образом. 7 апреля в шифротелеграмме, переданной У. Черчиллю, Клементина сообщила: «Наше путешествие начинаем в воскресенье, после чего я буду передавать ежедневно советскому представителю телеграмму, которая будет передаваться тебе по советским каналам. Твои телеграммы будут посылаться в британское посольство в Москве и передаваться мне через советские органы»[28].

Неизгладимое впечатление на баронессу произвели ставшие символом мужества советского народа города Ленинград и Сталинград. Первые впечатления о пребывании в городе на Неве отражены в телеграммах миссис Черчилль мужу: «Думаю, Ленинград самый красивый город, который я когда-либо видела. Нас поселили в прекрасной вилле в пригородах, и скоро начнём наше путешествие. Мне не хватает моих тихих вечеров с тобой. Пожалуйста, пересылай все наши телеграммы Мэри почтой и скажи ей, что она всё время в моих мыслях. Со всей моей любовью, Клемми»; «Вчера мы посетили научный институт, за-

---

[23] Там же, л. 54—55.

[24] Подробнее см.: *Быстрова И.В.* Поцелуй через океан: «Большая тройка» в свете личных контактов. М., 2011. С. 69—70.

[25] АВП РФ, ф. 06, оп. 7, д. 246, л. 55.

[26] Churchill Archives Centre, CSCT 1/29, l. 20.

[27] АВП РФ, ф. 06, оп. 7, д. 244, л. 6.

[28] Churchill Archive Centre, CSCT 1/29, l. 19.

нимающийся здоровьем детей, при нём есть госпиталь, где мы увидели много детей, которые всё ещё проходят лечение от последствий длительного голодания в условиях блокады Ленинграда... Нева ещё покрыта тонким слоем льда, но погода прекрасная. Знаменитую конную статую Петра Великого защищали во время блокады. Вчера мы видели, как заграждения разобрали как по волшебству, что порадовали горожан возвращением их любимой статуи. Нас навестил мэр и выпил за твоё здоровье. Затем он повёл на балет. Большой театр здесь очень похож на такой же в Москве, но отделка бледно-голубая вместо багровой»[29].

«Вчера мы посетили выставку, показывающую все стадии блокады и обороны Ленинграда, — сообщала Клементина в следующей телеграмме. — Хотела бы я, чтобы ты это видел. Это сделано прекрасно, с моделями и контурными картами. Затем мы посетили госпиталь и вечером присутствовали на специальном представлении балета. Аудитория бурно приветствовала меня, что тронуло меня несказанно. Сегодня утром мы посетили Петергоф, который явил мрачное и жестокое зрелище, так что я была рада уехать. Сегодня мы обедаем с мэром и в полночь уезжаем в Сталинград через Москву». В заключение она написала: «Я хотела бы провести здесь всё лето с тобой и Мэри, катаясь на лодке вверх и вниз по Неве и плавая в Балтийском море. Сейчас оно покрыто льдом, но оно такое мелкое, что сильно прогревается в августе. С любовью, Клемми»[30].

С советской стороны пребывание миссис Черчилль в Ленинграде было описано её сопровождающим К.Е. Зинченко, которого Клементина охарактеризовала как «очаровательного молодого человека, который прекрасно говорит по-английски, несколько лет был в советском посольстве в Лондоне»[31]. 11 апреля 1945 г. Зинченко сообщал: «Г-жа Черчилль чувствует себя хорошо. Настроение бодрое. В первой половине дня осматривала Педиатрический институт, также завтракала. Сообщение о взятии нашими войсками Кёнигсберга, о чём здесь было сообщено за завтраком, вызвало с её стороны аплодисменты и бурное выражение радости. В 7 часов председатель Ленинградского совета т. Попков нанёс г-же Черчилль ответный визит. Вечером г-жа Черчилль присутствовала на балете “Гаянэ”. Публика, присутствовавшая в театре, тепло встретила появление г-жи Черчилль в ложе театра. Во время антракта г-жа Черчилль интересовалась жизнью города во время блокады. Тов. Попков отвечал на вопросы г-жи Черчилль. Уехала из театра г-жа Черчилль в очень хорошем настроении. Сегодня послала мужу телеграмму о том, что она уже находится в этом замечательном городе — Ленинграде[32].

В книге, посвящённой поездке в Россию, Клементина дала развёрнутое описание тех событий: «Меня поразил необыкновенный контраст между внешне спокойной красотой этого замечательного города и мыслью о тяжёлых испытаниях, которые его население должно было перенести во время немецкой осады. Долгая повесть о муках Ленинграда была живо представлена на выставке “Защита Ленинграда”, привлекавшей всеобщее внимание. На этой выставке... восстановлена жизнь населения во время блокады. Показывались иллюстрации того, что значило получать 125 граммов хлеба в день на человека, как это было в самый тяжелый период осады, и терпеть при этом же-

[29] Ibid, l. 21, 23—25.
[30] Ibid, l. 28—30.
[31] Ibid, l. 30.
[32] АВП РФ, ф. 06, оп. 7, д. 246, л. 45.

сточайшую бомбардировку... В продолжение осады на город было сброшено 4 638 фугасных бомб, 102 520 зажигательных и 148 478 артиллерийских снарядов. Я видела на выставке немецкие пропуска для автомобилей, заготовленные к моменту занятия города, так твёрдо немцы были уверены в его падении... На выставке было дано много примеров героизма защитников Ленинграда в это страшное время, также их безграничной способности к импровизации и изобретениям, когда дело касалось доставки снабжения по Ладожскому озеру. Эта "дорога жизни", как они её называли, ни разу не прерывалась... Никогда в жизни я не была так глубоко потрясена, как при виде детских жертв осады, находящихся на излечении в Педиатрическом институте и в детских домах. С типичной для них жестокостью немцы избрали эту больницу специальным объектом бомбардировки. В мирное время в ней помещалось 1 200 детей, во время войны — 800. Мисс Джонсон и я видели там совсем маленьких мальчиков, которые боролись вместе с партизанами и все ещё страдали от полученных ран, хотя прошло уже два года после окончания осады. Там были дети, раненые при бомбардировке эвакуационных поездов, сироты военного времени... новорождённые младенцы и страдающие от рождения дети, проходившие курс восстановительного лечения. Можно представить себе, какое пагубное влияние должны были оказать на детское здоровье годы недоедания и общие условия осады и бомбардировки... Но сердце радовалось при виде заботы и любви, расточаемых этим крохотным существам, и при взгляде на бесконечное терпение, с которым восстанавливались их больные, изуродованные тела. Эта любовь к детям казалась мне олицетворением веры в будущее, органической частью подъёма жизненных сил и надежд, которые я повсеместно видела в России. Фашисты всюду сеяли смерть при своём нашествии. Они следовали политике намеренного уничтожения. Мы никогда не узнаем, сколько они сгубили людей. Но Россия выдержала! А изумительная нежность и забота, с которыми там обращаются с малютками, встали передо мной как символ жизненной силы, залечивающей раны, нанесённые войной... В Детской больнице мы были глубоко тронуты удивительным приёмом, который нам оказали медсёстры. Они окружили меня и стали восторженно аплодировать. Я чувствовала, что из всех проявлений дружбы я должна обязательно рассказать об этом всем участникам "Фонда помощи России". Тут, как и везде, я встречала живейшее признание за помощь, которую фонд оказал СССР в мрачнейшие дни испытаний»[33].

По прибытии в Сталинград миссис Черчилль встретила тёплый приём со стороны «мистера Пигалева, председателя Сталинградского совета». Передав от него Уинстону в телеграмме большой привет и выражения надежды на дружбу между двумя народами, Клементина как глава британской делегации подчеркнула: «Куда бы мы не поехали, мы везде чувствуем то же самое».

Сталинградцы особенно поразили её: «Обычно население Сталинграда полмиллиона человек, и сейчас в городе ещё живёт 300 тысяч. Два крупных завода перестроены и дают сталь и тракторы, и на них работают тридцать тысяч человек. Они восстановили несколько школ, которые должны работать в две смены. Размещение в госпиталях очень стеснённое, но их восстанавливают настолько быстро, насколько возможно. Мы видели возведение деревни из сборных деревянных домов, в которых будут жить двадцать тысяч человек. Они вос-

[33] *Черчилль К.* Указ. соч. С. 8—9.

станавливают их город с таким же духом решимости, с которым они сражались с немцами от дома к дому до тех пор, пока никто не остался не охваченным»[34].

Поездку в этот город Клементина описала в своей книге подробнее: «Ужасная картина разрушения развернулась перед нашими глазами. Моя первая мысль была, что это похоже на центральную часть города Ковентри или на руины вокруг собора св. Павла в Лондоне, с той разницей, что хаос и развал казались беспредельными. Одно здание особенно бросилось мне в глаза: это была руина, тщательно подпёртая и подчинённая. Оказалось, что в подвале этого здания русские захватили фон Паулюса, немецкого командующего. Мне подумалось — как типично для русских, что они сделали всё возможное, чтобы сохранить эту руину из-за её символического значения. Она олицетворяла окончательный разгром врага после одной из жесточайших битв во всей истории человечества. Сталинград был поворотным пунктом войны, и русские этого не забудут во веки веков»[35].

Она восхищалась жителями Сталинграда: «Мысль о потрясающих страданиях и человеческих жертвах, понесённых вследствие фашистского нашествия, приводит в полное оцепенение. Человеческое воображение просто отказывается представить себе бедствие такого масштаба. Но надо сказать, что как только последние немцы были выбиты из города, русские использовали его как трамплин для атаки. Они знали, что начался, наконец, немецкий отлив. И с какой мрачной решимостью они его использовали! Прежде всего они восстановили разрушенную железнодорожную станцию и пути. Затем они отремонтировали здание городского Совета, чтобы оно снова стало центром гражданской городской жизни. Они восстановили сталелитейный завод, на котором занято 30 000 рабочих и который только что выпустил тысячный по счёту сельскохозяйственный трактор... этот гибельный для немцев город, стал центром непрерывного наступления. В пригородах Сталинграда я видела поселок... деревянных домов, рассчитанный на 20 000 жителей, в среднем по шесть семей на дом. Деревянные части сплавляются вниз по Волге, за сотни миль, потому что на месте дерева нет... Куда бы мы ни ездили в автомобиле, я всегда сидела впереди рядом с шофёром, чтоб видеть всё, что можно. И тут, в Сталинграде, я часто поражалась картиной семей, живущих в подвалах и землянках. Одна забавная чёрточка может дать представление о бодрости и неунываемости граждан. На фасаде одной из землянок красовался плакат: “Здесь вскоре откроется прекрасный магазин”. “Что это будет?” — я спросила. “Парикмахерская,” — был ответ. Между прочим, Россия вовсе не является страной бородатых мужчин, как часто представляют себе иностранцы, и парикмахеры... в большом спросе»[36].

Во время поездки в сообщениях Клементины красота природы контрастировала с тяжелейшими следами вражеской оккупации (погибшие люди, массы раненых солдат в госпиталях и здравницах Кавказских Минеральных вод, разрушенные дома и культурные объекты). Из Кисловодска она писала мужу: «Мы прибыли на Кавказ и находимся на прекрасном курорте в высокой долине между двумя горными цепями. Он знаменит восхитительной минеральной водой, которую ты привозил домой. Немцы были здесь пять месяцев, во время которых они убили многих ведущих докторов и учёных. Мне сказали, что немцы забрали часть рентгеновского оборудования, поставленного моим фондом.

[34] Churchill Archive Centre, CSCT 1/29, l. 34.
[35] *Черчилль К.* Указ. соч. С. 10.
[36] Там же. С. 11.

Конечно, я постараюсь это возместить и обеспечить поставку ещё необходимого оборудования... Вчера вечером мы посетили местный театр, где показывали весёлую и забавную комедию. Нам сказали, что муж и сын ведущей актрисы были расстреляны немцами. Аудитория восторженно приветствовала и бросала гроздья фиалок с галереи. Сегодняшнее утро мы провели за посещением санаториев, полных тяжело раненными солдатами Красной армии. Кажется, что весь город приветствует нас каждый раз, как мы выходим на улицу, и я постоянно удивлена и тронута столь большим энтузиазмом»[37].

18 апреля английский премьер телеграфировал жене: «Сара и я посетили службу в соборе Св. Павла по Рузвельту, которая была очень впечатляющей. Погода здесь ясная и прекрасная. Всё настолько же удивляются ей, как и быстротой, с которой была захвачена Германия. Я скорблю о тех жестокостях, которые творили немцы в той прекрасной долине, откуда ты пишешь, но я очень рад узнать о прекрасном приёме, который оказывают тебе везде наши русские друзья». 20 апреля он сообщил Клементине: «Очень рад получить твою телеграмму из Кисловодска и узнать о всей доброте, которую проявили русские люди по отношению к тебе. В этой дружбе между двумя народами живёт величайшая надежда мира. Мы все здесь шокированы самыми ужасными разоблачениями германских жестокостей в концентрационных лагерях. Генерал Эйзенхауэр (Верховный главнокомандующий экспедиционными силами в Западной Европе. — *И.Б.*) предложил мне послать парламентскую делегацию. Я сразу согласился, и она начнёт работу завтра. Они поедут на место (в концлагерь Бухенвальд, освобождённый армией США 13 апреля 1945 г. — *И.Б.*) и увидят ужасы собственными глазами — жуткая обязанность»[38].

Последовавшее за Кисловодском посещение Ессентуков и Пятигорска создало у миссис Черчилль впечатление, что «весь Кавказ заполнен госпиталями и санаториями для поправления здоровья раненых бойцов Красной армии... Это прекрасные города, красиво расположенные, с общественными садами... Немцы разрушили очень немного зданий, но в Пятигорске они расстреляли пять тысяч гражданских лиц, включая сотню докторов и учёных и много женщин и детей, и сожгли очень ценную... библиотеку с 150 тысяч книг»[39].

Во время однодневного отдыха в этом городе гости отправились на прогулку в лес, где встретили окрестных жителей, а затем посетили музей «Домик Лермонтова». В этих местах запомнили баронессу Черчилль как обаятельную женщину с яркими рыжими волосами и голубыми глазами. Как писала Клементина, «ничто не могло быть радушнее приёма, который нам оказывали жители маленьких кавказских городов. Они ходили за нами по улицам, лица их расплывались в улыбки, они приветственно махали нам, иногда останавливались и аплодировали, и хотя Великобритания была для них бесконечно далёкой страной, они, казалось, вполне понимали цель нашей миссии. Я не могу сказать, что я видала среди них большую долю любопытства к жизни Великобритании, но я повсюду встречалась с почти инстинктивной готовностью откликнуться на дружелюбие и желание помочь, одушевлявшие работу представителей “Фонда помощи России”»[40].

---

[37] Churchill Archives Centre, CSCT 1/29, l. 36, 38.

[38] Ibid, CSCT 3/49, l. 28, 35. Судя по всему, Клементина получила телеграммы мужа только по возвращении в Москву.

[39] Ibid, CSCT 1/29, l. 41.

[40] *Черчилль К.* Указ. соч. С. 12.

По прибытии в Ростов-на-Дону жену английского премьера и сопровождавших её лиц разместили «в комфортабельном доме в центре города, который... был серьёзно поврежден немцами. Все мосты через Дон были разрушены, и мы пересекли его по временному мосту... За время войны Ростов дважды попадал в немецкие руки; в общем он был оккупирован в течение семи с половиной месяцев. За это время немцы убили в городе 40 000 человек гражданского населения и 10 000, большей частью женщин, угнали в Германию на рабский труд. Хотя Ростов испытал все ужасы войны, теперь он посвящал все свои силы... на восстановление человеческого здоровья»[41].

Именно здесь, в Ростове, «Фонд помощи России» должен был оборудовать госпитали. В одном из них, сообщила Клементина, оказались разрушенными восемь блоков, а «оставшаяся часть была заполнена красноармейцами со страшными ранениями в живот и раздробленными челюстями и черепами»[42]. В городе с полумилионным населением, писала она, немцы сожгли дома, «тысячи жителей были убиты, другие многие тысячи женщин и детей... депортированы в Германию, а остальные вынесли тяжёлую долю. Это должен был быть некогда прекрасный город, красивый... он расположен с видом на Дон... Нас окружали дружелюбные толпы. Везде мы видим улыбающиеся лица, и даже в госпиталях тяжело больные люди... приветствуют британских женщин»[43].

Оценив огромные масштабы разрушений, отметила Клементина в книге, британцы решили увеличить объём помощи двум главным больницам Ростова-на-Дону — Клинической и Центральной городской: «Когда мы уезжали из Лондона, мы предполагали оборудовать две больницы... по 500 кроватей каждая, но увидав, какая там была нужда, мы решили увеличить число кроватей до 1 500, оборудовав 1 000 в одной больнице и 500 — в другой»[44].

Во время путешествия в Крым, телеграфировала Клементина мужу, они остановились в Ялте «в Воронцовском дворце, и я сплю в твоей прекрасной спальне. Вчерашнее утро мы провели в Севастополе, что меня очень опечалило, и затем мы приехали сюда по этой драматичной дороге, которую ты так хорошо знаешь. Я очень хорошо себя чувствую и безмерно наслаждаюсь»[45]. Также гости посетили крымские винные погреба. Баронесса Черчилль сообщила мужу: «Перед приходом немцев миллион бутылок и все имевшиеся бочки были выброшены в море, поэтому в настоящее время вина немного, но они снова восстанавливают запасы. Мы попробовали десять различных сортов, все очень вкусные и они посылают тебе подарок»[46].

В книге она написала, что «с радостью воспользовалась случаем посетить такую святыню русской литературы, как дом Чехова. Меня приняла там его сестра, Марианна; ей теперь 82 года... Преклонение, с которым русские относятся к великим деятелям литературы, музыки и искусства, производит большое впечатление так же, как их восторженное отношение к музыке, опере и балету. Все театры там переполнены»[47].

---

[41] Там же. С. 12—13.

[42] Churchill Archives Centre, CSCT 1/29, l. 45.

[43] Ibid, l. 48.

[44] *Черчилль К.* Указ. соч. С. 12.

[45] Churchill Archives Centre, CSCT 1/29, l. 49—50. Вероятно, имелся в виду отдых во дворце, где проходила Ялтинская конференция союзников в феврале 1945 г.

[46] Ibid, l. 52.

[47] *Черчилль К.* Указ. соч. С. 14.

В прекрасной, по оценке Клементины, Одессе были также видны «тяжёлые разрушения. Доки и верфи были полностью разрушены, но за год после ухода немцев они были полностью расчищены и отстроены, настолько, что судоходство возобновилось»[48].

Описывая в книге поездку по районам СССР, бывшим под оккупацией, Клементина затронула проблему Холокоста. Она привела один, но характерный случай: «В Курске меня повезли смотреть детскую больницу. Я испытала там страшный момент, когда заведующий подошёл к кровати, на которой лежала маленькая девочка. “Позвольте представить вам единственную выжившую в Курске еврейку”, — сказал он мрачно, поднимая её на кровати, чтобы мне было виднее. Все евреи были там убиты немцами. Эта девочка спаслась, спрятавшись под матрац. На руке у неё была татуировка — позорное клеймо, изобретённое фашистами»[49].

Одна из самых ярких страниц повествования К. Черчилль началась с описания Севастополя, при виде которого у нее «прямо заныло сердце. Такая это была печальная картина! Разрушение тут было не таким полным, как в Сталинграде, но казалось ещё трагичнее. Перед тем, как немцы его разрушили в припадке слепого бешенства, он должен был быть сказочно прекрасным городом, очаровательным и поэтическим, с его живописными белыми домами, украшенными колонными портиками. До войны там было до 137 000 жителей; теперь там только 47 000. Город был захвачен немцами 2 июля 1942 г. и освобождён 10 мая 1944 г. В Севастополе и окрестных местностях немцы убили или угнали в плен 67 000 человек, из них 13 000 были умерщвлены на месте. Я не в силах описать или найти достойные слова преклонения перед мужеством людей, оставшихся жить среди невероятного опустошения, поглотившего их город. Это было доминирующим впечатлением всей моей поездки по России: куда бы я ни приезжала, везде я встречала беспримерно мужественное отношение к бедствиям. Помимо следов материального разрушения, которые мы встречали повсюду, мы в каждом городе обнаруживали, что немцы убили там тысячи и тысячи людей. Никто нам этого не сообщал: это надо было выпытывать сочувственными расспросами. Русские, во всяком случае, не выставляют напоказ своих тяжёлых испытаний. Они редко сами заговаривают о немецкой оккупации. Кажется, будто переживание это было так ужасно, что они не хотят останавливаться на нём. Само воспоминание об этом времени им отвратительно. Мне встречались люди, говорившие: “Нам и думать не хочется про немцев”. Что подбодряло настроение, это видеть, как счастье возвращалось в разгромленные города и деревни. Теперь, когда исчез мрак зла, лица мужчин и женщин невольно сияют от счастья. Они могут снова смеяться... Они готовы работать день и ночь, чтобы стереть следы ужасающих испытаний, которые они пережили»[50].

Волею судьбы пребывание К. Черчилль на территории нашей страны продлилось дольше, чем планировалось. «Кроме Москвы, — сообщил 28 апреля Майский на имя Сталина, — она побывала в Ленинграде, Сталинграде, Кисловодске, Ессентуках, Пятигорске, Ростове, Крыму, 30 апреля будет в Одессе и, вероятно, 4 мая вернётся опять в Москву. Здесь она рассчитывает пробыть до 10 мая и затем улететь домой. Срок пребывания в СССР госпожа Черчилль

[48] Churchill Archives Centre, CSCT 1/29, l. 59.
[49] *Черчилль К.* Указ. соч. С. 16.
[50] Там же. С. 13.

удлинила примерно на неделю против своих первоначальных предположений, так как, по её словам, раньше она должна была спешить в Лондон к приезду туда Рузвельта с женой, намеченному на середину мая, однако теперь в связи со смертью Рузвельта все эти планы отпали. Поэтому госпожа Черчилль считает, что может остаться в СССР несколько дольше»[51].

По возвращении Клементины в Москву Керр передал ей целую стопку телеграмм от Уинстона. 2 мая супруг писал ей: «1. Очень рад видеть все твои телеграммы. Сегодня к тебе вылетает "Скаймастер" с большим количеством бумаг и посланий. Твоё возвращение через Мальту довольно легко организовать... Я чрезвычайно много работал... Мой график ужасающий, но чувствую себя хорошо... 2. Посол покажет тебе мои телеграммы Сталину. В настоящее время наши личные отношения очень хорошие, но как ты увидишь, существует много трудностей. Ты должна выразить лично Сталину мои сердечные чувства и мою решимость и уверенность, что полное понимание между англоговорящим миром и Россией будет достигнуто и сохраняемо многие годы, поскольку это единственная надежда мира. С нежной любовью, Уинстон»[52].

Накануне Победы отношения между союзниками становились все более напряжёнными. Тревога Черчилля отразилась в его телеграмме жене от 4 мая 1945 г.: «Я слышал, что ты должна прибыть в Москву 5-го, но что советское правительство говорит о том, что ты останешься до 10-го. В целом я думаю, что 7 или 8-е будут лучшими днями для отъезда. Я дал послу полномочия ознакомить тебя с телеграммами с обоснованием этой позиции. Кажется, у тебя была триумфальная поездка, и я только приветствовал бы, чтобы ты завершила свои дела с простыми русскими людьми. Однако существует много других аспектов этой проблемы, чем те, что ты видела на месте. Поэтому возвращайся, захватив с собой Рэндольфа (сын Клементины и Уинстона, майор Р. Черчилль служил в Особой воздушной службе — Special Air Service. — *И.Б.*) на Мальте... В течение последних трёх дней мы узнали о смерти Муссолини и Гитлера. Александер (Александер А.В. — в 1940—1946 гг. Первый лорд Адмиралтейства. — *И.Б.*) взял в плен миллион человек. Монтгомери (Б.Л. Монтгомери — британский фельдмаршал, командующий сухопутными силами союзников в Европе. — *И.Б.*) взял в плен еще 500 000 вчера и гораздо больше миллиона сегодня; вся Северо-Западная Германия, Голландия и Дания капитулируют завтра утром со всеми войсками и кораблями и т.д.; на следующий день Норвегия и подводные лодки, я полагаю, сдадутся; мы все здесь заняты подготовкой к Дню Победы в Европе. Между тем я должен сказать тебе, что под этими триумфами скрывается отравляющая политика и смертельное международное соперничество (в апреле обострились взаимоотношения Великобритании и СССР, прежде всего по вопросу о формировании правительства в Польше. — *И.Б.*). Поэтому я бы вернулся домой после выражения полнейшей благодарности твоим гостеприимным хозяевам. Не задерживайся позже 7 или 8-го, если только не будет проблемы с погодой. Ни в коем случае не улетай в плохую погоду. В любом случае я оставляю это на твоё усмотрение, кроме вопроса с погодой, где твоими руководителями должны быть Королевские ВВС»[53].

---

[51] АВП РФ, ф. 06, оп. 7, д. 246, л. 72.

[52] Churchill Archives Centre, CSCT 3/49, l. 51—52. Однако, несмотря на предложение Майского об устройстве «прощального завтрака» для британских гостей, вторая встреча со Сталиным не состоялась.

[53] Ibid, l. 56.

5 мая он получил ответ: «Теперь, когда подробная и немного сложная программа согласована, власти могут счесть невежливым, если я поспешно уеду... и могут отнести мой отъезд к политическим трудностям. Помимо наполненной программы Красного Креста особым [событием] должно стать вручение орденов в Кремле и прощальный обед, который в отсутствие мистера Молотова будет дан мистером Шверником в середине недели»[54]. В Москве застала К. Черчилль и Великая Победа. 8 мая она отправила Уинстону из Москвы шифрованное сообщение: «Все мои мысли с тобой в этот высочайший день, мой дорогой. Это не могло случиться без тебя. Со всей любовью, Клемми»[55].

9 мая 1945 г. в 22 ч миссис Черчилль выступила от имени британского народа по московскому радио с обращением (так было сказано в русскоязычной преамбуле) к Сталину, Красной армии и советскому народу. В частности было сказано, что «в этот славный день победы» премьер-министр Великобритании просил её зачитать «послание от него маршалу Сталину»: «Я шлю вам сердечные поздравления с блестящей победой, которую вы одержали, изгнав захватчика с вашей земли и низвергнув нацистского тирана. Я твёрдо убеждён в том, что от дружбы и взаимопонимания между британским и советским народами зависит будущее человечества. Здесь на нашем родном острове мы часто думаем о вас, и из глубины наших сердец мы посылаем вам наши пожелания счастья и благополучия, и чтобы после всех жертв и страданий в тёмной долине, через которую мы прошли, мы смогли бы в отношениях верных друзей и симпатии пройти к свету победного мира. Я попросил свою жену сказать всем вам эти несколько слов дружбы и восхищения»[56].

За благотворительную деятельность Клементина была не только награждена орденом Трудового Красного Знамени (вручён в Кремле Н.М. Шверником 7 мая 1945 г.), но и получила особый подарок. О нём упоминается в письме председателя Комиссии по приёму г-жи Черчилль Майского наркому финансов А.Г. Звереву от 16 апреля 1945 г.: «Прошу вас дать указание конторе Ювелирторга... продать НКИД по себестоимости без налога с оборота бриллиант весом 5,58 каратов для подарка... г-же Клементине Черчилль»[57].

Получив подарок, Клементина писала: «На завтраке, данном в нашу честь советским правительством за два дня до нашего отъезда, госпожа Молотова преподнесла мне бриллиантовое кольцо — с бриллиантом чистейшей воды, как добывают на Урале. “Мы просим вас принять это кольцо в знак вечной дружбы, — сказала госпожа Молотова. — Да будут отношения между нашими странами так же ясны, чисты и вечны, как этот камень”. Благодаря госпожу Молотову, я сказала, что всегда буду думать о кольце, как о символе доблести советских женщин, чьи подвиги в войне и в восстановлении их страны завоевали наше беспредельное восхищение»[58].

Благотворительная деятельность миссис Черчилль была известна советским людям, знали они и то, что она получила орден Трудового Красного Знамени. Не исключено, что среди простых советских людей Клементина была более популярна, чем сам Черчилль. Её визит отражён в письмах и воспоминаниях

---

[54] Ibid, CSCT 1/29, l. 61.

[55] Ibid, l. 62.

[56] Ibid, CSCT 3/49, l. 77. Сразу после радиообращения К. Черчилль был передан его русский перевод.

[57] АВП РФ, ф. 06, оп. 7, д. 246, л. 68.

[58] *Черчилль К.* Указ. соч. С. 18.

советских людей. Например, в архиве баронессы хранится оригинал (приложен и перевод) благодарственного письма простых советских солдат (написанного почти каллиграфическим почерком) — старшего сержанта Свинухова, младших сержантов Белана и Печенникова, ефрейтора Тулупова: «5.4.45 г. Г-жа Клементина Черчилль! Мы, воины действующей Красной армии Ленинградского фронта части майора Коновалова, от души благодарим Вас... за посещение нашей славной столицы Москвы и за оказанную материнскую заботу к раненым нашей доблестной Красной армии в деле организации новых госпиталей. Желаем Вам счастья... в Вашей плодотворной работе»[59]. Другое — «детское» — впечатление о приезде Клементины Черчилль высказала в своих стихах поэтесса Г.Н. Воронина, встретившаяся, будучи ребёнком санитарки госпиталя в Кисловодске, с посетившей его «английской тётей»[60].

«В наш последний вечер в Москве, — написала Клементина в конце своей книги, — нас пригласили в театр на балет “Лебединое озеро”. Когда занавес опустился, прима-балерина, с очаровательной грацией, обратила аплодисменты публики к нашей ложе. Улыбаясь и аплодируя, она повернулась к нам, все участвовавшие последовали её примеру, и вся публика присоединилась к овации. Это было замечательное заключение незабываемой поездки»[61].

Покидая СССР 11 мая 1945 г., она обратилась к Сталину с письмом, зафиксировавшим хрупкое состояние счастья и надежды при переходе от войны к миру: «Мой дорогой маршал Сталин, я покидаю вашу страну после замечательного и незабываемого визита. Я с горечью осмотрела ряд опустошений, содеянных безжалостным и злым врагом, и наблюдала достойное мужество и настойчивость ваших женщин. Мне было оказано наиболее сердечное гостеприимство, и повсюду меня встречали с величайшей добротой и энтузиазмом. Моё счастье было завершено личной встречей с вами и награждением орденами мисс Джонсон и меня самой.

Я знаю о трудностях, которые должны ещё быть преодолены, но мне также известны решимость и уверенность моего мужа в том, что полное понимание между говорящим по-английски миром и Советским Союзом будет достигнуто и сохранено, так как в этом единственная надежда Мира. Я счастлива тем, что мне удалось быть в вашей стране в эти дни завершения высочайшей победы, которую когда-либо видел Мир, и увидеть солнце мира, восходящее в Москве»[62].

Оказавшись в СССР в День Победы, баронесса Черчилль стала символом и «светлым пятном» в ухудшавшихся на глазах отношениях союзников. Действуя по зову сердца, она, безусловно, внесла большой личный вклад в организацию помощи Советскому Союзу и в развитие дружественных связей между ним и Великобританией в годы войны в целом.

---

[59] Churchill Archives Centre, CSCT 3/48, l. 15.

[60] Посвящённое этому событию стихотворение см.: *Воронина Г.Е.* Созвездие нежности. Ессентуки, 2015. С. 40—41.

[61] *Черчилль К.* Указ. соч. С. 19.

[62] АВП РФ, ф. 06, оп. 7, д. 246, л. 85.

Советская юстиция в период Великой Отечественной войны: историография вопроса

Арсений Старков

Soviet justice during the Great Patriotic War. A historiographical overview

Arsenii Starkov
(National Research University Higher School of Economics, Moscow)

DOI 10.31857/S086956870010146-1

Начало Великой Отечественной войны и стремительное продвижение фронта на Восток, оккупация западных регионов СССР, а также массовая эвакуация населения явились, пожалуй, наиболее значительным испытанием, которому когда-либо подвергалась советская система на протяжении всей её истории. Тем не менее, несмотря на экстремальные обстоятельства, система юстиции и суда — одного из центральных социальных регуляторов — продолжала функционировать и в своей основе опиралась на довоенную нормативно-правовую базу. Война не привела к отказу от «обычных» судебно-правовых процедур и переходу от судебных к внесудебным репрессивным практикам[1]. За 1941—1945 гг. было осуждено более 16 млн человек, из которых 81,7% — судами общей юрисдикции[2].

Советское право в 1930—1950-х гг. обладало особым статусом одного из центральных элементов репрессивной (и в целом регулятивной) политики, использовавшегося И.В. Сталиным как орудие власти и важнейший политический инструмент[3]. Через органы юстиции, суда и прокуратуры проходили дела, касавшиеся широкого спектра социальных отношений — от политических и общеуголовных до гражданских и хозяйственных споров. Изучение этих материалов с исторической точки зрения (а не в качестве сугубо юридического феномена) позволяет проследить не только трансформацию государственной репрессивной политики в отношении населения в период Великой Отечественной войны, но и социальную реальность во всём её многообразии: от динамики настроений населения (на основе дел по политическим статьям) до тактик вы-

© 2020 А.В. Старков

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2020 г.

[1] Постановлением ГКО от 17 ноября 1941 г. Особому совещанию при НКВД СССР было предоставлено право во внесудебном порядке рассматривать дела о контрреволюционных преступлениях и особо опасных преступлениях против порядка управления СССР с вынесением приговора вплоть до высшей меры наказания. Тем не менее суды общей юрисдикции и другие специальные суды также продолжали рассматривать поступавшие к ним дела по указанным категориям и выносить по ним приговоры.

[2] Статистика приведена по: *Budnitskii O.* The Great Terror of 1941: toward a history of wartime Stalinist criminal justice // Kritika: explorations in Russian and Eurasian history. 2019. Vol. 20. № 3. P. 447. Указанная статистика включает в себя также предвоенные и послевоенные месяцы 1941 и 1945 гг. соответственно.

[3] *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине. М., 2008. С. 432.

живания в условиях ограниченных ресурсов (например, дела, связанные с экономическими преступлениями) и особенностей брачно-семейных отношений.

В статье рассмотрены наиболее показательные работы, связанные с исследованием советской юстиции периода Великой Отечественной войны. Далеко не все из них напрямую касаются вопросов её функционирования в 1941—1945 гг., однако они значимы для понимания затрагиваемой проблематики, ряд исследований может быть полезен методологически. В центре моего внимания — исторические, а не историко-юридические работы, хотя знакомство с последними в определённой степени необходимо для понимания формальных условий, определявших особый статус юстиции внутри тоталитарного государства. Отмечу, что за рамками исследования остались внесудебные органы, в частности Особое совещание при НКВД (ОСО). Это связано не только с тем, что процессуальные аспекты работы ОСО значительно отличались от деятельности общих судов, но и с тем, что доступ к ведомственным архивным материалам органов НКВД за указанный период фактически до сих пор закрыт для исследователей[4].

В целом, историография советской правовой системы достаточно обширна: анализ особенностей её функционирования был предметом интереса как советских, так и зарубежных исследователей фактически с самого начала её существования.

Уже в годы войны вышли работы, посвященные изучению советской юстиции[5]. Они затрагивали широкий круг вопросов, касающихся, во-первых, общих институциональных аспектов судебной системы (судоустройства); во-вторых, особенностей развития материального права; в-третьих, анализа процессуальных норм. В них уделено внимание историко-правовому аспекту, в том числе даны попытки выявить особенности советской правовой системы[6]. После окончания войны изучение правовой системы также касалось, в основном, уже перечисленных выше вопросов[7]. Последние, как и прежде, рассматривались

---

[4] Проблема отсутствия доступа также возникает при работе с материалами специальных судов (трибуналов), которые в большинстве своём хранятся в закрытых ведомственных архивах. Однако ряд документов, отражающих деятельность специальных судов, может быть обнаружен, например, в ГА РФ, поскольку некоторые дела, рассмотренные специальными судами, рассматривались в порядке надзора Верховным судом СССР.

[5] См., например: *Голунский С.А.*, *Карев Д.С.* Судоустройство. Ашхабад, 1942; *Калашникова Н.Я.* Основные проблемы советской кассации по уголовным делам. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1944; *Серебровский В.* История развития советского наследственного права // Вопросы советского гражданского права. М.; Л., 1945. № 1; *Строгович М.* Военные трибуналы Советского государства. М., 1942.

[6] Например, одной из особенностей советской правой системы было отсутствие апелляционной инстанции, а обжалованию подлежали лишь решения и приговоры, уже вступившие в законную силу. Поэтому особенный интерес представляет институт кассации. Об этом см., например: *Олейник И.И.*, *Олейник О.Ю.* Становление института кассации в советском судопроизводстве: историография проблемы // Российский юридический журнал. 2015. № 6. С. 222—237.

[7] См., например: *Амфитеатров Г.Н.* Право наследования в СССР. М., 1946; *Бушуев Г.И.* Военные суды. Суд в СССР: Сборник статей. М., 1977; *Ельевич М.И.*, *Поволоцкий Л.И.* Исторический очерк развития советского гражданского процесса. Л., 1949 (Ученые записки Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова. Вып. 2); *Казаков А.И.* Органы судебного управления РСФСР в период с 1930 по 1970 годы. Дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1984; *Карев Д.С.* Военные суды и военная прокуратура. Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1951; *Кожевников М.* История советского суда (1917—1947). М., 1948; *Кожевников М.* История советского суда (1917—1956). М., 1957; *Настюк М.* Создание и деятельность советских органов юстиции в западных областях УССР

главным образом на основе открытых источников нормативного характера и фактически не касались изучения социологии права в её историческом аспекте. Подобные исследования вряд ли помогут в изучении структурных проблем работы советской юстиции, но могут быть полезны в качестве справочных изданий.

В конце 1950-х гг. сформировался более критический взгляд на систему советского правосудия сталинского периода. Показательно в этом отношении издание, посвященное пятидесятилетию Верховного суда СССР, состоящее из очерков и статей его членов[8]. Несмотря на общую «праздничную» атмосферу, с характерными позитивными оценками деятельности Суда на страже социалистической законности, в сборнике всё же проскальзывает и критика созданной в конце 1930-х — начале 1950-х гг. системы с её «чрезмерной централизацией судебного надзора и ограничением прав судебных органов союзных республик», что «не содействовало правильному осуществлению надзора за законностью и обоснованностью приговоров и быстрейшему исправлению судебных ошибок»[9].

Сразу же после войны юридическая наука обратилась к анализу особенностей функционирования советского права в 1941—1945 гг. Это, несомненно, вызывалось пониманием того, что оно не могло не отличаться от «нормальной» практики мирного времени. Рубежным в этом отношении является фундаментальный труд, изданный под общей редакцией И.Т. Голякова — председателя Верховного суда СССР в 1938—1948 гг.[10] В двух томах сборника проанализированы особенности гражданского, трудового и уголовного права, а также уголовного процесса в военные годы. Помимо отражения правоприменительной практики и нормотворчества военных лет, одной из целей сборника обозначено теоретико-правовое осмысление процессов, происходивших в советском праве, а также сравнительно-правовой анализ советской и зарубежных правовых систем (в том числе нацистской).

Этот сборник стал рубежным в историографии анализируемой проблемы: он заложил концептуальные основы восприятия правосудия и системы юстиции военных лет не только для советских историков и правоведов, но и для значительного числа современных российских исследователей. В частности, центральными в его историко-правовом обобщении являются идеи о превосходстве социалистического строя, быстрой перестройке работы советского государства (и, соответственно, перестройки государственно-правовой системы) на военный лад, широкой поддержке правовых мероприятий населением. Сама же система советской юстиции «в лице её руководящих органов и непосредственных вершителей правосудия на местах, карая на точном основании советского закона — материального и процессуального — преступников из числа

(1939—1941 гг.). Львов, 1977; *Хутыз М.* Общие положения гражданского процесса: историко-правовое исследование. М., 1979; *Шпилёв В.Н.* Обжалование и опротестование судебных решений и определений в гражданском процессе СССР. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1949; *Юдельсон К.* Советский гражданский процесс. М., 1956.

[8] Верховный суд СССР. Статьи и очерки о деятельности за 1924—1974 / Под ред. Л.Н. Смирнова, В.В. Куликова, Б.С. Никифорова. М., 1974.

[9] *Смоленцев Е.* На страже социалистической законности // Верховный суд СССР. Статьи и очерки о деятельности за 1924—1974 (URL: http://wysotsky.com/0009/523.htm#05).

[10] Советское право в период Великой Отечественной войны / Под ред. И.Т. Голякова. В 2 т. М., 1948.

неустойчивых элементов и уничтожая вражескую агентуру, со своей стороны содействовала укреплению фронта и тыла»[11]. Это утверждение прочно вошло в отечественный научный дискурс и, к сожалению, до сих пор вызывает подмену научного анализа слепой апологетикой юстиции военных лет.

Что касается более поздних советских исследований, их число относительно небольшое[12]. Возможно, это объясняется закрытостью архивов, а также интересом к сугубо нормативной составляющей. К тому же вполне в духе сборника 1948 г. подчеркивался тезис о неукоснительном соблюдении законности в военное время. Более же критический, уже не узко правовой, а историко-социологический и институциональный анализ стал в полной мере возможен лишь с распадом СССР.

Интерес западных исследователей к вопросам советской юстиции также сопутствовал последней на протяжении всей её истории. Но он был связан с общим интересом к сталинской (и в целом советской) системе социально-политического устройства. Очевидно, что до начала 1990-х гг. зарубежные исследователи не имели доступа к советским архивам и были вынуждены опираться на очень ограниченный круг источников, в частности, открытые нормативные документы СССР, советские периодические издания и т.п. Особую ценность представляли материалы оказавшегося в США после войны архива Смоленского обкома ВКП(б)[13] и материалы «Гарвардского проекта» (Harvard project on the Soviet social system)[14].

Зарубежные исследования 1940—1980-х гг. можно условно разделить на две большие группы. Первая — работы, посвящённые непосредственно юридическим вопросам права и правоприменения. Это главным образом исследования отдельных отраслей права, а также об организационных аспектах системы юстиции в СССР[15]. Вторая группа затрагивает правовые вопросы в контексте изучения социально-политической системы и проблем сталинизма. Наибольшее внимание уделялось массовому террору 1930-х гг. и соотношению судебных и внесудебных мер воздействия, а также постепенной переориентации и стабилизации правовой политики после принятия Конституции 1936 г.[16] Среди

---

[11] Советское право в период Великой Отечественной войны. Т. 1. Гражданское право. Трудовое право. М., 1948. С. 9.

[12] См., например: *Грибанов З.П.* Гражданское право в период Великой Отечественной войны // Вестник Московского университета. Сер. Право. 1985. № 3. С. 63—72; *Коняхин Л.Г.* Трудовое право в годы Великой Отечественной войны // Вестник Московского университета. Сер. Право. 1985. № 3. С. 23—41; *Куликов В.В.* Правосудие в СССР в военные годы // Советское государство и право. 1975. № 5. С. 31—37.

[13] См., например, одну из рубежных работ на основе документов «Смоленского архива»: *Fainsod M.* How Russia is ruled. Cambridge (Mass.), 1953.

[14] См., например: *Inkeles A., Bauer R.A.* The Soviet citizen: daily life in a totalitarian society. Cambridge (Mass.), 1959.

[15] См., например: *Berman H.J.* Soviet family law in the light of Russian history and Marxist theory // The Yale Law journal. 1946. Vol. 56. № 1. P. 26—57; *Chenoweth D.W.* Soviet civil procedure: history and analysis // Transactions of the American Philosophical society. 1977. Vol. 67. № 6. P. 1—55; *Gsovski V.* Soviet law of inheritance: II // Michigan Law review. 1947. Vol. 45. № 4. P. 445—468; *Huskey E.* Russian lawyers and the Soviet state: the origins and development of the Soviet bar, 1917—1939. Princeton (N.J.), 1986; *Kiralfy A.K.R.* The Soviet Supreme Court as a source of law // Soviet studies. 1951. Vol. 2. № 4. P. 356—363; *Luryi Y.* Special courts in the USSR: a comment // Review of Socialist law. 1962. Vol. 8. P. 251—257.

[16] См., например, наиболее характерные работы, относящиеся к этой группе: *Berman H.J.* Justice in the U.S.S.R. An interpretation of the Soviet Law. Cambridge, 1963; *Berman H.J.* Soviet justice

исследований, относящихся к обеим группам, стоит выделить работы Г. Бермана и Ю. Хаски[17].

Советская юстиция в годы войны фактически не была предметом отдельного интереса в зарубежной историографии, в чём заключается её определённое сходство с советской. Хотя ряд нормативных изменений тех лет так или иначе рассматривался в контексте общих перемен в советском праве[18]. Конец 1930-х гг. в зарубежной историографии традиционно оценивался как период стабилизации советской юстиции после принятия новой конституции, а также завершения массовых политических репрессий. Показательна в этом отношении статья Р. Шарлета[19], где высказывается тезис, что в военные годы продолжалась начавшаяся в конце 1930-х гг. политика стабилизации и «дерадикализации» правовой культуры. Институциональные и социальные проблемы правовой политики в военные годы были вне поля зрения исследователей, вероятно, в первую очередь из-за отсутствия в их распоряжении открытых источников (например, материалов ревизий судебных органов, конкретных судебных дел[20], статических данных).

«Архивная революция» начала 1990-х гг. дала мощнейший импульс отечественным и зарубежным исследованиям в области советской истории. Именно в результате рассекречивания большого количества документов стал возможен анализ практик реализации правосудия в СССР и социальных последствий подобной реализации, институциональных проблем многосоставной системы советской юстиции. В этой связи, прежде чем перейти к современной историографии темы, нельзя не остановиться на рубежном исследовании П. Соломона

---

and Soviet tyranny // Columbia Law review. 1955. Vol. 55. № 6. P. 795—807; *Huskey E.* Vyshinskii, Krylenko, and the shaping of Soviet legal order // Slavic review. 1987. Vol. 46. № 3/4. P. 414—428; Justice and the legal system in the USSR / Ed. by R. Conquest. L., 1968; *Juviler P.H.* Revolutionary law and order: politics and social change in the USSR. N.Y., 1976; *Oda H.* Criminal law reform in the Soviet Union under Stalin. The distinctiveness of Soviet Law / Ed. by F.M. Feldbrugge. Dordrecht, 1987; *Rittersporn G.T.* Soviet officialdom and political evolution: judiciary apparatus and penal policy in the 1930s // Theory and Society. 1984. № 13. P. 211—237; *Sharlet R., Beirne P.* In search of Vyshinsky: the paradox of law and terror // International Journal of the sociology of Law. 1984. № 12. P. 153—177; *Sharlet R.* Stalin and Soviet legal culture // Stalinism / Ed. by R. Tucker. N.Y., 1977. P. 155—179.

[17] Помимо перечисленных выше работ стоит выделить обзорную статью Ю. Хаски, которая вышла уже после распада СССР: *Huskey E.* From legal nihilism to «Pravovoe gosudarstvo»: Soviet legal development, 1917—1990 // Toward the «Rule of Law» in Russia? Political and legal reform in the Transition period / Ed. by D. Barry. Armonk (N.Y.), 1992. P. 23—42. О подходах в изучении и восприятии советского права (где, в том числе, упоминается точка зрения Бермана): *Huskey E.* A framework for the analysis of Soviet law // The Russian review. 1991. Vol. 50. № 1. P. 53—70.

[18] См., например, статью, в которой дан достаточно подробный анализ указа Президиума Верховного совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства...»: *Berman H.J.* Soviet Family law in the light of Russian history and Marxist theory.

[19] *Sharlet R.* Stalinism and Soviet legal culture. P. 168, 178.

[20] Хотя, например, в 1950 г. в США вышло издание, в котором были опубликованы ряд советских нормативно-правовых документов, а также решения судов, взятые из советской юридической периодики. Этот сборник преследовал, главным образом, цель ознакомления с советской судебной системой (очевидно, что выборка из периодических изданий СССР не демонстрировала особенной репрезентативности): *Hazard J.N., Weisberg M.L.* Cases and readings on Soviet law. N.Y., 1950. См., например, статью на основе опубликованных документов: *Schlesinger R.* Court cases as a source of information on Soviet society // The American Slavic and East European review. 1951. Vol. 10. № 3. P. 163—176.

«Советская криминальная юстиция при Сталине»[21], написанном на основе широкой источниковой базы из открывшихся в начале 1990-х гг. архивов.

Анализ Соломона охватывает три с половиной десятилетия и начинается с исследования генезиса советской уголовной юстиции в годы революции и Гражданской войны. Завершается монография первой половиной 1950-х гг. В центре внимания «не только правосудие, но и роль права в советской системе, взгляды советских руководителей на значение права и на его взаимоотношения с политической действительностью»[22]. Также отдельное внимание уделено вопросам взаимодействия (в том числе конфликтам) партийных и советских органов на местах в осуществлении правовой политики. В исследовании отсутствует самостоятельная часть, посвящённая анализу уголовной юстиции в период войны, хотя упоминаются некоторые политические и институциональные процессы. Вероятно, это связано, с одной стороны, с упомянутой выше традицией восприятия юстиции военных лет как составляющей начавшейся в конце 1930-х гг. политики стабилизации (юридический аспект как таковой); с другой, с тем, что 1941—1945 гг. оказались периодом экстраординарных социально-экономических и политических потрясений, который следует рассматривать отдельно (аспект исторический).

Соломон пришёл к выводу, что в период сталинского правления право превратилось в один из двух (наравне с террором) центральных инструментов осуществления репрессивной политики; при этом фактически все законодательные изменения в отрасли уголовного права «несли на себе печать личного участия Сталина»[23]. Применение же уголовного права в этот период оказалось значительно расширено. Оно стало инструментом регулирования широкого круга социальных и экономических отношений — от сферы народного хозяйства (например, борьба с хищениями социалистической собственности) до трудовой дисциплины и запрета абортов[24]. Ко всему прочему, по мнению автора, в условиях советского режима профессионализация работников системы юстиции и централизация судебной системы[25] привели к появлению гораздо более послушных судей, которые выносили более суровые приговоры, поскольку гораздо меньше хотели рисковать своим должностным положением, чем их предшественники-непрофессионалы[26].

Автор выдвинул предположение, что в период сталинского правления «антиправовой подход никогда не был главенствующим фактором при формировании советской уголовной юстиции», и даже в период наибольшего господ-

---

[21] *Solomon P.H.* Soviet criminal justice under Stalin. N.Y., 1996 (*Соломон П.* Советская юстиция при Сталине. М., 1998; М., 2008). Стоит упомянуть и ранние публикации Соломона, результаты которых также легли в основу обобщающей работы: *Solomon P.H.* Local political power and Soviet criminal justice, 1922—1941 // Soviet studies. 1985. Vol. 37. № 3. P. 305—329; *Solomon P.H.* Soviet criminal justice and the Great Terror // Slavic review. 1987. Vol. 46. № 3/4. P. 391—413; *Solomon P.H.* The case of the vanishing acquittal: informal norms and the practice of Soviet criminal justice // Soviet studies. 1987. Vol. 39. № 4. P. 531—555; *Solomon P.H.* The U.S.S.R. Supreme Court: history, role, and future prospects // The American journal of Comparative Law. 1990. Vol. 38. № 1. P. 127—142.

[22] *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине. М., 2008. С. 10. Здесь и далее ссылки даются на второе издание книги.

[23] Там же. С. 389.

[24] Там же. С. 435—436.

[25] Элементы политики укрепления кадров и централизации судебной системы наблюдаются уже в середине 1930-х гг., но наиболее последовательно она проводилась после войны.

[26] *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине. С. 449—450.

ства таких идей — Гражданской войны — работа над составлением Уголовного кодекса основывалась в большей степени на инструментальном подходе к праву[27]. К тому же использование органов юстиции (наравне с внесудебными органами) для реализации политических репрессий[28] имело ограничения даже в условиях абсолютной сталинской диктатуры. Это проявлялось, например, в подспудном сопротивлении судебно-следственных работников осуществлению ряда репрессивных кампаний[29]. Данные тезисы стали во многом реакцией на историографические дискуссии западных историков о соотношении внесудебного произвола и формальной «законности» при осуществлении репрессивной политики 1930—1950-х гг., а также об институциональных границах правоприменения в тоталитарном государстве.

Нельзя не отметить, что эти выводы вызвали среди исследователей дискуссию. В наибольшей степени она коснулось утверждения об отсутствии определяющей роли антиправового подхода в 1930-х гг., поскольку некоторые историки придерживались прямо противоположной трактовки[30], дискуссии же о соотношении идей правового нигилизма и установок на соблюдение формальной законности[31] в период сталинской диктатуры продолжаются и сегодня. Также критике подверглись утверждения об определённом сопротивлении судебных работников реализации наиболее драконовских репрессивных кампаний: в контексте чисток 1930-х гг. крайне маловероятной представляется возможность судей не подчиняться государственным директивам, а примеры подобного сопротивления выглядят как единичные случаи[32]. Другие исследователи отмечали, что в работе не уделено должного внимания политическим процессам начала 1920-х гг., анализ которых также важен для понимания генезиса уголовной юстиции сталинского времени[33].

Несмотря на ряд спорных моментов и то, что периоду 1941—1945 гг. не уделено специального внимания, монография Соломона позволяет составить комплексное представление о практиках деятельности органов юстиции и судов в 1920—1953 гг. Выводы об активном применении права как политического инструмента для осуществления власти в указанный период во многом проясняют, «каким образом функционировал сталинизм как социальная система»[34].

Благодаря открытию архивов стал возможен анализ конкретных социально-политических и экономических проблем, сопутствовавших реализации по-

---

[27] Там же. С. 439.

[28] Там же. С. 451.

[29] Там же. С. 442.

[30] *Krug P.* [Review of] Peter H. Solomon. Soviet criminal justice under Stalin (Cambridge: Cambridge University Press, 1996) // Law and History review. 2000. Vol. 18. № 3. P. 674.

[31] Эти установки были нацелены на инструментальное использование права для достижения политических целей, а также провозглашали необходимость соблюдения процессуальных норм. Здесь проявляется сочетание двух подходов, которые Хаски характеризует как «statism» и «legalism», с явным преобладанием первого: *Huskey E.* A framework for the analysis of Soviet law // The Russian review. 1991. Vol. 50. №. 1. P. 57.

[32] *Salmonowicz S.* [Review of] Peter H. Solomon. Soviet criminal justice under Stalin (Cambridge: Cambridge University Press, 1996) // Revue historique de droit Français et étranger. 1999. Vol. 77. № 4. P. 543.

[33] *Rees E.A.* [Review of] Peter H. Solomon. Soviet criminal justice under Stalin (Cambridge: Cambridge University Press, 1996) // Europe-Asia Studies. 1997. Vol. 49. № 7. P. 1358.

[34] *Burbank J.* [Review of] Peter H. Solomon. Soviet criminal justice under Stalin (Cambridge: Cambridge University Press, 1996) // The Russian review. 1998. Vol. 57. № 2. P. 310.

литики 1930—1950-х гг.; это привело к более глубокому пониманию различных сфер общественной жизни. Работы современных российских исследователей, которые могут представлять интерес в рамках предложенной темы, можно разделить на три большие группы. Первая касается смежных с юстицией вопросов внесудебных репрессий и системы ГУЛАГа[35]. Они важны для более полного понимания правовой политики государства, при исследовании которой нельзя не обратиться и к внеправовым методам социального регулирования, от которых сталинизм никогда не отказывался.

Вторая группа работ — исследования историко-правового характера, касающиеся вопросов становления политико-правовых институтов: органов судебной власти (сюда относятся исследования как системы судов общей юрисдикции, так и специальных судов), следственных и надзорных органов, органов адвокатуры и проч.[36] Эта группа охватывает главным образом работы юристов, которые в меньшей степени обращаются к социально-политическим аспектам. Тем не менее эти исследования полезны в качестве справочных для понимания общих институциональных особенностей советской правовой системы, её генезиса и изменений. Также они опираются на широкий массив документов, в том числе и из региональных архивов.

Третья и наиболее интересная в рамках общеисторической проблематики группа — работы, непосредственно посвящённые вопросам развития и функционирования системы юстиции в период Великой Отечественной войны. Помимо сугубо юридических, большое место здесь занимают исторические исследования, основанные на анализе нормативных документов и правоприменительной практики. Большая часть этого массива — статьи. До сих пор в отечественной историографии отсутствуют комплексные обобщающие работы. Возможно, это связано с относительной новизной подобной проблематики — интерес к военному времени в контексте юстиции обозначился лишь в начале

---

[35] См., например: *Иванова Г.М.* История ГУЛАГа, 1918—1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006; *Иванова Г.М.* Лагерная юстиция в СССР. 1944—1954 // Труды Института российской истории. М., 2004. С. 287—308; *Кудрявцев В.Н., Трусов А.И.* Политическая юстиция в СССР М., 2000; *Лунеев В.В.* Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М., 1997; *Мозохин О.Б.* Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918—1953). М., 2006; *Тепляков А.Г.* Управление НКВД по Новосибирской области накануне и в начальный период Великой Отечественной войны // Западная Сибирь в Великой Отечественной войне (1941—1945 гг.). Сборник статей. Новосибирск, 2004. С. 260—290; *Хлевнюк О.В.* 1937: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992; *Христофоров В.С.* Органы госбезопасности СССР в 1941—1945 гг. М., 2011.

[36] См., например: *Зайцева И.И.* Адвокатура в России. Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003; *Клевцов А.В.* Становление и развитие российской адвокатуры в советский период (1917—1991): историко-правовой аспект. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006; *Кодинцев А.Я.* Государственная политика в системе органов юстиции СССР в 1933—1956 гг. Дис ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2010; *Олейник И.И.* Организационно-правовые основы становления и развития органов управления юстицией в РСФСР (1917—1936 гг.). Дис ... д-ра юрид. наук. Владимир, 2006; *Петухов Н.А.* История военных судов России / Под ред. и с предисл. В.М. Лебедева. М., 2003; *Смирнов В.Н.* Партийно-государственное руководство адвокатурой в довоенное время: 1922—1940 гг. // Российский юридический журнал. 2014. №6. С. 151—168; *Шкаревский Д.Н.* О некоторых причинах создания органов транспортной юстиции в СССР в 30-е гг. XX в. // История государства и права. 2013. № 23. С. 16—19; *Шкрыль Е.О.* Становление и организационно-правовое развитие судебного управления и судебного надзора в РСФСР (1917—1940 гг.): историко-правовое исследование. Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2005.

XXI в. Можно выделить ряд тем, которые до настоящего времени представляли для историков и правоведов наибольший интерес.

Во-первых, это военная юстиция. Сюда можно отнести и исследования, связанные с военными трибуналами различных родов войск (особое внимание, конечно, уделяется военным трибуналам войск НКВД); здесь же —исследования военной преступности[37]. Во-вторых, это вопросы уголовного регулирования трудовых отношений: мобилизация и борьба с дезертирством. Особое внимание уделяется реализации указов Президиума Верховного совета СССР от 26 июня 1940 г. и 26 декабря 1941 г., а также совместного постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. (о повышении обязательного минимума трудодней для работников колхозов)[38]. В-третьих, это частноправовые вопросы: гражданские и брачно-семейные отношения[39]. Последняя группа достаточно обширна и охватывает вопросы гражданской ответственности, из-

---

[37] См., например: *Белозёров Б.П.* Деятельность органов военной юстиции в годы ВОВ // Государство и право. 1995. № 8. С. 82—107; Деятельность органов военной юстиции в годы Великой Отечественной войны (Круглый стол журнала «Государство и право») // Государство и право. 1995. № 8. С. 82—107; *Епифанов А.Е.* Ответственность за военные преступления, совершенные на территории СССР в период Великой Отечественной войны (историко-правовой аспект). Дис ... д-ра юрид. наук. М., 2001; *Звягинцев В.Е.* Война на весах Фемиды: война 1941—1945 гг. в материалах следственно-судебных дел. М., 2006; *Обухов В.В.* Правовые основы организации и деятельности военных трибуналов войск НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. (историко-правовое исследование). Дис ... канд. юрид. наук. М., 2002; *Шкаревский Д.Н.* К вопросу о деятельности военных трибуналов транспорта в период Великой Отечественной войны // История государства и права. 2015. № 9. С. 48—55.

[38] См., например: *Емелин С.М.* Историко-правовые аспекты борьбы с преступностью в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) // История государства и права. 2000. № 17. С. 38—41; *Емелин С.М.* Обеспечение общественного порядка и борьба с дезертирством в годы Великой Отечественной войны (1941—1945) // История государства и права. 2009. № 21. С. 25—28; *Земсков В.Н.* Организация рабочей силы и ужесточение трудового законодательства в годы Великой Отечественной войны // Международные отношения. 2014. № 1. С. 104—114; *Кодинцев А.Я.* Уголовная ответственность за трудовые преступления в колхозах в годы сталинского режима // История государства и права. 2015. № 9. С. 60—64; *Кодинцев А.Я.* Уголовное судопроизводство в СССР в годы войны // История государства и права. 2012. № 16. С. 42—45; *Папков С.А.* Карательное правосудие в СССР в годы Второй мировой войны (1940—1945 гг.) // Наука и образование: Материалы V международной научной конференции (26—27 февраля 2004 г.). Ч. 3. Белово, 2004. С. 500—516; *Папков С.А.* «Контрреволюционная преступность» и особенности её подавления в годы Великой Отечественной войны (1941—1945) // Урал и Сибирь в сталинской политике / Отв. ред. С. Папков, К. Тэраяма. Новосибирск, 2002. С. 205—223; *Папков С.А.* Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М., 2012; *Папков С.А.* Правосудие как инструмент репрессий в СССР в годы Великой Отечественной войны // Западная Сибирь в Великой Отечественной войне (1941—1945 гг.) / Отв. ред. В.А. Исупов. Новосибирск, 2004. С. 235—259; *Сомов В.А.* По законам военного времени. Очерки истории трудовой политики СССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Н. Новгород, 2001.

[39] См., например: *Демичев А.А.*, *Моисеев А.Б.* Развитие советского наследственного права в период Великой Отечественной войны // История государства и права. 2010. № 9. С. 36—41; *Кодинцев А.Я.* Гражданский процесс в СССР. Практика применения в годы Великой Отечественной войны // Военно-юридический журнал. 2011. № 7. С. 29—32; *Конохов М.В.* Проблемы гражданско-правовой ответственности в военное время и пути их решения с учётом опыта Великой Отечественной войны // История государства и права. 2010. № 9. С. 41—44; *Полянский П.П.* Реформирование советского семейного права в годы Великой Отечественной войны. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998; *Шаповалов С.Н.*, *Шаповалова Я.А.* Государственная политика в отношении семьи в годы Великой Отечественной войны // Актуальные социально-политические и правовые проблемы развития российского общества. Сборник материалов VI международной научной читательской конференции. Краснодар, 2010. С. 85—90.

менений в наследственном праве и правовой политики в отношении институтов семьи, материнства и отцовства.

В последние годы наблюдается заметный рост региональных исследований[40], связанных с правовой политикой и деятельностью органов юстиции на местах. Во многом это стало возможным благодаря выходу большого количества обзорных исследований сталинизма. Изучение практики и особенностей отдельных регионов — логичный следующий шаг в этом процессе. Правда, многие работы носят скорее краеведческий характер, а некоторые являются юбилейными изданиями органов юстиции и судов. Тем не менее значительная часть «местных» исследований постепенно вводит в оборот новые значимые документы из региональных архивов.

«Архивная революция» привела и к появлению значительного количества исследований зарубежных историков. Они также по большей части посвящены общим проблемам функционирования тоталитарной системы, массовым репрессиям и т.п.[41] Работ о юстиции в годы Великой Отечественной войны ещё меньше, чем в российской историографии. Работа Соломона остаётся наиболее крупным и обобщающим зарубежным исследованием вопросов сталинской юстиции. В последние годы появились статьи, в центре внимания которых отдельные вопросы правового регулирования в 1941—1945 гг.[42] Среди них особенный интерес представляет исследование С. Грачовой, в которой рассмотрена борьба с контрреволюционными преступлениями (в частности, антисоветской агитацией). Автор пришла к выводу, что рост политических преследований после начала войны «стал ответом на действительно произошедшие изменения в советском общественном мнении, перемена которого была вызвана событиями

---

[40] См., например: *Вдовенков В.М.* Становление и развитие судебной власти на территории Хабаровского края. Хабаровск, 2003; *Вдовенков В.М.* 80 лет Верховному суду Республики Бурятия. Улан-Удэ, 2003; *Вдовенков В.М.* Встать! Суд идёт! (История самарской Фемиды). Самара, 2005; *Винниченко О.Ю.* Общественные правоприменительные и правоохранительные органы Советской России 1930-х годов (на материалах Урала) // История государства и права. 2005. № 4. С. 34—35; *Иванов В.А.* Правда, и ничего кроме правды о военном трибунале г. Ленинграда в период блокады // Россия. Век двадцатый. Сборник статей к 95-летию д-ра ист. наук В.М. Ковальчука. СПб., 2011. С. 20—37; *Иванов В.А.* Ленинградский городской суд в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. // Новейшая история России. 2013. № 2. С. 48—69; *Павлова Л.А.* Творить суд по закону и чистой совести. Из истории судебной власти на Среднем Урале (1722—2004 гг.). Екатеринбург, 2004; *Печерский В.А.*, *Степанов М.Г.* Советская юстиция в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): на материалах Хакасии. Абакан, 2015; *Смирнов В.Н.*, *Усманов Р.Р.* История адвокатуры Среднего Урала. Екатеринбург, 1999; Юристы военного времени. О деятельности Управления Народного комиссариата юстиции РСФСР по Кировской области в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. (Документы и материалы) / Авт.-сост. Ю.П. Малых. Киров, 2000.

[41] См., например: *Davies S.* The crime of «Anti-Soviet agitation» in the Soviet Union in the 1930s // Cahiers du monde Russe. Les annйes 30: nouvelles directions de la recherche. 1998. Vol. 39. № 1/2. P. 149—167; *Holquist P.* State violence as technique: the logic of violence in Soviet totalitarianism // Landscaping the human garden: Twentieth-century population management in a comparative perspective / Ed. by A. Weiner. Stanford, 2003. P. 19—45; *Jansen M.*, *Petrov N.* Mass terror and the court: the Military Collegium of the USSR // Europe-Asia Studies. 2006. Vol. 58. № 4. P. 589—602; *Werth N.* La terreur et le dйsarroi: Staline et son systиme. P., 2007.

[42] *Grachova S.* «Counter-revolutionary agitation» in the Soviet Union during the Great Patriotic War: the politics of legal prosecution // Cahiers du monde Russe. 2011. Vol. 52. № 2/3. P. 373—386; *Kucherenko O.* State *vs* Danila Kuz'mich: Soviet desertion laws and industrial child labor during World War II // The Russian review. 2012. Vol. 71. № 3. P. 391—412; *Kudryashov S.*, *Voisin V.* The early stages of «Legal purges» in Soviet Russia (1941—1945) // Cahiers du monde Russe. 2012. Vol. 49. № 2/3. P. 263—295.

на фронте», но тем не менее конечной целью этих преследований «было сохранение *status quo* в отношениях между населением и режимом, а не попытка трансформировать политическое сознание советских граждан»[43].

Нельзя не отметить работу Д. Ньюмана[44]. Правда, она выходит за хронологические рамки рассматриваемой проблематики и посвящена анализу уголовной юстиции в Московской губернии в 1921—1928 гг. Тем не менее это исследование — одно из основных для понимания генезиса советской судебной системы, в особенности института кассации, а также для знакомства с методологией работы с архивно-следственными документами[45]. Последнее важно, поскольку до сих пор большинство исследований строится на делопроизводственной документации (переписка, отчёты и проч.) органов юстиции и суда, а не на конкретных делах.

В последние годы вышло значительное число российских и зарубежных работ, посвящённых изучению судебных преследований советских коллаборационистов[46]. С. Бернштейном и И.А. Махаловой опубликована статья, в которой представлена сводная база данных с анализом более 900 судебных дел, рассмотренных военными трибуналами в Крыму и на Украине начиная с 1943 г.[47] Разработанная исследователями аналитическая матрица и полученные метаданные позволяют проанализировать социально-политический портрет лиц, обвинённых в коллаборационизме. Авторы пришли к выводу, что классовые категории не играли определяющей роли в преследованиях, а целью судебно-следственной системы было установление действительных преступлений, совершённых советскими гражданами в период оккупации. Таким образом, судебно-следственные материалы основывались на имевших место реальных фактах и не могут рассматриваться как сфальсифицированные.

Богат на новые исторические исследования деятельности органов юстиции оказался 2019 г. Немецкий исследователь И. Ребичек опубликовал статью о взаимодействии и противостоянии между органами прокуратуры и милиции в 1940-х гг., основанную на материалах пермских партийного и советского архивов[48]. Проанализирована деятельность Д.Н. Куляпина, который в 1942—1949 гг. был прокурором Молотовской обл. Автор «раскрывает намерения и возможности прокуроров в реализации норм в сталинском государстве» и утверждает, что институциональное столкновение между милицией и прокуратурой явля-

---

[43] *Grachova S.* «Counter-revolutionary Agitation»... P. 378—379.

[44] *Newman D.A.* Criminal strategies and institutional concerns in the Soviet legal system: an analysis of criminal appeals in Moscow province, 1921—1928. Phd dis. Los Angeles, 2013. Также см.: *Newman D.* Cassation of criminal cases from Moscow province courts and tribunals, 1921—1928 // The Soviet and Post-Soviet review. 2014. Vol. 41. № 2. P. 146—168.

[45] Подробнее о методике работы с архивными документами см.: *Newman D.A.* Criminal strategies and institutional concerns... P. 24—25.

[46] См., например: *Епифанов А.Е.* Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР (Историко-правовой аспект). Волгоград, 1997; *Kaiser C.P.* Betraying their Motherland: Soviet military tribunals of «Izmenniki Rodiny» in Kazakhstan and Uzbekistan, 1941—1953 // Soviet and Post-Soviet Review. 2019. Vol. 41. No. 1. P. 57—83; *Kudryashov S.*, *Voisin V.* The early stages of «Legal purges» in Soviet Russia...; *Penter T.* Local collaborators on trial: Soviet war crimes trials under Stalin (1943—1953) // Cahiers du monde Russe. 2008. Vol. 49. № 2/3. P. 341—364.

[47] *Bernstein S.*, *Makhalova I.* Aggregate treason: a quantitative analysis of collaborator trials in Soviet Ukraine and Crimea // The Soviet and Post-Soviet review. 2019. Vol. 46. № 1. P. 1—25.

[48] *Rebitschek I.* Lessons from the Terror: Soviet prosecutors and police violence in Molotov province, 1942 to 1949 // Slavic review. 2019. Vol. 78. Issue 3. P. 738—757.

лось, по сути, конфликтом между двумя конкурирующими подходами к социальному контролю: произвола, более характерного для НКВД (МВД), и стремления к формальному соблюдению социалистической законности — установки работы прокуратуры[49]. Автор пришёл к выводу, что роль прокуратуры всё же превалировала[50]. Несмотря на то что хронологически статья анализирует деятельность прокуратуры, в том числе в период Великой Отечественной войны, автор не рассматривает обстоятельства военного времени и особенности социально-экономического существования Молотовской обл. в условиях тыла как факторы, влиявшие на систему юстиции, и концентрируется лишь на институциональном взаимодействии органов юстиции и правоохранительных органов. Тем не менее, благодаря использованию регионального архивного материала, автору удалось на одном конкретном примере достаточно полно и в динамике рассмотреть межведомственный конфликт в контексте проблематики правоприменения и социального контроля в целом.

В этом же году вышли две знаковые статьи О.В. Будницкого. Первая посвящена репрессиям советской власти в отношении верующих накануне и в период Великой Отечественной войны[51]. Вопреки сформировавшейся в историографии точке зрения о некоем компромиссе между властью и религией (церковью), сложившемся в те годы, автор на обширном архивном материале показал, как власть с началом войны, наоборот, фактически развернула кампанию преследования не только священнослужителей, но и «активных» верующих, используя для этого систему органов юстиции и уголовные нормы по контрреволюционным преступлениям. Иными словами, преследования верующих можно рассматривать в контексте общего усиления репрессий по политическим статьям в этот период.

Этой проблеме (росту численности осуждений и смертных приговоров по политическим статьям, в частности, ст. 58[10] УК РСФСР) посвящена вторая статья Будницкого, основанная на материалах судебных дел[52]. Её центральный тезис состоит в том, что второе полугодие 1941 г. можно рассматривать как своеобразное возвращение практик Большого террора, хотя «террор 1941 г.» был гораздо менее массовым и реализовывался в основном через суды общей юрисдикции. Тем не менее общая «методика» кампании по выявлению политических врагов и «шитью» дел[53], а также доля смертных приговоров среди осуждённых (порядка 40%[54]) сильно напоминают аналогичные события внесудебных расправ 1937—1938 гг. Будницкий пришёл к выводу, что репрессии имели превентивный характер и затронули всю страну, а не только прифронтовые территории. В этих и иных их аспектах проявляются не только преемственность уголовной юстиции 1930-х гг. и военного времени, но и её определенная эволюция в условиях войны[55]. Несмотря на то что в силу своего формата обе эти статьи рассмотрели лишь отдельные сюжеты карательной политики, можно

---

[49] *Rebitschek I.* Lessons from the Terror... P. 738.

[50] Ibid. P. 740.

[51] *Будницкий О.В.* Репрессии против верующих накануне и во время Великой Отечественной войны 1939—1945 гг. // Российская история. 2019. № 3. С. 100—124.

[52] *Budnitskii O.* The Great Terror of 1941... P. 447—480.

[53] Хотя теперь органами суда, а не внесудебными институтами («тройками»), и в экстраординарных условиях начавшейся войны.

[54] *Budnitskii O.* The Great Terror of 1941... P. 479.

[55] Ibid. P. 450, 448.

утверждать, что фактически это первые работы в историографии, которые посвящены социально-политическим аспектам деятельности советской юстиции в 1941—1945 гг.

Подводя итог, отмечу, что, несмотря на значительное количество исследований, посвященных деятельности центральных социально-регулятивных институтов — органов юстиции и суда — в 1930—1950-х гг., деятельность этих структур в годы войны до сих пор рассмотрена лишь фрагментарно и требует дальнейшего изучения. Хотя эти вопросы вызывают всё больший интерес учёных и выходят за рамки исключительно историко-юридических исследований. Это связано с тем, что документы, отражающие деятельность судебных органов, прокуратуры и наркомата юстиции, обнаруживают богатый материал не только для исследований социальной реальности в условиях войны, но и для изучения трансформации сталинизма в указанный период в целом. Не вызывает сомнения, что дальнейший исторический анализ позволит гораздо глубже изучить драматический опыт существования власти и общества в условиях войны и, более того, рассмотреть этот опыт как рубежный в переходе от предвоенного сталинизма к послевоенному.

Духовенство, верующие и власть на освобождённой от нацистов территории СССР в 1944—1946 гг.

Иван Петров

The clergy, believers and authorities in the territory of the USSR liberated from the Nazis in 1944—1946

Ivan Petrov
(Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia)

DOI 10.31857/S086956870010147-2

Встреча трёх митрополитов с И.В. Сталиным в сентябре 1943 г. и последовавшая за ним корректировка конфессиональной политики в СССР во многом предопределили на следующие 45 лет характер церковно-государственных отношений и распределение сфер ответственности разных ветвей власти и ведомств, взаимодействовавших с религиозными организациями. Не стоит забывать, что всё это происходило в условиях войны, в которой нацистская Германия активно пыталась использовать «церковную карту». Для противодействия немецкой пропаганде, а также установления контроля за прихожанами и клириками на ранее оккупированных, а теперь постепенно освобождавшихся территориях, был создан сложный и до сих пор недостаточно изученный институт уполномоченных по делам Русской Православной Церкви (РПЦ)[1].

Как отмечал М.И. Одинцов, контакты с церковными учреждениями первоначально предполагалось передать в Народный комиссариат государственный безопасности, но затем было решено создать принципиально новый орган, формально не связанный какой-либо преемственностью с ВЧК и ОГПУ — Совет по делам РПЦ при СНК СССР[2]. При этом В.М. Молотов настаивал на том, чтобы в областях, переживших оккупацию, на должность уполномоченных назначали исключительно «чекистов»[3]. К концу 1943 г. аппарат Совета по делам РПЦ был сформирован, тогда же уполномоченные отправились в союз-

© 2020 г. И.В. Петров

Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № №18-78-00048 «Служение русского православного пастырства на временно оккупированных районах РСФСР в 1941—1944 гг.».

This research was supported by the «Russian Science Foundation», project No. 18-78-00048 «Orthodox clergy on the Occupied areas of the RSFSR in 1941—1944».

[1] Как правило, историки указывали лишь общий вектор взаимоотношений между уполномоченными и группами верующих, без сравнительного анализа положения церковных общин в разных регионах. Исключение составляют монография М.В. Шкаровского и диссертация Д.Ю. Макаровой: *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущёве. М., 1999; *Макарова Д.Ю.* Эволюция взаимоотношений Русской Православной Церкви и советского государства в 1943—1991 гг. (на материалах Курской области). Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2015.

[2] *Одинцов М.И.* Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. М., 1995. С. 14—15; *Одинцов М.И., Кочетова А.С.* Конфессиональная политика в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны 1941—1946 гг. М., 2014. С. 69—153, 181—215.

[3] *Чумаченко Т.А.* Государство, православная церковь, верующие, 1941—1961. М., 1999. С. 28.

ные и автономные республики, края и области. Их основной задачей являлось наблюдение за религиозным возрождением на местах, учёт открытых молитвенных зданий, проведение в жизнь правительственных распоряжений, а также составление ежеквартальных отчётов о собственной деятельности. 1 декабря 1944 г. СНК СССР принял постановление «О порядке открытия церквей и молитвенных зданий на территории, освобождённой от нацистской оккупации». В нём рекомендовалось по возможности воздерживаться от закрытия появившихся при немцах храмов, изымая лишь те помещения, в которых до войны располагались школы, театры, дома культуры, но с обязательным выделением прихожанам в течение месяца другой площади. Местным властям предписывалось мириться с тем, что есть районы, где открыто несколько десятков церквей, тогда как в некоторых областях службы не совершались ни в одной. Слом недействующих церквей разрешали лишь в исключительных случаях. Общины могли беспрепятственно ремонтировать культовые сооружения, но не строить новые[4]. Впрочем, на практике уполномоченные часто отходили от данных правил, к примеру, перемещали верующих в более тесные постройки, или же активно способствовали упразднению тех приходов, где отсутствовали общины (или им не удалось подать документы для регистрации)[5].

В ранее оккупированных районах уполномоченные чаще всего сталкивались с противостоянием и даже взаимной враждебностью верующих, привыкших к относительной свободе церковной проповеди и приходской жизни, и вернувшихся представителей советской власти (председателей колхозов и райисполкомов, сотрудников милиции и т.д.), не понимавших изменения религиозной политики атеистического государства и не сочувствовавших её проведению. Как докладывал уполномоченный по делам РПЦ по БССР Н.П. Чесноков, «коммунисты и партизаны Белоруссии, боровшиеся за освобождение своей Родины от немецко-фашистских захватчиков и знавшие о пособнической и предательской деятельности подавляющей части православного духовенства, а не некоторой, не могли относиться к своим врагам иначе, как с повышенной настороженностью и вполне естественным предубеждением»[6]. В частности, в Барановичской обл. «некоторые сельские работники» относились к духовенству «с явным пренебрежением, с подчёркнутой неприязнью и, конечно, не церемонятся в выражениях, когда разговаривают с духовенством, называя их “попами, долгогривыми, обманщиками”»[7].

Иногда уполномоченный по делам Русской Православной Церкви примерял на себя маску миротворца в вопросах налаживания взаимоотношений между двумя сторонами конфликта: местными советскими властями и священниками. В Курской обл. один из председателей сельсовета открыто заявил: «Политика уполномоченного заключается в том, чтобы граждане ходили в церковь, а моя, чтобы не ходили»[8]. Уполномоченный по делам РПЦ по Воронеж-

---

[4] *Одинцов М.И.* Религиозные организации... С. 18—21.

[5] Подробнее см.: *Одинцов М.И., Чумаченко Т.А.* Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР и Московская патриархия: эпоха взаимодействия и противостояния. СПб., 2013. С. 121.

[6] Национальный архив республики Беларусь (далее — НА РБ), ф. 951, оп. 1, д. 5, л. 4—5.

[7] Там же, л. 130.

[8] Уполномоченный по делам РПЦ по Курской обл. В.Н. Ефремов в первые послевоенные годы достаточно объективно освещал нужды православного духовенства на вверенной ему территории (Государственный архив Курской области (далее — ГА КО), ф. Р-5027, оп. 1, д. 10, л. 58).

ской обл. В.С. Гостев в 1944 г. предостерегал городских и районных руководителей от жёсткого обращения с духовными лицами и мирянами, которым не раз приходилось терпеть угрозы и оскорбления[9]. Порою доходило до растаскивания имущества храмов, открытых в период оккупации, и несанкционированного разрушения церковных зданий[10].

Весьма характерный случай описал священник с. Ольховатка Нижнеоскольского района Курской обл. Михаил Вересин. Прибыв к месту служения, он остановился в доме ктитора, куда на четвёртый день вломился вместе с пьяным милиционером разгорячённый спиртным председатель местного сельсовета Титов, стучавший кулаком по столу и кричавший в присутствии семьи, приютившей батюшку: «Ты куда приехал? Нет скажи: ты куда приехал? Ты знаешь, кто я? Я представитель государственной власти! Скажи, должен ты уважать меня? Скажи: какого числа вышел заём (был период распространения денежно-вещевой лотереи)?.. Ты любишь советскую власть? Ты любишь Ленина? Ты любишь Сталина?.. Я тебя арестую! Здесь прокурор и НКВД в сельсовете. Я тебя сейчас при них арестую и отправлю в тюрьму, в город! Идём в сельсовет! Ты поп медный лоб»[11]. В сельсовете о. Михаил полтора часа выслушивал рассуждения председателя о том, как его «нужно уважать». При этом Титов заставлял его взять билет для церкви на 3 тыс. руб. и лично для себя на 1 тыс. руб., в итоге один билет на 1 тыс. руб. пастырю пришлось приобрести. Но ещё примечательнее, что Титов вскоре был осуждён на два года, а обруганный им священник выступал свидетелем на судебном процессе[12].

В с. Тростенец Верхнемихайловского района Курской обл. директор школы, выступая на очередном собрании колхоза, говорил крестьянам: «Вы много молитесь, а в церкви вас обманывают, мы скоро прекратим ваши хождения». Член того же колхоза С.П. Пахомов утверждал, что «церковь существует пока война»[13]. В с. Липовском Черемисиновского района Курской обл. председатель сельсовета Воронова, войдя в чужую хату, где местный священник служил требу, стала его оскорблять, называя «заразой, обжорой», а также разгоняла колхозников, пришедших освятить пасхи[14].

Подобные выходки уполномоченные иногда вынуждены были квалифицировать как антисоветские выпады. Так, докладывая в 1945 г. о действиях председателя одного из колхозов Воронежской обл., устроившего скандал в местной церкви, уполномоченный Гостев сетовал на то, что в «своей душевной простоте колхозный вожак Красильников» не понимает, как его действия подрывают «престиж советской власти»[15].

Особенно остро в Воронежской обл., освобождённой уже в 1943 г., ощущалась проблема захвата местными властями храмов, открытых в период нацистской оккупации. До войны в них размещались школы и различные советские учреждения. Поэтому, как сообщал Гостев председателю Совета по делам РПЦ при СНК СССР Г.Г. Карпову, «в связи с изъятием у религиозных общин общественных зданий, ряд церквей прекратили своё существование в первые же

[9] Государственный архив Воронежской области (далее — ГА ВО), ф. 957, оп. 5, д. 3, л. 93.
[10] Там же, л. 93 об.
[11] ГА КО, ф. Р-5027, оп. 1, д. 10, л. 75.
[12] Там же, л. 75—76.
[13] Там же, д. 6, л. 11.
[14] Там же, л. 36.
[15] ГА ВО, ф. 957, оп. 5, д. 2, л. 76—76 об.

дни освобождения того или иного населённого пункта от немецко-фашистских захватчиков»[16]. В 1944—1945 гг. местные власти уже не желали их уступать верующим, и уполномоченному приходилось искать компромисс.

Гораздо реже отмечалось участие председателей сельских советов и работников образования в религиозной жизни. Так, уполномоченный по делам РПЦ по Курской обл. В.Н. Ефремов из разговоров с местными коммунистами узнал о том, что некоторые члены партии крестят детей, приносят святить пасху, а директор маслозавода в г. Судже в воскресенье привезла мать на казённой лошади к церкви[17].

Примечательно, что многие верующие смело высказывали недовольство своим бесправием и, не ощущая поддержки со стороны уполномоченных, обращались к руководителям Советского Союза. Так, 5 тыс. жителей с. Баскаково Смоленской обл. жаловались председателю Президиума Верховного совета СССР М.И. Калинину на то, что им, молившимся об изгнании «чёрной чумы» и уповавшим на победу Красной армии, вносящим деньги в фонд обороны, теперь запрещено райисполкомом ремонтировать храм, тогда как расположенная рядом церковно-приходская сторожка занята квартирантами, якобы специально туда подселёнными[18].

В станице Новокубанской Белореченского района Краснодарского края в период оккупации богослужение совершалось в столовой Райпотребсоюза, никогда до войны не использовавшейся для подобных целей. Сразу же после отступления нацистов райисполком потребовал освободить здание, однако председатель церковного совета и настоятель прихода не только не выполнили данное предписание, но явились на приём к уполномоченному по делам РПЦ по Краснодарскому краю И.И. Кириллову, настаивая на предоставлении им взамен другого помещения, причём до согласования «переезда» передавать «храм-столовую» они не собирались. В Туапсе прихожане, которым отказали в открытии церкви, стали собираться на молитву в частном доме. При этом Кириллова особенно беспокоило то, что данной общиной руководил монах Карп (Хомуцкий), имевший репутацию фанатика, активно пропагандировавшего антисоветские взгляды. В итоге уполномоченный добивался от горисполкома точных сведений о деятельности верующих и предупреждения возможных эксцессов[19].

Ещё одной проблемой, с которой постоянно приходилось сталкиваться уполномоченным, являлись широко распространённые слухи об «обновлении икон». Православное духовенство помогало бороться с подобными суевериями, однако далеко не все священники готовы были включиться в разоблачение «религиозных» предрассудков прихожан[20]. Решительнее других их осуждал архиепископ Гродненский и Барановичский Варсонофий (Гриневич), заявлявший: «Я не потерплю, привлеку к ответственности — благочинного и священника, в приходе которого обновилась икона, чтобы другим неповадно было. Пусть

---

[16] Там же, д. 3, л. 118—118 об.

[17] ГА КО, ф. Р-5027, оп. 1, д. 10, л. 74.

[18] Государственный архив Смоленской области (далее — ГА СО), ф. Р-1690, оп. 1, д. 6, л. 3—4.

[19] Государственный архив Краснодарского края (далее — ГА КК), ф. Р-1519, оп. 1, д. 3, л. 10 об., 25.

[20] НА РБ, ф. 951, оп. 1, д. 4, л. 197; д. 5, л. 39; ГА КО, ф. Р-5027, оп. 1, д. 2, л. 6—6 об.

каждый пастырь моей епархии честно и добросовестно своим собственным трудом добывает кусок хлеба»[21].

Иначе поступал архиепископ Крымский и Симферопольский Лука (Войно-Ясенецкий). Получив известие о том, что у местной жительницы О. Коневец «обновилась икона», он сначала отправил к ней на квартиру священника для выяснения обстоятельств, а потом распорядился поместить икону в кафедральный собор Симферополя для предупреждения слухов о чуде. Через несколько дней владыка лично в сослужении всего причта совершил у иконы молебен, а во время проповеди, говоря об обновлении икон, привёл несколько примеров из своей биографии. Более того, архиерей заверил присутствовавших, что икона действительно обновилась и никакого участия в этом духовенство не принимало[22]. Лишь недовольство светских властей и органов государственной безопасности, сразу же информировавших Москву, заставило патриарха Алексия I объявить эту икону ничем непримечательной и остановить её стихийное почитание[23]. Крымский уполномоченный Я.И. Жданов даже предлагал Карпову, воспользовавшись этим, «архиепископа Луку, как главного шарлатана в данном случае, окончательно скомпрометировавшего себя среди верующих и вызвавшего возмущение местных партийных и советских органов, удалить в какой-либо монастырь на покой с тем, чтобы он больше не распространял мистические суеверия в массах»[24].

Далеко не всегда понятно, были ли те или иные запреты и ограничительные меры продиктованы личными убеждениями епархиального начальства или же объяснялись позицией уполномоченных и иных представителей советской власти. Отношения между уполномоченными и архиереями складывались по-разному. Чаще всего, особенно если на кафедру назначался иерарх, не служивший под немцами, они носили рабочий характер при ведущей роли государственных структур. При этом сказывались и возраст владыки, его поведение и опыт в довоенное время, стойкость и влияние в обществе.

Обычно, заняв кафедру и образовав епархиальное управление, архиереи выпускали патриотические обращения к пастве с призывами к продолжению борьбы с захватчиками. Так, епископ Смоленский и Доргобужский Сергий (Смирнов), уже 4 декабря 1944 г. напоминал верующим, что в ближайшее время основной задачей становятся «поднятие общего духа в борьбе за восстановление наших культурных и духовных сил», энергичное строительство, героическое напряжение и личная жертвенность во имя «народного благополучия и выражения высокого патриотизма»[25]. Впоследствии у него сложились крепкие отношения с уполномоченным и местной администрацией, способствовавшей советской конфессиональной политике.

Наиболее требовательным по отношению к своим кураторам был архиепископ Симферопольский и Крымский Лука (Войно-Ясенецкий). Его пред-

---

[21] НА РБ, ф. 951, оп. 1, д. 6, л. 47.

[22] Крымская епархия в документах святителя Луки (Войно-Ясенецкого) и надзирающих органов. 1946—1961 гг. / Сост. прот. Н. Доненко, Р.А. Замтарадзе, С.Б. Филимонов. Симферополь, 2015. С. 629.

[23] *Petrov I.* The Orthodox Church and the totalitarian regime in the post-war Crimea: a survival strategy of archbishops Josaph (Zhurmanov) and Luka (Voyno-Yasenetsky) // Religiski-Filozofiski Raksti. 2017. № XXIII. P. 119.

[24] Крымская епархия... С. 631.

[25] ГА СО, ф. Р-1690, оп. 1, д. 4, л. 53—53 об.

шественник, епископ Иоасаф (Журманов), скованный внутренними ограничениями и соглашавшийся практически на любые компромиссы и требования, усердно занимался «патриотической» работой и советовался с уполномоченным практически по любому вопросу. С декабря 1944 г. по ноябрь 1945 г. владыка посетил его 38 раз[26]. Однако с назначением в Крым Луки ситуация заметно изменилась. Лауреат Сталинской премии I степени, учёный с мировым именем, прекрасно зарекомендовавший себя во время войны, к тому же уроженец полуострова, он сразу же сменил тон и добился уважительного обращения к себе по церковному титулованию, а не по имени и отчеству[27]. О каком-либо заискивании уже не могло быть и речи. Архиепископ хорошо понимал своё положение и, несмотря на негативную реакцию контролирующих органов, умело использовал научный авторитет для проповеди среди молодёжи, включая комсомольцев, ранее ничего хорошего не слышавших о Христе и Церкви[28].

Митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий (Чуков) также пытался вести себя независимо с уполномоченным по городу Ленинграду и Ленинградской области А.И. Кушнаревым. Планов у владыки было много, он мечтал об организации полноценного высшего религиозного образования в Советском Союзе. Однако Кушнарев, боровшийся с последствиями возрождения приходской жизни на Северо-Западе России в период войны, отказывался идти на малейшие компромиссы и жёстко пресекал любую активность православного духовенства. В 1945 г. он даже предлагал Совету по делам РПЦ запретить проповеди священников во время богослужения. Более того, о данной инициативе он сообщил митрополиту. Однако в Совете подобную меру не поддержали, и его член Г.Т. Уткин уведомил Кушнарева: «Ввиду того, что церковные проповеди являются составной частью церковной службы, запрещать таковые не следует. Вы правильно обратили внимание митрополита на неуместный выпад священника Белякова против неверующих. Вместе с тем ставить вопрос перед митрополитом о прекращении проповедей без консультации по этому вопросу с Советом Вам не следовало»[29].

Представители бывшего обновленческого епископата охотнее принимали участие в пропагандистских кампаниях властей. Многие из них понимали, что своим местом обязаны ходатайствам уполномоченных, старавшихся удалить «тихоновцев» с вверенных им территорий и предпочитавших иметь дело с прежними обновленцами, принесшими покаяние. Наиболее резко это проявлялось на Юге России, где дольше всего сохранялось противостояние между вернувшимися из раскола и последовательными сторонниками «патриаршей ориентации». В 1944—1945 гг. религиозной жизнью Краснодарского края руководили как епископ-сергианин Фотий (Тапиро), так и женатый обновленческий архиерей Владимир Иванов, в годы войны сотрудничавший с нацистами, а теперь пользовавшийся поддержкой уполномоченного И.И. Кириллова. Ещё 26 сентября 1944 г., как только стало известно о возможном переводе владыки Фотия, Кириллов информировал Карпова о том, будто даже «близкие к Фотию люди» готовы признать Иванова управляющим епархией[30]. Затем он постоянно

---

[26] Государственный архив республики Крым, ф. Р-2647, оп. 1, д. 2, л. 54—59, 62.
[27] *Petrov I.* The Orthodox Church and the totalitarian regime... P. 112—113.
[28] Ibid. P. 115.
[29] Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, ф. Р-9324, оп. 2, д. 1, л. 1.
[30] ГА КК, ф. Р-1519, оп. 3, д. 3, л. 26.

сообщал в Москву о патриотической деятельности обновленцев, проповедях их предстоятеля и сборе им денег в фонд обороны[31]. В итоге в январе 1945 г. В. Иванов, незадолго до этого покаявшийся перед Алексием I, расторгший брак и принявший постриг под именем Флавиан, занял Краснодарскую и Кубанскую кафедру. Вероятнее всего, Кириллову было гораздо удобнее работать с покладистым и скомпрометировавшим себя ранее архиереем.

Епископ, а затем архиепископ Питирим (Свиридов) на Курской и Белгородской кафедре прославился пламенными речами о Красной армии и советской власти, хвалил большевиков за попечение о детях-сиротах, призывал участвовать в государственных займах. Когда в 1945 г. в епархии участились случаи «обновления» икон, владыка направил священникам специальное письмо, требуя воздерживаться от их почитания[32]. Постоянно отмечая в рапортах его лояльность, уполномоченный Ефремов рекомендовал немедленно переселить иерарха из скромных монастырских покоев в собственную квартиру, а также выделить ему паёк и автомобиль. Правда, подобные взаимоотношения с кураторами складывались в епархиях редко.

Перед Поместным собором 1945 г. некоторым уполномоченным пришлось направлять действия его участников, рассказывать им о том, каким образом следует отправляться в Москву, хлопотать о компенсации транспортных расходов. Участвовали уполномоченные и в подготовке архиерейских похорон. В первые послевоенные годы бывали случаи, когда они даже присутствовали при погребении для фиксации настроений духовенства и мирян, а также выяснения реальной численности пришедших проститься с владыкой. Так, после кончины епископа Воронежского и Острогожского Ионы (Орлова) в конце мая 1945 г. Гостев докладывал в Москву: «Я присутствовал в момент опускания гроба в могилу, а по приглашению родственников умершего и служителей культа принял участие в панихиде и поминках. Моё участие в похоронах было согласовано частью с Вами, а частью с местными руководящими организациями»[33]. Тут же приводились данные о числе собравшихся, организации похорон и участии милиции в обеспечении порядка.

Рядовые священники, пережившие аресты 1920—1930-х гг. и служившие в условиях оккупации, пытаясь понять, что их ждёт после победы Советского Союза, нередко обращались за разъяснением своего положения к уполномоченным. Так, священник Иоанн Валинский интересовался, будут ли платить ему за ордена Св. Анны II степени и Св. Владимира IV степени, полученные ещё в императорской армии, и с гордостью указывал, что продолжал служить и при Временном правительстве, и при режимах, сменявшихся на Украине в 1918—1919 гг.[34] В Пинской обл. священник Михаил Лебедь, напротив, спрашивал уполномоченного: «Долго ли будут существовать церкви?»[35].

Иногда возникали конфликты из-за открытия и закрытия церквей, а также временного прекращения богослужений. Секретарь Воронежской и Острогожской епархии о. Евгений Лукин и правящий архиерей выражали недовольство тем, что власти закрыли храм в с. Губари Байчуровского района Воронеж-

[31] Там же, д. 2, л. 16—16 об.
[32] ГА КО, ф. Р-5027, оп. 1, д. 6, л. 9.
[33] ГА ВО, ф. 951, оп. 5, д. 2, л. 68.
[34] НА РБ, ф. 951, оп. 1, д. 5, л. 8.
[35] Там же, д. 6, л. 181—182.

ской обл., где произошла вспышка эпидемии тифа. Духовенство видело в этом «действие, противоречащее “Промыслу Божьему”, который исключает всякие заболевания в стенах храма»[36]. Это не понравилось уполномоченному, настораживало его и отношение владыки Иосифа (Орехова) к своему служению. «Как сам епископ Орехов, так и секретарь его — настоятель Никольского собора гор. Воронежа Лукин Евгений Павлович вопросами церковного хозяйства почти не занимаются, — докладывал Гостев в Москву. — Всё внимание управляющего епархией обращено на удовлетворение верующих религиозными обрядами, на перемещение и назначение служителей культа, на открытие церквей и на получение доходов. За время своей деятельности епископ Иосиф созвал одно совещание с благочинными и разослал по епархии письмо о своевременной уплате причитающихся епархиальных взносов, о принятии настоятелем храма участия в хозяйстве церкви и о сборе средств на патриотические цели. Однако контроль над проведением в жизнь этого письма установил только в отношении поступления взносов на церковное управление»[37]. Деятельного секретаря епархии вскоре перевели в Ленинград. После этого сотрудничество между архиереем и уполномоченным постепенно наладилось, Гостев даже способствовал тому, чтобы краеведческий музей Воронежа выехал из Покровской церкви, а также договорился о выкупе по желанию главы епархии жилого дома напротив этого храма для епархиального управления. Правда, он представлял собой «лишь “коробку” разрушенного бомбардировкой в годы войны двухэтажного каменного здания», и на его ремонт пришлось собирать средства со всей епархии (в итоге удалось собрать 140 тыс. руб.)[38].

В то же время Гостев жёстко противился возобновлению служб хотя бы в одном из храмов Павловска. До октября 1917 г. в этом районном центре насчитывалось шесть церквей: две домовые — при тюрьме (полностью уничтожена в 1924—1925 гг.) и бывшем духовном училище, где в межвоенный период открыли сельскохозяйственную школу, Кладбищенская (разрушена вместе с кладбищем в 1938—1939 гг.), Соборная (передана сначала рабфаку, а позднее — бухгалтерско-экономическому техникуму, к концу войны её полуразрушенное здание пустовало), Казанская (занята инкубатором, хотя сохранилась достаточно хорошо) и Покровская — единственная пригодная для устройства прихода, но переоборудованная красноармейцами под кухню (до войны в ней располагалось педагогическое училище). Верующие Павловска в 1944—1945 гг. собирались на богослужения в частном доме, однако их многочисленность привлекла внимание органов государственной безопасности. Между тем в Покровской церкви мародёры срывали рамы и отрывали балки от пола. Лишь после долгих ходатайств и писем уполномоченному и Карпову, начиная с 28 декабря 1943 г., её всё же передали прихожанам. При этом первоначально местные власти вводили Совет по делам РПЦ в заблуждение, утверждая, будто в здании бывшего Покровского храма находится физкультурный зал и библиотека училища[39].

В первые послевоенные годы на ранее оккупированных территориях верующим приходилось отстаивать свои права на сохранение приходской жизни.

---

[36] ГА ВО, ф. 951, оп. 5, д. 7, л. 7.

[37] Там же, д. 2, л. 132 об.

[38] *Сергий (Петров), архиеп.* История Воронежской епархии от её учреждения до 1960-х гг. Воронеж, 2011. С. 593.

[39] ГА ВО, ф. 951, оп. 5, д. 7, л. 29—30.

Жёсткая регламентация и бюрократизация открытия приходов быстро отрезвила большинство мирян и священников, питавших надежды на коренное изменение церковно-государственных отношений после 1943 г. Между тем представители местной власти зачастую просто не понимали, почему им теперь надо учитывать мнения и пожелания священнослужителей и «церковников», которые воспринимались руководством колхозов и райисполкомов исключительно как враги или «фанатики». Неудивительно, что передача им храмов, открытых в период оккупации, а до того использовавшихся советскими учреждениями, встречала упорное противодействие. Арбитром в этих конфликтах становились уполномоченные по делам РПЦ, которые пытались не допустить ни роста недовольства верующих, ни усиления «религиозной пропаганды». При этом многие из них вовсе не разбирались в православных обрядах и таинствах. Гораздо важнее для них было обеспечение «единства» клиров и мирян в оказании помощи «родной Красной армии» и восстановлении страны. Со своей стороны, часть иерархов выполняла любые пожелания уполномоченных, порою не взирая их пагубные последствия, другие при внешней лояльности старались отстаивать интересы Церкви, лишь изредка соглашаясь на откровенно запретительные меры, третьи сразу выдвигали условия для выстраивания рабочих отношений, становясь удобной мишенью для доносов и критики.

Антицерковная кампания в начале 1960-х гг. в Чувашии

Андрей Берман

Anti-church campaign in the early 1960s in Chuvashia

Andrew Berman
(Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia)

DOI 10.31857/S086956870010148-3

Государственно-церковные отношения советского времени продолжают привлекать внимание исследователей, которые всё чаще освещают их региональные аспекты. В частности, о том, как они складывались в Волго-Вятском регионе, говорится в работах протоирея А.Г. Балыбердина, А.И. Белкина, Р.Р. Ибрагимова, А.В. Маланкина, А.Ф. Степанова и др.[1] В последние годы практически исчерпывающе раскрыты обстоятельства отделения Церкви от государства после революции и изъятия церковных ценностей в Чувашии, детально проанализирована внутрицерковная ситуация в крае в 1920-х гг.[2] Однако послевоенная история православия в автономной республике остаётся малоизученной. Так, рассмотрены лишь отдельные эпизоды мероприятий, проводившихся в ходе «хрущёвских гонений»[3]. Между тем они хорошо отразились в документах, хранящихся в фондах уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви (РПЦ) в Чувашской АССР[4] и местного обкома КПСС[5], а также в материалах чебоксарского Введенского собора начала 1960-х гг., переданных автору бывшим казначеем собора И.Ф. Фёдоровой.

© 2020 г. А.Г. Берман

[1] *Балыбердин А.Г.* Государственно-церковные отношения в 1958—1964 гг.: по материалам Кировской области. Дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2004; *Белкин А.И.* Некоторые особенности государственно-церковных отношений в 1953—1964 гг.: региональный аспект // Регионология. 2014. № 1. С. 128—138; *Ибрагимов Р.Р.* Государственно-конфессиональные отношения в Татарстане в 1940—1980-е гг. Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2004; *Маланкин А.В.* Русская православная церковь на территории Мордовии в XX — начале XXI века. Дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2017; *Степанов А.Ф.* Казанская епархия в годы хрущёвских гонений на религию и церковь (по документам уполномоченных Совета по делам РПЦ по Татарской АССР) // После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории. Материалы VIII международной научной конференции. Екатеринбург, 15—17 октября 2015 г. М., 2016. С. 459—468.

[2] *Козлов Ф.Н.* Православие в Чувашском крае: внутрицерковная ситуация в конце 1910-х — 1920-е годы. Чебоксары, 2014; *Козлов Ф.Н.* Отделение Церкви от государства и школы от Церкви (по материалам Марийского края, Мордовии и Чувашии). Чебоксары, 2015.

[3] *Берман А.Г.* Мелочи приходской жизни (несколько эпизодов внутренней жизни Введенского кафедрального собора г. Чебоксар в 60-х гг. XX в.) // Сборник научных трудов кафедры гуманитарных дисциплин Волжского филиала МАДИ. Вып. 3. Чебоксары, 2012. С. 13—26; *Берман А.Г.* «Перестройка церковного управления»: эпизод из истории государственно-церковных отношений в начале 1960-х годов в Чувашии // Православие в Чувашском крае: история и современность. К 70-летию Чебоксарско-Чувашской епархии. Материалы региональной научно-практической конференции, 19—20 мая 2016 г. Чебоксары, 2016. С. 37—46; *Подмарицын А.Г.* Антицерковная кампания в Чебоксарско-Чувашской епархии рубежа 50—60-х гг. XX века (На примере незаконного обложения налогами архиепископа Мануила (Лемешевского)) // Социум и власть. 2014. № 5. С. 96—100.

[4] Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее — ГИА ЧР), ф. 1857.

[5] Государственный архив современной истории Чувашской Республики (далее — ГАСИ ЧР), ф. 1-, оп. 28, д. 9.

В конце 1950-х гг. начался новый виток давления на Церковь со стороны советского государства, обусловленный целым рядом идеологических, политических, экономических и субъективных факторов. На внеочередном XXI съезде КПСС, созванном в конце января — начале февраля 1959 г. для утверждения семилетнего плана социально-экономического развития СССР, Н.С. Хрущёв заявил об окончательной победе социализма в стране и необходимости перехода к форсированному строительству коммунизма. Это подразумевало и активизацию идеологической борьбы с «пережитками» капитализма[6]. Ещё ранее развернулось наступление на промысловые артели и кустарей, производивших значительную часть товаров народного потребления и зарабатывавших больше, чем сотрудники государственных предприятий[7]. Тогда же была практически запрещена частная торговля, массово ликвидировались приусадебные участки. В 1956 г. вышло совместное постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О реорганизации промысловой кооперации», и к 1960 г. кооперативная промышленность оказалась национализирована. При этом только в 1956—1957 гг. государство изъяло в свою пользу у кооператоров почти 12 млрд руб.[8] III Программа КПСС, утверждённая XXII съездом партии в октябре 1961 гг., провозглашала, что к 1980 г. «в СССР будет в основном построено коммунистическое общество». Для религии места в нём не предусматривалось[9].

Между тем к началу 1960-х гг. Русская Православная Церковь представляла собой довольно серьёзную, в экономическом отношении, силу. К 1 января 1957 г. в СССР насчитывалось 13 478 зарегистрированных православных храмов, а численность духовенства составляла 12 288 человек. Денежные доходы церковных структур с 1948 по 1957 г. возросли в 3,7 раза и составили 667 млн руб.[10] На протяжении 1940—1950-х гг. уполномоченные постоянно отмечали рост доходов и потребления священнослужителей (покупку ими домов, автомобилей, поездки на курорты и т.д.). Даже патриарх Алексий I в своих циркулярах 1954 и 1959 гг. обращал внимание на эти факты. Так, 1 января 1954 г. он цитировал письмо одного из архиереев: «Приходится сознаться, что духовенство является предметом осуждения и со стороны внешнего его обихода: нарождается-де новый класс капиталистов»[11]. Случалось, что в своих приходах настоятели, располагавшие неучтённой наличностью, давали деньги в долг колхозам, выражали готовность за собственный счёт благоустроить территорию, а иногда, напротив, использовали возможности представителей колхозных администраций. Так, заместитель председателя колхоза «Авангард» Урмарского района Чувашской АССР получил из кассы церкви с. Шоркистры наличными 15 тыс. руб. и на колхозном транспорте привёз в храм большую железную цистерну для воды, которую приобрёл якобы на нужды колхозников. Оставшиеся после этой по-

---

[6] Материалы XXI съезда КПСС. М., 1959. С. 97—98, 144.

[7] *Андрюхин Е.А.* Предпринимательская деятельность советских граждан в 60—80-х гг. XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4—1(68). С. 19—21.

[8] *Пасс А.А., Рыжий П.А.* Огосударствление промысловой кооперации в СССР во второй половине 1950-х гг: причины и последствия // Социум и власть. 2012. № 5(37). С. 118—119.

[9] Программа Коммунистической партии Советского Союза // КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986). Т. 10. М., 1986. С. 170.

[10] *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущёве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939—1964 годах). М., 1999. С. 357.

[11] ГИА ЧР, ф. 1857, оп. 1, д. 68, л. 24.

купки 5 тыс. руб. он присвоил под видом накладных расходов[12]. В 1947 г. озабоченность Совета по делам РПЦ вызвало то, что на нескольких ходатайствах об открытии церквей в Чувашии стояли подписи председателей сельсоветов и колхозов, которые не только заверяли документ, но и поддерживали просьбу верующих[13]. Следует также отметить и тесные хозяйственные связи между церковными структурами и кооперативным сектором: главным образом, именно артели и частники удовлетворяли их повседневные нужды (ремонт зданий, монтаж систем отопления и т.д.). Кроме того, РПЦ иногда приходилось создавать предприятия на артельной основе для изготовления необходимой утвари, облачений и проч. Не случайно «хрущёвские гонения» на Церковь разворачивались в условиях «наступления на артели», характерного для конца 1950-х — начала 1960-х гг.

Старт новому витку антирелигиозной кампании дало принятое 24 октября 1958 г. секретное постановление ЦК КПСС «О записке Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам “О недостатках научно-атеистической пропаганды”». Авторов этой записки беспокоило усиление миссионерской деятельности и благотворительности клириков, участие некоторых руководящих партийных и комсомольских работников в совершении обрядов, а также то, что «в результате повышения доходов руководство православной церкви и религиозных культов сумело создать для духовенства хорошие материальные условия»[14].

В феврале 1960 г. председателем Совета по делам РПЦ был назначен В.А. Куроедов. 21 апреля он выступил на Всесоюзном совещании уполномоченных Совета с программным докладом «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах». Основное внимание уделялось в нём отступлению от норм, запрещавших Церкви владеть собственностью. Упоминалась при этом и Чувашия: «В Чувашской АССР в селе Первое Чурашево бывший настоятель церкви Шемяков систематически использовал в качестве алтарников учеников 7 и 9 классов. Будучи снят за это с регистрации, Шемяков собрал 5 человек ребят и увлёк их на паломничество в Почаевскую лавру. При этом деньги на расходы, связанные с паломничеством, были выданы епархиальным управлением». Глава Чебоксарско-Чувашкой епархии, епископ Мануил (Лемешевский), обвинялся также в систематическом оказании помощи бедным приходам[15].

16 марта 1961 г. Совет министров СССР принял постановление, в котором указывалось на «необходимость восстановления прав исполнительных органов церковных общин в части ведения финансово-хозяйственной деятельности в соответствии с законодательством о культах». Тогда же была разработана новая

---

[12] ГАСИ ЧР, ф. 1, оп. 28, д. 9, л. 51.

[13] ГИА ЧР, ф. 1857, оп. 1, д. 49, л. 39.

[14] Записка Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды» // Сайт Российского объединения исследователей религии (URL: https://rusoir.ru/03print/03print-02/03print-02-239/. Дата обращения: 09.12.2017).

[15] *Одинцов М.И.* Проявлять бдительность, своевременно пресекать антисоветские выпады духовенства. Доклад председателя Совета по делам Русской православной церкви при СМ СССР В.А. Куроедова на Всесоюзном совещании уполномоченных. 1960 г. // Сайт Российского объединения исследователей религии. (URL: https://rusoir.ru/president/president-works/president-works-118/. Дата обращения: 09.12.2017).

«Инструкция по применению законодательства о культах»[16]. Затем Совет по делам РПЦ «рекомендовал» патриарху Алексию I пересмотреть отдельные пункты «Положения об управлении Русской Православной Церковью» 1945 г., отстранить духовенство от забот об экономике прихода и предоставить их церковному совету. 18 апреля Священный Синод одобрил соответствующие поправки, а 18 июля их утвердил Архиерейский собор[17].

На местах новый курс осуществляли уполномоченные Совета по делам РПЦ. В Чувашии уполномоченным Совета по делам РПЦ и одновременно уполномоченного Совета по делам религиозных культов с 1958 г. являлся Яков Георгиевич Маклашкин. Он родился в 1906 г., ранее возглавлял исполком Мариинско-Посадского райсовета, в 1947—1951 гг. избирался депутатом Верховного Совета Чувашской АССР. С энергичным архиепископом Мануилом (Лемешевским) отношения у Маклашкина не сложились, и вскоре он добился перевода владыки из республики. По словам старшего инспектора Совета по делам РПЦ А. Недведя, приезжавшего в Чебоксары для прояснения ситуации, «архиепископ Мануил сделал злобный выпад против уполномоченного Совета тов. Маклашкина. Он на приёме в присутствии уполномоченного и т. Недведь сказал следующее: “Маклашкин, будучи комсомольцем, а затем председателем райисполкома в Мордовии закрывал и разрушал православные церкви, а теперь его назначили уполномоченным Совета по делам Русской православной церкви, что можно ожидать от такого уполномоченного”»[18].

12 апреля 1960 г. управляющим Чебоксарско-Чувашской епархии стал бывший настоятель кафедрального собора Полтавы архимандрит Николай (Феодосьев), возведённый в сан епископа. Судя по характеристике, данной ему уполномоченным, это был ревностный архипастырь: «Свою деятельность в этой должности епископ Николай начал с усиления своей позиции в епархии, путём замены малоинициативных, неугодных ему служителей культа энергичными, фанатично преданными людьми, преимущественно выпускниками духовных академий и семинарий. Проводя эту линию, за непродолжительный срок своего пребывания он сместил с должности 9 священников и заменил их людьми, угодными себе, из которых двое имеют высшее духовное образование, окончили духовную академию, а двое — среднее. Установил им путём незаконного вмешательства в дела исполнительных органов религиозных объединений явно завышенные зарплаты от 200 до 450 рублей каждому в месяц и этим обеспечил укрепление церкви кадрами из нужных ему людей. Путём ведения среди населения скрытой миссионерского характера деятельности, епископ Николай усиленно добивается увеличения в республике количества действующих церквей и духовенства. Ведёт подстрекательскую работу среди верующих по возобновлению деятельности закрытых церквей. Оказывает моральную, материальную поддержку разным лицам и кликушествующим элементам в сборе подписей и организации подачи жалоб по поводу открытия церкви. Искусственно поддер-

---

[16] Законодательство о религиозных культах. М., 1969. С. 136—147.

[17] Подробнее см.: Русская Православная Церковь в советское время (1917—1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / Сост. Г. Штриккер. Кн. 2. М., 1995.

[18] *Подмарицын А.Г.* «Благоговеен, трудолюбив и миролюбив...». Документальный портрет митрополита Мануила (Виктора Викторовича Лемешевского) // XX век и Россия: общество, реформы, революции: электронный сборник. Вып. 1. Ч. 1. Самара, 2013 (URL: http://sbornik.libsmr.ru/content/files/catalog1/sb20rus_011_2.pdf. Дата обращения: 30.03.2019).

живает маломощные и затухающие общины путём оказания прямой финансовой помощи из средств епархиального управления»[19].

Уполномоченному не нравилась независимость преосвященного Николая, стремившегося сохранить позиции Церкви. В Москву сообщалось, что владыка «к мероприятиям, связанным с выполнением постановления Совета министров от 16 марта 1961 года, относится крайне реакционно», а «Постановление собора епископов об изменениях, внесённых в "Положение об управлении русской православной церкви" сознательно не популяризирует». Более того, «ведёт открытую линию, направленную на выкачивание средств верующих, распространяя слухи, что без денег нечем будет содержать церковь». Вывод уполномоченного звучал категорично: «Имея ввиду его реакционное влияние на население и нежелательное отношение к соблюдению советских законов, относящихся к религии и церкви, считаю невозможным дальнейшее пребывание епископа Николая в должности управляющего Чебоксарско-Чувашской епархии»[20].

Тем временем по указанию Совета по делам РПЦ Маклашкин разработал план мероприятий, направленных на реализацию правительственных решений. Текст принятого 16 марта 1961 г. постановления был размножен и доведён до исполкомов районных и городских советов. Состоялся семинар, на котором подробно разъяснялись задачи местных советов. В районах с наибольшим количеством действующих церквей (Алатырский, Порецкий, Мариинско-Посадский, Чебоксарский) проводился особый инструктаж ответственных работников[21].

В соответствии с указаниями из центра Совет министров автономии в августе 1961 г. подготовил «Положение о группах содействия по наблюдению и контролю за деятельностью религиозных обществ и духовенства при исполкомах городских и районных советов депутатов, трудящихся Чувашской АССР». На эти группы уполномоченный должен был опираться в своей повседневной работе. Фактически они становились его «оком» на местах. Их создавали при всех местных советах из 9—15 депутатов, работников культурно-просветительских и образовательных учреждений, членов колхозных правлений, пропагандистов-атеистов, пенсионеров и местного актива. Им поручалось систематически наблюдать за религиозной обстановкой в своём населённом пункте, выяснять, кто посещает храмы и как часто совершаются обряды, «изучать методы и приёмы, к которым прибегают служители культа для расширения или сохранения своего влияния на отсталую часть населения и молодёжь», выявлять, кого из молодых людей священнослужители пытались подготовить к поступлению в семинарию или научить уставу церковной службы, раскрывать способы увеличения приходских доходов, «оказывать помощь финансовым органам в выявлении действительных доходов служителей культа в целях правильного и полного их обложения подоходным налогом». Данные группы никакими административными правами не наделялись, но могли сильно осложнить жизнь приходам[22].

После получения «Инструкции по применению законодательства о культах» началось отстранение священнослужителей от финансово-хозяйственной деятельности. 4 мая, по договорённости с епископом, в канцелярию уполномо-

---

[19] ГИА ЧР, ф. 1857, оп. 1, д. 87, л. 90—91.
[20] Там же, л. 92—93.
[21] Там же, л. 80—81.
[22] Там же, л. 142—145.

ченного пригласили благочинных всех округов для ознакомления с изданным 18 апреля постановлением Синода. На совещании владыка Николай был вынужден дать настоятелям указание передать в распоряжение исполнительных органов приходов все дела, относящиеся к их экономическому положению. В мае—июне старых членов «двадцаток» заменили новыми, более лояльными власти (всего за эти месяцы из исполнительных органов и ревизионных комиссий вывели 98 человек в 34 приходах). Двух священников сняли с регистрации, штаты церквей сократили на 17 человек, епархиальное управление лишилось троих иподиаконов, архиерейского келейника, ревизора, завхоза и повара[23].

Особое внимание Маклашкин уделял ограничению церковных доходов. В приходских кассах зачастую оказывалось значительно больше средств, чем указывалось в официальных отчётах, что позволяло делать единовременные выплаты работникам храма, уходя от высоких налогов, которыми облагались «служители культа». Маклашкин добился прекращения такой практики и обложения приходских певчих подоходным налогом по ставкам, предусмотренным для некооперированных кустарей. В ряде мест (Гришино, Хормалы, Луцкое, Выползово, Никулино, Гарт, Батеево, Мусирмы, Карамышево, Ново-Ишино) это привело к развалу любительских хоров. Кроме того, уполномоченный через доверенных лиц, введённых в приходские советы, добился снижения цен на требы и просфоры. В результате в сёлах Сыреси и Никулино Порецкого района церкви пришлось закрыть из-за отсутствия средств, необходимых для их содержания[24].

При этом власти старались взять под контроль не только денежные доходы духовенства, но и любые пожертвования, поступавшие от прихожан. 11 сентября 1961 г. Министерство финансов Чувашской АССР выпустило циркуляр «Об улучшении работы по выявлению доходов служителей религиозного культа и других лиц, работающих в органах религиозных обществ». В нём отмечалось, что при начислении налогов «совершенно не учитываются приношения верующих за совершение религиозных [обрядов] в дни больших церковных праздников таких продуктов, как яйца, сахар, мука, вино. Имеются факты, когда в отдельных церквах служителям культа на пасху кроме продуктов верующие приносили живую птицу, однако эти доходы финансовыми органами не учитываются. В ряде случаев не учитываются доходы служителей культов от перепродажи свечей, полученных от верующих при совершении обрядов (исповеди, молебны и т.п.). Продавцы свечей систематически утаивают часть выручки от продажи свечей. Один килограмм свечей условно принимается за 350 шт. свечей, тогда как в одном килограмме их насчитывается до 400 и более свечей. Вырученные деньги от продажи свечей сверх 350 шт. в каждом килограмме остаются у продавца свечей». Впредь городским и районным финотделам следовало «обеспечить точное соблюдение указаний Министерства финансов СССР от 25 апреля 1961 г. № 166 “О порядке обложения налогами служителей религиозных культов и других лиц, получающих доходы от религиозных объединений”. Регулярно обследовать доходы служителей религиозных культов в дни церковных праздников и будничные дни. При обследованиях и налоговом обложении служителей религиозного культа учесть указания, даваемые в на-

[23] Там же, л. 82; ГАСИ ЧР, ф. 1, оп. 28, д. 9, л. 48.
[24] ГАСИ ЧР, ф. 1, оп. 28, д. 9, л. 48—49.

стоящем письме. В целях полного выявления доходов от продажи свечей провести контрольные пересчёты количества свечей в одном килограмме»[25].

По новым правилам приходские суммы, которые до того хранились в сберкассах, требовалось сдавать в Государственный банк (как это делали все прочие юридические лица). Опасаясь остаться без наличности, а то и вовсе без денежных средств, общины шли на разного рода уловки: делали на счёт в Госбанке небольшие отчисления, а основной капитал хранили на счетах доверенных лиц в сберкассе. Например, община церкви с. Мусирмы на текущем счёте в Госбанке имела 400 руб., а на имя казначея А. Павловой разместила в сберкассе вклад в 27 тыс. руб. Проверки показали, что подобная практика носила массовый характер и негласно поддерживалась правящим архиереем. Однако «доверенные лица» могли и присвоить деньги, как случилось в с. Штанаши Красночетайского района. Община местной церкви никакого текущего счёта не имела, а свои доходы незаконно хранила в сберкассе как вклад гражданина Алексеева, не имевшего постоянного места жительства и определённых занятий и не желавшего, несмотря на категорические требования членов «двадцатки» и епархиального управления, ничего возвращать[26].

В 1962 г. уполномоченному удалось навязать приходам новую систему оплаты труда священнослужителей. Маклашкин рассчитывал, что «при установлении твёрдого оклада на зарплату не будет особого рвения гнаться за увеличением количества обрядов». В своём отчёте он рапортовал: «Ликвидирована ранее существующая порочная система содержания служителей культа на доходах, получаемых от исправления треб. Одновременно с проведением работы по отстранению духовенства от руководства финансово-хозяйственной деятельностью в религиозных организациях с помощью местных органов власти была начата работа по переводу служителей культа с доходов на твёрдый оклад, устанавливаемый по усмотрению исполнительных органов общин. В данное время все служители культа наравне с работниками обслуживающего персонала церкви состоят на твёрдом окладе. Размеры получаемых ими окладов колеблются от 110 руб. до 350 руб. Максимальные оклады по 300 руб. получают служители культа городских мест. В сельской местности 9 человек получают по 250 руб., 13 человек — по 200 руб., 10 человек — по 150 руб. и 2 человека — по 110 руб. в месяц»[27].

Средняя заработная плата в СССР в 1962 г. составляла примерно 81 руб. в месяц[28], и, на первый взгляд, установленный оклад позволял сохранять потребление на уровне квалифицированного работника государственного предприятия. Однако священники облагались подоходным налогом по норме, установленной для некооперированных кустарей, т.е. по максимальной ставке. Тем не менее, часть духовенства, особенно в малочисленных сельских приходах, встретила нововведение без ропота, некоторые священники даже открыто говорили о том, что теперь будут жить гораздо спокойнее. Например, настоятель церкви с. Акулево Чебоксарского района заявлял: «Нечего себя нагружать кре-

[25] ГИА ЧР, ф. 1857, оп. 1, д. 92, л. 223—224.
[26] ГАСИ ЧР, ф. 1, оп. 28, д. 9, л. 45.
[27] ГИА ЧР, ф. 1857, оп. 1, д. 99, л. 10—11.
[28] Таблица среднемесячной заработной платы в стране для конвертации пенсионных прав в расчётный пенсионный капитал (Сайт Отделения Пенсионного фонда Российской Федерации по Чувашской Республике. URL: http://gov.cap.ru/home/60/sites/upfr/ocenkan/zarplata/szp.htm?page=. Дата обращения: 30.03.2019).

стинами в будни, мы установили у себя такой порядок, чтобы крестить детей привозили только в воскресные и праздничные дни. Отслужил в неделю один день, дальше ты уже свободный». Священник церкви с. Перво-Чурашево Цивильского района на замечание старосты о сокращении дохода от треб отвечал: «За мои дополнительные заботы у меня жалование не прибавится, хватит Вам пока денег на содержание церкви и священника, больше нам их не нужно, всё равно попросят на пополнение Фонда мира»[29]. Однако в многолюдных приходах, где духовенство на буднях целый день могло быть занято требами, переход на твёрдый оклад означал существенное снижение личных доходов. Например, священники церкви города Канаша в 1962 г. дважды возвращались к прежней системе вознаграждения за требы, хотя ставку им установили весьма солидную — по 300 руб. в месяц. При этом они пытались оказывать давление на приходской совет, угрожая совместно покинуть свой пост, что могло привести к закрытию храма[30].

Отрицательно сказывалась на церковных финансах и навязанная приходам Советом по делам РПЦ в 1962 г. система квитанционного учёта религиозных обрядов. Для оплаты совершения крещений, венчаний и отпеваний вводились квитанции установленного образца. В них указывались фамилия, имя и отчество лица, вносившего деньги, его адрес, вид обряда, сумма. В особую книгу учёта записывались серия и номер соответствующего акта гражданского состояния (свидетельства о рождении, браке или смерти), отмечалось, кем этот документ выдан. При крещении указывались отец и мать ребенка по свидетельству о рождении и паспортам. Оформление документов производилось в присутствии обоих родителей[31]. Такая система, снижала количество открыто совершаемых обрядов, поскольку записи о них регулярно просматривались служащими исполкомов и сообщались по месту работы родителей крещёного ребенка, что сулило им разного рода неприятности.

Духовенство и приходы пытались противодействовать квитанционной системе. Прежде всего они старались скрыть от контроля имена тех лиц, которые занимали какое-либо общественное положение и в то же время соблюдали религиозные обряды. Например, счетовод Кушниковской церкви Чебоксарского района при крещении ребёнка члена партии записала в квитанции его отцом совершенно постороннего жителя города Марпосада, у которого вообще не было детей. Казначей чебоксарского Введенского собора И.Ф. Фёдорова по договорённости со священниками оформляла денежные квитанции на выдуманные фамилии без указания имени, отчества и адреса плательщика. А техничка того же собора по совету епископа направила от имени верующих телеграмму председателю Совета по делам РПЦ Куроедову о незаконных действиях уполномоченного. Владыка командировал в патриархию и Совет секретаря епархиального управления И.М. Сретенского, который пытался доказать, что требования Маклашкина вынуждают священнослужителей нарушать церковные каноны о таинстве крещения, и добивался отмены квитанционного учёта, но поддержки в Москве не получил[32].

---

[29] ГИА ЧР, ф. 1857, оп. 1, д. 99, л. 10—11.
[30] Там же, л. 11—12.
[31] Там же, л. 13.
[32] Там же, л. 14—15.

Особое давление чувашский уполномоченный оказывал на общину главного храма епархии — Введенского кафедрального собора. По-видимому, Маклашкин хотел полностью ликвидировать очаг «религиозного мракобесия» в столице республики. В конце октября 1960 г. при его участии Министерство культуры Чувашской АССР провело проверку использования этого памятника истории и архитектуры, выявив ряд несанкционированных переделок внутри здания (свечную мастерскую переоборудовали под крестильню, расширили хоры, провели водопровод, установили титан, печное отопление заменили на паровое). Комиссия сочла, что эти факты свидетельствуют «о явном игнорировании законов Советского государства, направленных на сохранение памятников истории культуры и зодчества советской страны, и приводят к уничтожению памятников»[33]. Министерство предписало общине привести все помещения в прежний вид до 1 февраля 1961 г., угрожая в случае неисполнения «применить санкции, предусмотренные договором»[34].

В состав «двадцатки» собора Маклашкин старался включить специально подобранных им людей. Для этого он блокировал свободное проведение приходского собрания и отказывался регистрировать неугодных ему членов «двадцатки», объявлял «незаконными» составленные прихожанами протоколы. Епископ, напротив, желал, чтобы представителями общины выступали лишь глубоко верующие христиане. Кандидатов в члены приходского совета он расспрашивал о том, «почему редко посещает церковь, состоял ли в партии, почему допускает выступления против духовенства». Это очень не нравилось Маклашкину[35].

В результате владыке Николаю пришлось обратиться к патриарху с жалобой на уполномоченного: «Настоящим имею долг сообщить Вашему Святейшеству, что за последние месяцы положение Чебоксарского кафедрального собора создалось критическое. Дело в том, что Чебоксарский Горисполком в лице зам[естителя] председателя Ягодкиной А.С., при полном единодушии местного уполномоченного по делам РПЦ Маклашкина Я.Г. установил следующий порядок организации и оформления списка 20-ки. Для того, чтобы стать членом 20-ки, желающий подаёт заявление о том в Горисполком, подписывается в договоре о передаче храма и культимущества общине. В Горисполкоме в заявлении делают пометку “согласовано”. Этим оформление вступления в члены 20-ки заканчивается. Ни церковный совет, ни собрание 20-ки не имеют права даже обсуждать о пригодности заявителя быть членом 20-ки. Такое положение представляет Горисполкому полную возможность ввести в состав 20-ки лиц с явной целью их разлагательной деятельности. Ссылаясь на § 14 положения о Церкви, которым “регистрирующим органам предоставляется право отвода из состава членов исполнительного органа религиозного общества или группы верующих отдельных лиц”, Горисполком и уполномоченный безгранично широко пользуются этим правом и отводят почему-либо неугодных лиц не только из состава исполнительного органа (церк[овного] совета), но и из ревкомиссии. При этом никаких объяснений причин отвода не сообщают. Такая система комплектования 20-ки имеет первостепенное значение. Мало того, что она не вяжется с принципом демократичности, но она подрывает

[33] Там же, д. 92, л. 28.
[34] Там же, л. 27.
[35] ГАСИ ЧР, ф. 1, оп. 28, д. 9, л. 44.

самую основу официального существования церковной общины... Невольно является опасение, что такая система может привести к разложению церковной общины. Кроме того, искусственно создаётся и множество других претензий, связанных с произведённой реставрацией живописи, с улучшением внутреннего состояния храма (частичное водяное отопление, укрепление хоров, благоустройство прилегающего переулка: посадка деревьев, цветов, устройство скамеек и проч.). Всё это ими рассматривается как нарушение законности. При такой явно тенденциозной тактике в отношении к церкви со стороны местных властей я бессилен в борьбе за соблюдение законности к церкви и нуждаюсь в самой действенной помощи со стороны Патриархии»[36].

Маклашкину и тем, кто его поддерживал в горисполкоме, всё же удалось провести в «двадцатку» нужных им людей. Однако, как вскоре выяснилось, это не дало ожидаемого результата. В отчёте за 1962 г. уполномоченный признал, что «исполнительный орган Чебоксарского Введенского собора в составе его председателя Долгова Ф.Я. и членов Колесниковой З.М. и Филипповой С.В. зарегистрированный по рекомендации исполкома Чебоксарского горсовета, оказался явно неподходящим для проведения мероприятий, вытекающих из современной обстановки». Как утверждал Маклашкин, «в стремлении создать вокруг себя и церкви определённое ядро из круга своих лиц, Долгов Ф.Я. усиленно добивается включения своих приближённых в состав “двадцатки”, одновременно вытесняя оттуда неугодных ему лиц. В первое время открыто игнорировал установление квитанционной системы учёта религиозных обрядов. Сочиняя всевозможные жалобы путём измышления неправдоподобных фактов на работников органов власти, отказывался прислушиваться к их рекомендации. Всячески уклонялся от оформления денежных документов на крещение ребёнка в присутствии самих родителей. Отказываясь отстранять от работы лиц, отведённых Чебоксарским горсоветом из состава исполнительного органа церкви, сознательно уклоняется от переоформления образцов подписей в банковских документах на другие лица, а сам распространяет среди верующих в оправдании себя ложные слухи, будто бы органы власти в банке закрыли лицевой счёт церкви и этим притесняют права верующих. Помимо этого, Долгов позволяет также недисциплинированность в отношении соблюдения правил по охране памятника архитектуры и искусства XVII века, находящегося в пользовании верующих. Отказывается выполнять требования Министерства культуры Чувашской АССР. Приведённые факты свидетельствуют, что Долгов оказался в управлении церковью не представителем верующих, а типичным ставленником попов. Вопрос о невозможности дальнейшего его оставления в должности председателя исполнительного органа церкви мною поставлен перед исполкомом Чебоксарского городского Совета, который должен разрешить его в ближайшем будущем»[37]. Недовольство уполномоченного вызывало и то, что «казначей Фёдорова И.Ф. начала допускать нарушения советского законодательства о культах. Зная хорошо, что по закону религиозные организации не имеют права заниматься другой деятельностью, кроме деятельности, направленной на удовлетворение религиозных потребностей верующих, исполнительный орган Чебоксарского собора начал заниматься приобретением от

[36] ГИА ЧР, ф. 1857, оп. 1, д. 92, л. 137—138.
[37] Там же, д. 99, л. 23.

населения золотых монет царской чеканки и драгоценных камней. Причём всё это проходило без всякого оформления и записи в соответствующих книгах»[38].

Долгов и его сторонники довольно жёстко отстаивали независимость церковных дел от вмешательства исполкома горсовета и уполномоченного. По словам Маклашкина, посетившую «двадцатку» М.Н. Шелевую (занимавшую пост заместителя председателя горсовета) «означенная группа встретила враждебно, с провокационными выпадами против советских органов. Например, бухгалтер церкви Васильева на собрании Шелевой М.Н. заявила: “Мы Вас на это собрание на приглашали, зачем вы пришли? Зачем вмешиваетесь в наши церковные дела”? Отведённая из состава исполнительного органа Фёдорова Ю. начала кричать: “Зачем вы пришли сюда? Мы вам не подчиняемся, потому что церковь отделана от государства”! Член “двадцатки” Белкин В.Е. сторонник Долгова, обращаясь к т. Шелевой М.Н. заявил: “Вам здесь делать нечего, мы сами хозяева здесь и своими делами оправимся без вас”. Долгов прямо заявлял, что Шелевая и уполномоченный Маклашкин “хотят в состав церковного совета подсунуть своего человека Колесникову” (Шелевая и Колесникова когда-то работали в одной организации)»[39].

28 февраля 1963 г. исполком Чебоксарского горсовета решил «отвести из состава исполнительного органа церкви Долгова Ф.Я.». В вину ему ставилось то, что он самовольно отстранил от управления собором Филиппову и Колесникову (ставленников исполкома и Маклашкина) и вместо них передал дела по управлению имуществом и финансами церкви И.Ф. Фёдоровой и А.А. Смирновой, причём выплачивал им зарплату, а это, по мнению исполкома, было «благотворительной деятельностью, запрещённой законодательством». В исполкоме не сомневались в том, что «в “двадцатке” создана определённая группировка для противодействия выполнению законов о культах»[40]. Однако представителям горсовета, прибывшим для участия в перевыборах, Долгов заявил, что решение об отводе его из состава исполнительного органа он не признаёт и созывать «двадцатку» не будет. Вторично назначенное собрание также было им сорвано[41].

Тогда уполномоченный обратился за содействием к республиканскому правительству. «Для устранения создавшейся ненормальности, — сообщал он, — считаю необходимым, что Совету министров Чувашской АССР следует предложить исполкому Чебоксарского горсовета обеспечить в ближайшие дни проведение собрания членов двадцатки и избрание нового состава исполнительного органа церкви. До созыва собрания предупредить персонально каждого члена “двадцатки” о недопустимости нарушения законодательства о культах и в случае проявления какого-либо саботажа от участия на собрании исполком горсовета вынужден будет ставить вопрос о расторжении договора на право пользования молитвенным домом и культовым имуществом»[42].

Однако и верующие не собирались сдаваться. 15 апреля 1963 г. община собора обратилась с жалобой к первому секретарю Чувашского обкома КПСС С.М. Ислюкову, убеждая его в своей лояльности и обращая внимание на мо-

---

[38] Там же, д. 102, л. 31.
[39] Там же, л. 34.
[40] Там же, д. 104, л. 44.
[41] Там же, д. 102, л. 35.
[42] Там же, л. 37.

ральный облик и классовое происхождение своих противников. «Заявляем, — писали прихожане, — что нам крайне обидно, что нас никто не хочет понять. Мы никогда не выступали против собрания и не выступаем против него и сейчас. Когда в феврале прошлого года Горсовет при личном участии в собрании двадцатки зампредседателя Горсовета Шелевой навязала нам в двадцатку и в состав Церковного Совета проштрафившуюся и судимую в прошлом Колесникову, мы тотчас же обратились в Горсовет и к уполномоченному Маклашкину с просьбой разрешить нам собрание для переизбрания Колесниковой. Тогда и Шелевая и Маклашкин и слышать не хотели о новом собрании. И только когда нас поддержали в Москве, в Совете по делам православной церкви, что мы имеем право не допускать к работе сомнительных людей и на этом основании мы не приняли Колесникову... Тогда Шелевая и Маклашкин стали вербовать всяких бродячих пьяниц в состав какой-то новой двадцатки и под прикрытием работников Горсовета — Горбунова и Малиновского решили силой провести на очередном собрании в Церковный Совет Русина и ту же Колесникову. Об этом, не скрывая, заявляет сам Русин и Колесникова. Что из себя представляет Русин М.И. и Колесникова — общеизвестно. Не понятно только одно: как известный всем Чебоксарам потомственный купец-деляга, кулак, сросшийся с прилавком и барышами, а в последнее время злостный клеветник, вымогатель и зловредная язва Чебоксарской общественности, — вдруг оказался в большом почёте у Шелевой и Маклашкина! Не странно ли это? Тогда как председатель Церковного Совета Долгов выходец из бедняцкого крестьянства, участник с оружием в руках в годы Гражданской войны за освобождение нашей Родины от врагов типа Русиных, а затем долголетний организатор колхозного строя, защитник Родины в годы Отечественной войны и во всём остальном честный Советский гражданин и человек, — вдруг оказался на старости лет ошельмованным, оклеветанным таким Русиным и по его щучьему велению ставится Маклашкиным вопрос об отводе Долгова из состава Церковного Совета. Мы убедительнейше просим подумать, на основании каких это законов и статей морального кодекса действуют все те, кому таким нечестным путём хочется убрать Долгова. Мы уверены, что в Советском законодательстве наших дней таких законов не существует. А на явное беззаконие мы сознательные граждане нашей страны пойти не можем»[43].

Не дождавшись реакции на это письмо, 18 ноября 1963 г. прихожане собора обратились в ЦК КПСС и лично к первому секретарю Н.С. Хрущёву: «Чебоксарский горсовет самым беззастенчивым образом вмешивается во внутренние дела церкви. Это вмешательство выражается то в отводе из состава членов 20-ки и исполнительного её органа без всякого объяснения причин, то в самовольном включении в состав 20-ки лиц, прямо вопреки желанию самой 20-ки, то в приказании собрать общее собрание 20-ки для переизбрания членов исполнительного органа и т.д. Были случаи, когда на принудительном общем собрании 20-ки члены Горсовета, как, например, быв[ший] зам[еститель] председателя Шелевая сама намечала пожелательных ей лиц. Широко используются угрозы, вплоть до предания суду членов 20-ки, возражающих против вмешательства Горсовета во внутренние дела церкви, и множество других фактов самого грубого администрирования членов Горсовета. Эти нарушения законности происходят при прямой поддержке, если не сказать, по инициа-

[43] Там же, л. 40—41. Стилистика, орфография и пунктуация подлинника сохранены.

тиве, местного уполномоченного Маклашкина Я.Г. Всё это вызывает крайнее возбуждение среди верующих и накаляет атмосферу [во] взаимоотношениях массы и представителей гражданской власти города. Дело дошло до того, что 14 июня 1963 г. группа лиц, настроенных работниками Горсовета, не дав закончить богослужение, зашла в храм, чтобы насильственным образом сменить руководство церковной организации. Она тут же, в храме, затеяла ссору с верующими, доходя до грубых оскорблений религиозного чувства верующих. Верующие выгнали незваных гостей из храма. После этого на некоторое время наступило затишье, но в последнее время снова усилился административный нажим со стороны Чебоксарского Горсовета на церковную организацию с открытой угрозой закрытия храма. Атмосфера снова накаляется. Обо всех наиболее резких нарушениях законности со стороны Чебоксарского Горсовета неоднократно сообщалось в обком партии. Двадцатка просила обком партии объективно разобрать её заявление и принять меры к ликвидации ненормальностей в этой области общественной жизни. Но вот проходит уже полгода, а Чебоксарский Обком Партии продолжает хранить мёртвое молчание. Мы считаем, что в настоящее время особенно необходимо поддерживать в стране мир, тишину и спокойствие на основе точного выполнения законности. Если так поступают под видом антирелигиозной пропаганды, то такой метод антирелигиозной работы ничего общего не имеет с учением В.И. Ленина, распоряжениями и разъяснениями Правительства, Партии и периодической печати о ведении антирелигиозной пропаганды на основе научного атеизма, а не путём администрирования, наскоков, насмешек, оскорблений и т.д. Подавая жалобы в Чувашский Обком Партии на незаконные действия Чебоксарского Горсовета, мы надеялись, что Обком разъяснит Горсовету неправильность его действий и укажет путь узаконенной нормализации жизни в этой области. Однако Обком до сих пор ни на одну жалобу не даёт никакого ответа. Просим ЦК партии побудить Чувашский обком партии разобрать все наши жалобы. Мы верим, что его объективный разбор жалоб внёс бы умиротворение и помог бы избежать могущих быть никому не нужных эксцессов»[44]. Судя по стилю, это письмо, скорее всего, было составлено или секретарём епархии Сретенским (бывшим учителем), или священником Демьяновичем.

До лета 1964 г. властям так и не удавалось справиться с соборной «двадцаткой» и сместить старосту Долгова. Маклашкину пришлось даже организовать кампанию в местной печати против церковных «мятежников». 14 и 28 июня 1964 г. в газете «Советская Чувашия» вышла статья «За стеной кафедрального собора». В ней рассказывалось, как, «злоупотребляя терпением горисполкома, Долгов самозванно продолжает исполнять должность, от которой отстранён больше года назад. Более того, он незаконно подписал после этого договор на аренду собора. Между тем договор, заключённый отставным “церковным старостой”, не имеет законной силы»[45]. Прихожане ответили на статью очередным письмом в обком, где для его рассмотрения создали комиссию, но она сочла жалобу граждан необоснованной. Вскоре «двадцатка» собора «признала необходимым избрать исполнительный орган и прекратить допускаемые нарушения законодательства о культах»[46].

---

[44] Там же, л. 64—65.

[45] *Суздалин И.* За стенами кафедрального собора. // Советская Чувашия. 1964. 28 июня. С. 3.

[46] ГИА ЧР, ф. 1857, оп. 1, д. 106, л. 51.

Нередко, по указанию уполномоченного, контролирующие органы устраивали проверки в соборе во время богослужения. Верующие жаловались в Министерство финансов РСФСР на нарушение принятого 25 апреля 1961 г. постановления Минфина СССР, прямо запрещавшего проводить ревизию во время церковной службы. «Доводим до вашего сведения, — сообщали они, — что 28 октября сего года Горфинотдел в лице тов. Рассказчикова была произведена не своевременная проверка свечей в церковных ящиках, что вызвало неудовольствие многих верующих. На основании известных нам постановлений проверка во время богослужения запрещается. Просим дать им соответствующие указание о недопущении впредь таких действий». Давление оказывалось и на рядовых сотрудников собора, которых с помощью провокаций и психологического нажима вынуждали уйти с церковной работы[47]. Только благодаря стойкости прихожан, духовенства и епископа Николая, писавших жалобы во все возможные инстанции, собор удалось отстоять. Но, как бы то ни было, при известной сплочённости, используя особенности коммунистической идеологии и советского правоприменения, верующие в 1960-х гг. могли бороться за свои права даже в условиях антирелигиозной кампании. В этом состояло существенное отличие от аналогичных мероприятий 1920—1940-х гг.

Ещё одним инструментом борьбы с Церковью стал единовременный учёт молитвенных зданий и прочего имущества, находившегося в пользовании религиозных объединений. Это позволяло получить полные данные о материальном положении приходов и, в случае обнаружения реальных или мнимых недостатков (аварийность здания, несоблюдение требований безопасности и т.д.), закрывать их под благовидным предлогом[48].

14 сентября 1961 г. Совет министров Чувашской АССР возложил ответственность за проведение учёта в республике на исполкомы районных и городских советов депутатов. 15 октября на совещании заместителей председателей исполкомов в Чебоксарах уполномоченный разъяснил стоящие перед ними задачи. Тогда же их обеспечили специально разработанными бланками. Тех, кто, непосредственно занимался учётом, Маклашкин инструктировал на местах, где устраивались специальные семинары. Но собранные затем их участниками данные показали, что Церковь в Чувашии продолжает пользоваться влиянием. Из 39 официально зарегистрированных и действовавших храмов наибольшей популярностью пользовались 11, в которых по большим праздникам собиралось до 1,5 тыс. человек[49]. Религиозные объединения располагали множеством всевозможных построек. По различным договорам им было передано 13 жилых домов и 11 сторожек. Кроме этого, с 1945 г., самовольно и по официальному разрешению они построили и приобрели 35 жилых домов (ещё десять оказались незаконно оформленными как собственность отдельных служителей культа) и свыше 60 подсобных помещений. Помимо священников, в церквах Чувашской АССР трудилось 866 человек (611 из них получали заработную плату). Учёт выявил в республике 44 недействующих церковных здания, закрытых, в основном, ещё до 1941 г. С тех пор они использовались под всевозможные

[47] *Берман. А.Г.* Мелочи приходской жизни... С. 16—17, 20.

[48] ГИА ЧР, ф. 1857, оп. 1, д. 91.

[49] К их числу относились Раскильдинская (Аликовский район), Хормалинская (Ибресинский район), Ново-Тинчуринская (Яльчикский район), Гришинская (Янтиковский район), Атратьская и Алтышевская (Алатырский район), Мало-Чурашевская (Ядринский район), Акулевская (Чебоксарский район) церкви и три городских храма в Алатыре, Канаше и Чебоксарах.

хозяйственные и культурные нужды. Пять из них, по мнению Маклашкина, подлежали сносу по ветхости[50].

Наступление на «церковников» сопровождалось массированной идеологической компанией: для населения были организованы 84 лекции на атеистическую тематику, всего их посетило более 400 слушателей[51]. Увеличилось количество антирелигиозных публикаций. Если в 1957 г. их вышло 12, то в 1962 г. — 49. В среднем в 1958—1964 гг. ежегодно печаталось около 30 книг, журнальных и газетных статей, разоблачавших религию и Церковь (не считая районной прессы)[52]. Наиболее резкую реакцию верующих вызвала статья Н. Черепановой «В тенетах церкви», посвящённая тому, как «церковники» завлекают девушек в свои сети, и особенно в монастыри. При этом с явным недоброжелательством упоминались владыка Мануил (Лемешевский) и авторитетный соборный священник Григорий Медведев и заявлялось: «Недавняя проверка финансовыми органами показала, что в Введенском соборе буквально обирают верующих. Там свечи и просвиры продаются в несколько раз дороже, чем они обходятся самой церкви. Так выглядит на деле проповедь бескорыстия: не такие уж бессребреники те, кто проповедует бескорыстие. Да и в монастырях собираются люди, отнюдь не рассчитывающие жить трудами праведными. Наоборот, их расчёт на доброхотные приношения»[53].

Хамский тон публикации возмутил православных читателей[54]. Свой гнев некоторые из них выразили в письме «дорогой редакции “Сов[етской] Чувашии”»: «Вы на родной газете напечатали статью сумасшедшего человека Н. Черепановой “В тенетах церкви”. Народ просит эту статью передать ей. Теперь от антихриста Н. Черепановой!!! Многотысячный народ хочет смотреть твоё лицо. Просим через газету показать твоё лицо. Ваша статья нам верующим не новость. Так и должно быть. Если бы в данное время не было бы такой статьи, то писание стало бы не правильным. Эта статья укрепляет веру христову. Черепанова! Разве ты не знаешь... человечество совершит всё... Ты не успеешь одежду свою износить, а будешь свои волосы выдергивать со страхом. Много не будем писать, но через 1(2) года будешь помнить, но поздно будет. Мы хотя пенсионеры... Но тебя назовём безумным антихристом. Как ты могла смелость набрать Черепанова? Монастырь — это не кино, не театр... Тебя проклинают не только старые люди... а все и ангелы. Ты помни через год умрёшь. Много не пишем. Ты и так-то умерла, у тебя нет чувства и совести»[55]. Весьма своеобразная стилистика послания объяснялась тем, что для его авторов родным языком был чувашский.

Епископ Николай всячески старался смягчать последствия антирелигиозной кампании. Несмотря на запрет, владыка по возможности оказывал помощь экономически слабым приходам. Так, в 1960 г. он выделил церкви с. Богатырёво (Цивильского района) на ремонт и украшение интерьера наличные деньги и стройматериалы на 24 тыс. руб. Формально не имея права распоряжаться

---

[50] ГИА ЧР, ф. 1857, оп. 1, д. 97, л. 73—77.

[51] Там же, д. 87, л. 85.

[52] Летопись печати. Орган государственной библиографии Чувашской АССР. Пичет летописĕ. Чăваш АССР государствă библиографийĕн органĕ. Вып. 1—4. Чебоксары, 1957; то же. 1958; то же. 1959; то же. 1960; то же. 1961; то же. 1962; то же. 1963; то же. 1964.

[53] *Черепанова Н.* В тенетах церкви // Советская Чувашия. 1961. 25 ноября. С. 2.

[54] Подробнее см.: *Берман А.Г.* Мелочи приходской жизни... С. 20.

[55] ГИА ЧР, ф. 1857, оп. 1, д. 58, л. 163.

средствами общины, архиерей в 1960 г. предложил исполнительному органу церкви с. Анаткиняры (Сундырского района) выдать настоятелю 15 тыс. руб. на уплату налогов[56].

В октябре 1964 г. Н.С. Хрущёв был смещён с поста первого секретаря ЦК КПСС и освобождён от должности главы советского правительства. И практически сразу началось постепенное сворачивание антирелигиозной кампании. Уже 16 ноября Маклашкин представил в Совет по делам РПЦ секретное письмо «О работе по ликвидации административных перегибов в отношении верующих и религиозных объединений, допускаемых местными органами власти». Правда, самих «перегибов» чувашский уполномоченный упорно не замечал. По его мнению, жалобы верующих по бульшей части «являются необоснованными и носят явно надуманный, а иногда и клеветнический характер на органы власти». Однако теперь уже было затруднительно отрицать наличие «таких вопросов, когда отдельные члены исполнительных органов религиозных организаций без достаточных на то оснований исполкомами райгорсоветов отводились из составов исполнительного органа или ревизионной комиссии». Между тем именно этим сам уполномоченный занимался на протяжении всей своей деятельности. Районные руководители с недоумением отнеслись к изменению курса. Так, заместитель секретаря парткома Урмарского района по идеологии П.К. Сидоров, выслушав на совещании выступление Маклашкина об устранении «перегибов», констатировал: «Если мы будем придерживаться тех положений, которые были нам изложены здесь товарищем уполномоченным совета, то до самого 2000-го года нам не удастся закрыть в районе ни одной церкви». О подобном «непартийном толковании тов. Скворцовым П.К. советского законодательства о культах» Маклашкин сразу же доложил в обком, но в конце своего письма в Совет по делам РПЦ он счёл нужным «отметить, что отдельные районные работники политику, направленную на ликвидацию административных перегибов, допускаемых в отношении верующих и религиозных организаций, склонны расценивать как политику уступки церковникам»[57].

8 декабря 1965 г. Совет по делам РПЦ и Совет по делам религиозных культов были слиты в единый орган — Совет по делам религий при Совете министров СССР. Поскольку Маклашкин являлся уполномоченным обоих советов, ему эта реорганизация, казалось бы, ничем не грозила, более того — вместо двух информационных отчётов теперь следовало писать лишь один. Однако владыка Николай, по-видимому, почувствовал изменение конфессиональной политики и ещё в 1965 г. направил в разные инстанции несколько жалоб на действия уполномоченного. В частности, он сообщал про конфликт вокруг церкви в с. Хормалы (Ибресинского района), где председатель райисполкома Миронов с согласия Маклашкина решил во что бы то ни стало изгнать с прихода священника. Дело тянулось два года, и уполномоченный решил отыграться на прихожанах, затягивая регистрацию вновь избранного церковного совета. Миронов неоднократно заявлял обращавшимся к нему прихожанам: «После того, как уволите вашего священника Григорьева, буду утверждать состав исполнительного органа». На практике райисполком отказывал в регистрации без санкции уполномоченного, а тот отправлял ходоков обратно к Миронову, называя при этом просителей «оскорбительными эпитетами». Представителям «двадцатки»

[56] ГАСИ ЧР, ф. 1, оп. 28, д. 9, л. 42—43.
[57] ГИА ЧР, ф. 1857, оп. 1, д. 106, л. 46—53.

пришлось семь раз курсировать между Хормалами, Ибресями и Чебоксарами без какого-либо результата. У владыки Николая сложилось впечатление, что «всё это делается для того, чтобы взять людей, как говорится, измором, довести их до такого состояния, что они в отчаянии отойдут от церковной организации и она распадётся». Однако, отмечал епископ, «если такими действиями пользуются как методом антирелигиозной пропаганды, то достаточно сказать, что такой метод — преступный метод, и ни в какой мере не вяжется с установками ленинизма, советского правительства и партии». Вместе с тем на обращения архиерея Маклашкин не реагировал, а секретаря епархии, попытавшегося прояснить ситуацию, назвал «подстрекателем», предупредив, что «никакого ответа не будет». А ведь данным делом местные проблемы не ограничивались. По словам преосвященного Николая, «можно было бы привести множество других... фактов вмешательства во внутренние дела церковной жизни»[58].

На этот раз Маклашкину пришлось оправдываться и перед республиканскими властями, и перед московским Советом. Он старался переложить ответственность на исполком и враждебно настроенного епископа[59]. Но руководство Совета по делам религий, судя по всему, убедилось в том, что в изменившихся условиях Маклашкин уже не сможет наладить работу с религиозными структурами и деятелями. 1 февраля 1966 г. его освободили от должности в связи с уходом на пенсию[60].

Если говорить о результатах антицерковной кампании, проведённой в Чувашии под руководством Маклашкина, то они не выглядят впечатляющими. Если в 1953 г. в составе Чебоксарско-Чувашской епархии действовал 41 приход[61], то в начале 1966 г. их было 37[62]. Затем до середины 1980-х гг. в епархии неизменно оставалось 36 общин. Численность духовенства в 1953—1965 гг.[63] сократилось с 67 до 46 человек[64].

Не увенчалась успехом и борьба за снижение церковных доходов. Как признавал сам уполномоченный, за восемь месяцев 1961 г. по сравнению с соответствующим периодом 1960 г. суммы в Алатырском районе увеличились: у церкви с. Атрать — на 600 руб. (в новых деньгах), у церкви с. Иваньково-Ленино — на 1,2 тыс. руб., у Миренковской — на 300 руб. В Чебоксарском районе так же наблюдался их рост: у Акулевской церкви — на 5,2 тыс. руб., у Альгешевской — на 800 руб. и лишь у Янгильдинской поступления оказались меньше на 400 руб.[65] В 1965 г. уполномоченный вновь сетовал на продолжающееся обогащение церквей, особенно в городах. Так, денежные средства Введенского собора за год выросли на 10,3 тыс. руб., канашской церкви — на 9,1 тыс. руб., алатырской — на 7,3 тыс. руб.[66]

Не удалось достичь и резкого ослабления религиозности населения, и его отчуждения от совершения обрядов, связанных с жизненными циклами человека (крещение, венчание, отпевание). В 1960 г. было крещено 59,2% от обще-

---

[58] Там же, оп. 4, д. 4, л. 60—63.
[59] Там же, л. 51—57.
[60] Там же, ф. 203, оп. 21, д. 1067, л. 4
[61] Там же, ф. 1857, оп. 1, д. 112, л. 2.
[62] Там же, д. 87, л. 9.
[63] Там же, д. 66, л. 3.
[64] Там же, д. 112, л. 2.
[65] ГАСИ ЧР, ф. 1, оп. 28, д. 9, л. 50—51.
[66] ГИА ЧР, ф. 1857, оп. 1, д. 112, л. 33.

го числа родившихся, в 1965 г. — 50,6%; в 1960 г. венчалось 16,6% вступивших в брак, в 1965 г. — 11,5%; отпевать же за эти годы стали даже чаще — 49,8% и 60,8% умерших[67]. Однако эти данные не могут считаться полными, поскольку часто церковные обряды совершались нелегально и не документировались. Кроме того, в Чувашской АССР проживало немало мусульман.

Тем не менее, нельзя сказать, что антицерковная кампания вовсе не имела эффекта и не причиняла вреда. Давление на прихожан, создание атмосферы гонений и нетерпимости приводили к сокращению публичных проявлений церковности. Например, был полностью прекращён звон в 35 церквах, только четырём приходам удалось отстоять колокола[68]. Уменьшилось количество зарегистрированных церковных обрядов. В проверенных уполномоченным 15 религиозных объединениях данные об обрядах, совершённых за восемь месяцев 1961 г., по сравнению с соответствующим периодом 1960 г., свидетельствовали, что случаев крещения детей стало меньше на 17,3% (8 248 в 1960 г. и 6 791 в 1961 г.), венчаний — на 27,4% (560 в 1960 г. и 407 в 1961 г.), отпеваний — на 20,6% (1 607 в 1960 г. и 1 277 в 1961 г.)[69]. Общее количество зарегистрированных крещений за 6 лет (с 1960 г.) сократилось на 35,5%, венчаний — на 45,2%, отпеваний за 7 лет — на 6,6%[70].

В целом, хрущёвская антицерковная кампания показала бесперспективность «волюнтаристского» подхода к борьбе с религией. В конечном счёте, наличие церковных организаций определялось потребностями населения, но никак не «происками попов», и с этими потребностями власти приходилось считаться. Интенсивность «мероприятий» по борьбе с религией в Чувашии во многом определялась местным уполномоченным Совета по делам РПЦ и сильно зависела от его общей культуры и административного рвения. Смена политического руководства страны привела к стабилизации государственно-церковных отношений на два десятилетия.

[67] Там же, л. 23—24.
[68] ГИА ЧР, ф. 1857, оп. 1, д. 87, л. 83.
[69] ГАСИ ЧР, ф. 1, оп. 28, д. 9, л. 48—49.
[70] ГИА ЧР, ф. 1857, оп. 1, д. 112, л. 24.

Кризис взаимоотношений Русской и Константинопольской церквей в середине 1920-х гг. и советская внешняя политика

Александр Мазырин

The crisis of relations between the Russian and Constantinople churches in the mid-1920s and Soviet foreign policy

Alexander Mazyrin
(Saint Tikhon Orthodox Humanitarian University, Moscow, Russia)

DOI 10.31857/S086956870010149-4

Взаимоотношениям Русской и Константинопольской церквей в XX в. посвящено уже нескольких монографий[1], однако далеко не все их аспекты исследованы должным образом. Так, благодаря Л.А. Герд, М.В. Шкаровскому и некоторым другим авторам уже в значительной мере раскрыто влияние российской и советской внешней политики на развитие церковных дел в начале и середине столетия. Но про 1920-е гг. этого сказать нельзя. Внимание исследователей в основном сосредоточилось на материалах партийной антирелигиозной комиссии[2]. Между тем выявленные в Архиве внешней политики Российской Федерации документы НКИД СССР[3] позволяют понять, почему замедлилось сближение Константинопольской патриархии с русскими обновленцами. В какой-то момент большевики всерьёз обсуждали возможность принять в Москве так называемого вселенского патриарха, изгоняемого из Стамбула турками, но затем нарком Г.В. Чичерин счёл эту политическую игру неуместной.

Положение Константинопольской патриархии на протяжении 1920-х гг. не раз резко менялось. В начале десятилетия греки надеялись осуществить «великую идею» — закрепиться по обе стороны Эгейского моря, сделав Константинополь столицей своего государства и превратив «вселенского» патриарха в «восточного папу», которому подчинялись бы все православные церкви. Но уже в августе 1922 г. армия короля эллинов, вторгшаяся вглубь Малой Азии, была разбита турками, а местному греческому населению пришлось бежать, спасаясь от полного истребления. В Стамбуле, согласно решениям Лозаннской конференции, греки, являвшиеся его уроженцами, могли остаться, но их число постоянно сокращалось. Для Константинопольской патриархии в Турции на-

© 2020 г. А.В. Мазырин

Статья подготовлена при поддержке Фонда развития ПСТГУ, проект № 01-0717/КИП 4.

[1] *Герд Л.А.* Константинопольский патриархат и Россия. 1901—1914. М., 2012; *Шкаровский М.В.* Константинопольский патриархат и Русская Православная Церковь в первой половине XX века. М., 2014; *Мазырин А.В., Кострюков А.А.* Из истории взаимоотношений Русской и Константинопольской церквей в XX веке. М., 2017.

[2] *Митрофан (Шкурин), игумен.* Русская Православная Церковь и советская внешняя политика в 1922—1929 годах: (По материалам Антирелигиозной комиссии) // Вестник церковной истории. 2006. № 1. С. 162—175.

[3] Автор благодарит Отдел внешнецерковных связей Московского патриархата и лично протоиерея Николая Балашова за содействие в ознакомлении с этими документами.

стали худшие времена, но от стремления к гегемонии в мировом православии на Фанаре не отказались.

Между тем Русская Церковь при советской власти не просто лишилась всех преимуществ, которые ей предоставляла Российская империя, но и фактически планомерно уничтожалась и разрушалась как организация. Высокопоставленный представитель Наркомюста П.А. Красиков откровенно заявлял в печати: «Мы, коммунисты, своей программой и всей своей политикой, выражающейся в советском законодательстве, намечаем единственный в конечном счёте путь, как религии, так и всем её агентам: это путь в архив истории»[4]. В то же время органы ВЧК, не расходясь с НКЮ в понимании конечной цели партийно-советской политики в отношении Церкви, настаивали на других методах её достижения и публично выражали готовность «поддерживать в духовенстве то течение, которое следует за духом времени и идёт на поддержку советской власти»[5].

Хотя в целом конфессиональная политика советской власти носила отчётливо антирелигиозный характер, в ней были и свои нюансы, в частности в отношении к Константинопольской патриархии. Достаточно быстро интерес к ней проявил НКИД (тогда ещё РСФСР). Поскольку с международным признанием у Советской России поначалу были проблемы, можно было записать в актив и установление контакта с московской «миссией вселенского патриарха». Сама же миссия была тогда более обеспокоена не столько продвижением идеи «восточного папства» с центром Константинополе, сколько сохранением своей собственности в Москве, которой она, как и все религиозные общества в РСФСР, лишалась декретом Совнаркома об отделении Церкви от государства. 20 ноября 1918 г. НКИД выдал ей документ, подписанный заместителем наркома Л.М. Караханом: «Народный комиссариат по иностранным делам удостоверяет, что дом Константинопольского патриаршего подворья (по Крапивенскому пер., 4) занят представительством вселенского (константинопольского) патриарха в России, и, с своей стороны, находит целесообразным освободить таковой от какой бы то ни было реквизиции, а также муниципализации и национализации»[6]. Следуя этой рекомендации, Юридический отдел Моссовета 2 декабря 1918 г. признал, что дом, принадлежавший подворью, «как занятый представительством вселенского патриарха в России из-под действия декрета “Об отделении церкви от государства” исключается»[7]. Но вскоре в РСФСР к миссии охладели, и уже в 1920 г. Моссовет муниципализировал её здание. «Квартирный вопрос» ещё долго оставался одной из главных забот «вселенской» патриархии в Москве[8], но его церковно-политический контекст существенно поменялся.

Весной 1922 г. по инициативе Л.Д. Троцкого для борьбы с Православной Российской Церковью (патриаршей или, как её ещё называли по имени патриарха, «тихоновской») в ней был инспирирован «обновленческий» раскол, с руководством которого представительство Константинопольской патриархии

---

[4] *Красиков П.А.* Кому это выгодно // Известия ВЦИК. 1919. 14 декабря.

[5] *Лацис М.И.* Государство и церковь // Известия ВЦИК. 1919. 2 декабря.

[6] ГА РФ, ф. 1235, оп. 63, д. 397, л. 556.

[7] ЦГА МО, ф. 66, оп. 18, д. 60, л. 53; ГА РФ, ф. 1235, оп. 63, д. 397, л. 555.

[8] Подробнее см.: *Мазырин А.В.* Подворье Константинопольской патриархии в Москве и проблемы межцерковных отношений в 1917—1938 гг. // Российская история. 2016. № 5. С. 104—123.

сразу вошло в контакт. Фанару ослабление Русской Церкви было выгодно, поскольку ранее именно она сдерживала папистские притязания «вселенского» патриархата, а обновленцы могли выступить в роли проводников его влияния в России. Кроме того, через них было удобно налаживать сотрудничество с большевиками, тогда как «тихоновцы», в которых советская власть видела церковных контрреволюционеров, для этого не годились.

Основным куратором обновленцев негласно являлось ГПУ (с ноября 1923 г. — ОГПУ), отвечавшее за «разложение церковников». Действия учреждений, осуществлявших конфессиональную политику, координировала секретная Комиссия по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б) (в обиходе — Антирелигиозная комиссия или АРК). Её председателем с конца 1922 г. являлся Е.М. Ярославский, а бессменным секретарём и фактически центральной фигурой — представитель ГПУ—ОГПУ Е.А. Тучков. При этом НКИД в АРК представлен не был. Официальные же контакты «церковников» всех течений с советской властью осуществлялись через возглавляемый П.Г. Смидовичем Секретариат по делам культов при Президиуме ВЦИК.

Обновленцы достаточно быстро осознали, что Константинопольская патриархия может помочь им в противостоянии с «тихоновцами» и, в свою очередь, стали оказывать ей всяческие знаки внимания. На рубеже 1922—1923 гг., когда на Лозаннской конференции обсуждалось положение национальных меньшинств в послевоенной Турции, обновленцы, как могли, участвовали в информационной кампании в защиту греческого патриархата[9]. Пикантность ситуации заключалась в том, что патриарх Мелетий (Метаксакис) стал одним из главных вдохновителей греческого ирредентизма, использовавшегося враждебными Советской России странами Антанты (в первую очередь, Великобританией) против турецкого национально-революционного движения, которое поддерживалось большевиками. Иными словами, обновленцам, имевшим репутацию «церковных большевиков», приходилось ратовать за «агента империализма», каковым считался патриарх Мелетий. Коллизия разрешилась после возвращения Турции летом 1923 г. Константинополя, ранее оккупированного войсками Антанты, и удаления из него Метаксакиса, являвшегося для турок совершенно неприемлемой персоной.

Патриарх Мелетий, правда, и в изгнании какое-то время пытался бороться за свои права, что беспокоило Антирелигиозную комиссию, которая 18 сентября 1923 г. постановила: «Поручить тов. Попову (заместителю председателя АРК. — *А.М.*) переговорить с тов. Чичериным о положении Милетия (так в тексте. — *А.М.*) и Константинопольского синода и в зависимости от этого разрешить вопрос о возврате их представителям находящегося в Москве дома»[10]. Как прошли переговоры, неизвестно, но здание подворья грекам так и не вернули. Однако проблема с «империалистом» Мелетием (Метаксакисом) вскоре разрешилась, поскольку он официально отрёкся от «вселенского» престола.

Новым патриархом избрали Григория (Зервудакиса), вполне лояльного туркам и готового сотрудничать с большевиками. Его интронизация состоялась 6 декабря 1923 г., а уже через два дня обновленцы, стремясь ещё более расположить к себе Константинопольскую патриархию и зная про её особый интерес

---

[9] См.: Выступление группы белого духовенства «Живой Церкви» на защиту Константинопольского патриарха // Живая Церковь. 1923. № 11(1). С. 14—16.

[10] Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б)—ВКП(б) (Антирелигиозной комиссии). 1922—1929 гг. / Сост. В.В. Лобанов. М., 2014. С. 101.

в Москве, направили обращение в ЦИК СССР: «Священный Синод Российской Православной Церкви настоящим поддерживает ходатайство представителя константинопольского вселенского патриархата в РСФСР о возвращении национализированного владения патриархата, состоящего из дома в Крапивенском переулке, в г. Москве, дом № 4, между прочим, и ввиду того, что турецкое правительство уже возвратило в Константинополе РСФСР все бывшие русские владения, не исключая и церковных»[11].

Опираясь на это ходатайство обновленческого Синода, московский представитель Константинопольского патриархата архимандрит Василий (Димопуло) в апреле 1924 г. сообщил в Отдел по делам Ближнего Востока НКИД СССР, что возвращение дома в Крапивенском переулке «было вполне благожелательно поддержано турецким в Москве послом», а Коллегией НКИД «дано было за подписью члена правовой комиссии тов. Канторовича заключение о том, что таковое возвращение считается им целесообразным и желательным». По мнению Димопуло, «наличие столь важных факторов, как заключение НКИД и поддержка турецкого посольства, давали достаточно сильное основание ожидать благоприятного разрешения вопроса, однако Центральная комиссия по демуниципализации домов при НКВД, на рассмотрение коей поступило означенное ходатайство, оставила его без уважения, признав, что жилое владение Константинопольского патриаршего подворья по размерам своим (3-этажный дом) не подходит под основания декрета о демуниципализации». Более того, Организационный отдел ВЦИК счёл, что «ввиду признания Грецией СССР поддержка НКИД и турецкого посольства отпадает и вопрос откладывается до установления конвенционных соглашений»[12].

Как видно, советские чиновники использовали любой предлог для того, чтобы не возвращать особняк в центре Москвы. Греческий архимандрит, естественно, возражал: «Считая такой оборот дела совершенно неправильным, ибо Константинопольский патриархат находится не в пределах Греции, а Турции, я полагаю, что разрешение вопроса о возвращении Константинопольской патриархии дома не может находиться ни в какой зависимости от признания Грецией СССР, а должен быть разрешён исключительно лишь на основании дружественных отношений между Турецкой и Советской республиками, тем более что турецкое правительство возвратило уже находящееся в Константинополе и принадлежащее России недвижимое имущество, не исключая и церковного». Но русский храм в стамбульском районе Харбие турки возвратили не Русской Церкви, а советскому правительству, которое могло его использовать по своему усмотрению, тогда как архимандрит Василий просил вернуть здание бывшего подворья в Москве не турецким властям, что было бы зеркально, а Константинопольской патриархии, хотя отношения Фанара с кемалистами оставались крайне натянутыми. По его словам, в которых восточное красноречие неподражаемо сочеталось с социальной демагогией, «разрешение этого вопроса в благоприятном смысле должно произвести сильное впечатление на Востоке и будет иметь важное политическое значение, ибо получение Константинопольской патриархией возможности продолжать филантропическую помощь туземному пролетариату должно способствовать укреплению в нём чувства признательности и благодарности к Советской России и вести к поднятию на Ближнем Востоке престижа рабоче-крестьянского правительства, который тем

[11] АВП РФ, ф. 0132, оп. 7, папка 141, д. 27, л. 163.
[12] Там же, л. 161—162 об.

больше будет возрастать и привлекать к нему трудящиеся массы Востока, чем более исключительным и незаурядным образом и порядком будет разрешён данный вопрос»[13].

Как ни странно, Димопуло ни разу не упоминал про удостоверение, выданное в ноябре 1918 г. Караханом, ссылаясь лишь на заключение А.Я. Канторовича (впоследствии — видного советского китаеведа), занимавшего тогда в аппарате НКИД скромный пост сотрудника Экономическо-правового отдела. Видимо, в апреле 1924 г. нужной бумаги у архимандрита Василия под рукой не оказалось. В самом наркомате про неё к тому времени тоже забыли. Получив заявление Димопуло, подотдел Ближнего Востока НКИД СССР запросил из НКВД дело о доме подворья, где и обнаружили копию постановлений 1918 г. Сделав для себя такое открытие, заведующий подотдела С.К. Пастухов обратился к Г.В. Чичерину. «Ввиду того, — писал он наркому 11 июня 1924 г., — что в настоящее время гр. Димопуло вновь возбуждает вопрос о демуниципализации дома, прошу Вас не отказать дать указания: считать ли нам действительным и имеющим силу удостоверение, выданное НКИД в 1918 году, или же нам следует сообщить в НКВД, что Наркоминделом аннулировано удостоверение от 20/XI 1918 г. и что к вопросу о демуниципализации дома патриаршего подворья НКИД никакого отношения не имеет»[14]. Ответил ли Чичерин, неизвестно, однако в дальнейшем руководство НКИД полностью устранилось от решения данной проблемы.

Не в пользу Фанара оказалось и приобщённое к делу экспертное заключение учёного консультанта 5-го отдела Наркомюста П.В. Гидулянова (в прошлом известного канониста, доктора церковного права, автора диссертации «Восточные патриархи в период четырёх первых Вселенских Соборов»). В «Справке о международной правоспособности Константинопольского патриарха» Гидулянов был категоричен: «Константинопольский патриархат никогда не являлся субъектом международного права и нигде не пользовался правом международного представительства. В период царизма, когда Константинопольские патриархи владели недвижимой собственностью в России, как то: подворьями, недвижимыми имениями, они выдавали на управление принадлежащими имениями общегражданские доверенности подчинённым им лицам, каковым был и предшественник Василия иеромонах Иаков. Ныне все бывшие патриаршие недвижимые имущества (константинопольское подворье) муниципализированы, и посему, если константинопольский патриарх и может иметь какое-либо представительство в Республике, то только на основании общегражданской доверенности, как и всякий иностранный подданный. (К сему следует заметить, что ориентация вселенских патриархов, поскольку она доселе выразилась в их публичных заявлениях и деятельности, является явно враждебной советскому государству)»[15].

Весной руководство НКИД получило от советского посольства в Анкаре донесение, датированное 5 апреля 1924 г. и составленное, судя по всему, полпредом Я.З. Сурицем, к которому обратился драгоман патриарха Григория, просивший принять высокопоставленного представителя Фанара. Состоявшаяся затем «беседа началась с приветствия от имени патриарха “правительству

[13] Там же.

[14] Там же, л. 184.

[15] Там же, л. 182. Сделанная в скобках приписка относилась скорее к отстранённому патриарху Мелетию, поскольку его преемник пытался в то время демонстрировать СССР своё дружелюбие.

возлюбленного русского народа", вскоре она коснулась и деловой цели визита. Оказалось, патриарх вознамерился ходатайствовать перед Москвой о возвращении Фанару национализированного подвория, находящегося в Москве, в Крапивенском пер[еулке] на Петровке. Я предложил представить письменное заявление по существу возбуждаемого ходатайства: это заявление я обещал препроводить в Москву. При этом я осведомился, не может ли патриархат оказать нам содействие в передаче СССР недвижимых имуществ, принадлежавших быв[шей] государственной церкви и находящихся в Турции, в Палестине и Сирии. Последовал ответ, что, хотя патриархат и не принимал доныне участия в этом деле, но что наш представитель может в любой момент обратиться к патриархату, который окажет ему всяческое содействие». По-видимому, встречное предложение советского дипломата вызвало некоторое замешательство у фанариотов, имевших свои виды на русское церковное имущество в Турции. По московскому же делу ему вскоре было передано письмо «от самого патриарха с приложением краткой ноты»[16].

Препровождая оба документа в Москву и «отнюдь не предрешая вопроса, возбуждаемого патриархом», в полпредстве сочли «небесполезным некоторыми данными осветить общее положение последнего в настоящий момент». Для его понимания на трёх страницах приводились статистические сведения о стремительном сокращении паствы Константинопольской патриархии, сообщалось о крайне неприязненном отношении к ней правительства М. Кемаля, описывался «переворот, близкий к настоящему погрому», который произвёл «невежественный и грубый, но смелый диакон из Анатолии — папа Евфимий», самочинно образовавший и возглавивший так называемую Турецкую православную церковь, ставшую «орудием в руках кемалистов для борьбы во-вне с ненавистными греками, а внутри страны — с константинопольской оппозицией». В результате, «теряя свою паству, лишаясь прежних областей, не встречая активной поддержки со стороны самой Греции, не решившейся помочь Мелетию и вынудившей его удалиться на Афон, теснимый национально-турецкой стихией, вселенский патриархат естественно ищет для себя какой-либо опоры... Взгляды патриарха обращаются к бывшей России. Пусть это ныне СССР. Это колоссальная держава, усиливающаяся с каждым днём, поневоле признаваемая и её врагами. Почему же не попытаться восстановить связь с могущественнейшей страной православного востока»[17].

В свою очередь и советской дипломатии следовало решить, «как же реагировать на положение, создавшееся вокруг вселенского патриархата в современной Турции». «Возможно, — рассуждали в посольстве в Анкаре, — решительное отстранение от СССР каких бы то ни было вопросов религиозной жизни — в интересах принципиальной чистоты политической линии советской власти. Мыслимо тактическое использование создавшейся коллизии путём умелого маневрирования между обеими борющимися силами для расширения влияния СССР на Ближнем Востоке, упрочения связи с национальным движением в Турции или, напротив, эвентуальной ставки в нужный момент на оппозиционные элементы, хотя бы и группирующиеся на церковной платформе. Несомненно одно: необходимо разобраться в положении, наметить правиль-

[16] Там же, л. 154—159.
[17] Там же.

ную ориентацию, сравнив и оценив силы, столкнувшиеся в борьбе вокруг вселенского патриархата»[18].

Для этого в донесении предлагалось командировать в Стамбул «достаточно развитого политически, инициативного и вполне надёжного представителя обновлённой в СССР церковности», поручив ему изучить обстановку и установить живую связь с различными течениями как в самом вселенском патриархате, так и среди православных на Ближнем Востоке. В дальнейшем это контакты предполагалось использовать для пропаганды советских идей, борьбы с контрреволюционными настроениями эмиграции, предъявления прав на имущество Русской Церкви в Турции, Сирии, Палестине, и в целом — для усиления влияния и престижа СССР. Центром задуманной операции должна была стать «русско-православная церковь в Харбие, единственная в городе и переданная СССР вместе с николаевским госпиталем. Церковь эта ныне опечатана советским представителем. В случае командировки в Кон[стантино]поль из СССР представителя обновленческой церкви, этот храм в Харбие мог бы служить удобнейшей базой для деятельности этого представителя по осуществлению намеченного выше плана»[19]. Несомненно, обновленцы охотно приняли бы участие в этом деле. Но, видимо, подобрать среди них подходящего священнослужителя не удалось. Возможно, сыграл свою роль и случившийся тогда же скандал с Николаем Соловьём, который в апреле 1924 г. был назначен обновленцами «архиепископом Сан-Францисканским и Калифорнийским», но едва оказавшись за пределами СССР, выступил в Латвии с резкими антиобновленческими и антисоветскими заявлениями[20].

Тем не менее от самой Константинопольской патриархии советским дипломатам удалось добиться целой серии нужных им постановлений. 30 апреля 1924 г. ею было возбуждено следствие в отношении русских архиепископов-беженцев Анастасия (Грибановского) и Александра (Немоловского), на время которого им предписывалось воздержаться от каких-либо священных и распорядительных действий в Константинополе. От остальных русских клириков, находившихся в бывшей османской столице, потребовали впредь руководствоваться исключительно указаниями Фанара и поминать за богослужениями только константинопольского патриарха (и, соответственно, не поминать своего патриарха Тихона)[21]. В русской зарубежной прессе сразу же отметили, что «всё это дело — афера между так называемой “живой церковью” в России и церковными властями в Константинополе; афера, которая была подготовлена советским “послом” в Константинополе Сурицем»[22].

Следующим постановлением константинопольского Синода, касавшимся Русской Церкви, стало принятое 6 мая 1924 г. решение отправить в Москву «особую патриаршую комиссию», которой предписывалось «опираться на те тамошние церковные течения, которые верны существующему в России правительству», т.е. на обновленцев. Патриарху Тихону при этом предлагалось «ради единения расколовшихся» пожертвовать собой, «немедленно удалившись от управления церковью». Одновременно патриарх Григорий призывал вовсе

---

[18] Там же.

[19] Там же.

[20] См., в частности: Восстали против обновленческого синода // Сегодня (Рига). 1924. 31 мая.

[21] Грамоты вселенского патриарха // Церковная жизнь. 1924. № 2. С. 1—2.

[22] К конфликту между константинопольским патриархом и Русской Церковью // Церковные ведомости. 1924. № 11—12. С. 10.

упразднить московское патриаршество, «как родившееся во всецело ненормальных обстоятельствах в начале гражданской войны и как считающееся значительным препятствием к восстановлению мира и единения»[23]. Такое бесцеремонное вмешательство Фанара во внутренние дела Московского патриархата привело к тому, что отношения двух поместных церквей оказались замороженными, хотя до официального разрыва дело тогда не дошло.

Позднее, в 1930 г., патриарх Фотий, сменивший Григория, на заседании своего Синода признал: «Советское правительство через своих представителей не только просило, но просто принуждало Вселенскую патриархию путём деятельного вмешательства выполнить свои обязанности, происходящие из особого её положения, как первенствующей церкви и всеправославного центра, с целью умиротворения Святой Православной Церкви в России. И как мы, бывши в то время членом Синода, помним, и как помнят остальные братья, которые входили тогда в состав Святого и Священного Синода, тогда была назначена патриаршая комиссия для поездки с указанной целью в Россию»[24]. Патриарх Фотий не стал уточнять, каким именно образом советское правительство «принуждало» греческих иерархов, поэтому трудно сказать, имело ли оно какие-либо иные рычаги влияния, помимо желания фанариотов вернуть свою собственность в Москве.

В русской зарубежной печати летом 1924 г. сообщалось: «Чтобы подорвать авторитет патриарха Тихона и углубить смуту церковную, большевики решили пригласить в Москву константинопольского патриарха Григория VII, которому чуть ли не предлагают стать во главе Русской Православной Церкви. В этом смысле вынес постановление обновленческий синод по указанию чеки»[25]. Можно, конечно, отнестись с иронией к осведомлённости эмигрантов об «указаниях чеки», но в секретном «Обзоре политэкономического состояния СССР» ОГПУ информировало тогда руководство страны: «Положение обновленцев довольно твёрдо и, вероятно, ещё более укрепится с приездом константинопольского патриарха, намеревающегося канонизировать обновленческий синод»[26]. Правда, в Москву направлялся не сам патриарх, а комиссия из трёх митрополитов с переводчиком, но гораздо важнее было то, что советская сторона, хотя и с оговоркой, дала согласие на этот визит. 2 июля 1924 г. Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б), рассмотрев вопрос «о разрешении въезда в СССР делегации константинопольского патриарха в числе 4 челов[ек] для ознакомления с церковными делами в СССР», постановила: «Въезд делегации разрешить как частным лицам»[27].

Однако, казалось бы, уже решённое дело, к большому огорчению обновленцев, тормозилось. 26 июля зампред ОГПУ Г.Г. Ягода обратился к Чичерину с просьбой «дать телеграфную директиву генконсулу СССР в Константинополе о выдаче виз делегатам патриарха Григория VII для проезда их в Москву».

---

[23] Грамоты вселенского патриарха. С. 2.

[24] *Καλαϊτζης Χ.* Το μετοχιον του Οικουμενικου Πατριαρχειου εν Μοσχα «Ο αγιος Σεργιος» και οι ηγουμενοι αυτου (1881—1936). Θεσσαλονικη, 1991. Σ. 735.

[25] Положение св[ятейшего] патриарха Тихона и православной Церкви в советской России (Общий обзор по телеграммам, агентурным сведениям и частным письмам) // Церковные ведомости. 1924. № 13—14. С. 12.

[26] «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922—1934 гг.) / Отв. ред. А.Н. Сахаров, В.С. Христофоров. Т. 2. М., 2001. С. 157.

[27] Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б) — ВКП(б). С. 133.

«Приезд делегатов, — писал Ягода, — задерживался до сих пор в целях установления заинтересованности различных инстанций в миссии означенной делегации. Ныне этот вопрос решён положительно. Наш константинопольский резидент сообщает, что тов. Суриц не только выражает согласие на их приезд, но и настаивает на этом»[28]. 27 июля Ягода отправил наркому ещё одно письмо: «ОГПУ уведомляет, что с его стороны препятствий к въезду в СССР делегации константинопольского патриарха не встречается. Въезд может быть разрешён только как частным лицам»[29]. Однако греки не спешили, и 3 сентября Антирелигиозная комиссия, повторно обсудив предполагаемый визит, вновь сочла нужным его «разрешить и поручить тов. Тучкову обработать делегацию в желательном для нас направлении»[30]. Но делегация так и не приехала. По-видимому, помимо советской волокиты, ей воспрепятствовали турки, не сочувствовавшие активизации международной деятельности Константинопольской патриархии.

Впрочем, и без участия «патриаршей комиссии» во второй половине 1924 г. продолжалось укрепление фанаро-обновленческих связей. 6 ноября архимандрита Василия (Димопуло) и ещё одного грека включили в состав обновленческого «Священного синода». Произошло это за 11 дней до кончины патриарха Григория — первого из руководителей Фанара, «повернувшегося лицом» к СССР. Даже такой почитатель греческих патриархов, как возглавлявший Русскую Зарубежную Церковь митрополит Антоний (Храповицкий), называл его «постыдно-умершим», «сгубившим своим делом патриархат»[31]. Преемник Григория, избранный 17 декабря 1924 г. патриарх Константин, попытался продолжить политику своего предшественника на российском направлении и быстро обменялся с обновленцами приветственными телеграммами[32].

Однако выстроить отношения с турками Константин, в отличие от Григория, не смог, и уже 30 января 1925 г. был ими выслан из Стамбула. Узнав об этом 3 февраля от Димопуло, обновленческий Синод постановил: «Выразить представителю вселенского патриарха в России архимандриту Василию соболезнование по поводу высылки из Константинополя патриарха Константина VI. Принять по этому поводу все зависящие от Священного Синода меры: составить обращение к правительству СССР, в коем просить его сделать представление турецкому правительству об оставлении резиденции вселенского патриарха в Константинополе... составить обращение к представителям автокефальных церквей»[33]. Самому же патриарху Константину обновленцы послали телеграмму с приглашением «прибыть в Москву, дабы воспользоваться гостеприимством Русской Православной церкви и православного народа». Об этом же они ходатайствовали «пред высоким правительством Союза Советских Социалистических Республик»[34]. В журнале «Церковное обновление» говорилось: «3.II.1925 Русский Священный Синод представил через Комисса-

---

[28] АВП РФ, ф. 0132, оп. 7, папка 141, д. 27, л. 193.

[29] Там же, л. 194.

[30] Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б) — ВКП(б). С. 135.

[31] Письма блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). Джорданвилль, 1988. С. 164.

[32] Новый патриарх Вселенской Константинопольск[ой] Церкви, блажен[нейший] Константин VI // Церковное обновление. 1925. 28 января. № 2. С. 10; Грамота вселенского патриарха // Там же. 10 февраля. № 4. С. 25.

[33] На Православном Востоке // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 1. С. 30.

[34] Там же.

риат иностранных дел СССР свой мотивированный протест турецкому правительству по поводу насильственного изгнания патриарха Константина VI из Константинополя»[35].

В этом протесте, обращённом к Чичерину, со ссылкой на архимандрита Василия утверждалось, что случившееся «вызвано интригами реакционных турецких сил, инспирируемых главным образом Румынией, причём этой партией выдвигается заместителем патриарха Константина Сербский патриарх Димитрий, чрезвычайно реакционный по своим политическим убеждениям выразитель антисоветских церковных настроений». Протестовавших, видимо, не смущало то, что некими *прорумынскими* силами выдвигался *сербский* патриарх. Их больше беспокоило то, что «удаление патриарха Константина из Константинополя есть победа антисоветских кругов Турции и с этой стороны имеет несомненное политическое значение, с точки зрения международного положения СССР, так как патриарх Константин является сторонником безусловного признания советской власти, со дня своего вступления вошедши в каноническое общение со Священным Синодом, возглавляющим, как известно, ту часть православной Церкви, которая лояльно относится к советской власти». «Священный Синод просит Вас, — взывали обновленцы к Чичерину, — указать ангорскому правительству недопустимость такого отношения к вселенскому патриарху, который с грубостью был изгнан турецкой полицией, причём ему не было дано даже трёх часов, чтобы собрать необходимые вещи. Вселенский патриарх является верховным религиозным авторитетом для всех православных, и оскорбление его есть оскорбление религиозного чувства всех православных Советского Союза». По мнению обновленцев, «советское правительство, стоящее на страже защиты угнетённых всех национальностей и в смысле политико-экономическом, и в смысле свободы выявлений всех естественных прав человеческого духа, а в том числе и права религиозного самоопределения, имеет неоспоримое моральное право указать турецкому правительству, что изгнание вселенского патриарха есть насилие над религиозными убеждениями православных меньшинств Турции, только что избравших изгнанного Константина на вселенский престол, а равно и оскорбление православных, живущих в пределах СССР. Мы полагаем, что авторитетное представление правительства СССР приведёт к ликвидации печального инцидента и подымет авторитет рабоче-крестьянской власти, единственной во всём мире стоящей на страже защиты человеческих прав»[36].

Характерно, что Чичерин не проигнорировал это обращение, но, воспользовавшись им, вызвал 6 февраля для разговора турецкого поверенного в делах. «Энис-бей объяснил, — говорилось в записке наркома, составленной после беседы, — что патриарх Константин в качестве анатолийского грека подлежит обмену и что это было подтверждено установленной по Лозаннскому договору международной смешанной комиссией. После этого, зная, что он подлежит обмену, Константинопольский синод, тем не менее, выбрал его патриархом. Он известен как весьма активный греческий агент. 1 января было постановлено произвести в силу договорного обмена его высылку независимо от происшедшего после того избрания его». Тогда правительство Греции сначала предложило прибегнуть к Гаагскому трибуналу, а после отказа турок решило

[35] Высылка греческого патриарха из Константинополя // Церковное обновление. 1925. 10 февраля. № 3. С. 22.

[36] АВП РФ, ф. 4, оп. 39, папка 240, д. 53220, л. 1—2.

обратиться к Лиге наций, воспользовавшись статьёй, «предусматривающей в качестве последней меры военные действия». Дело шло к столкновению, причём «распространилось известие, что державы готовят коллективный демарш». В этой обстановке турецкое правительство через Энис-бея просило Москву поделиться имеющейся информацией «относительно намерений держав». Чичерин обещал предоставить соответствующие сведения, но тотчас напомнил о том, что «ходили слухи о намерении турецкого правительства противодействовать возвращению нашего черноморского флота». Энис-бей «с большим жаром» отрицал какую-либо причастность Турции к возникшим затруднениям и обвинял во всём комиссию по проливам, находившуюся под контролем западных держав. Турецкий поверенный спрашивал, какую позицию займёт СССР в случае начала боевых действий, но получил уклончивый ответ: по словам наркома, «детали вообще определятся в самый момент событий в зависимости от обстоятельств» [37].

О судьбе патриарха Чичерин высказался более определённо: «Что касается самого инцидента, то я установил в ответ на вопросы Эниса, что, во-первых, мы не вмешиваемся в церковные вопросы, во-вторых, мы не вмешиваемся во внутренние дела Турции, и, в-третьих, мы совершенно отказались от старой роли царизма, являвшегося протектором православных. Мы занимаем поэтому положение невмешательства». И хотя «живоцерковный священный синод за всеми подписями» просил его способствовать тому, «чтобы высылка Константина была взята обратно», руководитель НКИД не скрывал своего удивления, видя, как «империалистические державы выступают в пользу того самого Константина, которого живоцерковный синод представляет как сторонника живой церкви в СССР». Энис-бей заверил, будто «это всё очень интересно и он об этом сообщит в Ангору, но что в действительности Константин очень хорошо известен как греческий агент и был одиозен турецкому правительству как таковой». Завершая беседу, Чичерин повторил, что «наше правительство не ведёт в своей дипломатии какой-либо церковной политики и что наша позиция есть невмешательство. Под конец Энис-бей ещё раз просил передавать туркам получаемую нами информацию, по возможности ежедневно, об отношении держав к этому конфликту»[38].

Таким образом, НКИД демонстративно отстранился от фанаро-обновленческих интриг. Нарком отказался лично отвечать на обращение обновленцев, поручив 8 февраля уполномоченному НКИД при РСФСР В.Л. Коппу «снестись с т. Смидовичем на предмет уведомления Священного Синода о том, что НКИД СССР не имеет возможности вмешиваться в конфликт, вызванный высылкой константинопольского патриарха»[39]. Письмо Коппа Смидовичу было кратким: «Уважаемый товарищ! Священный Синод обратился к НКИД с просьбой заступиться от имени правительства СССР за высланного из Константинополя вселенского патриарха Константина. Коллегия НКИД находит какое бы то ни было вмешательство в вопрос о высылке Константина нежелательным и считает необходимым для СССР соблюдать в этом вопросе полнейший нейтралитет. Прошу Вас поставить в известность Священный Синод о состоявшемся решении. С коммунистическим приветом, член Коллегии НКИД Копп»[40].

---

[37] Там же, л. 3—5.
[38] Там же.
[39] Там же, л. 7.
[40] Там же, л. 10.

Тем временем архимандрит Василий, не видя желаемого результата от обращения обновленцев, 10 февраля 1925 г. направил председателю их Синода новое пространное письмо, в котором попытался придать злоключениям Константина VI политическую значимость: «Настоящий вселенский патриарх выбран в начале декабря минувшего года и до 28 января с.г. со стороны турецко-ангорского правительства не последовало никаких протестов. После же того, как в согласии со всеми восточными патриархами: александрийским, антиохийским и иерусалимским, вселенский патриарх объявил о созыве Вселенского собора во св[ятом] граде Иерусалиме, сразу же зашевелились черносотенные элементы и белогвардейское духовенство за границей во главе с быв[шим] митрополитом Киевским Антонием Храповицким и друг[ими], которые, пользуясь гостеприимством и покровительством Югославии, Румынии и Болгарии, собираются подорвать авторитет вселенского патриарха и воспрепятствовать работам будущего Вселенского собора, который, по их мнению, примет обновленческое направление... Кроме того, эти же элементы и зарубежное духовенство стараются провести пропаганду против уже состоявшихся постановлений вселенской патриархии о патриаршестве в России, о действиях Карловицкого собора и о недостойном поведении архиепископа Анастасия и Александра, против указаний патриархата русскому заграничному духовенству, что оно должно перестать действовать под флагом Русской Церкви и политиканствовать, а вернуться в Россию, подчиняясь той власти, которую восстановил русский народ». Именно поэтому требовалось вмешательство Москвы. «Я горячо прошу Вас, — с пафосом восклицал в конце своего послания Димопуло, — оказать Константинопольской Матери-Церкви эту великую услугу, которая тем самым будет и актом силы и могущества русского правительства, тем более, что и вселенский патриарх, признаваемый на Востоке главою всего православного народа, ясно показал своими действиями своё расположение к советской власти»[41].

Копию этого письма греческого архимандрита обновленцы передали в НКИД, а позднее опубликовали без даты и с небольшой стилистической правкой в своём «Вестнике»[42]. Более того, они даже попытались через РОСТА пустить в печать сообщение о том, что НКИД им не отвечает. Это вынудило Чичерина доходчивее изложить свою позицию Смидовичу (а также Ярославскому и Красикову, которым были посланы копии). «Недавно, — писал нарком 12 февраля, — священный синод обратился ко мне с просьбой исхлопотать перед турецким правительством о взятии обратно решения о высылке патриарха. В материалах Росты для печати я нашёл сообщение об этом шаге священного синода и об отсутствии ответа со стороны НКИД. Я задержал это сообщение, ибо оно носило неприятный для нашего правительства характер: мы выставлялись как защитники басурман против христианской церкви. Если важно для священного синода распространить сведения о своём выступлении, это надо сделать более тактично и осторожно. Отсутствие ответа с нашей стороны уже потому нельзя припутывать, что т. Копп, идя путём законных инстанций, просил Вас дать священному синоду этот ответ. Мы действительно не можем путаться в это дело. Мы не можем воспринимать старую царскую функцию покровительства православной церкви на Востоке. В то же время судьба патри-

[41] Там же, л. 9—9 об.

[42] На Православном Востоке // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 1. С. 30.

арха уже сделалась орудием западного империализма в его нажиме на Турцию. Что касается сообщений о роли, сыгранной при этом реакционными элементами, то по этому поводу я лично разговаривал с турецким поверенным в делах, не придавая характера официального выступления в пользу патриарха»[43].

Однако не все влиятельные партийно-советские органы считали, подобно НКИД, что не следует «путаться в это дело». Некоторым, включая, по-видимому, и ОГПУ, идея обновленцев завлечь патриарха Константина в СССР казалась заманчивой. 14 февраля 1925 г. Антирелигиозная комиссия, в заседании которой участвовали Ярославский, Красиков, Менжинский, Смидович, Тучков и др., постановила: «а) поручить т. Менжинскому договориться с т. Чичериным; б) Не возражать против въезда в СССР патриарха как частного лица, если не будет к тому препятствий со стороны НКИД»[44].

О том, как прошли переговоры заместителя председателя ОГПУ с руководителем НКИД, до сих пор не известно, но, судя по результату, «договориться» не удалось. Патриарх Константин в СССР так и не приехал. Между тем церковные последствия его визита могли быть весьма значительны. Есть все основания предполагать, что обновленцы провозгласили бы его почётным председателем своего Синода (как они заочно провозгласили его преемника патриарха Василия почётным председателем своего Поместного собора в октябре 1925 г.[45]). Произошла бы своего рода «личная уния» Константинопольского патриархата и советского обновленчества (во всяком случае, до появления в Стамбуле нового патриарха). Как отнеслись бы к такому слиянию другие поместные церкви, сказать сложно. Но «тихоновской» Православной Российской Церкви волей-неволей пришлось бы тогда перенести своё отношение к обновленцам как к псевдоцерковному безблагодатному явлению[46] и на Фанар. Парадоксальным образом, от такого потрясения православный мир тогда уберегла твёрдая позиция Чичерина. Дело ограничилось лишь пропагандистской кампанией, впрочем, настолько шумной, что самому наркому пришлось её оперативно корректировать.

Таким образом, можно проследить явную эволюцию в отношении НКИД к Константинопольской патриархии в 1918—1925 гг. Начав как самое заинтересованное в налаживании контактов с ней ведомство, наркомат под влиянием изменения внешнеполитической обстановки и советско-турецких связей стал едва ли не наиболее осторожным из них (во всяком случае, по сравнению с АРК и ОГПУ). Для православной Церкви нежелание дипломатов «впутываться» в церковные дела объективно оказывалось благом, поскольку предохраняло её от нового глобального раскола.

---

[43] АВП РФ, ф. 4, оп. 39, папка 240, д. 53220, л. 11.

[44] Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б) — ВКП(б). С. 160.

[45] Открытие собора. День первый // Церковное обновление. 1925. 25 ноября. № 14. С. 111.

[46] О такой оценке патриархом Тихоном обновленцев см.: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917—1943 / Сост. М.Е. Губонин. М., 1994. С. 290—291.

Предоставление автокефалии Православной Церкви в Америке и московско-константинопольские отношения

Андрей Кострюков

Granting autocephaly to the Orthodox Church in America and Moscow-Constantinople relations

Andrey Kostryukov
(Saint Tikhon Orthodox Humanitarian University, Moscow, Russia)

DOI 10.31857/S086956870010150-6

В 1970 г. Московский патриархат предоставил автокефалию Православной Церкви в Америке. Главным основанием для этого являлось то, что именно Российская Церковь некогда принесла православие на американскую землю и основала там епархию. Однако это решение до сих пор не признаётся Константинопольской патриархатом. К сожалению, действия сторон в сложившейся 50 лет назад ситуации в историографии освещены достаточно схематично и преимущественно в работах, имеющих обзорный характер[1]. Между тем для их понимания требуется привлечение широкого круга документов, хранящихся как в церковных[2], так и в государственных архивах[3], публикаций в периодической печати Русского зарубежья и т.д.

Ещё в начале XX в. русская Североамериканская епархия шла по пути к превращению в независимую Церковь[4]. Однако после революции и гражданской войны её глава митрополит Платон (Рождественский) потерял связь с Московской патриархией, а затем вступил в конфликт с руководством Русской Зарубежной Церкви. После требования в 1933 г. заместителя патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) предоставить подписку о прекращении антисоветских высказываний Североамериканская митрополия окончательно отмежевалась от Москвы. Ситуация осложнилась ещё и тем, что советское руководство навязывало Северной Америке обновленцев, выигравших судебный процесс, на котором рассматривались права на владение имуществом Русской Церкви.

---

[1] Об автокефалии Русской Православной Греко-Кафолической Церкви Америки (митрополичий округ) и автономии Японской Православной Церкви // Журнал Московской патриархии. 1970. № 6; Об учреждении Автокефальной Православной Церкви в Америке. Послание местоблюстителя московского патриаршего престола митрополита Крутицкого и Коломенского Пимена святейшему Афинагору, архиепископу Константинополя — Нового Рима и вселенскому патриарху // Журнал Московской патриархии. 1970. № 7; Переписка иерархов в связи с автокефалией Американской Православной Церкви // Журнал Московской патриархии. 1970. № 9; *Скурат К.* История поместных православных церквей. Ч. 2. М., 1994. С. 279—288; *Цыпин В., прот.* История Русской Церкви 1917—1997. М., 1997. С. 602—603; Orthodox America 1794—1976. Development of the Orthodox Church in America. N.Y., 1975. P. 261—264; Русско-американский православный вестник. 1967. № 2. С. 17—21.

[2] *Кострюков А.* Дарование автокефалии Православной Церкви в Америке в свете документов церковных архивов // Вестник ПСТГУ. II. История Русской Православной Церкви. 2016. Вып. 3(70). С. 93—103.

[3] В частности, в фонде Совета по делам религий при Совете министров СССР в ГА РФ (ф. 6991).

[4] Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Ч. 1. М., 2004. С. 582.

Все эти печальные явления позволили другим поместным церквам открывать в Америке свои епархии, причём особую активность проявила Константинопольская патриархия, в 1923 г. образовавшая на территории США сразу 4 епархии. Греческий архиепископ Нью-Йорка стал именоваться Американским, что свидетельствовало о претензии Константинополя главенствовать на континенте[5]. Сложилась неканоничная ситуация, когда на одной территории параллельно существовало сразу несколько юрисдикций. Особенно болезненным оказалось положение русского православия. В 1960-е гг. в США одновременно действовали Русская Зарубежная Церковь, Североамериканская митрополия (Русская Православная Греко-Кафолическая Церковь в Америке) и Североамериканский экзархат Московской патриархии.

В Москве не питали надежд на примирение с Русской Зарубежной Церковью, не скрывавшей своей антисоветской политики и обвинявшей Московскую патриархию в потворстве атеистическому режиму. Иным было отношение к Североамериканской митрополии, соглашение с которой считалось возможным, хотя её нередко называли «расколом»[6]. Правда, попытка, предпринятая в конце Второй мировой войны, успехом не увенчалась, но она была далеко не последней. В марте 1963 г. делегацию Московской патриархии принял предстоятель Североамериканской митрополии митрополит Леонтий (Туркевич), который изложил условия, необходимые для сближения. Другая встреча состоялась в Рочестере (штат Нью-Йорк) в 1964 г. По свидетельству протоиерея Александра Шмемана, именно там впервые прозвучало слово «автокефалия»[7]. О том, что Москва была готова к этому шагу, говорилось и в официальном сообщении, опубликованном американцами пять лет спустя. Возможно, переговоры имели бы продолжение, если бы не смерть митрополита Леонтия[8]. Сменивший его в 1965 г., митрополит Ириней (Бекиш) называл клириков Московской патриархии коммунистическими агентами и запрещал своему духовенству сослужить с ними[9]. Москва в долгу не оставалась, периодически напоминая поместным церквам, что клир Североамериканской митрополии в своё время подвергся запрещению и сослужение с ним невозможно[10].

Чтобы избавиться от столь неопределённого положения, митрополии, считавшей себя главной православной структурой на континенте, следовало добиться самостоятельности от Русской Православной Церкви, с которой она формально была исторически и канонически связана, или от Константинополя, уже давно заявлявшего о своих претензиях на диаспору. И тот, и другой путь имели свои преимущества и издержки.

Москва могла дать автокефалию, но её вряд ли признали бы греки, и к тому же новая Американская Церковь оказывалась в связке с патриархией, отношение к которой в силу её зависимости от властей СССР оставалось прохладным[11]. Уповать же на дарование автокефалии вселенским патриархом

---

[5] Греческая Церковь в Америке // Церковные ведомости. 1923. № 19—20. С. 16.

[6] *Скурат К.* История поместных православных церквей. Ч. 2. С. 279.

[7] ГА РФ, ф. 6991, оп. 6, д. 279, л. 151.

[8] *Пиштей И., прот.* Официальное сообщение Русской православной Греко-кафолической Церкви (митрополии) Америки // Православная Русь. 1969. № 23. С. 8—9.

[9] ГА РФ, ф. 6991, оп. 6, д. 279, л. 184.

[10] Архив ОВЦС, д. «Русская Зарубежная Церковь», п. «1967», л. 14; Паломничество в Св. Землю митрополита Иринея // Новое русское слово. 1967. 12 августа.

[11] Ещё в 1950-х гг. архиереям Московской патриархии, назначаемым в США и Западную Европу, предоставляли визу крайне неохотно, а иногда и попросту отказывали (ГА РФ, ф. 6991,

не приходилось — на Фанаре готовы были предоставить митрополии лишь широкую автономию в рамках константинопольской юрисдикции по образцу Русского Западноевропейского экзархата.

Тем не менее владыка Ириней склонялся к получению канонического статуса от Фанара. Подобный вариант казался приемлемым и одному из главных идеологов Североамериканской митрополии — протоиерею Иоанну Мейендорфу, который уже давно утверждал, будто даровать автокефалии могут не церкви-матери и даже не всеправославные соборы, а исключительно Константинопольская патриархия[12]. Схожих взглядов придерживался и другой «властитель дум» русских американцев — протоиерей Александр Шмеман, также считавший единство с греками неким мерилом каноничности[13].

Со своей стороны, фанариоты всячески демонстрировали благожелательность к находившимся под запретом Москвы священнослужителям. Поздравляя митрополита Иринея с Рождеством Христовым в 1965 г., вселенский патриарх Афинагор (Спиру) именовал его: «Дорогой брат во Святом Духе в литургическом единстве Церкви». 6 мая 1967 г. патриарх разрешил двум подвластным ему епископам — Силе (Коккинакису) и Марку (Липе) — принять участие в архиерейской хиротонии клирика Североамериканской митрополии архимандрита Феодосия (Лазора)[14]. Владыка Марк принял участие и в хиротонии епископа Димитрия (Ройстера) в июне 1969 г.[15] Архиепископ Северной Америки Иаков (Кукузис) неоднократно сослужил с иерархами Североамериканской митрополии[16], присутствовал на богослужениях, совершаемых митрополитом Иринеем, и в его присутствии наградил протоиерея А. Шмемана золотым крестом[17].

В Москве опасались, что североамериканские иерархи получат канонический статус от греков. Но ещё большее недовольство вызывало то, что фанариоты начиная с 1950-х гг. стали задумываться о создании Всеамериканской Церкви, которая объединила бы православные приходы и епархии всех национальных церквей. В 1960 г. было учреждено Постоянное совещание канонических православных епископов в США (Standing Conference of Orthodox bishops of America; SCOBA)[18], в состав которого вошли главы Албанской, Антиохийской, Болгарской, Константинопольской, Румынской, Сербской епархий в США, Североамериканской митрополии, Североамериканского экзархата Московского патриархата, а также украинских структур, подчинённые Константинопольской Церкви[19]. Первоначально предполагалось, что к нему присоединится и Русская Зарубежная Церковь, но её руководство отказалось работать

оп. 2, д. 196, л. 131, 236; оп. 1, д. 843, л. 48—48 об.).

[12] «Вселенские соборы, — писал о. Иоанн, — разделили вселенную между пятью патриархатами, предоставив первому патриарху в каждой половине христианского мира попечение о церквах, находящихся среди иноплеменников. Ныне же К[онстантинопольский] п[атриарший] престол один управляет этими церквами и дарует им автокефалию» (*Мейендорф И.* Константинополь и Москва // Церковный вестник Западно-Европейского православного русского экзархата. 1949. № 16. С. 8).

[13] ГА РФ, ф. 6991, оп. 6, д. 143, л. 86.

[14] *Ювеналий (Поярков), митр.* Человек Церкви. М., 1998. С. 181.

[15] ГА РФ, ф. 6991, оп. 6, д. 279, л. 184.

[16] Летом 1965 г. — с епископом Токийским Владимиром (Нагосским), в июне 1966 г. — с архиепископом Монреальским и Канадским Сильвестром (Харунсом) и т.д. (Там же, д. 69, л. 61).

[17] Там же, д. 143, л. 13.

[18] Там же, д. 279, л. 156.

[19] Там же, д. 279, л. 157, 181.

вместе с представителями Московской патриархии[20]. SCOBA рассматривалась на Фанаре как основа будущего Всеамериканского Синода. Патриарх Афинагор не скрывал своего желания создать Всеамериканский Синод и Всеамериканскую Церковь. В феврале 1966 г. он сказал архиепископу Иакову (Кукузису): «Передайте мою братскую любовь и мою просьбу, чтобы Вы работали совместно, и чтобы Православная Церковь в своё время могла бы быть объединённой в административном отношении»[21].

Осуществление данного проекта, порученного архиепископу Иакову, поддерживали иерархи всех поместных церквей, представленных в США, за исключением глав московского экзархата — митрополита Иоанна (Вендланда), а с 1967 г. — архиепископа Ионафана (Кополовича). И тот, и другой докладывали главе Отдела внешних церковных сношений Московской патриархии (ОВЦС) митрополиту Никодиму (Ротову), что в SCOBA позицию греков разделяют все, кроме болгарского митрополита Андрея (Петкова)[22]. При этом было видно, что отпустить всеамериканский церковный корабль в свободное плавание Фанар явно не собирался[23].

В СССР создание единой Всеамериканской Церкви считали крайне нежелательным. Войдя в её состав, Североамериканская митрополия вновь обретала канонический статус и всемирное признание, причём без покаяния, на котором настаивала патриархия. Понимая, что контролировать Всеамериканскую Церковь не удастся, в Москве требовали, чтобы её созданию предшествовало восстановление общения между Русской Церковью и Североамериканской митрополией, что подразумевало бы ту или иную форму подчинения.

Вместе с тем представители патриарха Алексия I неоднократно блокировали любые шаги в сторону образования единой Всеамериканской Церкви на основе SCOBA и отказывались использовать возможности данной организации или посредничество фанариотов для примирения с Североамериканской митрополией. Поступившее из Константинополя 30 марта 1965 г. предложение сформировать единый Всеамериканский Синод натолкнулось на сопротивление Москвы[24]. Московский экзарх митрополит Иоанн (Вендланд) возражал и против предпринятых владыкой Иринеем 21 декабря того же года попыток договориться об обмене информацией о дисциплинарных нарушениях клириков, об организации при SCOBA апелляционного суда для решения спорных вопросов и учреждении комитета для облегчения перехода священнослужителей в другие юрисдикции[25]. Прибывший в октябре 1967 г. новый патриарший представитель архиепископ Ионафан (Кополович) столь же пристально следил, чтобы SCOBA не вышла за рамки «конференции» и не получила администра-

---

[20] *Псарёв А.* Развитие мировоззрения Русской Зарубежной Церкви в отношении Поместных Церквей и инославия // Деяния IV Всезарубежного собора Русской Православной Церкви за границей. М., 2012. С. 186.

[21] ГА РФ, ф. 6991, оп. 6, д. 69, л. 110.

[22] Там же, д. 279, л. 181.

[23] Там же, л. 52. Возможно, такие подозрения имели под собой основания. Например, 22 сентября 1968 г. протоиерей Иоанн Мейендорф сообщал представителю Московской патриархии: «Конвенция греческой архиепископии (в Афинах) приняла официальную резолюцию в пользу объединения американского православия под автономным Синодом, находящимся в К[онстантино]п[ольск]ой юрисдикции» (Архив ОВЦС, д. 49 «Русский Заграничный церковный раскол», п. «1968», л. 14).

[24] Журнал Московской Патриархии. 1965. № 12. С. 4—5.

[25] ГА РФ, ф. 6991, оп. 6, д. 69, л. 14.

тивных полномочий и воздерживалась от антисоветских заявлений. Так, он выступил с протестом против осуждения архиепископом Иаковом большевистской революции 1917 г.[26]

Однако все эти действия могли иметь лишь временный успех. В долгосрочной перспективе остановить экспансию греков в Америке могло лишь наличие у Москвы своей, «карманной» автокефалии, которая застопорила бы процесс объединения православных общин на континенте. Поэтому переговоры с Североамериканской митрополией продолжились. Ожидалось, что новая автокефальная Церковь неизбежно разойдётся с Константинополем. Об этом, в частности, писал в 1969 г. после посещения Америки один из наиболее влиятельных и близких к советской администрации архиереев — митрополит Киевский Филарет (Денисенко): «Сотрудничество в Конференции американских православных епископов, возглавляемых архиепископом Иаковом, может закончиться полным слиянием в одну автономную Американскую Церковь. В таком случае Русская Православная Церковь вынуждена будет признать запрещённую его иерархию и таким образом окажется в проигрышном положении. Если же Московский патриархат урегулирует отношения с митрополичьим округом, тогда последний вступит в конфликт с архиепископом Иаковом и будет искать помощи Русской Церкви»[27]. В ходе поездки митрополит убедился в том, что предоставление Москвой автокефалии Североамериканской митрополии вызовет недовольство и возмущение как греков, так и Русской Зарубежной Церкви[28]. В декабре 1969 г. он констатировал: «Митрополичий округ никогда не станет частью Русской Православной Церкви. Скорее он войдёт в состав Константинопольского патриархата. Архиепископ Иаков начал активную деятельность в этом направлении. Он может опередить Московскую патриархию. Предоставление Русской Православной Церковью автокефалии Американской Православной Церкви подымет авторитет Московского патриархата в глазах американцев и обострит в США взаимоотношения Американской Православной Церкви с Греческим экзархатом»[29].

Подобным образом рассуждал и председатель ОВЦС митрополит Никодим (Ротов). «Константинополь будет недоволен автокефалией, — говорил он, — но это не беда — а разве Константинополь спрашивал кого-либо, когда он создавал на территории США свою епархию?»[30]. Ухудшить отношения с Фанаром владыка Никодим не боялся, полагая, что «конфликт между Константинопольским и Московским патриархатами в настоящее время будет полезен для охлаждения слишком инициативной экуменической и особенно провативканской деятельности Константинопольского патриархата»[31]. Тем самым расчёт изначально делался на то, что Константинополь не признает автокефалию Североамериканской митрополии, и новая церковная структура волей-неволей окажется под влиянием Московской патриархии.

---

[26] Там же, л. 27; д. 211, л. 53, 62—63.

[27] Там же, д. 279, л. 60.

[28] Там же.

[29] Там же, л. 67.

[30] *Фотиев К., свящ.* Отчёт о встрече специальной комиссии митрополии с митрополитом Никодимом 21 января 1969 г. (Архив Свято-Троицкой духовной семинарии, ф. «Маевский», к. 4, п. 1, с. 2).

[31] *Никодим (Ротов), митр.* Американская православная митрополия (Архив ОВЦС, д. 49, п. «1969», л. 14—15).

В течение 1968 г. московские представители активно обсуждали с протоиереем Иоанном Мейендорфом условия примирения. Поначалу они безуспешно пытались добиться от руководства митрополии некоего покаяния за разрыв в 1930-х гг., но о. И. Мейендорф на это не поддавался и даже напоминал, что время для соглашения может быть упущено, явно намекая на возможность получение канонического статуса от греков[32]. В результате, вместо торжественного принятия из «раскола» патриархии пришлось ограничиться восстановлением общения через дарование автокефалии.

По свидетельству митрополита Североамериканского Феодосия (Лазора), советское руководство не сочувствовало подобному решению[33], и ОВЦС приходилось доказывать необходимость избавиться от экзархата в США, где бедные и малочисленные приходы являлись будто бы головной болью для Русской Православной Церкви. Митрополит Никодим (Ротов) предлагал передать их в новую юрисдикцию, а за патриархией сохранить лишь представительство в Нью-Йорке[34]. Однако впоследствии московские приходы в США и Канаде практически в полном составе отказались от присоединения к новой автокефалии и спокойно существовали. Да и в патриархии старались их удержать[35]. Более того, несмотря на предоставление автокефалии, Москва не прекратила начавшуюся в 1963 г. тяжбу за церковное здание в Филадельфии и в 1973 г. выиграла дело, после чего местная община Православной Церкви в Америке решила строить новый храм[36].

Так или иначе, 6 декабря 1969 г. Североамериканская митрополия объявила о том, что в ходе переговоров с Московской патриархией, начавшихся ещё в январе, достигнута договорённость о даровании автокефалии[37]. Подтверждая это известие, экзарх Ионафан в начале 1970 г. отметил, что Русская Церковь изначально была единственной в Америке, а появление там других юрисдикций объяснялось временными обстоятельствами, которые не могут служить основой для канонической структуры на континенте[38].

Естественно, в Константинополе не могли не отреагировать на эти заявления. 8 января 1970 г. Афинагор направил Алексию I письмо, в котором предостерегал от одностороннего решения и предлагал обсудить положение православия в Америке и порядок предоставления автокефалий на предстоящем Всеправославном соборе (в его повестке уже была обозначена данная тема). По мнению вселенского патриарха, «самовольные и односторонние провозглашения автокефалий» способны вызвать путаницу и иные пагубные последствия,

---

[32] ГА РФ, ф. 6991, оп. 6, д. 211, л. 73, 74.

[33] *Ювеналий (Поярков), митр.* Человек Церкви. С. 186.

[34] Архив ОВЦС, д. 49, п. «1969», л. 12. Печальное положение приходов экзархата подтверждают и другие источники, например, доклады епископа Досифея (Иванченко) и протоиерея Матфея Стаднюка: ГА РФ, ф. 6991, оп. 6, д. 69, л. 87; д. 211, л. 35—37.

[35] Так, например, епископ Филадельфийский Киприан (Борисевич), иерарх Православной Церкви в Америке, 5 февраля 1971 г. сетовал в письме к митрополиту Никодиму (Ротову) на то, что управляющий приходами Московской патриархии епископ Макарий (Свистун) и епископский совет «разработали нарочито сложную процедуру, которой должны придерживаться приходы, желающие войти в состав Православной Церкви в Америке» (ГА РФ, ф. 6991, оп. 6, д. 454, л. 58). 23 сентября того же года о намерении многих общин бывшего экзархата сменить юрисдикцию сообщал в рапорте митрополиту Никодиму 1971 г. и настоятель Никольского собора в Нью-Йорке протоиерей М. Стаднюк (Там же, л. 154).

[36] *Гуль Р.* К вопросу об «автокефалии» // Новый журнал (Нью-Йорк). 1974. № 114. С. 226.

[37] ГА РФ, ф. 6991, оп. 6, д. 279, л. 328.

[38] Экзархат Московской Патриархии об автокефалии // Православная Русь. 1970. № 3. С. 6.

оказавшись источником новых разделений и осложнений. Причём «осуществление рассматриваемого проекта может стать заговором против православного единства и согласованного межправославного сотрудничества в деле подготовки этого собора». Афинагор просил Московскую патриархию остановить подписание томоса об автокефалии, предупреждая, что не признает данного акта и не внесёт новой поместной церкви в диптихи[39].

Но ропот нарастал не только в Стамбуле. 10 февраля 1970 г. архиереи Сербской Церкви назвали действия Североамериканской митрополии «ложным шагом» и предсказывали, что её надежды на всемирное признание наивны[40]. По сведениям русского эмигранта и публициста Р. Гуля, митрополит Ириней, осознавая все риски, не хотел получать автокефалию от Москвы и лишь в последний момент согласился на это, поддавшись на уговоры своего окружения, очарованного витийством владыки Никодима[41].

Алексий I начатое дело не остановил. 17 марта 1970 г. он направил в Стамбул письмо, объясняя устроение автокефалии необходимостью упорядочить отношения между русскими общинами в Америке и высшей церковной властью, а также правом каждой поместной церкви учреждать и провозглашать автокефалии[42].

31 марта 1970 г. Московская патриархия и Североамериканская митрополия подписали соглашение, на основании которого 10 апреля Священный Синод Русской Православной Церкви предоставил автокефалию Русской Православной Греко-Кафолической Церкви в Америке. В тот же день Алексий I подписал соответствующий томос. Так появилась Православная Церковь в Америке.

Как и следовало ожидать, Константинопольская патриархия не признала случившееся законным. Свою позицию Афинагор изложил 24 июня в послании к митрополиту Пимену (Извекову), занявшему пост патриаршего местоблюстителя после смерти Алексия I. Вселенский патриарх по-прежнему настаивал на том, что даровать автокефалию вправе лишь Всеправославный собор и только в том случае, когда имеется ясно выраженное желание христианского народа — клира и мирян, закреплённое местным епископатом в официальном соборном акте прошения, не противоречащим мнению матери-церкви и окончательному решению всей полноты церковной. Когда же на той или иной территории находятся епархии нескольких поместных церквей, установление там автокефалии одной из них является грубым каноническим нарушением[43].

Конечно, в Москве, отвечая на это послание, легко могли бы припомнить, что Фанар в 1924 г. без всякого Всеправославного собора даровал автокефалию Польской Церкви, хотя православные епархии в Польше во времена Российской империи подчинялись петербургскому Святейшему Синоду, а затем — Московскому патриарху. Однако ссылки на прежние злоупотребления Константинополя своим первенством чести едва ли могли оправдывать готовность следовать его примеру. К тому же Афинагора поддержали и другие восточные патриархи.

---

[39] ГА РФ, ф. 6991, оп. 6, д. 279, л. 333—336.

[40] *Филарет (Денисенко), митр.* Обращение к собранию епископов, клира и мирян в Св. Тихоновском монастыре // Православная Русь. 1970. № 20. С. 3.

[41] *Гуль Р.* Что дали два года «автокефалии»? // Новый журнал. 1972. № 106. С. 233—234.

[42] ГА РФ, ф. 6991, оп. 6, д. 350, л. 124—130.

[43] Послание патриарха Афинагора митрополиту Пимену Крутицкому об американской автокефалии // Православная Русь. 1970. № 19. С. 11—13.

17 марта 1970 г. о непризнании американской автокефалии заявил патриарх Иерусалимский Венедикт. По его словам, Русская Церковь нарушила многовековой канонический порядок, «согласно которому предоставление автокефалии является прерогативой всей Церкви». При этом Иерусалимский первосвятитель не склонен был возвеличивать права Фанара. Он писал о том, как в IV в. архиепископ Константинополя свт. Иоанн Златоуст неканонично вмешался в дела провинций Фракии, Понта и Асии, понизив в должности их экзархов и поставив вместо них других архиереев, что стало нарушением третьего правила II Вселенского собора 381 г., которое давало константинопольскому архиепископу лишь почётное первенство в этих областях. И только 28 правило IV Вселенского собора 451 г. включило эти территории в юрисдикцию Константинополя. При этом местные церковные власти заявили, что о согласии на это включение они заявляют добровольно. Однако такой добровольности патриарх Венедикт в деятельности Русской Церкви не увидел. А ведь ещё в 1917 г. патриарх Тихон, возражая против грузинской автокефалии, говорил, что таковая даётся по просьбе светских и церковных властей страны, которая должна отражать «всеобщее и полностью согласованное желание народа». Но ничего подобного в случае американской автокефалии не было — Москва вела переговоры не со всей американской православной паствой, а лишь с одной из конфессиональных структур, причём не самой большой. Нельзя было игнорировать и то, что после объявления автокефалии Москва сохранила в собственной юрисдикции 43 прихода в США, а также общины в Канаде. Учитывая всё это, констатировал Венедикт, Иерусалимская Церковь «категорически осуждает антиканоническую, новую и самое себя лишающую законной силы автокефалию Русской митрополии в Америке и считает её не существующей и никогда не провозглашённой, а также считает означенный томос никогда не изданным». Урегулировать положение в Америке предлагалось на Всеправославном соборе[44].

Схожим оказалось мнение антиохийского и александрийского патриархов, которые в том же 1970 г. заявили, что установление автокефалии следует признать делом Всеправославного собора[45]. Предстоятель Элладской Церкви архиепископ Иероним в письме патриаршему местоблюстителю митрополиту Пимену утверждал, что все проблемы, имеющие значение для всех православных, необходимо решать вместе с Константинопольской Церковью[46]. Попытки епископа Димитрия (Ройстера) и протоиерея Александра Шмемана, представлявших Православную Церковь в Америке, изменить отношение к ней на Ближнем Востоке остались бесплодными[47].

Таким образом, в конце 1960-х — начале 1970-х гг. готовность жертвовать принципами соборности и православного добрососедства ради сиюминутных политических интересов завела ситуацию в тупик. Однако в ходе возникшей тогда полемики Православный Восток дружно признал, что предоставлять автокефалию должны именно всеправославные соборы и только они, а не одна из церквей. Аргументы, высказанные тогда в пользу этой идеи, сохраняют своё значение и сейчас.

---

[44] К вопросу об «автокефалии» // Новый журнал. 1972. № 106. С. 221—225.
[45] Там же. С. 225—226.
[46] *Скурат К.* История поместных православных церквей. Ч. 2. С. 288.
[47] *Гуль Р.* Что дали два года «автокефалии»? С. 234.

«Изучая край с точки зрения военной»: российские офицеры и интеллектуальное освоение Северного Кавказа времён Кавказской войны

Татьяна Колосовская

«Studying the region from the military point»: Russian officers and intellectual development of the North Caucasus during the Caucasus War

Tatiana Kolosovskaya
(North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia)

DOI 10.31857/S086956870010151-7

Постепенное продвижение и закрепление России на Кавказе в целом и на северных его склонах в частности активно разрабатывается в современной отечественной[1] и зарубежной[2] историографии. В том числе изучается и роль в этом процессе русской армии — её адаптации к местным условиям, участие в строительстве крепостей, давших начало городам, развитии местной инфраструктуры и проч.[3] Затрагивались историками и отдельные аспекты научно-практической и культурно-просветительской деятельности офицеров Кавказской армии[4]. Но ещё только предстоит установить, какую роль они сыграли в изучении Северного Кавказа, какие способы и средства для этого использовали, какими мотивами руководствовались и какое воздействие полученные ими знания оказывали на изменение политики в регионе?

Изучение Северного Кавказа в России шло рука об руку с постепенным присоединением отдельных его частей к империи. Несомненно, важную роль при этом сыграли организованные Академией наук экспедиции и поездки отдельных учёных (И.А. Гильденштедта, С.-Г. Гмелина, П.-С. Палласа, Ю. Кла-

© 2020 г. Т.А. Колосовская

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-09-00037.

[1] *Дегоев В.В.* Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. Изд. 2. М., 2003; *Дегоев В.В.* Кавказ в составе России: формирование имперской идентичности (первая половина XIX в.) // Кавказский сборник. Т. 1(33). М., 2004. С. 28—47; *Гордин Я.А.* Кавказская Атлантида. 300 лет войны. М., 2014.

[2] *Jersild A.L.* Orientalism and Empire: North Caucasus Muslim Peoples and the Georgian Frontier, 1845—1917. Montreal, 2002; *King Ch.* The Ghost of Freedom. A History of the Caucasus. Oxford, 2008; *Ходарковский М.* Горький выбор: верность и предательство в эпоху российского завоевания Северного Кавказа. М., 2016.

[3] *Лапин В.В.* Армия России в Кавказской войне XVIII—XIX вв. СПб., 2008; *Матвеев О.В.* Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки. Краснодар, 2015; *Пылков О.С.* Российская армия в трансформационных процессах на Северном Кавказе (конец XVIII — первая половина XIX вв.). Армавир, 2011.

[4] *Дзидзария Г.А.* Ф.Ф. Торнау и его кавказские материалы. М., 1976; *Загурский Л.П.* Пётр Карлович Услар и его деятельность на Кавказе // Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Кн. XII. Тифлис, 1881. С. I—LXXXIII; *Косвен М.О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. Вып. 1—3. М., 1955—1962; *Клычников Ю.Ю.* Российская политика на Северном Кавказе (1827—1840 гг.). Пятигорск, 2002.

прота)[5]. Тем не менее сведения о новых территориях требовалось постоянно уточнять, а их сбор был занятием далеко не безопасным. Политические настроения местных жителей отличались неустойчивостью. Значительная часть горцев не желала добровольно принимать российское подданство и с оружием в руках отстаивала свою независимость.

В Петербурге же понимали, что без точного представления о расселении северокавказских народов, их быте и обычаях, невозможно успешное проведение военных экспедиций, приведение к присяге непокорных и дальнейшее налаживание эффективной системы управления. А поскольку достоверной информации было крайне мало, в процесс изучения региона пришлось включиться армии.

Исследованием противника и театра боевых действий занимались офицеры Генерального штаба и чины Корпуса военных топографов. Во время рекогносцировок местности в обязанности состоящего при отряде штабного офицера входил осмотр дорог, рек, мостов, оврагов и т.п. для последующего нанесения их на карту. В дополнение к картам и планам составлялись «особенные описания», где излагались те обстоятельства, которые невозможно было передать с помощью штрихов и гравировки. «Руководство для офицеров Генерального штаба при войсках состоящих» предписывало при составлении таких описаний обращать внимание на особенности местного управления и вероисповедания, характер населения, его обычаев и нравов, специфику хозяйственной деятельности жителей, включая земледелие и скотоводство, промышленность и торговлю и т.д.[6] Однако чёткие подготовки подобных обзоров отсутствовали. Как было сказано в «Руководстве»: «Чтение образцовых в сём роде произведений, навык изложения на бумаге мыслей своих и всего замеченного ясным и определительным образом, наблюдательный ум и зрелое суждение, — вот лучшие указатели к постановлению себе безошибочных правил для сочинения систематического и удовлетворительного описания целого края»[7].

В РГВИА хранятся многочисленные рукописи, отражающие итоги исследования военными отдельных кавказских территорий[8]. Собранные в них данные топографического и статистического характера были необходимы российскому командованию для решения текущих практических задач. Они помогали выбирать места для закладки крепостей, прокладки дорог и дислокации войск, облегчали понимание противника, указывали, с кем и о чём можно договариваться. Конечно, как отмечал Н.И. Покровский, в кавказоведческой литературе того времени «встречаются имена русских писателей и учёных, западноевропейских путешественников и исследователей. Но, анализируя материал, который дают эти работы, мы почти всегда можем увидеть, что авторы заимствовали сообщаемые ими факты у представителей русской военной администрации, чаще всего у офицеров Кавказской армии»[9]. Среди известных кавказоведов были и те, кто непосредственно принимал участие в покорении региона[10].

---

[5] *Лавров Л.И.* К 250-летию академического кавказоведения в России // Кавказский этнографический сборник. Вып. VI. М., 1976. С. 3—10.

[6] ОР РГБ, ф. 68, д. 49, л. 58 об.—59 об.

[7] Там же, л. 60.

[8] РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 18474; ф. 414, оп. 1, д. 300.

[9] *Покровский Н.И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2009. С. 27.

[10] *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Ч. I—III. СПб., 1869; *Броневский С.М.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. I—II. М., 1823;

Иногда к составлению военных обозрений привлекались учёные. В начале 1829 г. начальник Главного штаба генерал от инфантерии гр. И.И. Дибич сообщил в Академию наук о намерении командующего на Кавказской линии генерала Г.А. Емануеля исследовать окрестности гор Эльбрус и Кинжал на р. Малке и предложил академикам «воспользоваться сим случаем для собирания точнейших сведений о стране той, в отношении к естественному положению и произведениям оной»[11]. С высочайшего разрешения Академия наук командировала на Кавказ четырёх своих членов — А.Я. Купфера, Э. Ленца, Э. Менетрие и К. Мейера. Из-за кратковременности экспедиции и гористости местности возникли сложности с перевозкой больших и весьма хрупких инструментов. Поэтому Николай I одобрил проведение «преимущественно изысканий по части зоологической, ботанической и минералогиеской»[12], «физические же обозрения» рекомендовал «ограничить измерением высоты Эльбруса и по возможности магнитическими наблюдениями»[13].

21 июля Емануель рапортовал в Главный штаб о том, что «экспедиция к обозрению ближайших окрестностей Эльбруса и прочих открытий, выступив со мной из Горячеводска прошлого июня 26 числа, возвратилась благополучно обратно»[14]. При этом генерал уведомлял как об обнаружении свинца, каменного угля, точильного сланца, алебастра, мела и соснового леса, так и о главном событии: «8-го числа июля вечером пехота и конница, преодолев все затруднения, достигла до самой подошвы Эльбруса и расположилась лагерем у самой реки Малки. 9-го числа июля все академики и другие изъявившие желание охотники взойти на Эльбрус отправились к самому снежному хребту сей горы. 10-го числа в третьем часу по полуночи, пользуясь благоприятной погодой, выступили все к исполнению предложенной цели, но после самых величайших усилий, достигнув выше половины Эльбруса, обратились назад. Один только кабардинец, по прозванию Хиляр, успел достигнуть около 11-ти часов самой вершины сей горы, на которой водрузил палку, с ним имевшуюся, и обложив её камнем, спустился обратно, показав первый возможность быть на высочайшей из гор в Европе, почитавшейся поныне неприступной»[15]. В итоге менее чем за месяц удалось собрать материалы о местной флоре и фауне, полезных ископаемых и высотах гор, которые в течение нескольких десятилетий служили основой для изучения региона в Академии наук. Широкий общественный резонанс в России и в Европе получило и первое документально подтверждённое восхождение на главную вершину Кавказа.

Высокий образовательный уровень и специальная подготовка некоторых военных позволяла им самостоятельно проводить научные исследования, не прибегая к помощи академиков. К их числу принадлежал топограф и геодезист Иосиф (Осип) Ивановича Ходзько (1800—1881), происходивший из польских дворян Минской губ. и окончивший физико-математический факультет Виленского университета[16]. В 1840 г. по ходатайству командующего Отдельным

Дебу И. О Кавказской линии и присоединённом к ней Черноморском войске, или Общие замечания о поселённых полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседствующих горских народах. СПб., 1829.

[11] РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 1014, л. 2 об.

[12] Там же, л. 19.

[13] Там же.

[14] Там же, л. 37.

[15] Там же, л. 37 об., 40.

[16] Там же, ф. 409, оп. 1, д. 133840, л. 416.

Кавказским корпусом генерала Е.А. Головина его вызвали в Тифлис для триангуляции Кавказа. В ходе этой работы ему довелось в 1850 г. совершить восхождение на Арарат.

В то время в крае имелось только несколько пунктов, определённых астрономически. На Ходзько как опытного геодезиста командование возлагало большие надежды, поскольку без проведения тригонометрического измерения невозможно было составить точные карты. Конечно, в горной местности, да ещё и в условиях перманентных боёв, осуществить задуманное было весьма сложно. Тем не менее, вспоминал Ходзько, «объезжая потом Закавказье и участвуя в военных действиях против непокорных горцев, я пришёл к убеждению, что правильная триангуляция всего Кавказского края есть дело трудное, но не невозможное»[17].

Полевые наблюдения безостановочно производились с 1847 г. до осени 1853 г., начинаясь в апреле и оканчиваясь в ноябре или декабре. На протяжении 700 вёрст от горы Оштека, в верховьях реки Белой до Базар-дюза на границе Кубинского уезда Бакинской губ., военные топографы разместили 12 тригонометрических станций. Ещё 18 станций было оборудовано в южной части Закавказья. Все они находились или на снеговых вершинах, или на горах, свободных от снега не более двух—трёх месяцев. В первый же год выпавший в октябре глубокий снег завалил тропу, ведущую на гору Аглаган. Чтобы достичь её вершины, топографам пришлось прорубать в мёрзлом снегу узкий коридор длиною более 200 м и поднимать по нему вьюки с инструментами для геодезических наблюдений[18]. К тому же сами измерения нередко приходилось делать под обстрелом «немирных» горцев.

Однако полученные результаты заслужили высокую оценку научной общественности. Созданная для их анализа специальная комиссия Императорского Русского географического общества (РГО) констатировала, что «по трудности выполнения» и «по самоотвержению производителей» это исследование может «соперничать со всеми подобными работами, произведёнными где-либо на земном шаре, не исключая индийской триангуляции, прославившей 25 лет тому назад имя Эвереста»[19]. Ходзько вручили Константиновскую медаль[20]. Впоследствии, состоя по Кавказской армии, он всецело посвятил себя науке, длительное время являлся помощником председателя местного отдела РГО, публиковал статьи в местных и иностранных изданиях.

В условиях войны командование нуждалось в точных и разносторонних сведениях, прежде всего о неподконтрольных районах. Рекогносцировки во время военных экспедиций в горы не всегда приносили желаемый результат — часто самые важные сведения о дорогах, количестве населения и его образе жизни оставались недоступными. Поэтому приходилось прибегать и к «скрытным обозрениям земель неприязненных нам горцев»[21]. Организация секретных экспедиций осуществлялась под непосредственным наблюдением корпусных командиров, как правило, офицерами Генерального штаба. Наиболее

[17] *Ходзько И.И.* Общий взгляд на орографию Кавказа // Записки Кавказского отдела ИРГО. Кн. VI. Тифлис, 1864. С. 235.

[18] Там же. С. 237.

[19] Там же.

[20] Пятидесятилетний юбилей И.И. Ходзько // Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Т. I. Изд. 2 / Под ред. Д.И. Коваленского. Тифлис, 1894. С. 175.

[21] Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. VIII. Тифлис, 1881. С. 308.

активно они практиковались в 1830-х гг. Тогда в горы Северо-Западного и Центрального Кавказа отправились поручик Г.В. Новицкий, штабс-капитан И.В. Шаховской и штабс-капитан Ф.Ф. Торнау. Одновременно на Северо-Восточном Кавказе действовали отряды поручика Г.С. Гордеева, полковника Ф.И. Гене, штабс-капитана В.И. Мочульского и подполковника А.И. Бергенгейма[22]. Преимуществом «скрытных обозрений» были минимальные материальные и людские затраты при получении максимально достоверной информации об этническом составе, расселении и особенностях хозяйственной деятельности населения. При этом большинство офицеров-разведчиков были узнаны, некоторые попали в плен, иные лишились жизни. В конце 1830-х гг., после гибели русских офицеров в горах Дагестана, командующий Отдельным Кавказским корпусом Е.А. Головин признал необходимым прекратить тайные рекогносцировки и дальнейшие обозрения вести лишь в ходе военных экспедиций[23].

Между тем в начале 1830-х гг. по распоряжению Николая I в Департаменте Генерального штаба развернулась работа по составлению сводного труда, обобщающего последние сведения о горцах центральной и северной частей Главного Кавказского хребта, восточного побережья Чёрного моря и Дагестана[24]. Так появилась рукопись И.Ф. Бларамберга (1800—1878), которая по уникальности и достоверности сведений и в настоящее время служит ценным источником для научного изучения этнической истории и традиционной культуры Кавказа[25]. О тех или иных народах в ней, конечно, сообщалось с разной степенью подробности, но она вполне отражала сложившееся в горских обществах культурное многообразие. Таким образом, офицеры Генерального штаба перешли от решения текущих практических задач к формированию основ этнографического кавказоведения.

Наряду с созданием обобщающих трудов Генеральный штаб координировал работу по описанию отдельных территорий. В условиях военного времени командованию было важно владеть информацией об обороноспособности различных участков Кавказской линии, о местностях, через которые горцы осуществляли нападения на гражданские поселения. Некоторые сочинения офицеров Генерального штаба, содержавшие топографические, статистические, этнографические и отчасти исторические данные, появились уже в 1820—1830-х гг.[26] Но бóльшая их часть так и осталась в рукописях[27], в том числе и

---

[22] Подробнее см.: *Колосовская Т.А.* «Скрытные обозрения земель неприязненных нам горцев»: разведывательная деятельность российских военных на Кавказе в 30-е гг. XIX в. // Армия и общество. 2013. № 1(33). С. 175—182.

[23] *Вейденбаум Е.Г.* Кавказские этюды: Исследования и заметки. Тифлис, 1901. С. 297.

[24] РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 1060, ч. 1—2.

[25] *Бларамберг И.Ф.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа / Пер. И.М. Назаровой. М., 2005.

[26] *Новицкий Г.В.* Географическо-статистическое обозрение земли, населённой народом адехе // Тифлисские ведомости. 1829. № 22—25; *Неверовский А.* Краткий взгляд на северный и средний Дагестан в статистическом и топографическом отношениях. Отрывок из рукописи полковника Неверовского, помещённый в пятой книжке Военного журнала за 1847 год. СПб., 1847. Подробнее см.: *Косвен М.О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. Т. 1. М., 1955. С. 266—374.

[27] См., в частности: «Военно-статистическое описание Гурии, Имеретии, Кахетии, Мингрелии и Сванетии» И.В. Шаховского (1838), «Краткий обзор горным племенам, живущим за Кубанью и вдоль восточного берега Чёрного моря от устья Кубани до устья Ингура» Ф.Ф. Торнау (1839),

сравнительно мало известное исследователям «Статистическое описание частей Ставропольского и Пятигорского округов, составленное Генерального штаба штабс-капитаном Калмбергом в 1834 г.»[28]. В 1834 г. Г.К. Калмберг был направлен с инспекторской поездкой на левый фланг Кавказской линии для сбора сведений о военном и хозяйственном состоянии расположенных там казачьих станиц и крепостей. В подготовленном им подробном отчёте отмечались недостатки в организации кордонной службы казаков, случаи «нерадения», неустроенность станичного быта. Эти данные учитывались при реорганизации полков Кавказского линейного казачьего войска, а в дальнейшем стали ценнейшим источником для реконструкции их повседневной жизни[29].

С 1845 г. профессор Императорской Военной академии подполковник (с 1847 г. полковник) Д.А. Милютин, в конце 1830-х — начале 1840-х гг. служивший в Отдельном Кавказском корпусе, читал курс лекций по военной статистике Кавказа[30]. Отдельные его части посвящены характеристике Кавказской линии, Черноморской береговой линии и Дагестану. Изучая край «с точки зрения военной», Милютин обращал внимание на особенности климата и топографии, включая «все видоизменения местности от высших снеговых гор и диких, ужасных ущелий до равнин совершенно плоских, даже степных и безводных»[31], а также на разнообразие «в отношении этнографическом». Это было планомерное, всестороннее и аналитическое исследование, позволявшее понять региональную специфику, выявить причины ошибок и неудач в российской политике и наметить «различные меры» по «водворению спокойствия». «Покорить весь Кавказский край одним ударом — есть предположение несбыточное, — констатировал Милютин. — Надобно искать средства не столько для покорения всех частей края, сколько для постоянного удержания в покорности частей уже занятых». К их числу относилось не только ведение боевых действий, но и развитие торговли, прокладка дорог, строительство укреплений и основание российских гражданских поселений. Однако, по мнению профессора, «ни одна система не может быть принята исключительно для всех частей края и во всех случаях; но каждое средство может быть с пользою употреблено в своём месте, сообразно с местными условиями и обстоятельствами». Собственно «сущность дела заключается не столько в выборе системы, сколько в умении каждый способ применить в своем месте и своевременно». А для этого военной администрации необходимо обладать «совершенным знанием края». «Вот, — заключал Дмитрий Алексеевич, — сущность всей войны Кавказской: основания её, как видим, весьма простые, но в самом исполнении она требует искусства особого рода — доступного, конечно, не всякому»[32]. Многие из тех,

---

«Война на Кавказе и в Дагестане» В.И. Мочульского (1844): РГВИА, ф. 482, оп. 1, д. 193; ф. 38, оп. 7, д. 17; ф. 846, оп. 16, д. 6528.

[28] Государственный архив Ставропольского края, ф. 79, оп. 1, д. 1508.

[29] *Попко И.Д.* Терские казаки со стародавних времён: Гребенское войско. Нальчик, 2001; *Великая Н.Н.* Казаки Восточного Предкавказья в XVIII—XIX вв. Ростов н/Д, 2001; и др.

[30] *Милютин Д.А.* Краткий очерк Кавказского края в военном отношении: из лекций полковника Милютина в Императорской Военной академии. СПб., 1848.

[31] Там же. С. 5.

[32] Там же. С. 99—116. См. также: *Колосовская Т.А.* «Руководствоваться многолетнею опытностью предшественников»: Д.А. Милютин и изучение истории Российской политики на Кавказе (1840-е годы) // Новый исторический вестник. 2016. № 1(47). С. 6—19.

кому довелось слушать лекции Милютина, впоследствии формировали и воплощали политику империи на Кавказе.

С конца 1840-х гг. по единой программе, утверждённой военным министром кн. А.И. Чернышёвым, для нужд армии составлялось «Военно-статистическое обозрение Российской империи». Кавказ занимал в нём весь XVI том. Первая его часть, посвящённая Ставропольской губ.[33], была подготовлена капитаном Генерального штаба Н.Н. Забудским (1822—1872). Окончив в 1844 г. Императорскую Военную академию, он был направлен в 1846 г. на Кавказ, где за 20 лет прошёл путь от старшего адъютанта до обер-квартирмейстера и начальника штаба правого фланга Кавказской линии[34], в 1863 г. имел уже чин генерал-майора. В своей работе Забудский показал неоднородность хозяйственного уклада губернии, где развивались земледелие, скотоводство, пчеловодство и шелководство, а многочисленное население существовало отнюдь не только за счёт разбоев и грабежа.

И всё же широкие круги общественности имели слабые и смутные представления об окраинах. Военно-статистические исследования до середины XIX в. не публиковались, и о Кавказе публика судила «по нескольким повестям да рассказам людей, приезжавших на Пятигорские воды»[35]. При этом в Европе активно издавались работы Э. Спенсера, Дж. Лонгворта, Т. Лапинского и др., в которых Россия изображалась агрессором, угнетающим свободолюбивых горцев[36]. Петербург открыто обвиняли в «сокрытии действительного состояния дел в этом крае»[37], покорение которого объяснялось «ненасытным властолюбием и жаждой завоеваний одного единственного человека, императора России»[38].

В ответ на подобные обвинения в Военном министерстве в 1840-х гг. задумали выпустить научный труд, раскрывающий причины и обстоятельства присоединения Кавказа[39]. Первоначально предполагалось, что его напишет Милютин, приступивший в 1849 г. к подготовке «Истории военных действий на Кавказе, в Азиатской Турции и против Персии»[40]. Его помощником стал капитан Генерального штаба Д.Х. Бушен, которому поручалось выявление документов в архивах Петербурга, Москвы и Кавказа[41]. По словам Милютина, «Россия не хотела быть в отношении к Кавказу тем, что были Испания, Португалия и сама Англия для своих колоний в Африке и в Америке», и именно поэтому «успехи нашего владычества на Кавказе имели и благотворное влияние на самый край: они представляют человечеству утешительную и беспримерную картину бес-

---

[33] Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XVI. Ч. 1. Ставропольская губерния. СПб., 1851.

[34] *Глиноецкий Н.П.* Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб., 1882. С. 263.

[35] *Фадеев Р.А.* 60 лет Кавказской войны. М., 2007. С. 145.

[36] Подробнее см.: *Дегоев В.В.* Россия и Кавказ XVIII — первой половины XIX вв.: взгляд с Запада // *Дегоев В.В.* Большая игра на Кавказе... С. 54—116.

[37] *Спенсер Э.* Описание поездок по Западному Кавказу, включая путешествие через Имеретию, Мингрелию, Турцию, Молдавию, Галицию, Силезию и Моравию. Нальчик, 2008. С. 9.

[38] *Бэлл Дж.* Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837—1839 годов. В 2 т. Нальчик, 2007. Т. 1. С. 6.

[39] РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 6164, ч. 96, л. 79 об.—80.

[40] ОР РГБ, ф. 169, карт. 51, д. 23, л. 3.

[41] РГВИА, ф. 482, оп. 1, д. 118, л. 27.

корыстного, великодушного стремления метрополии к благу и пользе нового своего приёмыша»[42].

Однако работа Милютина прервалась в самом начале. В годы Крымской войны ему пришлось сосредоточиться на исполнении особых поручений нового военного министра кн. В.А. Долгорукова. Летом 1856 г., покинув Военную академию и отойдя от дел министерства, он собирался вернуться к отложенному исследованию, но уже осенью последовало его назначение исправляющим должность начальника штаба войск на Кавказе. В итоге их с Бушеном деятельность свелась к созданию обширной коллекции документов[43], которой впоследствии пользовалось несколько поколений кавказоведов.

А первыми популяризаторами истории Кавказской войны в России оказались полковники Д.И. Романовский и Р.А. Фадеев[44]. По словам современника, они «объясняли нам её смысл, её значение, объяснили каких целей мы старались достигнуть на Кавказе, почему это было для нас нужно, рассказывали, как, в чём именно и почему мы ошиблись, как с исправлением ошибок пошло успешно дело, как покорён, наконец, Кавказ, какая нам от этого польза»[45]. Впрочем, в их произведениях освещались преимущественно трудности, которые пришлось преодолеть российской армии, тогда как сведения географического, этнографического и социально-экономического характера носили вспомогательный характер. В 1866 г. к составлению многотомной «Истории войны и владычества русских на Кавказе» по поручению наместника вел. кн. Михаила Николаевича приступил Н.Ф. Дубровин, получивший доступ во все архивы[46].

В целом, изучение Северного Кавказа «с точки зрения военной», вызванное задачами текущей политики, было направлено не столько на покорение, сколько на интеграцию края в состав империи. Идея его постепенного включения в экономическое, политическое и культурное пространство России с конца 1840-х гг. доминировала в умах военной элиты и определяла действия кн. М.С. Воронцова, а затем и кн. А.И. Барятинского, носившие созидательный и гуманистического по своей сути характер. Вместе с тем участие армии в интеллектуальном освоении Кавказа привело к появлению феномена офицера-исследователя, успешно сочетавшего службу с научной работой и страстью к знаниям.

---

[42] ОР РГБ, ф. 169, карт. 81, д. 1, л. 2.

[43] РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 6164, ч. 1—104.

[44] Кавказ и Кавказская война: Публичные лекции, читанные в зале Пассаж в 1860 году Генерального штаба полковником Д.И. Романовским. СПб., 1860; *Фадеев Р.А.* Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860.

[45] Шестьдесят лет Кавказской войны Р. Фадеева // Отечественные записки. 1860. Т. 130. С. 97.

[46] РГВИА, ф. 401, оп. 2, 1866 г., д. 105, л. 1—12; *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. В 6 т. СПб., 1871—1888.

Потенциальные противники и союзники России на страницах журнала «Разведчик» на рубеже XIX—XX вв.

Артём Черниловский

Potential rivals and allies of Russia on the pages of the magazine «Razvedtchik» at the turn of the XIX—XX centuries

Artyom Chernilovskiy
(Orel State University named after I.S. Turgenev, Russia)

DOI 10.31857/S086956870010152-8

В конце XIX в. в России готовились к большой войне в союзе с Францией против Германии и её союзников. На рубеже XIX—XX столетий возникла угроза столкновения с Японией. На страницах отечественной прессы, особенно военной, обсуждались перспективы будущих конфликтов, строились прогнозы, оценивались силы вероятных противников и союзников. Одним из изданий, в которых размещались такие материалы, был частный военный журнал «Разведчик», выходивший с 1888 г. Первоначально он представлял собой газету объявлений, затем стал печатать литературные произведения и публицистические статьи о вооружённых силах России, её партнёров и соперников.

В 1890-х гг. в «Разведчике» появилось немало публикаций о враждебности немцев и угрозе германского нашествия. Так, в апреле 1893 г. генерал-майор Л.М. Дембовский (начальник Павловского военного училища) подверг критике записки майора Тотлебена, посетившего Россию и описавшего быт русской армии. При этом отмечалось, что «в них, быть может, помимо желания самого автора, сквозит самомнение прусского офицера в отношении нашей армии, уже решительно ни на чём не основанное». Как напоминал Дембовский, «воевали мы с пруссаками очень давно, а когда это было, то всякое столкновение с ними кончалось для них поражением, каковое под Кунерсдорфом (в 1759 г.) было нанесено в такой полной степени, что их великий Фриц, в отчаянии после проигранного сражения, когда всё бежало, продолжал оставаться на поле и искал себе смерти». Не забывал автор и о том, как в 1806 г. «гарнизон первоклассной прусской крепости» Магдебурга «сдался французскому эскадрону Лассаля, причём, чтобы вывести из затруднения неприятельских кавалеристов, нежданно-негаданно сделавшихся обладателями крепости, в которую они не могли даже проникнуть через водяные рвы, прусский гарнизон сам перевёз их в лодках». Генерал-майор не без гордости писал, что «у нас даже близко ничего подходящего не было», а «когда наши войска, вследствие случайностей войны, бывали окружаемы превосходным противником, то, спасая честь русского имени и оружия, они умели штыками пробиваться через его ряды, как было при Шанграбене в 1805 году». Даже признание Тотлебена в том, что «его поражала спокойная разумность» в ответах солдат, вызывало негодование: «Почему же это поражало? Очевидно потому, что вследствие обычного самомнения пруссака он заранее представлял себе русскую армию как собрание людей низшей, по сравнению с немцами, расы, ибо такое нелепое понятие очень распространено в Германии вообще в отношении славян». По мнению же Дембовского, напро-

© 2020 г. А.А. Черниловский

тив, немецкие крестьяне отличались от смышлёных и тароватых великороссов «тупоумной ограниченностью»[1].

Спустя год, сообщая читателям про «вожделения наших соседей», Дембовский констатировал, что «в последние десять лет, когда отношения между Россией и Германией стали особенно сухи, потеряв, не по нашей вине, прежнюю искренность, вышло в Германии немало сочинений, трактующих прямо о будущей войне как о чём-то неизбежном». Причём «успех этого похода в Россию в австрийских писателях ещё встречает сомнение ввиду её громадной оборонительной силы, немецкие же, закусив удила, находят, что наступление европейских армий на Москву вполне возможно, ибо с 1812 года много изменилось в пользу наступления: грунтовые дороги улучшились, вновь проведённые железные сокращают коммуникационные линии, многие болота осушены, население увеличилось, и само благосостояние его поднялось»[2]. Иронизируя над тем, что «немцы — народ умеренный и аккуратный» и «удовольствуются самым скромным вознаграждением, нисколько не обидным для русского народа, у которого так много земли», автор уверял: «Немцам крайне необходимо отодвинуть свою восточную границу, и поэтому они желают провести её ни более, ни менее, как от Кронштадта по направлению к Азовскому морю с присоединением и Кавказа, необходимого для германского земледелия»[3].

Помимо прочего, внимание Дембовского привлекла вышедшая в Германии статья некого доктора О. Шухардта «Империя будущего», в которой описывалось оттеснение России за Днепр, включение в состав Германской империи Австрии, Турции со всеми её владениями в Европе и Азии, балканских государств, Нидерландов, Финляндии и проч. «Скажут, пожалуй, некоторые, — предвидел генерал-майор, — да из-за чего тут ломать копья, ведь статьи, подобные вышеприведённой, есть не более как галлюцинация сумасшедшего, стоит ли, следовательно, об этом говорить? Перемещать границы и завоёвывать государства на бумаге не представляет ни малейшей трудности, и этим праздным занятием не возбраняется предаваться всякому, у кого достанет для этого охоты и досуга». Но Дембовского подобные соображения не успокаивали: «Спрашивается, однако, почему помешательство у немцев принимает теперь такие странные формы, что им всё хочется что-то завоёвывать и у кого-либо что-нибудь да отнимать? Отчего у нас не слышно, чтобы кто-нибудь сошёл с ума на перенесении нашей западной границы, например, до р. Эльбы, хотя к востоку от этой реки и жили когда-то славяне, тогда как на тех местах, которые немцы мнят на востоке включить в свои пределы, ими никогда и не пахло»[4].

В итоге выходило, что России со времён татарского нашествия не грозила ещё такая опасность — вплоть до расчленения России, изменения внутреннего строя и религии, которую заменит новое сектантство — штундизм. Впрочем, тех, кто питал подобные замыслы, ожидало горькое разочарование: «Они до сих пор не могли понять, что главная причина неудачи похода Наполеона заключалась в том, что он сунулся к нам, совершенно не зная русского народа. Он воображал, что стоит ему дойти до Москвы и занять её, как было со всеми столицами Европы, и война кончится, всё падёт к его ногам. А между тем

---

[1] *Дембовский Л.* Как хвалят нас немцы // Разведчик. 1893. № 133. С. 392—393.
[2] *Дембовский Л.* Вожделения наших соседей // Разведчик. 1894. № 180. С. 263.
[3] *Дембовский Л.* Вожделения // Разведчик. 1894. № 181. С. 287.
[4] Там же. № 182. С. 302.

тогда-то она и началась — та истребительная народная война, которая вконец доконала его армию... Немцы хотят повторить то же самое, только с большей обстоятельностью и предписать России мир в Москве или в Петербурге. Ну что же! Пусть пробуют. Так как всё это должно состояться в XX столетии, следовательно, очень скоро, то если поживём — увидим, как над Россией будут совершать эти опыты немецкие мудрецы»[5]. К сожалению, до мировых войн Дембовский не дожил, скончавшись в 1908 г. К тому времени он стал уже генералом от инфантерии и членом Военного совета.

«Разведчик» неоднократно публиковал статьи об огромной мощи германской армии и об опасности борьбы с нею. Так, в июле 1897 г. анонимный автор сообщал о создании в соседней империи скорострельной артиллерии: «Германская батарея в состоянии делать по 60 выстрелов в минуту, а одно орудие — до 10 выстрелов в тот же промежуток боя. Если сравнить с этой точки зрения нашу батарею с германской, то придём к поразительным выводам. Максимальная скорость стрельбы нашей восьмиорудийной батареи равняется 16 выстрелам в 1 минуту или 2 выстрелам для отдельного орудия. Следовательно, германская батарея оказывается в 3,75 раза сильнее нашей батареи, а германское орудие сильнее нашего в 5 раз!» Соответственно «даже при превосходстве в числе орудий на стороне противника, артиллерия последнего быстро будет задавлена числом получаемых ей снарядов и очень скоро принуждена будет позволить немцам обратиться к подготовке решительного удара»[6]. При таком положении русской армии в случае войны с германцами рекомендовалось шире применять засады, выбирать для сражений пересечённую местность, уклоняться от артиллерийской дуэли, сберегая орудия до решающего момента, по возможности сближаться на дистанцию штыкового боя. Это, конечно, сулило огромные потери, но оставляло шанс на победу.

Дембовский весной 1899 г. (в то время уже генерал-лейтенант и начальник 24-й пехотной дивизии) указывал на то, что в артиллерии русские дивизии (одна половина из них имела по 6 батарей или 48 орудий, другая — по 8 батарей или 64 орудия) заметно уступают германским (12 батарей или 72 орудия), будучи слабее либо в полтора раза, либо на 8 орудий, при том, что шестиорудийные батареи легче управлялись и представляли меньшую цель для противника[7].

В феврале 1902 г. в журнале сетовали на то, что хотя «в деле постройки новых железных дорог русское правительство проявляет большую энергию и расходует на этот предмет громадные суммы», вследствие чего за 1880—1900 гг. протяжённость отечественной рельсовой сети более чем удвоилась, всё же в 1900 г. на 100 км^2 территории в России приходилось всего 0,9 км железнодорожных линий, тогда как в Германии — 9,1 км[8].

Тревогу вызывали и предполагаемые союзники Германии. В сентябре 1893 г. «Разведчик» перепечатал статью «Санкт-Петербургских ведомостей» о балканских армиях, где, в частности, говорилось: «Сделавшись почти явным сторонником и союзником “лиги мира”, Румыния, этот “аванпост европейской ци-

---

[5] Там же. С. 304.

[6] Новая германская артиллерия // Разведчик. 1897. № 352. С. 629.

[7] *Дембовский Л.* Надо спешить // Разведчик. 1899. № 445. С. 381.

[8] *Эммануэль В.* Новые железные дороги в России с германской точки зрения // Разведчик. 1902. № 592. С. 166.

вилизации на Балканском полуострове", как называют своё отечество, освобождённое русской кровью, румынские политиканы, поклонники Запада, — усиленно вооружается, имея очевидной целью две главнейшие задачи: во-первых, создать многочисленную для такого второстепенного государства армию, способную к серьёзным наступательным операциям, и, во-вторых, подготовить свою фортификационную оборону». Не было иллюзий и относительно позиции Болгарии. «Мы настолько оптимисты, — отмечали в "Разведчике", — что считаем невозможным со стороны созданной нами болгарской армии выступление в роли открытого врага державы-освободительницы, но и без такой комбинации недруги России сумеют утилизировать болгарские силы. Например, в случае большой войны в Европе, привлечение Турции с её многочисленной армией и флотом на свою сторону было бы весьма важно для наших неприятелей. В видах этого понадобится, быть может, произвести на неё давление, и тут то болгарская армия способна оказать им большую услугу»[9].

В начале 1898 г. в журнале появился фельетон историка Д.И. Иловайского «Оккупация немцами России». Его герой заснул на 30 лет и после пробуждения услышал рассказ о только что закончившейся войне с Германией и Австро-Венгрией, к которым примкнули Англия, Швеция, Турция, Греция, Румыния, Афганистан и Япония. Внутри империи врага поддержали поляки, евреи, финны, немецкие колонисты, армяне, грузины, мусульманские народы Кавказа. Франция отказалась от реванша и вместе с Испанией, Италией и Португалией образовала Латинский союз. Балканские славяне остались верны своим местным интересам. Маньчжурская династия в Китае, не желавшая воевать с Петербургом, свергнута, корейская армия, подготовленная русскими, перешла на сторону врага. Коалиция выставила 5 млн солдат, Россия — 3,5 млн. Кроме того, европейцы пользовались своим техническим превосходством: незадолго до нападения немцы изобрели управляемые воздушные шары, велосипеды, способные перевозить 10—15 солдат, алюминиевые щиты, прикрывающие атакующие колонны во время боя, динамитные картечницы, сметавшие целые полки. На севере союзники взяли Архангельск, на северо-западе потопили Балтийский флот и овладели Петербургом. На западе русская армия оставила Польшу, проиграла сражения под Брест-Литовском и Смоленском. На юго-западе после первых побед над австрийцами пришлось оставить Киев — в основном из-за действий польских, еврейских и немецко-колонистских банд. На Чёрном море враг сжёг Одессу, Севастополь и Керчь. На Кавказе английские, греческие и турецкие войска одержали верх. В Средней Азии русские части били афганцев, но на Дальнем Востоке сдержать натиск англичан, немцев и японцев не удалось. Чтобы остановить дальнейший разгром и нашествие, пришлось начать переговоры о мире. Борьба длилась всего полтора месяца. Россия лишилась своих окраин, обязалась выплатить немцам 6 млрд руб. контрибуции (до уплаты занятые неприятелем губернии оставались под оккупацией) и заключила торговый договор, поставивший её обрабатывающую промышленность в зависимость от германских заводов. В стране готовились большие реформы. Петербургский период русской истории завершился, правительство переехало в Нижний Новгород, разорённый Петербург стал обычным портом[10].

---

[9] Периодические издания // Разведчик. 1893. № 153. С. 751.

[10] *Иловайский Д.И.* Оккупация немцами России // Разведчик. 1898. № 379. С. 66—68.

Подобные перспективы, естественно, заставляли страшиться изоляции и искать союзников. «Разведчик» неоднократно информировал своих читателей о том, что Франция во всех отношениях готова к новой войне несравненно лучше, чем в 1870 г. «Интересна, между прочим, — сообщалось в феврале 1893 г., — следующая параллель, ярко иллюстрирующая патриотические усилия французов по воссозданию своей армии: с 1870 г. увеличение сил выразилось в Германии 16% для пехоты, 0% — для кавалерии, 72% — для артиллерии, а во Франции 50% — для пехоты, 31% — для кавалерии и 192% — для артиллерии»[11]. В июне того же года в обзоре иностранной печати приводилась цитата из германского военного журнала: «В 1870 году французы для сосредоточения войск к германской границе располагали всего тремя железнодорожными линиями, дававшими 52 поезда в сутки; ныне они располагают для той же цели одиннадцатью линиями, дающими в сутки 528 поездов!»[12]. В августе анонимный автор утверждал, что к 1892 г. французская армия мирного времени увеличилась по сравнению с 1869 г. на 4 тыс. офицеров, почти на 100 тыс. нижних чинов и на 50 тыс. лошадей, число артиллерийских батарей практически удвоилось. Численность резерва, ничтожная в 1869 г., составляет почти 2,5 млн человек. В военное время Франция способна выставить 2 млн солдат, кроме того, имеется 850 тыс. обученных человек в территориальной армии для охраны железных дорог и формирования ополченческих частей[13].

В январе 1894 г. генерал-лейтенант А.Ф. Плюцинский разместил в «Разведчике» рецензию на книгу французского журналиста Тэно. Плюцинский посещал Францию вскоре после войны 1870—1871 гг., и, по его словам, в то время не было упрёка, который бы там не бросили офицерскому корпусу, потерявшему в боях многих достойнейших своих представителей. Французские офицеры вынесли всё, не опускаясь до взаимных обвинений и самооправданий, и принялись за «исследование недугов своей армии, за исследование, в котором звучали не имена, а факты и породившие их причины»[14]. Правительство же не отказывало военному министерству в денежных средствах, осознав, что это выгоднее, чем платить контрибуцию. В результате, как считал Плюцинский, «труд Тэно ярко свидетельствует о факте полного восстановления материальных и нравственных сил государства, притом государства, постигнутого неслыханными в наше время бедствиями войны. Судьбы и жребий войны превратны, и история показывает, что ни одно из государств не застраховано от поражения более сильным и лучше подготовленным к войне противником, как это было в начале нынешнего столетия и с Пруссией. Последняя впоследствии тоже не только оправилась, но и стала во главе объединённой ей Германии, но для этого нужно было, однако, 50—60 лет»[15]. Франция воспрянула гораздо быстрее.

Впрочем, далеко не все полагались на реваншизм и поддержку Парижа. Так, Дембовский в 1899 г. утверждал: «Франция теперь уже начинает заигрывать с Германией, и во французской печати начинают раздаваться голоса о сближении со своим старым врагом, который и сам не прочь покончить прежние счёты... Если найдётся в годину испытаний случайный союзник — хорошо,

[11] Периодические издания // Разведчик. 1893. № 124. С. 185.
[12] Периодические издания // Разведчик. 1893. № 138. С. 490.
[13] Рост вооружённой силы Франции и расходы на неё в 1871—92 гг. // Разведчик. 1893. № 149. С. 671.
[14] Там же. С. 7.
[15] *Плюцинский А.Ф.* Очерк готовности Франции к обороне // Разведчик. 1894. № 169. С. 6.

а нет, так и сами мы должны уметь управиться. Не первый раз. Надо быть очень слюноточивым, а таких, к сожалению, среди отечественных Маниловых очень много, чтобы придавать французской дружбе иное значение, как не желание со стороны наших союзников, чтобы мы таскали для них из огня каштаны. Французы хорошо помнят, как в конце прошлого и начале нынешнего столетий мы занимались этим благодарным занятием, ведя с ними кровопролитные войны ради немцев, так не повторим ли мы, полагают они, теперь то же самое ради них и не поднесём ли мы своим союзникам каштанчик в виде Эльзас-Лотарингии»[16].

Масштаб и продолжительность грядущей войны в 1890-х гг. никто не мог предвидеть. Даже расстановка сил в ней отнюдь не была очевидной. Но это лишь повышало интерес к разнообразным прогнозам. К примеру, в феврале 1892 г. в обзоре иностранной печати излагалась опубликованная в Швейцарии статья «Современное положение Европы и военный бюджет Австро-Венгрии». В ней говорилось, что большая европейская война начнётся с конфликта между Россией и Австро-Венгрией, «на берегах Днестра», и тогда «Галиция и Буковина первые узнают все ужасы русских военных действий”»[17]. В январе 1893 г. внимание редакции привлекла итальянская брошюра, предсказывавшая что «германо-австрийская мобилизация окончится на 10 дней раньше русской», после чего «польские крепости будут взяты в тыл (так в источнике. — *А.Ч.*), и в Кобрине сосредоточится 500 000 немцев, которые фронтом 120 вёрст двинутся на Москву». Одновременно «300 000 австрийцев через Ковель фронтом в 90 вёрст идут туда же». По мнению итальянца, «1812-й год не повторится, потому что у союзников будут железные дороги, нигилисты и поляки»[18].

В марте «Разведчик» познакомил читателей со статьёй «Московских ведомостей», в которой излагалась речь германского канцлера Л. фон Каприви в рейхстаге при обсуждении законопроекта об увеличении германской армии. В Берлине не скрывали стремления к тому, чтобы иметь возможность наступать на двух фронтах одновременно. «Располагая этой громадной армией, — рассуждали российские публицисты. — Германия в одно время перейдёт в наступление на Рейне и на Висле, но, перекинув войска через границу, будет во Франции продолжать наступление до Парижа, а в России займёт на Висле оборонительное положение. Поражение Франции будет делом нетрудным, если Италия перебросит свои войска на Верхний Рейн, а Австрия сосредоточит свою армию в Галиции и будет сдерживать русских. Пока Россия мобилизует свои войска, Франция будет сокрушена — и тройная лига получит возможность бросить все свои силы на Россию и быстро закончить войну». Правда, возникали вопросы: «Что сделает Германия, если французы будут так не любезны и не пожелают отступать, но, опираясь на свою замечательную сеть крепостей, задержат продвижение германской армии? И как быть, если Россия не пожелает ожидать поражения Франции, а дождавшись, пока германская армия “завязнет” на восточной границе Франции, двинет все свои силы к Берлину, который находится всего в 370 километрах от русской границы? Неужели в Берлине могут рассчитывать на то, что Австрия в состоянии сдержать движение русской армии? Но это вопросы второстепенные по сравнению с вопросом: что сделает

[16] *Дембовский Л.* Надо спешить // Разведчик. 1899. № 445. С. 382.
[17] Периодические издания // Разведчик. 1892. № 87. С. 92.
[18] Периодические издания // Разведчик. 1893. № 119. С. 65.

Германия, когда война затянется, когда пополнение армии новым материалом и новыми людьми сделается невозможным и, вследствие прекращения подвоза, в Германии окажется не только недостача хлеба, но полный голод?»[19].

Летом того же года в обзоре иностранной печати говорилось: «Будущее вторжение германцев во Францию, по мнению одного французского писателя, будет произведено 5-ю армиями (27 корпусов, 1 200 тысяч человек), которые уже на 14-й день по объявлении мобилизации сосредоточатся у самой границы. Всё это весьма возможно, но дальше автор предполагает, что между 14-м и 28-м днём мобилизации туда же прибудут 300 000 австрийцев, чтобы помочь германцам поскорее справиться с французскими армиями. Австрийцы, говорит автор, могут на это решиться, так как Россия не ранее, чем через $2^1/_2$ месяца, будет готова к наступательным действиям! Картина, которую рисует себе автор, действительно мрачная, тем более, что итальянцы также постараются перешагнуть Альпы»[20].

При этом ещё в январе 1891 г. в «Разведчике» ожидали, что «Люксембург, будучи в руках тевтонов», не только «отлично послужит для продолжения оборонительной линии на севере», но и «может служить для немецкой армии, которая направится через Бельгию, отличным опорным пунктом»[21]. Не исключалась и возможность германского вторжения в Голландию. «В основе оборонительных работ Нидерландов лежит закон о крепостях 1874 года; — напоминалось в анонимной статье в ноябре 1893 г., — при разработке плана обороны государства имелось, главным образом, в виду обезопасить его от восточного соседа — Германии, которая в 1866 году показала, как она обходится с мелкими государствами, становящимися поперёк её пути»[22]. Считалось, что в случае конфликта голландцам придётся отступить к Амстердаму.

Плюцинский в 1894 г. не оспаривал мнение французского журналиста Тэно о том, что главная опасность грозит Франции именно со стороны бельгийской границы. На юге, благодаря Альпам и сильным крепостям, 3—4 французских корпуса могли остановить итальянскую армию[23]. Если бы Германия и Италия нарушили нейтралитет Швейцарии, то и там горы и сильные укрепления позволили бы 120 тыс. французских солдат сдержать неприятеля. Франко-германская граница была закрыта мощной оборонительной линией. И лишь двинувшись через Бельгию, немцы имели шанс «обойти с севера сильно укреплённый “барьер” на новой восточной границе Франции». Кроме того, «от бельгийской границы до Парижа в этом направлении всего пять переходов, причём на пути не встречается никаких серьёзных естественных преград (переправа через Маас — в пределах Бельгии), кроме каналов и небольших рек бассейна Уазы, и к услугам германцев будет густая сеть бельгийских железных дорог»[24].

Не случайно в мае 1894 г. в обзоре иностранной печати приводились слова, сказанные генералом Бриальмоном в бельгийском парламенте: «Нейтралитет Бельгии существует только в мирное время, ибо в дни войны этот нейтралитет будет столько раз нарушаем, сколько этого требует обстановка военных действий... Возможность пройти сквозь Бельгию для немцев весьма заманчива,

[19] Германские стратегические планы // Разведчик. 1893. № 125. С. 210.
[20] Периодические издания // Разведчик. 1893. № 142. С. 554.
[21] Периодические издания // Разведчик. 1891. № 42. С. 10.
[22] Копенгаген и Амстердам // Разведчик. 1893. № 161. С. 896.
[23] *Плюцинский А.Ф.* Указ. соч. 1894. № 169. С. 7.
[24] Там же. № 174. С. 126—127.

ибо здесь лежат удобнейшие операционные направления между Берлином и Парижем»[25].

Впрочем, эти опасения не стоило драматизировать. Весьма показательно, что в сентябре 1895 г. в интервью газете «Фигаро» командующий войсками Киевского округа М.И. Драгомиров уверенно отвечал на вопрос, успеют ли немцы нанести поражение Франции раньше, чем Россия закончит мобилизацию: «Побить и раздавить в двадцать дней такую армию, как французская! Но в такой короткий срок нельзя уничтожить не только миллионную армию, но даже 500 000 солдат»[26].

Едва ли не больше, чем скорость мобилизации, военных беспокоило то, как Россия и Франция будут поддерживать связь друг с другом в случае войны против центральных держав. Ведь у них не вызывало сомнений, что лишь при регулярном обмене информацией «достигается единство в операциях, могущих разыграться на двух противоположных концах Европы»[27]. Между тем если германский флот будет господствовать на море, то сможет не только преградить прямое сообщение, но и отыскать подводные морские кабели, перерезать их и прервать работу телеграфа. Посылать депеши с помощью голубей не было возможности — расстояние от французского приграничного города Нанси до ближайшей части России составляло 870 километров по прямой, почтовые птицы, за редчайшим исключением, преодолеть его не могли. Полёт же на воздушном шаре при благоприятном ветре длился бы день или полтора. Но тут всё зависело от погоды, а «по отчётам метеорологических станций насчитывается 60—65 дней в году с направлением ветра, благоприятным для полёта из Франции в Россию, и 30—35 дней для полёта обратного»[28]. Уже через несколько лет после этой публикации появились управляемые дирижабли, аэропланы и радио.

В 1890-х гг. «Разведчик» не раз присматривался к Японии и её армии. Но лишь в октябре 1903 г. журнал опубликовал статью М.В. Грулёва о том, что в германской печати война между Россией и Японией считается неизбежной. В Германии видели, что Япония стремительно превращалась в великую державу, а её война с Китаем в 1894—1895 гг. стала «поворотным пунктом, изменившим всю военно-политическую обстановку на Тихоокеанском побережье». Японцы рассчитывали найти рынок для своих товаров в Маньчжурии, колонизировать новые земли и даже взять под свою опеку Китай. Россия же заняла те территории, на которые в Токио собирались наложить руку. Но, по оценке немецких знатоков, «как изнеженные дети ласкающего моря и полутропической страны японцы отличаются слабым физическим складом организма и мало подготовлены к перенесению суровых условий климата... Военные действия для японских войск зимой в Корее, где морозы в 20—25°R представляют собой обычное явление, кажутся маловероятными: русские войска очутились бы в привычных для них условиях, а для японских войск эти условия были бы гибельны». Предполагалось, что «раньше всего должно произойти столкновение на море между эскадрами России и Японии... Японцы должны стремиться к этому морскому бою в самом начале войны с возможной поспешностью, иначе будет поздно, потому что Россия успеет притянуть подкрепления из ев-

---

[25] Периодические издания // Разведчик. 1894. № 487. С. 419.
[26] Периодические издания // Разведчик. 1895. № 257. С. 866.
[27] *Орлов Н.* Воздушное сообщение Франции с Россией // Разведчик. 1895. № 222. С. 39.
[28] Там же. С. 40.

ропейских эскадр, Балтийской и Черноморской, и тогда перевес морских сил перейдёт, несомненно, на сторону России». Если Японии удастся разбить русскую эскадру, то за 3—4 недели она сможет перевезти в Корею 200 тыс. солдат. Но к этому времени Россия сосредоточит в районе Харбина 200—250 тыс. В целом же «положение японцев на Корейском полуострове ввиду надвигающихся русских войск, имея позади изменчивую стихию моря и качающиеся суда, нельзя признать завидным»[29]. Подобное заключение зарубежного эксперта в передаче специализированного отечественного издания невольно создавало у российской общественности излишне оптимистичные представления. Реальность оказалась не только более суровой, но и неожиданной.

[29] *Грулёв М.В.* Россия и Япония // Разведчик. 1903. № 678. С. 900, 902.

«Штатов — изобилье, порядка снова нет»: к истории разделения Института истории АН СССР в 1968 г.

Никита Пивоваров, Виталий Тихонов*

«The staff is abundant, there is no order again»: on the history of separation of the Institute of History of The Academy of Sciences of the Soviet Union in 1968

Nikita Pivovarov (Russian State Archive of Contemporary History, Moscow),

Vitaliy Tikhonov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow)

DOI 10.31857/S086956870010153-9

Разделение Института истории АН СССР в 1968 г. — отнюдь не частный сюжет из прошлого отечественной исторической науки. Помимо того, что речь идёт о важнейшем организационном решении, повлиявшем на развитие всей советской исторической науки, это событие прочно вписано в «оттепельный миф» как яркий пример противостояния между реформаторами-шестидесятниками и консерваторами из аппарата ЦК КПСС. Согласно этому взгляду, Институт был разделён для того, чтобы пресечь деятельность демократически настроенного парткома, возглавляемого историком В.П. Даниловым[1].

Безусловно, деятельность парткома — яркая страница общественной жизни 1960-х гг. Тем не менее, расхожее представление о том, что именно она стала поводом для принятия упомянутого решения, является сильным упрощением, о чём свидетельствуют появившиеся в последнее время исследования. Так, М.А. Базанов обратил внимание, что проект разделения Института истории активно продвигался ещё во время директорства А.Л. Сидорова (1953—1959 гг.). Единый институт предполагалось разделить на Институт истории СССР и Институт всеобщей истории[2]. М.Д. Бухарин и С.Г. Карпюк на основе архивных документов показали, что о выделении специального Института истории СССР заговорили ещё в 1939 г.[3] Оба проекта обосновывались сложностью управления разросшимися штатами и необходимостью его улучшения. Но оба раза реорганизация откладывалась из-за недостатка у АН СССР помещений и средств, а начавшаяся Великая Отечественная война надолго сделала вопрос неактуаль-

© 2020 г. Н.Ю. Пивоваров, В.В. Тихонов

*Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20-09-00218.

[1] См., например: *Некрич А.М.* Отрешись от страха. Лондон, 1979. С. 318; *Поляков Ю.А.* Минувшее. Фрагменты (Воспоминания историка). Кн. 1. М., 2011. С. 99; *Неретина С.С.* История с методологией истории // Вопросы истории. 1990. № 9. С. 143—151; *Курносов А.А.* Об одном из эпизодов разгрома исторической науки 1960—1970-х гг. (По материалам Центра хранения современной документации) // Вопросы образования. 2006. № 4. С. 363—389.

[2] *Базанов М.А.* Отложенная реорганизация: первая попытка разделения Института истории АН СССР (1955—1957) // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2019. № 1. С. 39—48.

[3] Подробнее см.: *Бухарин М.Д., Карпюк С.Г.* Как создавался Институт всеобщей истории АН СССР // Вестник Российской Академии наук. 2019. Т. 89. № 11. С. 1162—1168.

ным. Новые публикации позволяют по-новому взглянуть на историю Института до 1968 г. Они демонстрируют, что проекты разделения существовали и ранее, поэтому можно предположить, что решающими оказались именно организационные, а не политические факторы решения. Документы, выявленные в Научном архиве Института российской истории РАН (НА ИРИ РАН), Архиве РАН (АРАН) и, главное, Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ), позволяют получить более детальное представление о проектах реорганизации Института.

Итак, в середине 1950-х гг. вновь появилось предложение о создании двух академических институтов — по отечественной и всеобщей истории. 17 февраля 1955 г. Л.С. Гапоненко направил на имя учёного секретаря Отделения исторических наук АН СССР С.И. Прасолова записку, в которой предложил разделить Институт истории АН ввиду сложности его структуры и вызванной этим трудности управления им. После доработки проекта планировалось, что директором Института истории СССР станет А.Л. Сидоров, а Института всеобщей истории — Е.М. Жуков[4].

Сам Сидоров говорил о необходимости разделения на отчётном собрании Института 9 января 1956 г. Он признался, что поднимал этот вопрос перед президентом АН А.Н. Несмеяновым ещё два года назад и тот якобы согласился пойти на этот шаг в случае, если историки будут согласны[5]. Теперь же разделение — вопрос, уже фактически решённый Отделением и согласованный с председателем Совета министров СССР Н.А. Булганиным. «Пора, чтобы весь коллектив знал, что вопрос стоит так, и дальнейшее зависит от дирекции и от поддержки, которую дирекция должна получить», — заявил Сидоров. Он увязывал разделение Института с коренным улучшением материально-технической базы его работы, подчеркнул, что «мы отстали в области технического оснащения от заграницы. У нас нет ни технической лаборатории, ни фотокопирования, ни микрофильмирования, что должно быть, потому что это элементы научной работы, вошедшие широко в жизнь западноевропейских учёных»[6]. Кроме того, Институт столкнулся с большими трудностями в поиске свободных помещений: «Сейчас директор института занимается вопросом — причём это отнимает немало времени, — где поставить стол группе византиноведения, где поставить стол группе по истории крестьянского хозяйства»[7]. По его мнению, создание двух институтов позволило бы оперативнее управлять издательской деятельностью, поставить на высшем уровне вопрос о новом здании и новом оборудовании, а для отдельного Института всеобщей истории упростилась бы организация поездок сотрудников за рубеж.

Обсуждение на Учёном совете возможного разделения Института и дальнейшей организации новых НИИ спровоцировало заслуживающую внимания дискуссию об оптимальном устройстве научно-исследовательской работы. Так, В.К. Яцунский предложил построить работу на проблемных секторах. Б.Б. Кафенгауз считал, что нужно сократить число сотрудников в секторах и направить их работу в тематическом направлении. Б.Н. Крылов поддержал идею создания проблемных секторов, но предостерёг от радикального слома уже имевшейся

---

[4] *Базанов М.А.* Отложенная реорганизация... С. 39—41.
[5] АРАН, ф. 1577, оп. 2, д. 372, л. 126.
[6] Там же, л. 47.
[7] Там же, л. 125.

структуры. Категорически против изменения структуры выступил М.П. Ким. Однако идею разделения Института члены совета поддержали, что и зафиксировало постановление.

31 января 1956 г. на заседании Отделения исторических наук АН СССР с предложением реорганизовать Институт истории выступил академик В.П. Волгин[8]. Он проводил идею, что Институт нужно делить не по территориальному (мир/СССР), а хронологическому принципу: один институт будет заниматься мировой историей до 1917 г., другой — новой, социалистической эпохой. 5 марта по вопросу о разделении Института в дирекции состоялось совещание, на котором собрались ведущие сотрудники и руководители секторов. Сидоров утверждал, что эта идея встречает благожелательное отношение в Академии и Отделе науки ЦК КПСС. Он указал, что существуют предложения реорганизации по двум принципам: хронологическому (вариант Волгина) и территориальному (его придерживались сам Сидоров и его единомышленник Жуков). В последнем случае создавались Институт истории СССР (или Институт истории народов СССР) и Институт всеобщей истории. Важнейшим аргументом являлась необходимость координации работы многочисленных республиканских гуманитарных центров. По мнению Сидорова, такую роль на себя сможет взять только институт, специализирующийся на отечественной истории в целом. Новое учреждение также, в соответствии установкам XX съезда партии, сможет активнее и шире развернуть публикацию документов. Наконец, разделение ускорит организацию новых специализированных журналов по отечественной и всеобщей истории.

Особое внимание уделялось выработке структуры, поскольку только после этого можно было готовить полноценный проект, в котором просчитывалась бы и материальная база, необходимая для его реализации. Сидоров предложил, чтобы Институт всеобщей истории объединил следующие сектора: истории древнего Востока; истории древней Греции и Рима; истории Средневековья (Западной Европы в Средние века); истории Византии; истории Германии в эпоху империализма; истории Англии и британских доминионов; истории Франции и других романских стран; новой и новейшей истории США (с группой по истории Латинской Америки); новой и новейшей истории стран народной демократии (Венгрии, Албании, Румынии); по написанию «Всемирной истории». В Институт истории СССР вошли бы Отдел дореволюционной истории, состоящий из секторов древней истории Руси (включая древнюю историю Причерноморья), феодализма и капитализма; Отдел истории советского общества (сектора истории Октябрьской революции и гражданской войны, социалистического строительства, истории Великой Отечественной войны и послевоенного периода) и Отдел публикации источников (сектора публикации документов периода феодализма, эпохи капитализма и советского периода)[9].

Открытым оставался вопрос истории внешней политики, поскольку у Сидорова имелись сомнения в целесообразности выделения для её изучения самостоятельных секторов. Сомневался он и в необходимости существования сектора истории религии и атеизма. Помимо секторов в Институте истории СССР сохранялись комиссии по истории земледелия, истории рабочего класса и истории исторической науки. В отношении Комиссии по истории историче-

[8] *Базанов М.А.* Отложенная реорганизация... С. 41.
[9] НА ИРИ РАН, ф. 1, оп. 1, д. 1155, л. 7—10.

ской науки возникла идея превратить её в полноценный сектор, но Сидорову это показалось ненужным.

За докладом директора последовало обсуждение. Необходимость разделения разросшегося учреждения признали многие выступавшие: А.Ф. Миллер, Н.М. Дружинин, В.К. Яцунский, М.П. Ким и др. Идею Волгина делить по хронологическому принципу отвергли как неудачную. Миллер заявил, что предложение директора найдёт поддержку у большинства сотрудников Института. А поскольку, исходя из слов Сидорова, за реорганизацию выступило большинство членов Отделения исторических наук, получалось, что вопрос это практически решённый. В то же время нашлись и те, кто высказался против. Так, Н.А. Сидорова не увидела причин для деления, а в случае его проведения считала, что проект Волгина перспективнее. Дружинин указал, что фактически сектора по истории СССР и зарубежной истории работают обособленно друг от друга. Он также считал, что следует в новом институте выделить специальный сектор империализма. Ким, хоть и поддержал реорганизацию, выступил против выделения секторов по странам и проблемам, считая, что формационный принцип — «самый лучший». Л.П. Гапоненко предложил создать сектор дофеодального периода, что поддержал Л.В. Черепнин. Наконец, руководитель сектора новейшей истории Н.И. Саморуков высказался против его дробления, указав, что создавать сектора по страноведческому принципу невозможно из-за нехватки квалифицированных кадров.

В целом предложение Сидорова поддержало абсолютное большинство ведущих учёных Института. Однако разделение Института, вопреки уверениям директора, отнюдь не было предрешено, более того решение вопроса задерживалось. В марте 1956 г. Сидоров направил академику-секретарю Отделения исторических наук АН СССР М.Н. Тихомирову новую записку, в которой присутствовало скорректированное название учреждения по всеобщей истории (Институт истории Западной Европы и Америки), а также указывалось, что прошедший в Риме Международный конгресс историков показал отставание советских учёных, преодоление которого требует структурных преобразований. Отделение поддержало идею разделения на своём заседании 11—12 октября 1956 г. Особенно активно за реформу выступила влиятельная А.М. Панкратова, которая также лоббировала проект отдельного Института истории советского общества (правда, безуспешно). Итоговая резолюция гласила: «Признать необходимым разукрупнение Института истории АН СССР и образование на его основе Института истории СССР и Института истории Западной Европы и Америки (всеобщей истории — выбор названия предоставить на ваше усмотрение). Просить Президиум АН СССР срочно рассмотреть этот вопрос. В дальнейшем перспективе иметь в виду создание специальных институтов по истории советского общества и по истории Америки»[10]. Тем не менее при Сидорове разделения так и не произошло. Вероятнее всего, главной причиной стал недостаток необходимой материально-технической базы, особенно площадей для размещения новых учреждений.

В 1959 г. новым директором Института истории был назначен известный специалист по истории международных отношений — В.М. Хвостов. Он в целом продолжил политику Сидорова (тем более что таковая в значительной степени определялась не столько директором, сколько аппаратом ЦК и Президи-

[10] *Базанов М.А.* Отложенная реорганизация... С. 42, 44.

умом АН). Но нерв жизни Института в середине 1960-х гг. оказался связан с деятельностью местного партийного комитета, которая стала одной из поворотных точек в развитии заведения.

Надо отметить, что санкционированное расширение рамок дозволенного после XX и XXII съездов КПСС, обострение борьбы между сталинистами и антисталинистами, наконец, общая атмосфера оптимизма и светлых надежд на будущее обусловили заметный подъём в общественной жизни Советского Союза. Всесоюзное совещание историков (1962) подтвердило курс на десталинизацию и демократизацию исторической науки[11]. Всё это отражалось и на сотрудниках Института. Отчётливо антисталинскую позицию занял партком, возглавлявшийся крупным специалистом по аграрной истории В.П. Даниловым. Стоит напомнить, что сильный партком фактически превращался во второй центр власти в учреждении, поскольку мог вводить санкции по отношению к членам партии, а при необходимости и оказывать давление на беспартийных. В 1930—1940-х гг. именно парткомы оказывались важнейшим инструментом идеологической мобилизации и контроля научных учреждений, сохранялось их влияние и в 1950-е гг. Так, парком Института истории фактически вынес вотум недоверия Сидорову, который был забаллотирован при выборах в его состав. Это ускорило отставку директора.

Хвостов наладил рабочие отношения с партийной организацией, которую возглавляла специалист по истории Древнего Рима Е.С. Голубцова. Но летом 1965 г. старое партбюро оказалось провалено на выборах. Первоначально планировалось, что новым секретарём станет К.Н. Тарновский, но после возражений Октябрьского райкома партии на эту должность избрали Данилова. Активную роль в обновлённом парткоме играли А.М. Некрич, М.Я. Гефтер, С.И. Якубовская и др. Директор и его заместитель Гапоненко баллотироваться отказались и представителем дирекции в партбюро стал А.И. Штрахов. Новый партком пользовался поддержкой большинства сотрудников, но было немало и недовольных. В самом комитете выделились три группы: радикальная (Некрич, Гефтер и др.), умеренная (Данилов) и консервативная (Штрахов, А.М. Синицын).

19 февраля 1966 г. Данилов представил программный коллективный доклад «Советская историческая наука и некоторые вопросы работы партийной организации Института истории АН СССР», важной частью которого стала программа перестройки управления Институтом на основах демократизации. Желательной признавалась децентрализация при чётко прописанных полномочиях дирекции и руководителей секторов. Было принято решение добиваться недопущения концентрации нескольких должностей в руках одного лица. Полномочия учёных советов предполагалось серьёзно расширить, превратив их в реальные органы научного самоуправления. Но одновременно планировалась система их контроля в форме партийных ячеек. Сложившаяся практика существования устойчивых секторов и «подвижных» проблемных групп признавалась целесообразной[12]. Очевидно, содержание доклада являлось компро-

---

[11] Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам. 18—21 декабря 1962 г. М., 1964.

[12] Партийная организация Института истории АН СССР в идейном противостоянии с партийными инстанциями / Публ. Л.В. Даниловой // Вопросы истории. 2007. № 12. С. 44—80; 2008. № 1. С. 61—95; № 2. С. 44—83.

миссным и не отражало настроений его наиболее радикальной части. Для ряда его членов (в частности, Гефтера) деятельность парткома являлась не просто работой по совершенствованию Института, а первым шагом на пути широкомасштабного преобразования всего советского общества. Об этом свидетельствует даже скептически относившийся к ней Ю.А. Поляков[13].

Активность парткома вызывала всё большее беспокойство Московского горкома (МГК) КПСС и высших контролирующих органов. По многочисленным свидетельствам, особенно негативно к его лидерам относился новый руководитель Отдела науки и высших учебных заведений ЦК С.П. Трапезников. В 1966 г. он выдвигался в члены-корреспонденты АН СССР, даже прошёл выборы в Отделении, но оказался забаллотирован при общем голосовании Академии. Одной из причин явилось критическое выступление И.Е. Тамма, указавшего, что работы Трапезникова о коллективизации представляют процесс в лакированном виде и не отражают его сложности. В этом утверждении академик сослался на мнение членов парткома Института истории, в частности Данилова[14].

Ситуация осложнилась тем, что решением Секретариата ЦК от 18 апреля 1967 г. Хвостов покинул директорское кресло, перейдя на должность президента Академии педагогических наук СССР. Необходимо отметить, что Хвостов явно не поощрял радикализм парткома, но выстроил с ним в целом ровные отношения[15]. Гораздо сложнее складывались контакты с заместителем директора Гапоненко.

У противников парткома оставались надежды на легитимную форму смены власти, но они не оправдались. В 1967 г. состоялись перевыборы, на которых бюро переизбрали практически в прежнем составе. После этого осенью работу парткома проверяла комиссия МГК, нашедшая в его действиях множество недостатков и ошибок[16]. Члены парткома, в том числе и новоизбранные, опротестовали заключение комиссии. Например, будущий директор Института истории П.В. Волобуев, указал, что не согласен со многим в работе предыдущего парткома, но поступившее заключение считает необъективным и голословным.

Именно в этой обстановке и произошло разделение на Институт истории СССР и Институт всеобщей истории. Как уже указывалось, проекты разделения Института существовали давно. Озвучивал их и Хвостов, причём ещё до выборов в партком в 1967 г., на которых сторонники «реванша» потерпели поражение. Так, на отчётном собрании сотрудников Института 13 января 1966 г. он довёл до сведения присутствующих: «Замечается необходимость определённого совершенствования структуры Института... Я считаю, что вся сеть наших научных учреждений в области истории, сложившаяся исторически, в общем бессистемна и устарела. Как известно, дебатируется вопрос о разделении Института. На днях у академика-секретаря было совещание заведующих секторов. Некоторые из них высказались за целесообразность разделения Института на два»[17].

---

[13] *Поляков Ю.А.* Минувшее... С. 98.

[14] «Из памяти выплыли воспоминания...»: Дневниковые записи, путевые заметки, мемуары академика АН СССР И.И. Минца. М., 2007. С. 189—190.

[15] Партийная организация Института истории АН СССР в идейном противостоянии... // Вопросы истории. 2007. № 12. С. 53.

[16] Партийная организация Института истории АН СССР в идейном противостоянии... // Там же. 2008. № 1. С. 84—94.

[17] АРАН, ф. 1577, оп. 2, д. 553, л. 54.

Важную роль сыграло постановление ЦК КПСС от 14 августа 1967 г. «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве»[18], «во исполнение» которого было принято решение о создании ИНИОН и Института конкретных социальных исследований (будущий Институт социологии), оно также непосредственно повлияло на реорганизацию Института экономики мировой социалистической системы. Постановление затронуло и вузовскую среду. Например, с 1969 г. вводилось обязательное изучение общественных наук студентами из развивающихся стран, чего никогда не было в СССР[19]; обсуждались, но не были приняты инициативы по созданию нового учебника по истории КПСС для вузов[20].

Значительное внимание в первоначальных проектах постановления уделялось усилению роли Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ИМЛ). Так, на заседании Секретариата ЦК 11 мая 1967 г. предлагалось сделать ИМЛ центром всех научно-теоретических проблем по общественным наукам. За этот вариант активно выступал Трапезников. Оппозицию ему составила группа, тесно связанная с АН СССР, неформальным лидером которой являлся А.М. Румянцев — вице-президент Академии, отвечавший за общественные науки[21]. Эта группа предлагала построить управление на основах децентрализации, создавая новые, разнообразные по функциям и направлениям деятельности исследовательские институты. Реализация первого варианта давала ЦК возможность упростить контроль над общественными науками, что привело бы к усилению и без того централизованной модели управления. Второй подход позволял сохранить и совершенствовать уже сложившуюся модель, построенную на сложной системе баланса интересов между институтами, Академией, государственными и партийными структурами.

В контексте противостояния двух моделей организации и управления общественными науками и следует рассматривать решение о разделении Института истории. Впервые оно было официально принято на заседании Президиума Академии 23 февраля 1968 г. По представлению руководства секции общественных наук было утверждено следующее постановление: «Считать целесообразным создание Института отечественной истории АН СССР и переименование существующего Института истории АН СССР в Институт проблем всеобщей истории АН СССР»[22]. Очевидно, что не последнюю роль здесь сыграли амбиции Е.М. Жукова, обладавшего весом в Академии (академик-секретарь Отделения истории в 1958—1969 гг.) и аппарате ЦК и давно продвигавшего идею создания Института всеобщей истории (где он, естественно, занял бы пост директора).

Однако создание любых новых учреждений нуждалось в санкции со стороны вышестоящих инстанций, хотя бы потому, что требовало утверждения

---

[18] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК КПСС (1898—1986). Т. 11. М., 1985. С. 57—65.

[19] РГАНИ, ф. 4, оп. 19, д. 328, л. 3.

[20] Там же, оп. 44, д. 3, л. 190.

[21] Документы, отложившиеся в РГАНИ, демонстрируют, что между Румянцевым и Трапезниковым нередко возникали острые дискуссии как по общим проблемам развития общественных наук, так и по сравнительно частным вопросам, связанным с созданием или реорганизацией отдельных институтов. Эти дискуссии происходили даже во время заседаний Секретариата и Политбюро, что демонстрировало принципиальность сторон.

[22] РГАНИ, ф. 3, оп. 68, д. 833, л. 16.

штатов и ставок. Поэтому спустя три дня руководители АН — президент М.В. Келдыш и главный ученый секретарь Я.В. Пейве — направили в ЦК записку с просьбой поддержать постановление Президиума, которое «прежде всего диктуется тем, что это позволит более целеустремлённо и оперативно развернуть исследования по актуальным проблемам истории СССР, сосредоточить внимание на более глубоком и всестороннем обобщении опыта истории Великой Октябрьской социалистической революции, строительства социализма и коммунизма в нашей стране, на изучение традиций революционной и освободительной борьбы народных масс СССР». Кроме того академики напоминали о «необходимости улучшения управляемости Института истории, более чёткой и рациональной организации труда».

Предполагалось, что будущий Институт отечественной истории будет выполнять следующие задачи: изучение опыта Великой Октябрьской социалистической революции и коммунистического строительства; изучение общего исторического процесса и конкретных исторических судеб народов советских республик; исследование революционно-освободительных и патриотических традиций трудящихся СССР. Институт проблем всеобщей истории в свою очередь должен был заниматься следующими комплексными проблемами: закономерности всемирно-исторического процесса с учётом особенностей развития отдельных стран и групп стран; разработка важнейших проблем истории развития капиталистических стран; изучение истории социалистических учений и рабочего движения; методологические вопросы исторической науки[23].

Обсуждение и согласование предложений в ЦК затянулось. Не позднее 13 мая (дата впечатана позднее основного текста записки) были подготовлены сопроводительная записка за подписью Трапезникова и проект постановления за подписью его заместителя по отделу науки и учебных заведений ЦК Е.М. Чехарина[24]. Трапезников, по традиции сопроводительных записок отделов ЦК, не только повторил основные предложения Келдыша и Пейве, но и заметно их переработал, предложив организовать Институт истории и Институт всеобщей истории на базе существующего Института истории АН СССР. Отмечалось, что вопрос о реорганизации последнего поднимался ещё с середины 1950-х гг., но лишь «в настоящее время необходимость положительного решения этого вопроса назрела».

Трапезников также затронул необходимость поднятия в учреждении партийной дисциплины, что можно рассматривать как стремление расправиться с над либеральным парткомом. Но формулировка получилась обтекаемой: «Ввиду постоянно увеличивающегося объёма работы и возросших требований осуществлять конкретное и действенное руководство научно-исследовательской деятельностью в таком громоздком и разнородном по составу специалистов и характеру научных подразделений учреждении стало весьма затруднительно. Это отрицательно сказывается на качестве научной продукции и на постановке партийно-воспитательной работы в коллективе».

Трапезников не стал включать в записку основные задачи и направления научно-исследовательской работы двух институтов, поручив Президиуму Академии сформировать их в двухмесячный срок. Отмечалось, что Институт истории СССР должен стать головным научным центром в области отечественной

[23] Там же, л. 13—14.
[24] Там же, л. 10—12.

истории, а его деятельность «даст возможность усилить координацию исследовательских работ по истории народов СССР, ведущихся в союзных и автономных республиках»[25]. Кроме того, заведующий отделом предлагал обсудить в ЦК вопрос о кандидатурах директоров институтов. Его записка обсуждалась на заседании Секретариата ЦК 31 мая (на том же заседании утверждено окончательное постановление о деятельности ИМЛ).

Сохранилась рабочая запись, в которой кратко затронут этот вопрос: «*Келдыш:* Мы внесли предложение о разделении Института истории на два института: истории СССР и всеобщей истории. Институт истории в нынешнем виде настолько велик по своим масштабам, что управлять таким учреждением весьма трудно. *Суслов:* Есть предложение поддержать проект постановления, но следовало бы подумать о кандидатурах на руководителей институтов. Может быть, т.т. Келдыш и Трапезников в течение 5—7 дней подготовят предложения по этому вопросу и внесут их на следующий Секретариат»[26].

Таким образом президент Академии наук полностью принял предложения завотделом ЦК. Проект постановления был единогласно утвержден всеми секретарями и отправлен на голосование в Политбюро. 7 июня все его члены (кроме Д.С. Полянского, который в тот день болел) также единогласно утвердили опросом постановление «Об Институте истории СССР АН СССР и Институте всеобщей истории АН СССР». В преамбуле документа объявлялось, что он утверждён в целях «дальнейшего развития исторических наук, изучения и пропаганды революционно-патриотических традиций трудящихся нашей страны»[27]. В самом постановлении скупо сообщалось о создании двух институтов (с формулировкой: «Согласиться с предложением Академии наук СССР»), приняв к сведению, что все мероприятия должны были пройти в пределах ассигнований и фонда заработной платы, предусмотренной для еще функционирующего объединенного института. Кроме того, Президиуму АН поручалось в двухмесячный срок разработать направления научно-исследовательской работы, а также структуру институтов.

Однако только спустя почти пять месяцев — 14 октября — Румянцев направил в ЦК соответствующие материалы. Выдвинутый на пост директора Института истории СССР Б.А. Рыбаков представил две записки — одна была посвящена основным направлениям его работы[28], вторая — структуре[29]. Главной задачей учреждения, которое Рыбаков предлагал переименовать в Институт отечественной истории, предполагалось изучение на основе марксистко-ленинской теории всего исторического процесса на территории Советского Союза с древнейших времён до современности. В соответствии с этой задачей выстраивались (в хронологической последовательности) основные направления работы. Так, «наибольшая хронологическая глубина проблематики Института» сосредотачивалась на изучении древнейших рабовладельческих государств Закавказья, Средней Азии и Причерноморья. Более ранними сюжетами Рыбаков предлагал не заниматься, так как первобытные общества уже исследовались в институтах археологии и этнографии.

---

[25] Там же, л. 11.
[26] Там же, ф. 4, оп. 44, д. 3, л. 147.
[27] Там же, ф. 3, оп. 68, д. 833, л. 9.
[28] Там же, л. 26—30.
[29] Там же, л. 31—32.

Вторым научным направлением работы становилось изучение периода феодализма, на протяжении которого «ясно обозначилось будущее ядро Союза Советских Социалистических республик — государственность русского народа»[30]. Следующее направление — изучение капитализма от зарождения первичных форм до «господства промышленной буржуазии в феврале—октябре 1917 г.». Главным же оказывалось изучение советской истории (по которому специализировалась почти половина сотрудников нового института). При этом академик оговаривал, что вопросы истории КПСС и Великой Отечественной войны должны координироваться с ИМЛ и Институтом военной истории во избежание дублирования тем. Отдельно предлагались сквозные темы — изучение источников, историографии, исторической географии и проблем историко-социологических исследований.

Что касается структуры, она фактически соотносилась с основными направлениями работы: сектор древнейшей истории народов СССР, сектор истории СССР периода феодализма, сектор истории СССР периода капитализма, сектор истории Великой Октябрьской революции и гражданской войны, сектор истории социалистического и коммунистического строительства, сектор истории советского рабочего класса, сектор истории советского крестьянства, сектор истории советской культуры, сектор истории внешней политики советского государства, сектор общих проблем истории народов СССР (в нем предполагалось вести исследования крупных регионов — Прибалтики, Закавказья, Средней Азии и т.д.), сектор истории исторической науки, сектор источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин (главное внимание которого обращалось на анализ источников советского периода), сектор исторической географии, комиссия по составлению свода исторических памятников, группа по изданию русских летописей, группа по подготовке многотомной «Истории СССР», группа по историко-социологическим исследованиям, группа научной информации и зарубежной историографии советского общества.

В записке Е.М. Жукова[31] объявлялось, что «Институт всеобщей истории Академии наук СССР призван вести научные исследования по общим проблемам всемирно-исторического процесса, а также по истории стран Западной Европы и Америки (изучение истории других стран осуществляется соответствующими научно-исследовательскими институтами)». Будущий директор обещал, что «будут приняты меры к полному преодолению отрыва научных исследований в области всеобщей истории от практических политических потребностей»[32]. Указывались следующие основные направления работы: изучение закономерностей всемирно-исторического процесса, проявляющихся в прогрессивной смене социально-экономических формаций; исследование конкретных форм революционного перехода от одной социально-экономической формации к другой; изучение исторических эпох, отражающих борьбу и сосуществование различных социально-экономических формаций; исследование типов и форм социальных революций; изучение истории социалистической мысли; изучение истории развитых капиталистических стран Европы и Америки; исследование особенностей исторического развития этих стран в условиях общего кризиса капитализма; изучение истории стран Латинской Америки; изучение истории

[30] Там же, л. 26.
[31] Там же, ф. 4, оп. 20, д. 488, л. 19—26.
[32] Там же, л. 19.

колониализма; изучение истории ГДР и Кубы (другие соцстраны уже изучались в иных научных учреждениях); изучение истории древнего мира и истории европейского средневековья; изучение зарубежной историографии всеобщей истории. При этом подчёркивалось, что первоочередной задачей Института (как и всех идеологических учреждений) должна стать подготовка трудов, связанных со 100-летием В.И. Ленина.

В соответствии с направлениями работы предлагалась структура научных подразделений: отдел комплексных проблем всемирной истории с одним сектором (по исследованию общих проблем всемирно-исторического процесса) и четырьмя группами (комплексных проблем истории докапиталистических формаций, комплексных проблем истории капитализма, комплексных проблем истории социализма, изучения истории социалистической мысли), отдел новой и новейшей истории развитых капиталистических стран с одним сектором (истории США и Канады) и шестью группами (Франции, Германии, Англии, Италии, Испании и Португалии, Скандинавских стран и Финляндии), группа по истории ГДР, сектор по истории стран Латинской Америки, группа по истории Кубы, группа по истории колониализма, сектор истории европейского средневековья, сектор истории древнего мира, группа зарубежной историографии всеобщей истории, группа научной информации.

Жуков просил возложить на Институт осуществление научных связей с зарубежными историческими научно-исследовательскими учреждениями. Кроме того предлагалось преобразовать журнал «Новая и новейшая история» в ежемесячник объёмом до 15 п.л.; разрешить издание научно-информационного бюллетеня на множительной машине с рассылкой по специальному списку; ввести практику издания по закрытой тематике с рассылкой по специальному списку; предоставить Институту право получать материалы Иновещания ТАСС, закрытые издания издательства «Прогресс» и закрытые бюллетени других институтов АН.

5/6 ноября Румянцев направил в ЦК дополнительную записку, прося считать печатными органами Института всеобщей истории журналы «Новая и новейшая истории» и «Вестник древней истории», а Института истории СССР — «Историю СССР» и непериодические «Исторические записки». Кроме того, Ленинградское отделение становилось отделением Института истории СССР, но с научно-методическим руководством со стороны Института всеобщей истории небольшой группы всеобщей истории[33].

26 декабря все документы были разосланы секретарям ЦК в пакете с проектом постановления и сопроводительной запиской Трапезникова, указывавшей, что «проект постановления был внимательно рассмотрен в Отделе науки и учебных заведений ЦК КПСС с участием руководителей институтов и видных учёных-историков»[34]. Наконец, 7 февраля 1969 г. состоялось заседание Секретариата, на котором обсуждался вопрос о научно-исследовательских направлениях и структуре двух институтов. Слово было предоставлено Жукову и заместителю директора Института истории СССР Волобуеву.

В отличие от майского заседания 1968 г. высшие лица ЦК высказывались по проекту более активно, о чём свидетельствует рабочая запись заседания: «*Устинов:* Следует указать на необходимость бульшей координации работы с

[33] Там же, л. 33.
[34] Там же, л. 17.

другими институтами — марксизма-ленинизма, военной истории и др., а также на связь с институтами социалистических стран. Катушев предлагает специально указать в постановлении о том, чтобы развивать связи с научно-исследовательскими институтами социалистических стран. *Капитонов:* Структура должна соответствовать задачам, стоящим перед институтами. *Пельше:* Надо позаботиться о книгах по истории для массового читателя, для народа. Сейчас мало научно-популярной литературы по истории. *Трапезников:* По укомплектованию институтов с крупными историками всё оговорено, но вопрос кадров остаётся. *Суслов:* Решение о разделении институтов правильное, трудно было управлять большим коллективом. Предлагаемый проект постановления можно будет принять. Надо учесть высказанные замечания и предложения»[35].

После небольшой доработки постановление было включено в протокол заседания Секретариата под названием «Об основных направлениях научно-исследовательской работы и структуре Института истории СССР и Института всеобщей истории Академии наук СССР», а затем опубликовано в изложении в журналах «Вопросы истории», «История СССР» и «Новая и новейшая история».

Таким образом представляется, что в истории разделения Института истории АН СССР необходимо отказаться от расхожего, но упрощённого представления о цели данного решения (расправа с мятежным «даниловским» парткомом). Правильнее говорить о комбинации ряда факторов. Мельком, но проблема с партийной дисциплиной упоминается в доступных документах и деятельность парткома нельзя отбрасывать. Однако проекты разделения Института существовали давно, причём их инициатором выступало руководство учреждения. Сыграли роль и амбиции отдельных организаторов науки (в первую очередь Е.М. Жукова). Реализовались же они потому, что такой шаг органично вписывался в масштабную реорганизацию структуры и управления общественными науками после постановления 1967 г. И доминировали, видимо, именно организационные соображения.

В заключение укажем, что непростая история реорганизация Института истории вполне вписывается в формулу из известной поэмы-пародии Л.Н. Пушкарёва «Повесть институтских лет, или история Института истории от Рождества Христова до ухода Хвостова — В самом сжатом очерке» (1968): «Да, штатов — изобилье, порядка снова нет»[36]. Правда, принятое решение не решило ни первую, ни вторую «проблемы».

---

[35] Там же, ф. 4, оп. 44, д. 4, л. 29—30. Кроме того, М.А. Суслов во время заседания вёл записи на листке из отрывного блокнота следующего содержания: «Об основных направлениях н[аучно]-исследов[ательской] р[або]ты и структуре Института истории СССР и Института всеобщей истории Акад[емии] наук СССР. Организация 2-х институтов позволит исследовать глубже советскую историю и сис[тему]. <а) направления — правильное.> Имеются ли замечания по проект[у] постановления? а) направления — правильные[;] б) структура (замечания Капитонова вносятся в структуру?). Одобрить в основном» (РГАНИ, ф. 4, оп. 20, д. 488, л. 34).

[36] Вторая муза историка: Неизученные страницы русской культуры XX столетия / Сост., коммент. А.А. Сванидзе. М., 2003. С. 286.

Сергей Леонов

Рец. на: Конфессиональная политика Временного правительства России / Сост., автор предисл. и коммент. М.А. Бабкин. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 558 с.

Sergey Leonov
(Moscow Pedagogical State University, Russia)

Rec. ad op.: Konfessional'naya politika Vremennogo pravital'stva Rossii. Moscow, 2018

DOI: 10.31857/S086956870010154-0

На фоне массового издания источников публикация М.А. Бабкина выделяется своей фундаментальностью. Автор впервые в историографии представил обширный комплекс разнообразных документов, раскрывающих формирование вероисповедной политики и затрагивающий, по сути, все важнейшие конфессии страны в короткий, но переломный период — с марта по ноябрь 1917 г. В них прослеживается отношение Временного правительства к Православной Российской Церкви[1], которой, естественно, отдаётся приоритет (с. 172—259), отделившейся от неё в условиях революции Грузинской Православной Церкви (с. 259—278), к старообрядцам (с. 279—297), католикам и униатам (с. 297—378), армянам (с. 378—383), лютеранам (с. 384—401), мусульманам (с. 416—429), иудеям (с. 429—430) и буддистам (с. 432—438), к сектантам — меннонитам, скопцам, баптистам и евангельским христианам, духоборам (с. 402—416). Книга состоит из введения, археографического предисловия, двух разделов, посвящённых правительственным распоряжениям и замыслам, и 14 приложений, отражающих конфессиональный состав населения в 1897 г., положения вероисповедного законодательства 1906—1918 гг., определения Святейшего Синода и Поместного собора 1917 г. и т.д. Обширный научно-справочный аппарат включает комментарии, списки опубликованных источников, перечни наиболее важных законов и «основных событий» 1917 г., указатель имён и т.д.

Материал взят составителем преимущественно из десяти архивных фондов (прежде всего ГА РФ, в меньшей мере — РГИА и РГВИА), а также из периодической печати. Как правило, это нормативные и подзаконные акты, фрагменты делопроизводства Временного правительства, некоторых министерств и их департаментов, комиссий, совещаний — отношения, представления, заключения, проекты и т.п. Всего в сборнике, помимо приложений (как общих, так и к отдельным текстам) 249 документов, из них 154 (62%), публикуются впервые, а 71 не переиздавался с 1917 г. Среди них нет, разумеется, многочисленных прошений и распоряжений о пенсиях, награждениях, сметах, приобретении недвижимости и т.д., но приводятся «типовые» решения, касавшиеся бракоразводных дел, перехода в иное вероисповедание, назначения и увольнения священнослужителей, их права получать светское высшее образование и т.п.

В первом разделе освещены детали и механизмы выработки и осуществления новой конфессиональной политики. Во втором — представлена переписка В.Н. Львова и А.В. Карташёва, а также меры, связанные с разработкой преобразований, организацией приходов, с передачей церковно-приходских школ в учебное ведомство, с обсуждением восстановления автокефалии и последующего отделения Грузинской Православной Церкви, с подготовкой к созыву Поместного собора, эвакуации Министерства вероисповеданий, Святейшего Синода в Москву и т.д. Судя по выявленным Бабкиным документам, Временному правительству буквально недели не хватило для того, чтобы утвердить «Положение о Древле-православной церкви, имеющей Белокриницкую иерархию», которое уравнивало её клириков в правах с духовенством других христианских исповеданий (с. 286—296). Подавляющая часть размещённых в сборнике документов о взаимодействии революционного государства с католиками, армянами, баптистами и евангельскими христианами также ранее не издавалась.

В обстоятельном введении поясняются основные положения и термины, используемые автором. В частности, отмечается разница между «инославием», «иноверием» и «единоверием» (с. 45—46), особенности юридического статуса и управления различными конфессиями до и после 1917 г. Особое внимание при этом уделяется Православной Российской Церкви, которая, как известно, в синодальный период являлась тесно интегрированной в административную систему империи, «не имела отдельного правового статуса и, по большому счёту, не была собственником недвижимого имущества: последнее находилось в собственности православно-христианского государства, во главе которого стоял православный император». Её епархии, монастыри, духовные учебные заведения имели лишь ограниченные юридические права, и «на каждую куплю-продажу объектов недвижимости им было необходимо через Святейший Синод испрашивать разрешение императора» (с. 11). Связь Российской империи с православной Церковью Бабкин считает в первую очередь сакральной, а не юридической. При этом «ни одно важное церковное мероприятие не проходило мимо царя. Даже сами определения Св[ятейшего] Синода печатались на бланках, в верхних колонтитулах которых значилось, что они исходят с высоты верховной власти» (с. 13).

Как отмечает автор, «неравноправие инославных с православными проявлялось, прежде всего, в правовом статусе религиозных общин и в ограничениях, связанных с прозелитизмом», в запрещении перехода православных в инославие (тогда как обращение инославных в православие поощрялось). «Пропаганда неправославных конфессий была запрещена, — пишет Бабкин. — Юридическое преимущество инославных над иноверцами заключалось в том, что переход из инославных исповеданий в нехристианские был запрещён... Обратный переход был возможен с особого разрешения министра внутренних дел. Браки разрешались православных с инославными (при условии венчания и крещения детей в Православной церкви), но не с иноверцами» (с. 22). Но в целом, по его мнению, «в Российской империи в отношении инославных, сектантов и иноверцев центральными и местными властями проводилась политика невмешательства в их внутрирелигиозную жизнь» (с. 19).

Автор кратко характеризует действия Временного правительства, направленные на постепенное превра-

щение России в светское и правовое государство, начиная с выпущенной 3 марта 1917 г. правительственной декларации, амнистии всем, кто подвергался преследованию за религиозные убеждения, отмены каких-либо вероисповедных ограничений. Затем последовало официальное объявление свободы совести, упразднение должности обер-прокурора Святейшего Синода, создание Министерства исповеданий, определение прав Поместного собора и т.д. Одновременно происходил коренной пересмотр религиозно-гражданского законодательства, менялась структура государственных учреждений, что порою вызывало конфликты новых властей с духовенством и верующими. Иным стало и духовное окормление армии. Составитель выделяет четыре этапа конфессиональной политики Временного правительства и отмечает противоречия между декларированной «внеконфессиональностью» государства, равенством, автономией вероисповеданий и сохранением многих привилегий Православной Российской Церкви, а фактически и её «господствующего» статуса. Временное правительство не только считало себя облечённым в делах церковного управления теми же, по сути, правами, что и императоры, но и действовало схожим образом (с. 38, 39).

Бабкин явно стремился к максимально полному освещению темы. В сборник помещены все относящиеся к ней принципиально значимые документы, обнаруженные составителем в архивных фондах. Однако количество и информативность отложившихся там источников весьма неравномерно отражает положение различных вероисповеданий. В результате даже в совокупности с приведёнными в книге газетными публикациями сведения об иудеях, караимах, меннонитах и ряде других конфессий довольно бедны и отрывочны.

Старательность автора привела к некоторой избыточности общеисторических комментариев. Он пишет и о предпосылках образования Прогрессивного блока, и о тех или иных политических силах, и даже о такой сомнительной структуре, как Военно-революционный центр (с. 493). При этом отдельные утверждения автора не всегда точны и согласованы друг с другом. Например, во введении говорится о создании Временного правительства 1 марта (с. 20). В действительности, как отмечено в одном из приложений, оно было учреждено и приступило к работе лишь на следующий день (с. 487).

Российская империя, по справедливому замечанию М.А. Бабкина, подобно Византии, представляла собой «единое церковно-политическое тело» (с. 9). Болезненное, противоречивое (и в итоге незавершённое) вычленение из него множества светских государств и целого ряда конфессий до сих пор не получило адекватного отражения в историографии. И рецензируемое издание станет существенным подспорьем для исследователей этих процессов.

Примечание

[1] Как отмечает М.А. Бабкин, до 1943 г. «у “господствующей” в России Церкви не было официального, твёрдо зафиксированного наименования», она называлась «Православная Российская», «Российская Православная», «Всероссийская Православная», «Всероссийская», «Православная», «Российская», «Русская», «Русская Православная», «Российская Православная Кафолическая», «Православная Кафолическая Грекороссийская» и т.д. (с. 10).

Глеб Запальский

Рец. на: Отделение Церкви от государства и школы от Церкви в Советской России. Октябрь 1917 — 1918 г. Сборник документов / Под ред. прот. Владимира Воробьёва. Сост. Л.Б. Милякова. М.: Изд-во ПСТГУ, 2016. 942 с.

Gleb Zapalskiy
(Lomonosov Moscow State University, Russia)

Rec. ad op.: Otdeleniye Tserkvi ot gosudarstva i shkoly ot Tserkvi v Sovetskoy Rossii. Oktyabr' 1917 — 1918 g. Sbornik dokumentov. Moscow, 2016

DOI: 10.31857/S086956870010155-1

Подготовленный в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете сборник освещает процесс отделения Церкви от государства в Советской России с октября 1917 г. до конца 1918 г. В него вошли источники, извлечённые из фондов ГА РФ, РГАСПИ, ЦГА МО и Отдела рукописей РГБ, а также из Собрания узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства, светской и церковной периодики революционных лет. Конечно, публикаций, посвящённых данной тематике, было уже немало[1]. Все они детально разобраны в книге, причём с небезосновательной критикой, С.Г. Петровым. По сравнению с ними рассматриваемая подборка отличается гораздо большей полнотой: она включает 649 документов, исходящих как от советской власти, так и от Церкви.

Нельзя не отметить высокий научный уровень издания. Тексты удобно сгруппированы по темам и разделам: разработка секулярного законодательства, создание государственных структур, отвечавших за его реализацию, конфискация имущества храмов и монастырей, наложение контрибуций, налогов и повинностей на духовенство, отделение школы от Церкви, заключение и расторжение браков, введение нового календаря, похоронное дело и т.д. Все материалы сопровождают развёрнутые публикаторские заголовки, датировка, археографические примечания и легенды с указанием резолюций и помет, а также мест архивного хранения, предыдущих публикаций и проч.

Книгу открывают три подробных предисловия: источниковедческое (С.Г. Петров), историческое (Л.Б. Милякова) и археографическое (И.А. Зюзина, Л.Б. Милякова). Том снабжён многочисленными комментариями, географическим и именным указателями. Правда, в географическом указателе не оказалось монастырей, хотя в текстах о них говорится очень часто. Именной указатель дополняют краткие биографии некоторых исторических деятелей, однако принцип их отбора не оговорен и непонятен. Так, среди них есть, к примеру, Л.Д. Троцкий и Н.А. Бердяев, но нет В.И. Ульянова (Ленина), И.В. Сталина и С.Н. Булгакова, тогда как все они в томе упоминаются. К сожалению, отсутствует и список использованных архивных дел и литературы.

Важная особенность сборника — сочетание разноуровневых и разножанровых источников: фрагментов из конституции, декретов и их проектов, постановлений СНК и наркоматов, протоколов заседаний СНК, докладов, отчётов, запросов и прошений с мест, газетных сообщений и т.д. При

этом, естественно, бóльшее внимание уделено Москве — политической и церковной столице, хотя отражены и события, происходившие в разных концах страны. Видно, как на всех уровнях, в различных регионах постепенно и не всегда последовательно складывалась антирелигиозная работа: иногда предельно жёстко, иногда пассивно, изредка даже с оттенком сочувствия к верующим.

Наличие в книге документов и советских, и церковных органов позволяет проследить формирование как политики большевиков, так и реакции на неё верующих, зарождение их сопротивления. Расхождение в текстах противостоявших сторон выражалось даже в орфографии. Так, если православные люди писали слово «Церковь» с прописной буквы, то советские чиновники — со строчной. То, что составители сохранили этот разнобой в публикации, можно только поставить им в заслугу.

В целом столкновения из-за веры в 1917—1918 гг. были очень острыми. Большевики, придя к власти, безотлагательно занялись борьбой с Церковью. Первые затрагивающие её интересы декреты появились уже в конце 1917 г., одновременно начали создаваться управленческие структуры, осуществлявшие новый курс. Как отмечает Милякова, практические действия большевиков были гораздо более радикальны и разрушительны, чем провозглашалось в программе партии. Даже в краткий период, охваченный в сборнике, происходило множество арестов и расстрелов священнослужителей, выселение монастырей в трёхдневный срок, совершались разгромы храмов и обителей. Всё это сопровождалось открытым глумлением над верующими. На официальном документе — ордере, выданном ВЧК на «очистку» Ивановского монастыря в Москве, сохранилась помета «личного происхождения»: «Начальнице Ивановского монастыря на память об “ужасных большевиках”» (с. 409).

В свою очередь Церковь в то время фактически не признавала новую власть. Наиболее наглядно это проявилось в посланиях патриарха Тихона 1918 г.: 19 января он объявил анафему гонителям православной веры, а 26 октября, обращаясь к «нынешним вершителям судеб нашего Отечества, называющим себя “народными” комиссарами», отказался благословлять их власть. Контакты с ними были неизбежны, но при этом от имени Церкви выступали, как правило, отдельные лица или скромные делегации. Большевики реагировали на такое отношение болезненно и зачастую использовали его как повод для ещё большего ужесточения гонений. М.Н. Покровский заявлял на заседании Государственной комиссии по просвещению 24 августа 1918 г.: «Идти навстречу церкви и делать ей уступки мы не имеем оснований, тем более что до сих пор церковь нигде и никаким формальным документом не признала Советской власти. Даже обращение к нам не носит характера официальных сношений от учреждения, а просто — частных заявлений отдельных лиц» (с. 701).

Контакты Поместного собора Русской Церкви с СНК в 1917—1918 гг. хорошо известны. Но в сборнике приводятся очень интересные материалы уполномоченного Собором Н.Д. Кузнецова, находившегося почти в ежедневной переписке с правительственными учреждениями и деятелями (в частности, с управляющим делами СНК В.Д. Бонч-Бруевичем). Кузнецов, к которому стекалась масса прошений от монастырей, приходов, священнослужителей, стал, по сути, церковным адвокатом, искавшим воз-

можности для конструктивного диалога, объяснявшим новым властителям нужды верующих, указывавшим на противоречие отдельных мероприятий советской власти советскому же законодательству, принципу отделения Церкви от государства, напоминавшим о возможности потери властью авторитета, об опасности народного недовольства и волнений.

Порою удавалось наладить не только спокойное, но почти дружественное взаимодействие. Так, протопресвитер Успенского собора Николай Любимов обменивался с Бонч-Бруевичем весьма любезными письмами о пропуске священнослужителей в Кремль, корреспонденты обращались друг к другу не иначе как «милостивый государь», «Ваш покорнейший слуга» и т.п. Управляющий делами СНК великодушно предлагал: «Будьте любезны впредь за всеми Вашими нуждами, касающимися нас, представителей гражданской власти Российского правительства... обращаться лично ко мне» (с. 293, 296). Митрополит Макарий (Невский), подвергшийся ограблению, обратился за помощью к Ленину. Председатель СНК проявил неожиданное участие, поручив народному комиссару юстиции Д.И. Курскому «совершенно немедленно назначить строжайшее судебное следствие по возмутительному делу об оскорблении действием 80-летнего старца бывшего митрополита Московского Макария и о других противозаконных поступках группы лиц, ворвавшихся во время богослужения в Николо-Угрешский монастырь» (с. 449—452). Впрочем, выявить и задержать преступников так и не удалось, что было вполне предсказуемо.

Далеко не все большевистские замыслы воплощались в жизнь. В 1918 г., после перехода на новый стиль, началось обсуждение ещё более грандиозной реформы — замены христианской эры летоисчисления новой, социалистической, ведущей отсчёт от октября 1917 г. (по аналогии с французским революционным календарём). Некоторых эта идея увлекла. К примеру, С.А. Есенин в 1918 г. датировал свои книги «2-м годом I-го века». Однако дальше разговоров дело не пошло. Более того, в 1917—1918 гг. крупнейшие церковные праздники официально ещё оставались нерабочими днями, а на Пасху можно было отдыхать пять дней.

В ряде случаев большевики пытались использовать церковные правила в своей политике. Например, заместитель народного комиссара иностранных дел Г.В. Чичерин в докладной записке о введении нового стиля отмечал: «Давно уже авторитетные представители церкви указывали, что переход к другому календарю не нарушает канонов. Основным препятствием было опасение, что введение григорианского счисления будет истолковано как уступка православия католичеству. Ныне, при изменившихся политических обстоятельствах, не может быть и речи о каких-либо посягательствах со стороны католичества по отношению к православию» (с. 575). Любопытно также, что комиссар юстиции в Калужской республике (существовавшей несколько месяцев в 1918 г.) настойчиво требовал от священников беспрепятственно венчать лиц, разведённых гражданским порядком. Наркомюсту пришлось разъяснять, что венчание и отказ от него — исключительно частное дело, не имеющее для новой власти значения.

Вообще нередко наиболее радикальные и даже безумные предложения по борьбе с Церковью шли «снизу». Так, Л. Сумбатова в письме Ленину настаивала на суде над иерархами за их коллективное преступное гипно-

тическое влияние: «Несмотря на моё решение никогда не переступать порога их церкви, они подстроили так, что я в Троицу сразу почувствовала желание пойти в Казанский собор... То, что они производят надо мной — убийство и ещё гнуснейшее, так как, порабощая мои желания, они убивают лучшую сторону человека — его “Я”». Представителям власти не раз приходилось сдерживать население от ареста настоятелей монастырей и приходов, вмешательства в их назначение, в богослужебные вопросы и т.п. НКВД в особой инструкции призывал местные Советы не допускать самочинных захватов обителей и не реквизировать почитаемые предметы культа, «щадя религиозные чувства верующих граждан» (с. 284). Видимо, в 1917—1918 гг. большевики не отличались последовательностью, ещё не были готовы выступить против Церкви единым фронтом на всех участках, местами они только нащупывали почву.

С другой стороны, православные прихожане не только заявляли протесты, устраивали массовые акции и создавали братства для защиты святынь, но и старались адаптироваться к меняющейся реальности. К примеру, ими предпринимались попытки переоформить закрываемые домовые храмы в качестве приходских. Некоторые монастыри уже весной 1918 г. превратились в «трудовые религиозно-демократические коммуны», «сельскохозяйственные общины-коммуны» и т.п. С конца 1918 г., когда эту практику одобрили Священный Синод и Высший церковный совет, она стала массовой. Многие священнослужители, оставаясь в церковном клире, устраивались на работу в советские учреждения. Так, архимандрит Арсений (Денисов) возглавил церковно-исторический отдел Комиссии по охране памятников искусства и старины при Московском совете рабочих и солдатских депутатов.

В книге можно обнаружить немногочисленные неточности. В ней утверждается, например, что ряд декретов публикуется впервые (с. 46), тогда как они не вступили бы в силу, не будучи опубликованы. При перечислении подписей братии Чудова монастыря напечатано «указанные послушники» вместо «указные послушники» (с. 304). Но в целом высокий научный уровень и ценность сборника неоспоримы. Его можно не только рекомендовать широкой читательской аудитории, но и приводить в пример как весьма качественную и объёмистую публикацию документов, осуществлённую церковным издательством.

Примечание

[1] См., в частности: К истории отделения церкви от государства и школы от церкви в СССР: Документы и материалы / Публ. М.М. Персица // Вопросы истории религии и атеизма. Вып. 5. М., 1958. С. 3—49; Русская Православная Церковь в советское время (1917—1991): Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / Сост. Г. Штриккер. М., 1995; Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917—1941: Документы и фотоматериалы / Под ред. Я.Н. Щапова. Сост. О.Ю. Васильева. М., 1996.

Юлия Бирюкова, Владимир Тер-Аракельянц

Церковная жизнь на среднем Дону в 1917—1930 гг.*

Julia Biryukova, Vladimir Ter-Arakelyants
(both — Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia)

Church life on the Middle Don in 1917—1930

DOI: 10.31857/S086956870010156-2

В последние годы наметились определённые изменения в изучении истории Русской Церкви в первые послереволюционные десятилетия, тех, кто обращается к ней, всё чаще интересует положение прихода и прихожан, круг их идей и представлений. Всё больше появляется микроисторических исследований и работ, посвящённых региональной специфике.

К их числу относится и монография иерея Евгения Анатольевича Агеева «Православная Церковь на Среднем Дону в соборный и послесоборный периоды (1917—1930 гг.)», написанная на материале Усть-Медведицкого и Хопёрского округов Области Войска Донского. В ней рассматриваются судьбы представителей приходского духовенства, деятельность монастырей, благочиний и приходов Донской епархии (с. 29). Свой труд автор — потомок «раскулаченных» и репрессированных в 1930-х гг. донских казаков, посвятил «памяти всех родных и неродных, известных и безвестных, ссыльных и заключённых, расстрелянных и оставленных на муки» (с. 10).

Необходимо отметить плохую сохранность источников, освещающих обстоятельства церковной жизни на среднем Дону, особенно в годы Гражданской войны, в ходе которой красные уничтожили окружной суд и архив в станице Усть-Медведицкой (с. 26). Тем не менее автору удалось, систематизировав и тщательно проработав немногочисленные сохранившиеся данные, создать качественное и логичное изложение происходивших событий. В основном он опирается на материалы Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков при Главнокомандующем вооружёнными силами Юга России, анализирует собранные ею в 1919 г. опросные листы донских храмов, обобщает их информацию (порядка 350 анкет, охвативших почти 60% приходов Области Войска Донского), часть из них до него не рассматривалась. Ценный и достаточно редкий источник — приходские летописи Христорождественского храма станицы Урюпинской и Пантелеимоновского храма хутора Летовский станицы Кременской Усть-Медведицкого округа. Помимо сведений о жизни духовенства и мирян в условиях боевых действий и начавшихся гонений, они передают отношение современников к окружавшей их действительности. Большой интерес представляет и «Книга Филоновского благочиннического совета для записи просьб и решений по ним», опубликованная в монографии в качестве приложения (как и фрагмент из летописи Пантелеймоновского храма). В монографии использованы также документы репрессивных органов, экспонаты и материалы музейных фондов области.

В первой главе «Церковная жизнь на территории Усть-Медведицкого и Хопёрского округов Области

* Агеев Е.А. Православная Церковь на Среднем Дону в соборный и послесоборный периоды (1917—1930 гг.). М.: Спасское дело, 2019. 256 с., ил.

Войска Донского в годы революции и Гражданской войны (1918—1920 гг.)» (с. 50—97) показано, что в центре внимания православного духовенства и мирян с весны 1917 г., помимо стремительных политических изменений, находились проблемы преподавания Закона Божия, организации местных церковных органов самоуправления (прежде всего благочиннических и приходских советов), выборность клириков на вакантные места, подготовка к Поместному собору и, в частности, избрание представителей на епархиальный съезд выборщиков, куда отправились священник Василий Кожин (будущий митрополит Гермоген) и преподаватель Урюпинского реального училища Ф.Г. Кашменский (с. 58). Впоследствии они стали членами Собора. Здесь же говорится о том, как менялись настроения верующих после Октябрьского переворота, как революционные комитеты начали грубо вмешиваться в церковные дела, накладывая свои ограничения на совершение богослужений в храме, как нарастала антирелигиозная пропаганда (с. 63, 67—68). Затем развернувшиеся в крае боевые действия привели к запустению храмов, прекращению богослужения, голоду и нужде (с. 70). Отдельный параграф посвящён деятельности Филоновского благочинического совета (с. 75—87), занимавшегося в соответствии с решениями Чрезвычайного Донского епархиального съезда 1917 г. выборами клириков, а позднее вынужденного реагировать на последствия боёв (убийство священника Павла Вилкова, ограбление церкви в станице Павловской, повреждение других церквей и т.п.). После окончательного установления в Области советской власти совет прекратил существование (с. 86).

В отдельном параграфе прослеживаются гонения на духовенство и разорение храмов и монастырей Усть-Медведицкого и Хопёрского округов. Как отмечает автор, террор, развязанный там в 1919 г., «практически не задокументирован, и нам трудно оценить его масштабы», поскольку документы красных, скорее всего, были уничтожены, а следователи Особой комиссии не успели произвести расследование до отступления осенью 1919 г. (с. 96). Тем не менее известны массовые случаи зверских убийств и издевательств над местным населением, включая клириков (с. 87—97).

Во второй главе «Церковная жизнь в донских округах после окончания Гражданской войны» речь идёт об административно-территориальных преобразованиях большевиков (с. 98—100), трансформации традиционного уклада в казачьих областях, кампании 1922 г. по изъятию церковных ценностей (с. 101—115) и распространению обновленческого раскола в Усть-Медведицком и Хопёрском округах (с. 115—138), где он активно внедрялся при участии ОГПУ и местных властей (с. 133). Любопытно, что при этом «духовенство, оказавшееся в расколе, не стремилось порывать с церковными канонами, несмотря на радикальные заявления, подписывавшиеся их лидерами» (с. 128—129). Более того, оно зачастую не понимало, что пребывает в расколе, и считало обновленческое управление восстановленной «стариной» (с. 150). Вместе с тем исследователь обоснованно развенчивает миф о поддержке обновленчества старообрядцами, которые на Дону и Нижней Волге отнюдь не напоминали «христианских социалистов», а скорее составляли самую богатую и влиятельную прослойку общества (с. 134—136). Да и районы, где обновленцы добились успеха, не совпадали с территориями наибольшей концентрации старообрядческих общин.

Особый интерес вызывает параграф, в котором на основе приходских летописей и следственных дел (с. 138—165) раскрываются трагические события и процессы 1920—1930 гг., а также их восприятие приходским духовенством и прихожанами. «Какая странная ирония судьбы: и советская, и духовная власть только, видимо, одним и заняты — это выколачиванием денег, — сетовал тогда “летописец” Пантелеимоновской церкви. — Никак они не могут понять: откуда их брать? Для примера взять хотя бы Летовский приход — несчастнее, мне кажется, в отношении материального обеспечения в данное время нет другого подобного прихода... а только то и делают, что гражданская власть — описывает имущество и зачастую продаёт с молотка, духовная — то и дело грозит строгими репрессиями» (с. 151—152). Завершает монографию параграф «Последние годы существования и закрытие Усть-Медведицкого Преображенского монастыря» (с. 166—180).

Е.А. Агееву удалось совместить научный анализ исследуемых событий с почти художественным их описанием. Деятелям прошлого он даёт точные характеристики, тонко проникая в их индивидуальную и массовую психологию. Благодаря этому читатель погружается в эпоху, где свирепствовали продотряды, крестьяне спасались от неминуемого голода, укрывая свои скудные запасы, священников допрашивали следователи ОГПУ и т.д. Столь редкий талант будет, безусловно, оценен и специалистами, и широкой аудиторией.

Иван Петров

Точка или многоточие? Новая книга о судьбе экзарха Прибалтики митрополита Виленского и Литовского Сергия (Воскресенского)*

Ivan Petrov
(Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia)

Point or ellipsis? A new book about the fate of the Baltic exarch Metropolitan of Vilna and Lithuania Sergius (Voskresensky)

DOI: 10.31857/S086956870009278-6

Среди православных епископов середины XX в. сложно найти более деятельного и одновременно противоречивого молодого архиерея, чем владыка Сергий (Воскресенский). Один из первых архипастырей, сформировавшихся уже в условиях религиозных гонений, он был верным сторонником «Сергия Старшего» — будущего патриарха Московского и всея Руси. На посту редактора «Журнала Московской патриархии», а затем — митрополита Виленского и Литовского, экзарха в Прибалтике, он стойко отстаивал церковные и государственные интересы Москвы. Однако начавшаяся в июне 1941 г. война превратила до той поры малозаметного молодого

* Шлевис Г. «Он пришёл сюда как странник...». Судьба митрополита Сергия (Воскресенского). Вильнюс: Свято-Духов монастырь, 2017. 272 с.

Материал подготовлен при поддержке гранта РНФ № 18-78-00048 «Служение русского православного пастырства на временно оккупированных районах РСФСР в 1941—1944 гг.».

This research was supported by the Russian Science Foundation, project № 18-78-00048 «Orthodox clergy on the Occupied areas of the RSFSR in 1941—1944».

епископа-«сергианца» для одних — в символ и главную фигуру церковного возрождения на временно оккупированных нацистами территориях, для других — в предателя родины и Церкви. Впоследствии историки Русского зарубежья чаще всего оправдывали его деятельность[1], тогда как в СССР в ней долго усматривали пример «предательской сущности» православного духовенства[2]. Лишь в 1995 г. О.Ю. Васильева постаралась подняться над устоявшимися оценками и проанализировать основные вехи биографии владыки[3]. Затем его судьба и «феномен Прибалтийского экзархата» не раз освещались в трудах М.В. Шкаровского, священника Ильи Соловьёва, К.П. Обозного, А.В. Гаврилина, Р. Лаукайтите[4], а также в публикациях архивных документов[5].

Между тем в 2017 г. Герман Шлевис, долгие годы являвшийся официальным историографом Литовской епархии и известный работами о православных храмах Литвы и служении будущего патриарха Тихона (Белавина) на Виленской кафедре[6], обратил внимание на то, что в историографии практически не раскрыта роль правящего архиерея в жизни епархиального центра — Вильно, куда митрополит, постоянно проживавший в Риге, часто приезжал в годы нацистской оккупации. В отличие от других исследователей, изучавших в основном фонды германских, российских и балтийских государственных архивов, Шлевис опирается на документы Архива Виленско-Литовской епархии (Lietuvos staciatikiu arkvivyskupijos archyvas). Именно в этом хранилище, располагавшемся на протяжении десятилетий в башне Свято-Духова монастыря в Вильнюсе, можно отыскать немало распоряжений экзаршего управления, подписанных лично митрополитом Сергием, докладов благочинных, писем священников. Там же находятся материалы богословских курсов, отражающие замыслы экзарха по пополнению православного клира как Балтии, так и России.

Первоначально в Литве с опаской и даже неприятием отнеслись к назначенному из Москвы «гостю», не знакомому с традициями и особенностями жизни местного духовенства (с. 40). Однако ему удалось разрушить этот барьер, стать для большинства в «православном Вильно» своим, ещё более русским и православным, чем его предшественники. При этом на пути экзарха встречалось немало проблем, которым в книге Шлевиса посвящены краткие, но весьма информативные очерки. Так, в главе «Как мирянин Н.П. Юзвьюк стал епископом» убедительно показано, что на территории Литвы могло возникнуть противостояние между правящим архиереем и владыкой Феодосием (Феодосиевым), проживавшим на покое в Свято-Духовом монастыре и желавшим объявить автокефалию (с. 65). Именно поэтому митрополиту понадобился викарий, способный предотвратить выступления автокефалистов. Наиболее подходящей фигурой он счёл многолетнего преподавателя Виленской духовной семинарии Н. Юзвьюка, прекрасно знакомого с канонами и верного московским церковным властям. Юзвьюк сначала категорически отказался от соответствующего предложения, сделанного инициативной группой виленских мирян, но затем экзарх сумел его убедить (согласие стоило ему пяти лет, проведённых в советских лагерях) (с. 66—67).

В отдельной главе Шлевис проанализировал положение православных приходов на территории Литвы в середине 1941 — середине 1943 гг. Он правдиво и без прикрас описал трагические события 14 июня 1941 г., связанные с депортацией многих жи-

телей трёх прибалтийских республик в Сибирь. Среди депортированных было немало представителей духовенства, в том числе православного. Разумеется, это вызвало крайне негативное отношение верующих к советской власти и защите СССР. Неудивительно, что в большинстве отчётов благочинных экзарху с начала нацистской оккупации до середины 1942 г. преобладали крайне суровые оценки «первого советского года» и религиозной политики большевиков. Приход немцев сначала привёл к ослаблению давления на православные общины и развитию приходской жизни. Местные ксёндзы нередко завидовали этому и пытались перенимать опыт. Однако ужесточение оккупационной политики и межнациональная рознь вскоре создали новые проблемы. Так, литовские националисты, вдохновлённые антиеврейскими акциями, проведёнными нацистами, всё сильнее ограничивали возможности русских (с. 90). Православные прихожане вынуждены были через духовенство обращаться за помощью к генеральному комиссару, дабы остановить притеснения со стороны литовцев и избежать расправы.

Шлевис впервые указывает на непростое отношение экзарха Сергия (Воскресенского) к юрисдикциям Русской Православной Церкви Заграницей и Польской Православной Церкви. Его враждебность к карловчанам была широко известна. Однако в годы войны митрополит Сергий (Воскресенский) старался восстановить общение с немногочисленными сторонниками Московского патриархата в Европе, добивался разрешения на поездку в Германию и оккупированные ею страны (прежде всего — во Францию) для восстановления единства русских православных приходов на континенте. Более того, он даже установил связь с главой Западноевропейского экзархата митрополитом Евлогием (Георгиевским) (с. 97—99), о чём ранее историки не упоминали. Возможно, это заочное общение повлияло и на то, что в последний год жизни митрополит Евлогий стал ярым сторонником перехода в Московский патриархат.

Подробнейшим образом описывая историю действовавших в Вильно богословских курсов, Шлевис проанализировал анкетные данные их учащихся, детально охарактеризовал преподавательский состав и возникавшие в нём конфликты (в частности, деятельность о. Василия Виноградова). В главе, посвящённой духовенству, служившему на Смоленщине и Орловщине или же в составе Псковской миссии и оказавшемуся на территории Литвы вследствие продвижения Красной армии на Запад и отступления вермахта, автор на основе архивных документов восстановил биографии эвакуированных пастырей и членов их семей, выявил особенности восприятия ими своего положения и случаи перехода русских священников с приходов РСФСР в подчинение экзарха без какого-либо покаяния. Рассказывается в книге и об организации и деятельности Внутренней миссии, призванной упорядочить жизнь православных беженцев в Литве (ранее о ней говорилось лишь в небольшом параграфе монографии Обозного[7]). Шлевис показывает взаимоотношения между эвакуированными и местными священнослужителями, отмечает их контакты с созданным немцами «Бюро поверенного по делам русского населения Литовского округа» (с. 141—143). По данным исследователя, экзарх лично определил цели Внутренней миссии и её руководящий состав, обсуждал с немецким командованием нюансы её деятельности (с. 140—141).

Основной загадкой в биографии митрополита Сергия по-прежнему

остаётся то, кем и по чьему указанию он был убит. Приводя все версии и восстанавливая хронологию событий, Шлевис констатирует, что основания устранить владыку в той или иной мере имели немцы, советские или польские партизаны, балтийские националисты (с. 200—223). Последние дни жизни экзарха описаны в книге с особой тщательностью (ни один церковный историк прежде этого делал). Исследователь в деталях восстанавливает цепь роковых обстоятельств, предшествовавших гибели митрополита, срочно, в невероятной спешке, выехавшего в Ригу для участия в похоронах известного тенора Д. Смирнова (с. 166—167). С невероятной педантичностью автор устанавливает конкретное место убийства экзарха на шоссе Вильно—Ковно у местечка Круонис, приводит данные о калибре оружия, из которого стреляли в машину, сообщает об угоне автомобиля нападавшими. Несколько десятилетий назад историк лично выезжал туда, общался со свидетелями трагедии, родственниками и соседями 16-летней М. Дубосайте, случайно оказавшейся на пути убийц и застреленной ими (с. 184—188). Не менее подробно Шлевис освещает похороны владыки Сергия, передавая чувства глубокой скорби, переполнявшие верующих после известия о расправе над архиереем.

Конечно, книга не лишена недостатков. В ней практически не проводится параллелей между происходившим в Литве и в Латвии и Эстонии, а Псковская миссия лишь вскользь упомянута. Совсем мало сказано о положении в экзархате и православных приходов Литвы после смерти митрополита Сергия (Воскресенского). И всё же нельзя не сожалеть о том, что эта работа, вышедшая небольшим тиражом, может не дойти до российских читателей.

Примечания

[1] *Алексеев В.И.* Смерть экзарха Сергия (Воскресенского) и выборы московского патриарха в свете немецких секретных документов // Церковная жизнь. 1958. № 7/12. 7; *Алексеев В.И., Ставру Ф.* Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // Русское возрождение. 1981. № 13—15.

[2] *Балевиц З.В.* Православная Церковь Латвии под сенью свастики (1941—1944). Рига, 1967; *Веверс Я.Я.* Православная духовная миссия — агентура немецкой разведки (материал в помощь лектору). Рига, 1973.

[3] *Васильева О.Ю.* Жребий митрополита Сергия (Воскресенского) // Наука и религия. 1995. № 5.

[4] *Шкаровский М.В.* Нацистская Германия и Православная Церковь. Немецкая политика по отношению к Православной Церкви и религиозное возрождение на оккупированной территории СССР. М., 2002; *Шкаровский М.В.* Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2007; *Шкаровский М.В., Соловьёв И., свящ.* Церковь против большевизма. М., 2013; *Обозный К.П.* История Псковской православной миссии. 1941—1944 гг. М., 2008; *Гаврилин А.В.* Под покровом тихвинской иконы. Архипастырский путь Иоанна (Гарклавса). СПб., 2009; *Лаукайтите Р.* Литовская православная епархия под властью митрополита Сергия (Воскресенского). 1941—1944 // Православие Балтии. 2015. № 3(12). С. 97—109.

[5] История Псковской православной миссии в документах / Сост. А.А. Кузнецова , иеромонах Платон (Рожков), С.Н. Романова, Л.И. Соколова, З.Н. Столярова. Ч. 1—2. Козельск, 2017; Приказ: архив уничтожить! Прибалтийский экзархат и Псковская православная миссия в годы немецкой оккупации 1941—1944. Сборник документов / Сост. С.К. Бернев, А.И. Рупасов. СПб., 2016.

[6] *Шлевис Г.* Православные храмы Литвы. Вильнюс, 2005; *Арефьева И., Шлевис Г.* Примите меня в свою любовь... Вильнюс, 2008.

[7] *Обозный К.П.* История Псковской православной миссии... С. 488—500.

Александр Кузьминых

Заметки о войне на уничтожение. Восточный фронт в 1941—1942 гг. в записях генерала Хейнрици*

Alexander Kuzminykh
(Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia)

Notes on the war of annihilation. Eastern front of 1941—1942 in the memoirs of General Heinrici

DOI: 10.31857/S086956870010157-3

Исследователей Второй мировой войны, наверное, трудно удивить новыми изданиями по истории этого глобального вооружённого конфликта. Ежегодно полки книжных магазинов и библиотек пополняются журналами, монографиями, сборниками документов, мемуарами, раскрывающими всевозможные аспекты военной эпохи. В массе своей это типовые и ординарные книги, но среди них порой встречаются уникальные издания, которые заинтересуют не только профессионального историка, но и неискушённого читателя.[1]

В 2018 г. издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге опубликовало дневниковые записи и письма генерала Готхарда Хейнрици, принимавшего участие в боях Первой и Второй мировых войн на Западном и Восточном фронтах. Он прошёл долгий боевой путь, командуя сначала дивизией, затем корпусом, армией и группой армий на территории Франции, Польши, Белоруссии, Украины, Центральной России, Венгрии, Словакии, Германии. Заработав репутацию мастера оборонительной тактики, неоднократно представлялся к высшим наградам Третьего рейха и закончил карьеру после взятия Берлина советскими войсками.

Впервые дневники Хейнрици были опубликованы в Германии в 2001 г. и сразу привлекли к себе внимание. Откровенные и подробные свидетельства генерала показывают масштаб событий и драматизм военных будней глазами участника военных операций на советско-германском фронте. А то, что дневник писался в разгар боёв, выгодно отличает его от германской послевоенной мемуаристики, несущей на себе отпечаток самоцензуры и самооправдания.

Книга содержит блестящее предисловие и тщательно выверенные комментарии, подготовленные О.И. Бэйдой и И.Р. Петровым. В них подробно раскрываются особенности мемуаров германских военачальников как исторического источника, жизненный путь и военная карьера Г. Хейнрици. Не меньший интерес представляет переведённое на русский язык предисловие к немецкому изданию, которое подготовил профессор Й. Хюртер. Академически строгое по форме, оно вводит читателя в проблемно-тематическое поле дневников, реконструирует личность их автора.

Вошедшие в книгу тексты можно условно разделить на три вида: письма супруге, отчёты семье, дневниковые записи. Хронологически они охватывают период с января 1915 до мая 1945 г., т.е. более 30 лет (записи до июня 1940 г. и после июля 1942 г. вынесены в отдельные приложения).

* Заметки о войне на уничтожение. Восточный фронт в 1941—1942 гг. в записях генерала Хейнрици / Под ред. Й. Хюртера; пер. с нем., предисл. к русскому изданию, коммент. О.И. Бэйды, И.Р. Петрова. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. 328 с.

Поражение Германии в Первой мировой войне, политический кризис Веймарской республики и приход к власти нацистов, становление гитлеровской диктатуры, начало Второй мировой, сражения под Сталинградом и на Курской дуге, падение Берлина — вот событийный фон, на котором разворачиваются описываемые события. Наиболее подробно записи освещают сложный этап, ставший переломным в карьере Хейнрици: с сентября 1940 по июнь 1942 г. — подготовка операции «Барбаросса» и вторжение в Советский Союз, битва за Москву и отступление немецких войск.

Дневниковые записи содержат подробное описание театра и хода военных действий, общий анализ стратегической обстановки на советско-германском и других фронтах Второй мировой, а также размышления по поводу происходящего. В результате получается объёмная и многоаспектная картина военной действительности, сочетающая анализ событий на микро- и макроуровнях, где сухое изложение фактов дополняется эмоциональными оценками происходящего, хода и перспектив войны, побед и поражений вермахта. Здесь и окопная правда солдатских мемуаров, и взгляд опытного стратега.

На восприятие событий большое влияние оказали происхождение автора (сын пастора и внук офицера-аристократа), его религиозность (протестант) и темперамент (пессимист со склонностью к саморефлексии). Для Хейнрици было характерно сочувствие национал-социалистической идеологии, хотя он не состоял в НСДАП. Приход нацистов к власти офицер воспринял как путь к национальному возрождению, восстановлению великой Германской империи. Он был воодушевлён политическими и военными успехами Гитлера, его харизмой и способностью вести за собой массы, оправдывал антисемитские мероприятия, агрессивную политику в Европе, колонизацию завоёванных территорий.

Вплоть до краха Третьего рейха Хейнрици участвовал в действиях гитлеровской военной машины, выполняя преступные приказы фюрера. Однако ход войны вносил коррективы в его мировоззрение и мироощущение. Дневник наглядно демонстрирует эволюцию сознания генерала, эрозию его прежних убеждений и представлений. Восторженное отношение к Гитлеру постепенно сменялось скепсисом в отношении сначала отдельных его решений, а затем теории и практики расово-идеологической войны на уничтожение. В самом конце войны генерал, понимая бессмысленность сопротивления, отказался выполнять приказы начальника штаба Верховного командования вермахта В. Кейтеля. Это решение стало закономерным итогом сложного внутреннего конфликта между требованиями воинской присяги и голосом совести и разума.

Тональность дневника при описании военной кампании в Европе и похода на СССР существенно различается. Если пребывание во Франции воспринималось почти как курортный отдых, то бои на Востоке — как кромешный ад и неимоверные испытания. Лишь изредка изображение суровых реалий войны сменялось описанием природы, когда автор использовал высокий стиль, созерцая красоту местных ландшафтов (с. 125). Местами он позволял себе и лирические отступления, в особенности, когда речь заходила о родном доме.

Хейнрици предстаёт как опытный командир, который знает толк не только в штабных картах. Он стремится быть на передовой, чувствует настроения и запросы солдат, пытается улучшить снабжение и быт вверенных

ему подразделений. Чувствуя колоссальную ответственность, постоянно лавирует между приказами высшего командования и необходимостью сохранить свой корпус, а затем и армию в ожесточённых боях. Генерал благодарен солдатам, которые стойко переносят лишения и, несмотря на тяжесть боёв и фронтового быта, чётко выполняют приказы своего командира. В целом записки героизируют и идеализируют образ немецкого солдата.

Что касается противника, то советский солдат гораздо более сильный, чем французский: предельно выносливый, хитрый и коварный, сражающийся с «фанатичным упорством» (с. 62, 73). Высоко оценивая артиллерию и авиацию противника, Хейнрици указывает на низкое качество пехотных частей, которые были укомплектованы необученными новобранцами и несли чудовищные потери.

Записки воссоздают картину гуманитарной катастрофы на территориях, охваченных войной: дороги, забитые остовами сожжённых автомобилей и разлагающимися трупами лошадей, огромные массы военнопленных и беженцев, бредущие в никуда. Несмотря на ликование немецкой пропаганды, воспевавшей военные успехи вермахта, в начале августа 1941 г. у Хейнрици появились первые сомнения в скором окончании войны, мысли о недооценке противника. Стремительное наступление по мере приближения к Москве превратилось в «медленное ковыляние». В планомерной работе германской военной машины всё чаще случались сбои: пилоты Люфтваффе бомбили своих, возникали проблемы со снабжением, падал боевой дух солдат, росли боевые потери.

С методичной регулярностью Хейнрици фиксировал погодные условия, видя в них то благоприятный прогноз для действий войск, то тревожное предзнаменование будущей катастрофы. По мере приближения континентальной зимы его охватывало чувство беспокойства за судьбу вверенных ему частей и военной кампании на Востоке. «На защиту России встала природа», — писал он 23 октября, когда его передовые части находились в 70 км от Москвы, увязнув в непролазной осенней грязи (с. 107).

С декабря 1941 г. тональность записей резко изменилась. Начавшееся контрнаступление советских войск под Москвой и зима со снегопадами, метелями и 30-градусными морозами нанесли колоссальный удар по противнику. Вермахт нёс массовые потери убитыми, ранеными, обмороженными (с. 122—123, 151, 184). Всё нагляднее проявлялась деморализация: участились случаи самовольного оставления позиций и членовредительства, типичным явлением стала вшивость. Самого автора на фоне физического и нервного истощения мучил «ужасный понос», который он лечил опиумом (с. 161). Отступающие, обескровленные в боях немецкие войска Хейнрици сравнил с наполеоновской армией (с. 160, 164).

В критические минуты автор всё чаще вспоминал о Боге, чувствуя себя «пловцом, которому связали руки и ноги и швырнули в воду» (с. 181). После поражений под Сталинградом и Курском, когда гитлеровский военный блок затрещал по швам, он сетовал на то, что «все беспредельно ненавидят нас», а «немецкий народ ждут лишь позор и возмездие» (с. 301). К концу войны записи стали более редкими и скупыми, а оценки перспектив — всё безрадостнее.

Представляют интерес впечатления немецкого генерала о жизни населения на оккупированных территориях. Русский быт Хейнрици рисует

самыми мрачными красками: города и сёла — «грязные дыры», где царит тотальная бедность, храмы разрушены, жилища и их обстановка крайне невзрачны (с. 68, 74). «Дикость» и «варварство», пожалуй, самые распространённые оценочные категории, употребляемые автором в отношении материальной и духовной культуры в «покинутой Богом стране». Советская Россия явно воспринималась им в контексте нацистских догматов о цивилизационной отсталости восточных славян. Однако высокомерное отношение к местному населению в первые недели и месяцы восточного похода постепенно уступило место робким попыткам понять «русскую душу» и характер русского народа, о чём свидетельствует чтение произведений Л.Н. Толстого и Н.С. Лескова.

Привлекают внимание размышления о природе и масштабах коллаборационизма среди советских граждан. Отмечая значительный размах сотрудничества мирного населения с оккупационными властями, генерал объясняет его антисталинскими настроениями, вызванными репрессиями, насильственной коллективизацией и гонениями на церковь. Рассчитывая на скорое крушение Советского государства под влиянием возрастающих тягот войны, он с огорчением констатировал нарастающую силу сопротивления, вовлечение в его ряды широких народных масс.

Дневниковые записи содержат многочисленные примеры ожесточённой борьбы с партизанами, жертвами которой, как правило, становилось гражданское население. Расширение партизанского движения вызывало бессильную ярость генерала. Он недоумевал по поводу «варварских» методов партизанской войны, наносившей всё возраставший материальный и моральный урон немецким войскам. Упоминаются казни партизан, причём в них участвовали подчинённые генерала, в том числе его личный переводчик лейтенант Г. Бейтельшпахер (с. 126).

В отдельных случаях попрание законов и обычаев войны, установленных международными конвенциями, вызывало осуждение генерала. В частности, его ужаснуло посещение лагеря для советских военнопленных, нечеловеческое обращение с которыми он расценил как ошибку с точки зрения пропаганды, внешней политики и поддержания дисциплины в войсках (с. 196—197). В ходе отступления Хейнрици выступал против уничтожения оставляемых вермахтом населённых пунктов в рамках стратегии «выжженной земли». Однако мотивировал он это не заботой о населении, а необходимостью расквартирования отступающих частей. Военным преступлениям вермахта Хейнрици противопоставлял бесчинства «озверелых большевиков», приводя в качестве доказательств расстрел польских офицеров в Катынском лесу (с. 288—289), а также пытки и убийства раненных немецких солдат (с. 65).

Помимо войны в записках отражён частный мир автора: отношения с супругой (зачастую довольно прохладные), забота о детях, попытки сохранить собственность в Германии. Мысли Хейнрици иногда целиком поглощены домом. Война неумолимо вторгается в его личное пространство и семейный быт, разрушает его спокойное и стабильное существование.

Закономерно возникает вопрос: какие мотивы двигали автором, приложившим много сил для столь подробных записей в условиях напряжённых боёв? Ответ очевиден: они должны были стать основной для воспоминаний о войне, своеобразным итогом профессиональной карьеры военного. Именно поэтому генерал просил жену складывать их в отдельную папку и

тщательно хранить (с. 128). С психологической точки зрения ведение дневника также являлось способом выговориться, снять накопившееся психическое напряжение, осмыслить и рационализировать происходящие события. В своём последнем письме жене от 5 мая 1945 г. Хейнрици писал о «страшнейших угрызениях совести» и «жестоком и ужасном Божьем суде» (с. 321).

В целом рецензируемая книга представляет собой масштабную документальную хронику о характере и целях войны Германии против Советского Союза. Это ещё один весомый аргумент против легенды о «чистом вермахте», который якобы не был причастен к военным преступлениям. Записки Хейнрици отражают сложность и противоречивость военной действительности, психологию и поведение немецкого генералитета и вполне вписываются в современную тенденцию к антропологизации истории Второй мировой войны.

Елизавета Хатанзейская

Освобождение Северной Норвегии*

Elizaveta Khatanzeiskaya
(Federal Center for Integrated Arctic Research, Russian Academy of Sciences, Arkhangelsk)

The Liberation of the Northern Norway

DOI: 10.31857/S086956870010158-4

Петсамо-Киркенесская операция (7—29 октября 1944 г.) — единственная проведённая в годы Великой Отечественной войны крупная стратегическая наступательная операция в условиях Заполярья, — не только завершила изгнание оккупантов с территории СССР, но и повлияла на расстановку сил в Европе, особенно в её северной части. Рецензируемое издание (написанное на русском и норвежском языках и уже получившее мировое признание) посвящено проблеме освобождения в 1944 г. Северной Норвегии советскими войсками и их пребывания на её территории до осени 1945 г.

В книге представлен обзор историографии рассматриваемой темы[1] и восстановлена по дням хронология Петсамо-Киркенесской операции, включая операции военно-морского флота («Вест») и военно-воздушных сил, прикрывавших действия 14-й армии Карельского фронта и Северного флота. Подробно описано освобождение Северной Норвегии, осуществлённое на основе союзного норвежско-советского соглашения от 16 мая 1944 г.

Исследование основано на широком спектре источников — документах, мемуарах, интервью, большинство из которых впервые вводятся в научный оборот. В частности опубликованы уникальные материалы российских архивов, связанные с проведением вышеназванных операций; информация о дислокации советских войск на территории Норвегии и акт их вывода от 24 сентября 1945 г.; журнал боевых действий 14-й армии Ка-

* *Гортер А.А., Гортер В.Т., Супрун М.Н.* Освобождение Северной Норвегии, 1944—1945. Архангельск; Вардё: Северный (Арктический) федеральный университет, 2015. 344 с.

рельского фронта (с. 222—224). Особый интерес представляет проект заключённого 25 октября 1944 г. между советским правительством и Королевским правительством Норвегии договора о сотрудничестве вооружённых сил двух стран во время освобождения норвежской территории от нацистских захватчиков (с. 204). В связи с 70-летием этого события документ был рассекречен Государственным архивом Норвегии. Приведены достоверные данные о понесённых в ходе боёв потерях со стороны СССР и Германии (с. 88, 112, 118, 245). Имеются также карты военного времени и впервые опубликованные фотографии из немецких, норвежских и российских архивов.

В исследовании содержатся отрывки из мемуаров разработчиков и непосредственных участников операции — представителей верховного командования Красной армии и её рядового состава. Самые яркие эпизоды воспоминаний проиллюстрированы выдержками из интервью с советскими и норвежскими ветеранами войны и участниками описываемых событий (с. 144—172, 178—184, 224—244, 246—254, 256—260, 262—274). Этот материал авторы собрали во время своих многочисленных экспедиций (1989—1999). Среди опрошенных ими были норвежцы — участники Сопротивления, бойцы лыжных батальонов Красной армии, а также представители коренных малочисленных народов Севера (саамов, ненцев, коми, ханты и манси).

Авторы внесли существенный вклад в изучение истории международных отношений времён Второй мировой войны и послевоенного периода, представив смелые гипотезы о периодизации освобождения Норвегии. В частности утверждается, что в Северной Норвегии оно началось не с Петсамо-Киркенесской операции осенью 1944 г., а в мае—июне 1942 г. Тогда британские и норвежские войска освободили Свальбард (Шпицберген), а его земля, согласно норвежской конституции, является частью страны. Данная операция была необходима и для защиты движения ленд-лизовских конвоев в направлении Советского Союза. Первой же территорией собственно материковой Норвегии, которую освободили советские войска в октябре 1944 г., стала восточная часть провинции Восточный Финнмарк (с. 178—188).

Детально рассмотрены вопросы, связанные с господством в Арктике и причинами вывода советских войск из Норвегии в сентябре 1945 г. Ещё в октябре 1944 г. на состоявшейся в Москве Четвёртой конференции стран-союзниц У. Черчилль, И. Сталин и А. Гарриман (глава американской дипломатической миссии в советской столице) подписали «Процентное соглашение». В этом документе, положившем начало разделу сфер влияния в Европе, Норвегия выступала в качестве «разменной монеты», ведь тогда войска Красной армии подошли к границам этого государства, в некоторых местах даже их пересекли, вскоре заняв Восточный Финнмарк. Их пребывание в Норвегии во многом обусловили наболевшие проблемы раздела сфер влияния и на Западе, и на Востоке. Лишь после того как на первой сессии Совета министров иностранных дел СССР, США, Англии, Франции и Китая (11 сентября — 2 октября 1945 г., Лондон) была решена проблема относительно Европы, советское руководство отказалось от амбициозных планов в Арктике. Хотя оно претендовало на занятие Северной Норвегии и создание там военных баз, вплоть до Тромсе, но срочно, в течение суток, 25 сентября 1945 г. вывело свои войска из этого региона.

Кроме того, в книге затронута тема, касающаяся демаркации норвежско-российской/советской границы с XVI в. до начала 1950-х гг. Авторы раскрывают и причины создания после Второй мировой войны демилитаризованной зоны в провинции Финнмарк, к востоку от Северного мыса (Нордкапп). Они отмечают, что в соответствии с соглашением о выводе советских войск с территории Норвегии последняя обязалась не размещать воинского контингента вдоль советской границы (исключая отряд пограничников) и не проводить здесь военные учения. Частью норвежского «добровольного» запрета стали и все воздушные перевозки союзников к востоку от Нордкаппа (с. 150—162). Эти соглашения по-прежнему засекречены с обеих сторон, поскольку между Россией и Норвегией всё ещё сохраняются напряжённые отношения.

В исследовании акцентируется внимание на том, какое влияние оказала Петсамо-Киркенесская операция на международные отношения в послевоенной Европе и на присутствие союзников в Северной Норвегии. Представлены интерпретации этих событий с точки зрения Запада и Востока, отражена современная геополитическая ситуация (с. 182—188, 200—202). Авторы выявили закономерность изменений позиций западных стран и СССР в трактовке рассматриваемых сюжетов как на мировой арене, так и в сфере «политики памяти» внутри государств в зависимости от геополитических трансформаций на карте мира (с. 148, 158, 298—330), приведя в качестве иллюстраций выступления различных политических деятелей на торжественных встречах, посвящённых Петсамо-Киркенесской операции.

Примечание

[1] *Eriksen K.E., Halvorsen, T.* Norge i krig. Oslo, 1995. B. 8. S. 34; *Bergh T., Eriksen K.E.* Den hemmelige krigen, overvaking I Norge 1914—1997. Oslo, 1998; *Gebhardt J.F.* The Petsamo-Kirkenes Operation (October 7 — 30.1944): A Soviet Joint and Combined Arms Operation in Arctic Terrain // The Journal of Soviet Military Studies. 1989. № 1. Vol. 2. S. 9—27; *Gebhardt J.F.* The Petsamo-Kirkenes Operation: Soviet Breakthrough and Pursuit in the Arctic, October 1944 // Leavenworth Papers (Kansas). 1990. № 17; *Gorter W.T., Suprun M.N.* Ethnic Minorities and Warfare at the Arctic Front 1939—1945 // The Journal of Soviet Military Studies. 2000. № 1. Vol. 13. S. 127—142; *Ziemke E.* The German Northern Theatre of Operations, 1940—1945. Department of the Army. Pamphlet № 20—271. Washington, 1959; *Алексеев А., Карягин М.* Навигационно-гидрографическое обеспечение Петсамо-Киркенесской наступательной операции // Морской сборник. 1980. № 5. С. 22—27; *Иноземцев И.Г.* В небе Заполярья и Карелии: Военно-исторический очерк боевых действий ВВС Карельского фронта и 7-й Воздушной армии в годы Великой Отечественной войны. М., 1987; *Майков Е.И.* Инженерное обеспечение боевых действий в Заполярье (Петсамо-Киркенесская операция) // Инженерные войска советской армии в важнейших операциях Великой Отечественной войны. М., 1958; *Овсянников В.В., Шмидт В.В.* Тыловое обеспечение 14-й армии в Петсамо-Киркенесской операции // Военно-исторический журнал. 1985. № 10. С. 82—87; *Холтсмарк С.Г.* Экспансионизм или защита статус-кво? Советская политика в отношении Шпицбергена в 1939—1953 гг. // Страх и ожидания. Россия и Норвегия в XX в. Архангельск, 1997.

Айслу Кабирова, Елена Храмкова

Рец. на: М.С. Зинич. Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны. М.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2019. 349 с.

Aislu Kabirova
(Institute of History named after Sh. Mardzhani, Academy of Sciences of Tatarstan Republic, Kazan, Russia),

Elena Khramkova
(Samara State University of Social Sciences and Education, Russia)

Rec. ad op.: M.S. Zinich. Povsednevnaya zhizn' naroda v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. Moscow, 2019

DOI: 10.31857/S086956870010159-5

Исследования старшего научного сотрудника Института российской истории РАН, кандидата исторических наук Маргариты Стефановны Зинич охватывают разнообразные сюжеты экономической, социальной и культурной истории Великой Отечественной войны[1]. Рецензируемая монография посвящена жизни советского народа в 1941—1945 гг. в контексте истории повседневности. Этот ракурс, по мнению М.С. Зинич, позволяет приблизиться к объективному пониманию реалий военной эпохи, мотивации трудовой деятельности, эволюции настроений людей того времени, а также получить новое знание по общегосударственной стратегии и частным практикам выживания населения в прифронтовых, тыловых, освобождённых от фашистской оккупации городах и районах. Указанный подход, подчёркивает во введении автор, способствует более глубокому и всестороннему анализу таких сложных и актуальных вопросов, как «способы взаимодействия власти и народа, уровень государственного контроля над различными сферами жизни социума, степень стратификации советского общества» (с. 7).

В основе монографии (ориентированной на целостную реконструкцию обыденной жизни советского населения в военные годы) — комплекс источников, в том числе архивных. Зинич провела внушительную работу по их сбору, археографической обработке и анализу. Наиболее ценные документы по теме были выявлены автором в фондах ГА РФ, РГАЭ, РГАСПИ, РГАЛИ, а также Научного архива ИРИ РАН. Часть привлечённых материалов (эго-документы, нормативно-правовые акты, делопроизводственная документация центральных и местных, партийных и общественных структур, статистические сводки и др.) впервые введены в научный оборот. Эти источники отражают общесоюзные, региональные, социальные, частные повседневные трудности, с которыми сталкивался человек в экстремальных условиях войны; показывают многообразие поведенческих стратегий, настроений, реакций людей на действия власти; достаточно полно характеризуют жизнь советского социума в период Великой Отечественной войны.

В первой главе Зинич детально освещает продовольственный кризис в тыловых городах, рассматривает особенности централизованного нормированного распределения продовольствия и промышленных товаров,

анализирует недостатки и преступления в этой сфере. Подробно освещена проблема оплаты труда и доходов населения. В частности отмечается, что с 1943 г. на предприятиях оборонной и тяжёлой промышленности были вновь задействованы довоенные методы интенсификации производства. Это привело к снижению расценок, поднятию норм выработки, так как увеличилось количество рабочих, перевыполнявших плановые задания, возросла производительность труда (с. 82). Также названы причины и перечислены примеры задержек выдачи зарплат работникам различных отраслей народного хозяйства (с. 75—79, 83—84).

При характеристике одновременно происходивших в те годы процессах укрепления финансовой системы государства и негативного влияния налоговой системы на бюджет городского и сельского населения (с. 87—88) подчёркивается, что сельские труженики тыловых регионов, которые внесли решающий вклад в продовольственное обеспечение страны, сами находились в тяжелейшем состоянии. «Колхозы, — пишет исследовательница, — поставили в полную зависимость от районного руководства и превратили, по существу, в государственные предприятия, но без бюджетного финансирования» (с. 99). «Нормированная повседневность», обусловленная фашистской агрессией против СССР, по выражению автора, «обрекла миллионы людей на вынужденный аскетизм» (с. 97).

Вторая глава посвящена недостаточно изученной в отечественной историографии теме — альтернативным источникам снабжения населения в период военных испытаний (подсобным хозяйствам предприятий, огородничеству, иностранной гуманитарной помощи). Советские исследователи высоко оценивали значение подсобных хозяйств при предприятиях и организациях в 1941—1945 гг., однако в современной историографии высказывается и другое мнение. Так, В.Н. Мамяченков полагает, что они «сыграли определённую роль в смягчении продовольственной ситуации», но не стоит преувеличивать их вклад в обеспечение населения продуктами питания[2].

Зинич же считает, что, несмотря на все недостатки и просчёты в организации подсобных хозяйств на предприятиях и в учреждениях (низкие урожайность и продуктивность животноводства, большие потери, незаконное расходование продукции, хищения), развитие в те годы аграрных комплексов вокруг крупных индустриальных центров весомо улучшило питание населения тыловых и освобождённых районов страны, способствовало снижению рыночных цен на сельхозпродукцию (с. 110—113). Также, отмечает автор, трудно переоценить значение для питания городских семей широко распространившегося во всех регионах страны огородничества (личного и коллективного). Приводятся интересные факты о том, как работала огородная комиссия месткома Института истории СССР АН СССР (с. 115, 117, 122). Любопытны воспоминания учительницы из Ленинграда Н. Никольской о выделении земельных участков под посадку картофеля и овощей в парках, скверах северной столицы, когда огороды были даже на Марсовом поле и в Летнем саду (с. 118).

В той же главе рассмотрены некоторые аспекты гуманитарной помощи советскому гражданскому населению, оказываемой в период войны общественными организациями США («Амбиджан», комитет «Помощь России в войне» и др.), Великобритании, Канады, стран Латинской Америки, Монгольской и Тувинской народных республик (с. 131—141).

Проблеме социальной защиты наиболее обездоленных граждан (детей, инвалидов войны, семей военнослужащих) посвящена третья глава. Автор подробно показывает, как изменилась система социальной поддержки указанных групп населения в изучаемый период, анализирует основные направления в деятельности общегосударственных и региональных советских, партийных органов, общественных организаций в сфере жизнеобеспечения более 2,5 млн инвалидов, демобилизованных из действующей армии, миллионов родственников военнослужащих, сотен тысяч детей-сирот и беспризорных.

Большое внимание уделено проблемам пенсионного и жилищного обеспечения, выплат пособий, продовольственного снабжения, предоставления льгот, а также лечения, трудоустройства, производственного обучения, переквалификации и т.д.). Приводит автор и факты нарушения законности, невнимательного, формально-бюрократического отношения к нуждам людей представителей органов власти, подменявших «милосердие инструкцией, инициативу — директивой» (с. 148—151, 153—155, 159, 165, 167). Инвалиды и члены семей военнослужащих, констатирует Зинич, испытывали не только объективные трудности. Недостатки, имевшиеся в сфере их обслуживания, во многом были спровоцированы чиновниками, не выполнявшими своих прямых служебных обязанностей (с. 162, 173).

На рубеже XX—XXI вв. объектом исследования отечественных историков стала «целостная система охраны подрастающего поколения, действовавшая в 1940-е гг.»[3]. В связи с этим Зинич называет среди наиболее значимых результатов совместных усилий государственных органов и широкой общественности в центре и на местах эвакуацию в тыл сотен тысяч детей, их материальную поддержку; создание новых детских учреждений, устройство сирот в приёмные семьи; мероприятия по улучшению питания детей и подростков; лечебно-профилактическую и противоэпидемическую работу с детьми; борьбу с беспризорностью и безнадзорностью, патронирование и усыновление детей. Вместе с тем названы и изъяны этой системы: рост правонарушений среди несовершеннолетних граждан; бездействие комиссий по устройству детей, оставшихся без родителей, в ряде областей, краёв и республик; воровство; антисанитарные условия проживания детей в интернатах и детских домах; тяжелая участь детей «врагов народа», узников нацистских концлагерей (с. 180—182, 184, 185). Напомнила автор и о судьбе оказавшихся на попечении СССР польских и испанских детей (с. 192—195).

В той же главе показана народная помощь фронту как массового движения «снизу», направленного на всемерное обеспечение действующей армии вооружением, снаряжением, продовольствием и свидетельствовавшего о единстве фронта и тыла (с. 195—216).

Всестороннее изучение такого важнейшего аспекта повседневной жизни военного периода, как «жилищный вопрос», в российской историографии началось сравнительно недавно. В начале четвёртой главы Зинич описала невыносимые жилищные условия миллионов людей, обеспечивавших на протяжении всей войны работу тыла (с. 219—224, 229—231). Основными причинами отсутствия элементарных удобств и деградации коммунального хозяйства в тыловых и освобождённых регионах, по мнению автора, стали массовая эвакуация, остаточный принцип финансирования жилищной сферы, не-

удачные попытки нового жилищного строительства для эвакуированного населения, разрушение жилищного фонда в зоне оккупации и боевых действий, систематические срывы поставок строительных материалов, нехватка рабочих рук.

Проанализировав накопленный во время войны опыт центральных и местных органов власти при решении «жилищного вопроса», Зинич обозначила в качестве самых эффективных мер выявление любых пригодных хотя бы для временного жилья площадей; увеличение размеров ассигнований на жилищное и коммунально-бытовое строительство; введение в эксплуатацию нового жилья; проведение ремонтно-восстановительных работ; привлечение к возведению жилья военнопленных; предоставление ссуд на индивидуальное строительство. Имевшиеся в стране жилые помещения, отмечает автор, не всегда «соответствовали условиям, необходимым для проживания семей» (с. 237), и острота жилищного кризиса сохранялась вплоть до окончания Великой Отечественной войны.

Там же освещено состояние сферы здравоохранения в городской и сельской местности. Наряду с известными данными Зинич приводит новые — относительно пособий по временной нетрудоспособности, нехватке врачебных кадров в больницах, снижению качества медицинского обслуживания, расходов госбюджета СССР на здравоохранение и др. (с. 237—260). В итоге автор пришла к выводу, что основные принципы советского здравоохранения, выработанные ещё в мирное время, подтвердили свою жизненность в экстремальной военной обстановке (с. 258).

Заключительная (пятая) глава охватывает вопросы культурной жизни, которая не прекращалась в период войны ни на один день и оказывала значительное воздействие на духовное и морально-психологическое состояние общества (с. 261—313). Зинич отмечает характерные черты функционирования сохранившихся культурных учреждений (превращение их в мощное средство мобилизации масс на победу над врагом; максимальное расширение деятельности с учётом культурных запросов населения; создание фронтовых концертных бригад; организация передвижных выставок, агитпоездов) и сложности процесса перебазирования десятков культурно-просветительных учреждений из угрожаемых районов в тыл страны. Так, Большой театр СССР эвакуировали в Куйбышев, Малый — в Челябинск, театр им. Е.Б. Вахтангова — в Омск, Ленинградский Большой драматический театр им. М. Горького (ныне БДТ им. Г.А. Товстоногова) — в Киров, Ленинградский академический Малый оперный театр — в г. Чкалов. При этом названы и негативные последствия эвакуации театров: вытеснение, реорганизация, а иногда и закрытие местных творческих коллективов (с. 267, 270—271).

Наряду с достижениями творческой жизни театральных трупп (запоминающиеся спектакли, концерты, тематические вечера), Зинич называет и неудачи, связанные с конъюнктурным отношением к зрителю. Они выражались в «склонности к развлекательности, облегчённому толкованию современных пьес, якобы необходимых для народа в военные годы. В результате появились и “халтурные” представления, и масса “гастрольных коллективов”, разъезжавших по тыловым городам с низкопробными репертуарами» (с. 275).

Что касается советской цензуры, деятельности Главлита, в том числе в период Великой Отечественной войны, ставших сегодня особыми объектами исследований[4], Зинич отмечает:

постоянный идеологический контроль партийно-государственных структур препятствовал объективному и честному разговору кинематографистов со зрителем, приводил к политизации музыкальных произведений, вызывал резкую критику художественных произведений (с. 279—280, 282, 285—286, 288). При этом автор убеждена, что, «несмотря на имевшиеся негативные стороны официальной пропаганды, её основные идеи в целом совпадали с преобладавшими в народе настроениями и убеждениями» (с. 311).

Как значимый сегмент военной повседневности исследовательница рассмотрела феномен сохранения праздничной культуры и оживления церковной жизни в СССР (с. 306—309). Она также указала на парадокс военного лихолетья: сочетание «трудной, бедной, неустроенной» жизни с довольно высокими культурными запросами советских граждан и развитым чувством патриотизма привело к сплочению общества, народа и армии и в итоге к их великой Победе (с. 313—322).

Различные аспекты рассматриваемой темы иллюстрируют представленные в книге таблицы и фотографии военного времени. Обогащают содержание книги и приводимые по ходу повествования отрывки из воспоминаний очевидцев военной эпохи, в том числе всемирно известных (Д.Д. Шостаковича, М. М. Плисецкой, Н.М. Дружинина и др.).

В целом высоко оценивая монографию Зинич, отметим, что, безусловно, в таком многогранном исследовании трудно было в равной мере осветить все его составляющие. Этим, видимо, можно объяснить ускользнувшие от внимания учёного проблемы коммунально-бытового обслуживания населения и работы общественного транспорта, которые, полагаем, будут освещены в последующих публикациях автора.

Таким образом, книга М.С. Зинич — обобщающий фундаментальный труд по одной из наиболее сложных в методологическом, источниковедческом и конкретно-историческом отношениях тем. Без сомнения, это исследование найдёт своего заинтересованного читателя, а наблюдения и выводы автора станут предметом дискуссионного обсуждения на предстоящих многочисленных юбилейных конференциях.

Примечания

[1] *Зинич М.С.* Трудовой подвиг рабочего класса в 1941—1945 гг. М., 1984; *Зинич М.С.* Будни военного лихолетья. 1941—1945. Вып. 1—2. М., 1994; *Зинич М.С.* Похищенные сокровища: вывоз нацистами российских культурных ценностей. М., 2003.

[2] *Мамяченков В.Н.* Подсобные хозяйства предприятий и организаций Свердловской области: кризис 1945—1953 гг. // Научный диалог. 2017. № 8. С. 284.

[3] См., например: *Рокутова О.А.* Социальная защита детей и подростков в Среднем Поволжье в 1940—1950 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2008. С. 3.

[4] *Володина Н.А.* Политический контроль в советском государстве: 1917—1953 гг. Пенза, 2009; *Парамонов В.Н.* Информационный контроль в СССР в условиях войны // Великая война и Великая Победа народа. В 2 кн. Кн. 1. М., 2010. С. 402—428; *Дианов С.А.* Военные будни города Молотова: обллит на страже государственных тайн (1941—1945) // История книги и цензуры в России. Четвёртые Блюмовские чтения: Материалы IV международной научной конференции, посвящённой памяти Арлена Викторовича Блюма, 2 июня 2015 г. Н. Новгород, 2018. С. 235—250; *Куренков Г.А.* Защита военной и государственной тайны. Главлит во время Великой Отечественной войны. М., 2019.

Екатерина Киселева

От осмысления системы к реконструкции отдельной судьбы: О книге Р. Отто и Р. Келлера «Советские военнопленные в системе концлагерей»*

Ekaterina Kiseleva
(State Archive of the Russian Federation, Moscow)

From comprehension of the system to reconstruction of a separate fate: About the book of R. Otto and R. Keller «Soviet prisoners of war in the system of concentration camps»

DOI: 10.31857/S086956870010160-7

9 декабря 2019 г. в Вене при участии Посольства РФ в Австрии состоялась презентация книги историков Р. Отто и Р. Келлера. Данная монография — результат более чем 30-летней исследовательской работы авторов, в прошлом руководителей исследовательских проектов в мемориалах концлагерей и шталагов Германии, изданная при непосредственном участии и поддержке Мемориала концлагеря «Маутхаузен» (Вена). Книга посвящена трагической теме отечественной истории. Её выход в свет накануне юбилея победы в Великой Отечественной войне символичен и неслучаен.

М.И. Семиряга — один из первых исследователей, обратившихся к теме судьбы советских военнопленных, писал: «Плен это постоянный спутник войн. Причины пленения или сдачи в плен следует искать не только в сложившейся в данный момент конкретной боевой обстановке, но и в социально-политической и моральной ситуации в стране ещё до войны. Для любого воина плен это позор и трагедия. Это не акт милосердия со стороны победителя, а право обезоруженного»[1]. Вопрос о том, сколько советских солдат и офицеров оказалось в плену в годы Второй мировой войны, остаётся одним из самых дискуссионных[2].

Будучи в советское время практически «запретной», сегодня тема плена имеет обширную историографию. В числе серьёзных обобщающих исследований, вышедших на русском языке, следует назвать работу П.М. Поляна, чьи труды по теме издавались и в Германии[3], а также книгу историка и публициста из Израиля А. Шнеера[4]. Благодаря этим авторам увидел свет и документальный сборник, освещающий один из аспектов проблемы — трагедию Холокоста[5].

В Германии тему начали активно изучать ещё в конце 1960-х — начале 1970-х гг.[6] К числу основополагающих трудов относятся книга К. Штрайта[7], а также исследование А. Штрайма[8]. Новый этап для немецкой историографии наступил в эпоху «архивной революции» начала 1990-х гг. в России. Основательно изучив к этому времени материалы собственных и американских архивов, немецкие историки обратились к «трофейным документам» из фондов Центрального архива Министерства обороны РФ (ЦА МО) и Российского государственного военного архива (РГВА), собирая из различных комплексов источников, оказавшихся по-

* *Otto R., Keller R.* Sowjetische Kriegsgefangene im System der Konzentrationslager (Schriftenreihe der KZ — Gedenkstätte Mauthausen. Band 14). Wien, 2019. 351 s.

сле войны в различных государствах и хранилищах, сюжеты из истории советского военного плена[9]. Поэтому, как справедливо отметил М.И. Ерин, они значительно опередили отечественную историографию в темпах и глубине осмысления проблемы[10].

Сославшись на показания руководителя Службы вермахта по делам военнопленных (Kriegsgewangenenwesen) Г. Райнике, данные им в 1945 г. советским органам, Штрайт обратил внимание на утрату значительной части документов данного ведомства в результате бомбардировок и намеренного уничтожения. Тогда это существенно ограничило возможности исследования механизмов работы нацистской «машины смерти»[11]. В дальнейшем немецкие исследователи подошли к проблеме иначе: приступили к изучению документальных материалов отдельных концлагерей и лагерей военнопленных, созданию баз данных их заключенных и узников[12]. Появилось огромное количество исследований[13].

Келлер и Отто первыми обратились к источниковедческому анализу учётных документов советских военнопленных, изучению вопросов их полноты и информационного потенциала[14]. Нельзя не упомянуть, что в 1997 г. они консультировали российских архивистов при описании учётных карточек военнопленных, хранящихся в ЦА МО (ныне размещённых в обобщённом банке данных «Мемориал»). В «раскрытии тайны» одного архивного документа, имеющего отношение к теме военного плена, помогли они и мне[15].

Одним из главных достоинств рассматриваемой книги является то, что Отто и Келлер перешли от микроисторических исследований (на уровне отдельных сюжетов, тем и биографий) к макроисторическому анализу. Такой подход позволил им проверить результаты работы предшественников, полученные в ходе изучения других видов и групп источников, а также обозначил «белые пятна», наметив перспективы дальнейшей работы над темой.

Долгое время в немецкой историографии дискутировался вопрос о степени причастности вермахта к преступлениям нацизма, отголоски которой можно услышать и сейчас[16]. Анализируя приказы вермахта и РСХА — (Управление безопасности рейха — Reichssicherheitshauptamt), Штрайт на многочисленных примерах доказывал тесное сотрудничество армии и айнзацгрупп[17]. Отто и Келлер продемонстрировали взаимодействие военных и РСХА при создании системы лагерей для размещения советских военнопленных и её функционировании.

Как пишут исследователи, в начале октября 1941 г. верховное командование сухопутных сил вермахта (ОКВ) запланировало перевести 500 тыс. красноармейцев из лагерей военнопленных на Востоке на территорию Польши и Германии. Ещё летом по указанию рейхсфюрера СС Г. Гиммлера разработали планы ускоренного строительства огромных лагерей военнопленных СС (Kriegsgefangenenlager der SS) на территории генерал-губернаторства и сравнительно небольших рабочих лагерей СС для военнопленных в структурах почти всех концлагерей Третьего рейха. Их строительство осуществлялось силами самих военнопленных. В книге приведены сводные данные о перемещении советских военнопленных из шталагов в лагеря военнопленных в октябре 1941 г. (S. 58). Так, для строительства рабочего лагеря военнопленных СС Аушвиц—Биркенау из шталага 308 (Нойхаммер) были направлены 4 тыс. человек, а в строящийся лагерь военнопленных СС Люблин—Майданек — 1,5—2 тыс. бывших красноармейцев

из шталагов 307 (Белая Подляска) и 319 (Холм).

Анализируя учётные документы военнопленных и переписку немецких учреждений К. Райнхард и Р. Келлер описали невыносимые условия, в которых находились военнопленные, и привели статистику смертности, в том числе полученную в результате новейших исследований (S. 48—51). Так, в Маутхаузене, согласно плану 1942 г., предусматривалась организация лагеря для военнопленных на 5 тыс. человек (10 бараков). В октябре 1941 г. по сведениям немецких источников в этот концлагерь и его филиал Гузен направили по 2 тыс. советских военнопленных. К тому времени, как работы завершились, их уже не было в живых (S. 53). Из 2 500 военнопленных, прибывших 16 октября 1941 г. в Заксенхаузен, к 1 апреля 1942 г. умерли 1 944 (S. 68). Обращая пристальное внимание на документы шталага 318 (Ламсдорф), Отто и Келлер отмечают, что предварительная проверка работоспособности и физического состояния военнопленных не проводилась. Они отправлялись в лагеря практически сразу после поступления и регистрации (S. 59).

Освещая сюжет «активной и пассивной политики уничтожения» советских военнопленных с октября 1941 до весны 1942 г., авторы обобщили результаты исследований по отдельным концлагерям (S. 69—79). Они отмечают, что военнопленные, поступая в лагеря СС, не теряли свой статус, по сути, оставаясь в введении вермахта, однако учитывались по особым правилам: сохраняя за собой учётный номер, полученный в шталаге (Erkennungsmarkennnumer), они получали дополнительный, который также указывался на их учётной карточке. В ней же фиксировались последующие перемещения, в том числе данные о смерти. Причём в каждом лагере существовали свои особенности учёта, что демонстрируется на примерах (S. 59—65). И хотя формально эти лагеря не имели отношения к рабочим командам шталагов, из документов следует, что концлагерь Ноенгамме считался рабочим подразделением (Arbeitskommando) № 179 шталага 310 (Винцендорф), а Аушвиц — рабочей командой № 46 шталага 308 (Нойхаммер). Внешне демонстрируя автономность, лагеря военнопленных СС должны были сообщать о своём контингенте Немецкой службе оповещения родственников погибших солдат вермахта (WASt), которая отвечала за учёт советских военнопленных (S. 66).

Авторы отмечают, что согласованность действий вермахта и РСХА прослеживается даже на уровне повседневной бумажной бюрократии. Им удалось восстановить картину систематического движения военнопленных из шталагов в лагеря СС, а также пути их перемещений по лагерям СС на территории Третьего рейха с марта 1942 по январь 1945 г. Правда, в виде таблицы в книге представлены лишь сводные данные о количестве военнопленных в концлагерях с марта 1942 по март 1944 г. На основе анализа источников авторы пришли к выводу, что значительное увеличение числа перемещений военнопленных наблюдается с мая 1943 г. В этот период основными лагерями для них выступали Бухенвальд, Заксенхаузен и Маутхаузен. Последнее перемещение военнопленных датируется 24 января 1945 г., когда в концлагерь Миттельбау—Дора поступило 250 военнопленных рабочей команды шталага 3010 (VIII C) Заган (S. 81—83).

По мнению Штрайта, обращение с советскими военнопленными соответствовало провозглашавшейся нацистами расовой теории[18]. Возражая тем, кто считал, что «приказ о комиссарах» от 6 июля 1941 г. так и остался на бумаге, историк с помощью детального анализа документов

частей вермахта проследил его исполнение и отметил, что приказ отменили лишь весной 1942 г.[19] Келлер и Отто разделяют эту точку зрения и следуют дальше в изучении проблемы. Они обращают внимание на то, что в литературе часто не видят разницы между «приказом о комиссарах», с одной стороны, и приказами РСХА, касающимися «отбора вредоносных» (Aussonderungen), с другой, говоря о «единстве по содержанию» всех этих документов. С помощью таблицы они демонстрируют различия этих документов. Если «приказ о комиссарах» касался уничтожения пленных комиссаров и политруков солдатами вермахта во фронтлагах, пересыльных лагерях и шталагах, то приказы и директива РСХА давали сотрудникам гестапо полномочия уничтожать «врагов» в шталагах, лагерях военнопленных для русских («Russenlager)[20], лагерях СС для военнопленных и концлагерях (S. 115).

Ссылаясь на приказ вермахта от 4 октября 1941 г. о переводе военнопленных лагеря СС для работы на предприятиях этого ведомства (S. 75), исследователи подчёркивают, что военнопленных, направленных в лагеря в рамках акции «отбора» и посланных туда на работы, нельзя «объединять», поскольку, с точки зрения функционирования системы, речь шла о разных категориях пленных.

Реализации приказов РСХА посвящён отдельный раздел книги (S. 117—145). В число подлежавших отбору и физическому уничтожению входили «убеждённые коммунисты», евреи, представители интеллигенции, политические функционеры и офицеры, неизлечимо больные, инвалиды провокаторы, мятежники, воры. Обращаясь к некоторым воспоминаниям военнопленных, одновременно подвергая их «перекрёстной проверке» путём изучения данных лагерного учёта, авторы демонстрируют жестокость и масштабность «отбора». Тщательно и кропотливо они воссоздали схему, хронологию и статистику акции в шталагах и концлагерях. По данным исследователей, в период с августа 1941 до 31 июля 1942 г. было уничтожено свыше 33 тыс. советских военнопленных[21]. Причём в их учётных карточках истинные обстоятельства смерти, как правило, не указывались. Завершение «отбора» вовсе не означало прекращения планомерного и жестокого уничтожения военнопленных, которое лишь меняло формы. «Отобранные к уничтожению» военнопленные могли быть направлены на особо тяжёлые работы в Маутхаузен или Дахау. В этом случае они «теряли» свой статус и получали новый — заключённого. Исследование документов Маутхаузена позволило установить наличие 357 таких случаев за январь—июнь 1942 г. (S. 169).

Впервые исследован вопрос исполнения «приказа РСХА о побегах» (K-Befehl) от 4 марта 1944 г., подлинник которого так и не найден. Изучая историю происхождения этого документа, авторы пришли к выводу, что причины его появления связанны с отчаянными попытками вермахта и РСХА предотвратить массовые побеги офицеров, ставшие с сентября 1943 г. регулярными (S. 181—183). Приведено число советских военнопленных, расстрелянных во исполнение этого приказа до 23 мая 1944 г. — около 350 человек (S. 198). Позднее совершившие побег и пойманные военнопленные (K-Hdftlinge) помещались в специальный блок Маутхаузена, где были обречены на смерть. Документы учёта указывают на наличие этой категории узников и в других лагерях. Точное число советских военнопленных, которые получили такой статус, установить не удаётся — отчасти из-за «хаоса» в лагерном учёте (в том числе намеренного). По приблизительным

данным источников общее число военнопленных этой категории превышало 7 тыс. (S. 200). В учётных карточках военнопленных, поступавших в WASt, появлялись записи: «бежал, не пойман», «удачный побег».

Реконструкция хода акции «отбора» позволяет решать конкретные исследовательские задачи, связанные с установлением трагических судеб многих солдат и офицеров, погибших в плену. Авторы книги демонстрируют, как, сопоставляя и анализируя информацию различных учётных документов, можно в деталях и подробностях (в отдельных случаях по дням) воссоздать историю жизни военнопленного с момента его пленения до гибели (S. 172).

Пожалуй, впервые авторы подробно осветили вопрос обращения в лагерях для советских военнопленных с больными и инвалидами. Последние, как говорилось выше, относились к числу подлежащих «отбору». По данным Отто и Келлера, полученным в результате расчёта процентного соотношения к общему числу советских военнопленных, ликвидированных в ходе «отбора», только с августа 1941 до конца июля 1942 г. в концлагерях на территории Рейха уничтожили более 3 тыс. больных и инвалидов (S. 95). Авторы книги ссылаются на многочисленные документальные свидетельства полного взаимопонимания руководства вермахта и РСХА в вопросах отношения к этой категории военнопленных. «Отобранных» в ходе акции инвалидов и больных уничтожали, как правило, в лагерях СС за пределами Рейха. Формы и методы уничтожения были самыми разнообразными — расстрелы, газовые камеры, смертельные уколы.

Тем не менее нередко инвалиды и больные военнопленные просто выпускались из шталагов. В результате в поисках пропитания они оказывались предоставлены сами себе, зачастую присоединяясь к партизанским отрядам. Как пишут авторы, это послужило поводом для переписки между начальником штаба ОКВ В. Кейтелем и Гиммлером в сентябре 1942 г. Результатом общения на высшем уровне стала фактическая передача военнопленных-инвалидов в ведение СС, территориальные органы которой должны были отныне определять дальнейшую судьбу «неспособных к труду» (S. 97—98).

Для размещения инвалидов и больных определялся лагерь военнопленных в составе концлагеря Майданек. Исследователи приводят установленные по различным источникам данные о перемещениях в этот лагерь из шталагов с мая 1943 по март 1944 г., о количестве инвалидов в лазарете лагеря с октября 1943 по май 1944 г. (S. 100). Накануне освобождения территории частями Красной армии значительную часть контингента этого лагеря перевели в Маутхаузен.

Попадая в Майданек, больные и инвалиды не теряли свой статус, продолжая находиться в ведении вермахта. Как подчёркивают исследователи, источники не дают прямого ответа на вопросы: почему вермахт хотел «освободится» от инвалидов и больных? Какой интерес был к этой категории у Гиммлера? Как и почему военнопленные этого лагеря избежали участи инвалидов и больных, уничтоженных в результате «отбора»? Возможно, ответы «скрываются» в той части комплекса документов, который после освобождения лагеря оказался в руках советских войск и в настоящее время хранится в ЦАМО и РГВА, ожидая своего исследователя.

Авторы книги не обходят стороной и тему женщин в плену. «Женщины, выступающие в роли мужчин — такая картина не соответствовала как немецким взглядам на военную служ-

бу, так и собственно нацисткой идеологии» (S. 251). Не оспаривая тяжких преступлений вермахта и СС в отношении женщин, которые на основании источников, сохранившихся в архиве Яд Вашем (Израиль), публицистически описал Шнеер, исследователи обратили внимание на то, что в немецкой историографии в этой связи часто цитируется приказ командующего 4-й армией генерал-фельдмаршала фон Клюге от 29 июня 1941 г. о том, что женщины в военной форме подлежат расстрелу, однако ничего не говорится о том, что уже 1 июля 1941 г. это распоряжение было определено как ошибочное и отменено. Далее выборочно цитируется приказ ОКВ от 6 марта 1944 г. о передаче женщин — советских военнопленных в ведение СС и СД (S. 253—254). В результате складывается ошибочное представление, что до этого времени с женщинами поступали так же, как и в первые дни войны.

Отто и Келлер изучили проблему, опираясь в основном на приказы и распоряжения вермахта и РСХА по данному вопросу, а также на учётные документы лагерей военнопленных и концлагерей. Сохранившийся комплекс материалов позволил им установить, что первая группа женщин-военнопленных — парашютисток — прибыла шталаг Люфт 2 Литцманштадт 12 сентября 1941 г. Краткие записи учёта не позволяют заметить принципиальных различий в обращении с женщинами, особенно если речь шла о «политических врагах» или евреях. Однако они позволяют проследить, что женщины-врачи, медсёстры, как правило, сохраняли статус военнопленных и направлялись в лазареты лагерей для таковых.

Как свидетельствуют немецкие источники, использование женщин-военнопленных в качестве медицинского персонала рассматривалось скорее как вынужденная мера. Женщины как потенциальный источник активного и пассивного сопротивления вызывали недоверие у начальников шталагов. Отто и Келлер демонстрируют, что такие опасения были небезосновательны, поэтому стремление вермахта избавиться от женщин-военнопленных вполне совпадало с желаниями немецких учреждений, в свою очередь, получить больше рабочей силы. В результате, оказываясь в плену, советские женщины чаще получали новый статус — гражданских рабочих. Однако потеря статуса военнопленного у женщин также могла быть связана и с передачей в ведение гестапо. Исследователи предприняли попытку установить по сохранившимся источникам факты массовых перемещений женщин-военнопленных в концлагеря и последующие события, связанные их судьбой. Они называют и общее число перемещённых — около 2 тыс. человек (S. 265—270).

Интересный подход авторы демонстрируют реконструируя события, связанные с фактами сопротивления в лагерях. В качестве основного источника вновь выступают учётные документы WaST и концлагерей. Упомянуто об организациях, деятельность которых уже исследовалась в литературе, в том числе Боевого содружества военнопленных (БСВ), подпольной организации в концлагере Бухенвальд, в лазарете шталага 304 (IV H) Цайтхайм. Однако в центре их исследования малоизвестный сюжет — деятельность подпольной организации в лазарете Эбельсбах. С помощью документов учёта они определили состав группы, включавшей 500 человек, установив при этом тесную связь подпольной группы лазарета и БСВ.

С целью более глубокого понимания системы авторы отдельно затронули вопросы отношения нацистов к военнопленным других националь-

ностей, прежде всего к испанским (в том числе женщинам), найдя много общего, но одновременно отметив, что отношение к польским военнопленным-женщинам было вполне лояльным. Нацисты активно использовали в своей политике проблемы межнациональных отношений. По их мнению, эта тема требует тщательного изучения.

Следует отметить, что авторы редко привлекали послевоенные воспоминания, избегая кровавых и жестоких описаний. Однако это нисколько не снижает общего настроения книги. «Блок-схемы» исполнения акции «отбора» или операции «пуля», статистические таблицы, рисунки, фотографии, которые дополняют текст, наглядно демонстрируют заранее продуманную беспощадность изучаемой системы, производя ничуть не меньшее эмоциональное воздействие.

Отто и Келлер сформулировали новые подходы в изучении темы. Исследование нацистской системы уничтожения через детальное изучение учётных документов и страниц биографий конкретных людей позволяет наблюдать за её трансформациями, замечать возникающие «сбои» в её, на первый взгляд, до автоматизма налаженной работе, которая традиционно характеризуется словом «Ordnung». Исследователи очень взвешенно и объективно подошли к освещению темы «подвига и предательства». Смотря на проблему под углом зрения совместной преступной деятельности вермахта и РСХА, они на конкретных примерах продемонстрировали, что в условиях, созданных системой, подвигом можно считать уже сам факт сопротивления — индивидуального или коллективного, а переход на сторону «противника» далеко не всегда был актом доброй воли военнопленного.

С точки зрения оценки результатов научного исследования, книга вполне убедительна, поскольку в её основе кропотливый анализ массовых источников. Возможно, тот, кто ждёт от неё сенсационных открытий или хлёстких выводов и заключений, будет разочарован. Скорее это труд — «раздумье» о том, что историки могут сделать для исследования темы, учитывая особенности состава и содержания источников, имеющихся в их распоряжении. Погружаясь вместе с авторами в мир статистики, «порядка и хаоса» лагерного учёта, осознаешь, что именно здесь кроются истоки дискуссий о масштабах потерь, и колебания цифр возникают не только из-за различий в методиках подсчёта, а обусловлены зачастую информационными возможностями самих источников.

Монография Р. Отто и Р. Келлера является также ценным руководством для тех читателей, преимущественно российских, кто, прослеживая судьбы конкретных людей, пытается разобраться в видовом многообразии немецких документов, связанных с учётом военнопленных в Третьем рейхе. Она снабжена небольшим словарём терминов и понятий, употребляемых в делопроизводстве лагерей военнопленных и концлагерей.

Однако в работе недостаёт отдельной главы, посвящённой анализу источников, их составу, полноте, информационному потенциалу. Возможно, её наличие позволило бы подойти к решению некоторых дискуссионных вопросов, связанных с общей статистикой советского военного плена, а также пояснить читателю, как авторы получили те или иные статистические данные и почему отсутствует статистика по другим показателям, т.е. приоткрыть дверь в «творческую лабораторию исследователей».

Примечания

[1] *Семиряга М.И.* Судьбы советских военнопленных // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 19—33.

[2] Об этом см.: *Земсков В.Н.* К вопросу об общей численности советских военнопленных и масштабах их смертности (1941—1945 гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 5. С. 103—112.

[3] *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур: остарбайтеры и военнопленные в Третьем Рейхе. М., 1996.; *Polian P.* Deportiert nach Hause. Sowjetische Kriegsgefangene im «Dritten Reich» und ihre Repatriierung (Kriegsfolgen-Forschung. Bd. 2.). Wien; München, 2001.

[4] *Шнеер А.* Плен. Советские военнопленные в Германии 1941—1945 гг. М., 2005.

[5] «Обречённые погибнуть»: судьба советских военнопленных-евреев во Второй мировой войне. Воспоминания, документы. М., 2006.

[6] *Ерин М.Е.* Историография ФРГ о советских военнопленных в фашистской Германии // Вопросы истории. 2004. № 7. С. 152—161.

[7] *Streit Ch.* Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen. Stuttgart, 1978. Книга издавалась трижды. Последнее дополненное издание вышло в свет в 1997 г.

[8] *Streim A.* Sowjetische gefangene in Hitlers vernichtungskrieg. Berichte und dokumente 1941—1945. Heidelberg, 1982.

[9] О количестве исследований по теме можно судить, проанализировав списки литературы в монографии Штрайта (*Streit Ch.* Keine Kameraden.... Bonn, 1997. S. 426—436), а также в рецензируемой книге (S. 332—346).

[10] *Ерин М.Е.* Историография ФРГ о советских военнопленных... С. 152.

[11] *Streit Ch.* Keine Kameraden... Stuttgart, 1978. S. 18.

[12] См. об этом: Narben bleiben: die Arbeit der Suchdienste. 60 Jahre nach dem Zweiten Weltkrieg. Kassel 2005; *Киселева Е.Л.* Миллионы документов — миллионы судеб: размышления и впечатления о поездке в Международную службу розыска в Германии // Отечественные архивы. 2017. № 3. С. 132—138.

[13] *Hüser K., Otto R.* Das Stammlager 326 (VI K) Senne 1941—1945. Sowjetische Kriegsgefangene als Opfer der Nationalsozialistischen Vernichtungskrieges. Bielefeld, 1992; *Osterloh J.* Ein ganz normales Lager. Das Kriegsgefangenen — Mannschaftsstammlager 304 (IV H) Zeitheim bei Riesa (Sa.) 1941—1945. Leipzig, 1997; *Mai U.* Kriegsgefangen in Brandenburg. Stalag III A in Lückenwalde. Berlin, 1999; *Hammermann G.* Sowjetische Kriegsgefangene im KZ Dachau // Einvernehmliche Zusammenarbeit? Wehrmacht, Gestapo, SS und sowjetische Kriegsgefangene. Berlin, 2008. S. 91—118; *Ibel J.* Sowjetische Kriegsgefangene im KZ Flossenbürg. Rekonstruktion der Verbrechen mithilfe der Häftlingsdatenbank // Einvernehmliche Zusammenarbeit?.. S. 119—157; *Keller R., Otto R.* Sowjetische Kriegsgefangene in Konzentrationslagern SS. Ein Überblick // Einvernehmliche Zusammenarbeit?.. S. 15—43; *Steegmann R.* Das Konzentrationslager Natzweiler—Struthof und seine Außenkommandos an Rhein und Neckar 1941—1945. Straßburg, 2010; KZ-Gedenkstätte Neuengamme: Wehrmacht und Konzentrationslager. Beiträge zur Geschichte der nationalsozialistischen Verfolgung in Norddeutschland. Heft 13. Bremen, 2012.

[14] *Keller R., Otto R.* Das Massensterben der sowjetischen Kriegsgefangenen und die Wehrmachtbürokratie. Unterlagen zur Registrierung der sowjetischen Kriegsgegangenen in deutschen und russischen Institutionen // Militärgeschichtliche Mitteilungen. 1998. № 57 (Heft 1). S. 149—180. *Keller R., Otto R., Nagel J.* Sowjetische Kriegsgefangene in deutschem Gewahrsam 1941—1945 // Vierteljahrhefte für Zeitgeschichte. 2008. Heft № 4. S. 557—597.

[15] *Киселева Е.Л.* Судьбы военнопленных Второй мировой войны: круг источников расширен // Отечественные архивы. 2012. № 1. С. 29—34.

[16] *Ерин М.Е.* Историография ФРГ о советских военнопленных... С. 153.

[17] *Streit Ch.* Keine Kameraden... Bonn, 1997. S. 117—127.

[18] *Streit Ch.* Sozialpolitische aspekte der behandlung der sowjetischen Kriegsgefangenen // Zweiter Weltkrieg und sozialer Wandler. Achsenmdchte und besetzte Ldnder. Gьttingen, 1981. S. 184.

[19] *Streit Ch.* Keine Kameraden... Bonn, 1997. S. 83—87, 88.

[20] В специальном разделе книги «Основные термины» (Glossar) авторы поясняют, что термин «Russenlager» использовался в немецких документах для обозначения шталагов, где содержались только советские военнопленные. Они существовали, по сути, только до начала 1942 г. К их числу относился, например, шталаг 304 Цайтхайм в Саксонии и шталаг 326 Зене в Вестфалии (Otto R., Keller R. Sowjetische Kriegsgefangene... С. 328—329).

[21] Авторы обращают внимание на неполноту данных по отдельным концлагерям: например, на отсутствие данных о результатах акции по концлагерю Ноенгамме, на невозможность установить обстоятельства смерти военнопленных в документах Маутхаузена (*Otto R., Keller R.* Sowjetische Kriegsgefangene... С. 133, 136, 139, 145).

Александр Пученков

Палачи из польских Травников*

Aleksandr Puchenkov
(Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia)

The Executioners from Polish Trawniki

DOI: 10.31857/S086956870010161-8

23—25 июля 1944 г. советские войска освободили Люблин и прилегающие районы Восточной Польши, в том числе и город Травники, на окраине которого находился учебный лагерь СС. Наступление Красной армии было столь стремительным, что в её руки попали многочисленные лагерные документы, включая картотеку с примерно 5 тыс. фамилий, «курсантов». В Травниках готовились вахманы СС — охранники концентрационных лагерей и лагерей смерти, набиравшиеся в основном из военнопленных (с. 11). Травниковцы поражали даже опытных офицеров СМЕРШ какой-то особенной неправдоподобной жестокостью. Многие из них служили в Треблинке, ставшей, по словам В.С. Гроссмана, «главной плахой СС»[1]. Следственные действия, начавшиеся ещё летом 1944 г., продолжались до 1987 г., всего за это время в СССР прошло не менее 140 процессов над травниковцами (с. 12).

В обстоятельной монографии крупного израильского историка, уроженца Советского Союза Арона Ильича Шнеера, посвящённой учебному лагерю СС в Травниках, предпринята попытка создать коллективный портрет обучавшихся там палачей, многие из которых гордились своей *службой* в караульных отрядах СС[2]. В предисловии автор признаёт, что «эмоциональное и нравственное отношение историка к исследуемой проблеме, к совершённому человеком, особенно когда речь идёт о военных годах, так или иначе проявляется в стиле языка и в рассуждениях самого историка». Более того, «он, как и все, не лишён эмоций, его политические и личные симпатии или антипатии в большей или меньшей степени заметны в его работе. Однако важно, чтобы в своих выводах, давая оценку какому-либо факту или личности, историк не уподоблялся только прокурору, а пытался объяснить причины тех или иных событий, мотивы поведения их участников. Историк должен сочетать в себе почти несовместимые функции следователя, прокурора и адвоката. Поэтому историк не восстанавливает справедливость, однако может говорить о моральной ответственности» (с. 5—6). Вместе с тем Шнеер доверяет читателю и его способности к сопереживанию. Свою работу он воспринимает «не как сухой научный труд, а как трагедию» (с. 7).

При этом в основе его исследования лежат многочисленные документы из архивов России, Украины, Польши, прибалтийских стран. Это

---

* *Шнеер А.И.* Профессия — смерть. М.: Пятый Рим, 2019. 464 с., ил.

Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 19-18-00073 «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX—XX вв.».

This research was supported by the «Russian Science Foundation», project No. № 19-18-00073 «National Identity in the Imperial Politics of Memory: History of The Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian State in Historiography and Social Thought of the 19th—20th Centuries».

материалы спецслужб, органов следствия и судебных процессов над травниковцами. Ядром монографии стали собрания Яд Вашем — уникального израильского мемориала Катастрофы и героизма, где Шнеер занимался 26 лет.

Книга примечательна тем, что в ней подробно прослеживается история существования специального учебного центра СС, первоначально предназначавшегося для подготовки тех, кто в соответствии с планом ОСТ должен был служить на завоёванных Германией восточных территориях. Для обеспечения порядка на этих землях, где Гитлер намеревался создать немецкие колонии, требовались подразделения специально подготовленных охранников. Но поскольку ход войны не позволил осуществить эти замыслы, вахманов стали использовать для охраны еврейских гетто и выполнения повседневной «чёрной работы» в лагерях смерти и концлагерях от Австрии до Эстонии включительно (с. 189).

Шнеер раскрывает причины создания лагеря, характеризует его структуру и командный состав, описывает практику и критерии отбора советских военнопленных для обучения, указывает социальный и национальный состав курсантов, среди которых преобладали украинцы. Программа подготовки и учебный процесс в Травниках включали «практику» в соседнем концлагере вплоть до «выпускного экзамена — крещения кровью» — показательного расстрела одного из заключённых (с. 204—272). Как вспоминал позднее травниковец Николай Скороход, «немцы заставляли расстреливать людей, чтобы, запачкав руки вахманов в крови, гарантировать их преданность» (с. 272). Курсантов, пытавшихся уйти к партизанам, ловили и живыми бросали в костёр — остальные должны были увидеть, что пути назад у них нет (с. 392—393). Эта безысходность зачастую ожесточала, и в книге Шнеера приводятся леденящие души подробности расправ охранников с заключёнными, о чём впервые писал ещё Гроссман (с. 422—436).

Три поколения сотрудников советских спецслужб — от СМЕРШ до КГБ, десятилетиями вели упорную работу по поиску и разоблачению нацистских пособников (с. 19). По мнению автора монографии, пресловутая послевоенная «фильтрация бывших военнопленных и советских граждан, освобождённых Красной армией, была необходима», а «государство имело право проверять и не доверять», поскольку «в сборно-пересылочных и проверочно-фильтрационных пунктах, а затем и в спецлагерях, кроме обычных военнопленных и остарбайтеров... оказались и различные пособники нацистов», включая и тех, кто обучался в Травниках (с. 20—21).

Разумеется, нацистские пособники, стараясь избежать сурового возмездия, прибегали ко всевозможным ухищрениям. Как пишет Шнеер, «таких историй на самом деле тысячи» (с. 23). Уделяя особое внимание юридическим и процессуальным особенностям многочисленных процессов над травниковцами, исследователь отмечает, что «в них речь шла о преступлениях, совершённых не только против одной личности, а против сотен тысяч и миллионов людей», которые «не могли говорить, молчали, став пеплом, рассеянным на территории лагерей смерти и их окрестности» (с. 75). Против вахманов свидетельствовали чудом выжившие участники восстаний в Треблинке и Собиборе, узники Освенцима, Майданека и других лагерей. Однако важнейшим доказательством их преступлений являлись немецкие документы (с. 75). Уже в сентябре 1945 г. в материалах след-

ствия появится не употреблявшийся прежде термин «лагерь смерти». При этом обвиняемые и не думали скрывать, что в Треблинку поступали лишь заключённые-евреи (с. 89—90). Хотя «ни один из травниковцев не мог чувствовать себя в безопасности на территории СССР» (с. 52), далеко не всегда им грозила смертная казнь. С мая 1947 по январь 1950 г. в СССР она не применялась, и «благодаря этим изменениям избежали заслуженной кары ещё тысячи коллаборантов — настоящих убийц и садистов» (с. 53), которых приговаривали к лишению свободы на 25 лет (с. 58—59).

Заканчивая книгу, А.И. Шнеер констатировал: «Все травниковцы были обычными людьми разных профессий, разного образования. Никто из них не родился убийцей, предателем. Ничто из их довоенной жизни не превращало их в нелюдей. Многие из них честно, порой мужественно сражались с врагом. Вовсе не все добровольно сдались в плен... Но, сделав первый шаг по пути предательства, остановиться было почти невозможно. Травниковцы сделали своей профессией смерть. Они стали орудием выполнения истребительных планов, политики и идеологии нацистской Германии, приговор которой был вынесен в Нюрнберге. Понять трагедию травниковцев, которые сами были жертвами, но стали палачами, вовсе не значит простить» (с. 436).

Примечания

[1] *Гроссман В.С.* Треблинский ад // Годы войны. М., 1946. С. 410.

[2] См. также: *Пленков О.Ю.* Тайны Третьего рейха. Спартанцы Гитлера. М., 2010. С. 134.

Равиля Хисамутдинова

Восстановление сельского хозяйства Беларуси: 1943—1945: документы и материалы / Отв. сост. В.Д. Селеменев; отв. ред. В.И. Кураш. Минск: Национальный архив Республики Беларусь, 2018. 648 с.

Ravilya Khisamutdinova
(Orenburg State Pedagogical University, Russia)

Vosstanovleniie sel'skogo khoziaystva Belarusi: 1943—1945: dokumenty i materialy. Minsk, 2018

DOI: 10.31857/S086956870010162-9

В связи с 75-летием освобождения территории Беларуси от оккупантов сотрудники архивов в рамках Соглашения между Федеральной архивной службой России и Комитетом по архивам и делопроизводству Республики Беларусь, заключённого 21 февраля 1997 г., подготовили публикацию документов о восстановлении сельского хозяйства Белорусской ССР в 1943—1945 гг. До выхода этого сборника совместными усилиями архивистов двух стран был подготовлен и издан ряд изданий, посвящённых актуальным проблемам истории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны: «Белорусы в советском тылу», «Возрождённый из руин. Восстановление и развитие Минска в 1944—1955 гг.». На страницах нового сборника слово вновь предоставляется документам, чтобы на их основе воссоздать наиболее приближенную к реальности печальную картину состояния сельского хозяйства БССР после окончания боевых действий и

раскрыть совместные усилия руководителей союзного центра и республики, направленные на скорейшее его восстановление, показать трудности и сложности этого процесса, в преодолении которых оказывали помощь многие регионы Советского Союза.

В рассматриваемом сборнике представлены документы, выявленные в центральных и региональных архивах Белоруссии и России, которые характеризуют наиболее важные аспекты деятельности союзного центра и республиканского руководства по восстановлению колхозов, МТС, совхозов, социальной инфраструктуры села. Описаны условия, в которых осенью 1943 г. началось возрождение аграрного сектора освобождённых районов восточных областей Белорусской ССР, и лета 1944 г., когда территория республики была полностью очищена от оккупантов в ходе наступательной операции «Багратион». Документы содержат информацию об ущербе, причинённом нацистами сельскому хозяйству, тяжелейших условиях разрухи, в которых находились белорусские села на момент освобождения (док. № 1—6, 12, 52, 65, 110, 117, 226, 229). Отражены героические усилия народа по преодолению последствий оккупации и примеры огромной помощи, оказанной «партизанской республике» союзным центром, конкретными регионами РСФСР.

Как свидетельствуют документы (№ 9, 11, 12, 18), октябрь—декабрь 1943 г. — время активной работы белорусского правительства и союзного центра по оценке ситуации в освобождённых районах и выработке первоочередных мер по восстановлению разрушенного. В работе участвовали все звенья и уровни республиканской власти. В конце 1943 — начале 1944 г. республиканские органы власти при поддержке союзного центра и во взаимодействии с ним подготовили и приняли первую развёрнутую программу восстановления и развития аграрного сектора БССР. Основные её положения изложены в постановлении СНК СССР от 27 декабря 1943 г. (док. № 15). По каждому направлению деятельности назначались ответственные союзные наркоматы и ведомства, а также облисполкомы и совнаркомы привлечённых к оказанию помощи российских регионов. При участии и координации со стороны представителей БССР они должны были в установленные сроки и в утверждённых объёмах обеспечить поступление в республику тракторов, сельскохозяйственной техники, горюче-смазочных материалов, рабочего скота и т.д. Данное постановление обязало Наркомзем СССР и СНК БССР восстановить к весне 1944 г. в районах, освобождённых от фашистской оккупации, 90 МТС. Наряду с возвращением эвакуированной сельскохозяйственной техники и обеспечением их опытными кадрами постановление обязало Центросоюз отгрузить до 1 июня 1944 г. для колхозов БССР простейшие орудия труда (40 тыс. кос и столько же серпов).

Реальное восстановление колхозов и сельского хозяйства республики в целом началось только в 1944 г., хотя уже и в первые месяцы после изгнания оккупантов в освобождённых районах предпринимались шаги по их восстановлению (док. № 8, 11, 12, 18). Среди проблем, стоявших перед белорусской деревней, на первом месте оказалась проблема с тягловой силой в колхозах и техникой в МТС. Колхозное животноводство было фактически уничтожено оккупантами, как и все 90 МТС на освобождённой территории (на момент освобождения в них не осталось ни одной единицы исправной техники). Документ № 49 свидетельствует о том, какая работа

проводилась в республике по сбору разобранных ранее и сохранённых колхозниками лошадей. За зиму 1944 г. собрано 66 795 голов, из них рабочих лошадей — 52 310 голов, или 34% к довоенному поголовью. Сбор колхозных лошадей в течение зимы протекал медленно и наивысшей цифры достиг к 1 апреля, т.е. к началу весенних полевых работ. Это объяснялось тем, что у колхозов корма отсутствовали и их предстояло собрать у колхозников. Кроме того, колхозные конюшни повсеместно были сожжены захватчиками и их приходилось восстанавливать (док. № 49).

О тяжелейшем положении с тягловой силой в колхозах красноречиво свидетельствует письмо наркома госбезопасности СССР В.Н. Меркулова наркому земледелия СССР А.А. Андрееву от 4 октября 1944 г. об использовании колхозников в качестве тягловой силы в колхозах Полесской обл. В нём, основываясь на донесениях военной цензуры НКГБ, просматривавшей переписку фронтовиков, приводились выдержки из 67 писем колхозников на фронт с жалобами на задействование их в качестве тягловой силы в некоторых колхозах. Приводились выдержки из наиболее характерных писем: «В колхозе работа очень трудная, лошадей нет, пашут женщины на себе. Восемь женщин запрягаются в плуг, а девятая управляет плугом, вот так и работаем в колхозе» (Мартинкович К., Полесская обл., Глусский район, деревня Барбаров, 3 сентября 1944 г.); «Я работаю в колхозе, копаю землю под рожь, а также пашем на себе, запрягаемся шесть женщин в плуг, а седьмая ходит за плугом и правит, очень тяжело» (Козловская А.Г., Полесская обл., Паричский район, деревня Затон, 4 сентября 1944 г.) (док. № 116).

Для подъёма животноводства в колхозы БССР из восточных областей СССР по состоянию на 5 сентября 1944 г. прибыло (гоном и по железной дороге) 24 150 голов крупного рогатого скота (41,1% к плану), 35 133 овцы (47,4%), 4 956 свиней (40%) (док. № 68). Они направлялись из 10 регионов РСФСР (Горьковской, Ивановской, Ярославской, Кировской, Омской, Вологодской, Молотовской, Калининской областей, Удмуртской и Чувашской АССР). Скот предназначался для Могилёвской, Витебской, Гомельской и Полесской областей БССР. При этом часть запланированного к завозу в республику скота ещё находилась в пути, на территории Смоленской и Калининской областей. Его убыль во время перегона составила к началу сентября 1944 г. 1 385 голов крупного рогатого скота и 2 375 голов овец. В справке Наркомзема БССР перечислялись основные проблемы завоза скота. Например, констатировались факты намеренной его задержки и даже присвоения местными властями. В частности, в Смоленской обл. задержали и раздали колхозам 16 гуртов скота, перегонявшихся в республику (1 393 головы крупного рогатого скота и 1 555 овец). Из них 7 гуртов — по указанию заместителя наркома мясомолочной промышленности СССР И.А. Кузьминых, а 9 — районных властей области. Лишь после протестов наркоматов земледелия БССР и СССР Смоленский облисполком дал распоряжение о возвращении скота.

Добиться в 1944 г. значительных результатов в восстановлении колхозного животноводства мешали проблемы с кормами и ремонтом животноводческих ферм и конюшен. К числу причин наркомзем БССР относил недостаточную работу по осеменению скота и дефицит квалифицированных кадров животноводов. Имеющееся в республике количество племенных производителей, в том числе завезённых из восточных областей СССР, не

обеспечивало потребностей в «покрытии маточного поголовья» скота колхозов и находящегося в личном пользовании колхозников. Острый недостаток ветработников и зоотехников не позволял обеспечить надлежащий ветеринарный контроль и уход за скотом.

Сложным оставалось положение МТС. Свидетельство этому — невыполнение ими плановых показателей по посевной кампании. Подобный результат объяснялся рядом причин. Прежде всего, наблюдался дефицит трактористов и руководящих кадров, поскольку наиболее квалифицированные трактористы воевали в танковых войсках, а молодые, в основном из числа сельской молодёжи, ещё не имели опыта. Республиканское руководство сосредоточило усилия на решении проблемы (док. № 49), подготовке колхозных кадров массовой квалификации (док. № 128 — постановление СНК БССР и ЦК КП(б) Белоруссии «О подготовке колхозных кадров массовой квалификации» от 9 января 1945 г.), подготовке, обучении и воспитании кадров МТС и колхозов (док. № 164 — «Справка Наркомзема БССР о подготовке и проведении весеннего сева колхозами и крестьянскими хозяйствами в 1945 г.» от 23 июня 1945 г.). Ещё одной причиной низких производственных показателей МТС явились задержки поставок тракторов, запчастей к ним и горюче-смазочных материалов из восточных областей СССР (док. № 42—44, 49).

Как следствие, весенняя посевная кампания 1944 г. проходила при нехватке рабочего тягла, техники, трудоспособного населения, в условиях продолжающихся боевых действий. По данным годовых отчётов колхозов освобождённых областей видно, что основную массу сельских тружеников составляли женщины, старики и подростки (док. № 77—83). Именно они пахали на коровах, впрягались в железные плуги и бороны, вскапывали лопатами предназначенную под посевы почву (док. № 61, 116).

Тяжело проходила весенняя посевная и 1945 г. — прежде всего из-за нехватки рабочих лошадей. Колхозникам пришлось вывести в поля свой скот — 43 992 коровы — и вспахать на них 22 087 га пашни. Кроме того, свыше 87 123 га они вскопали вручную (док. № 164, 222). На «ручной работе» по копке посевных площадей было задействовано 78 584 человек (док. № 164, 170). В документе № 164 объясняется отставание в севе Гомельской обл., которое привело к невыполнению плана весеннего сева: недостаточное влияние на колхозные массы со стороны советских и земельных органов, слабая работа по подготовке к севу, отсутствие оперативного руководства его ходом. В области, по существу, не использовались коровы колхозников, тогда как в других областях это оказало значительную помощь.

Из-за столь серьёзного положения с живым тяглом на союзном уровне было принято решение о направлении в БССР трофейных лошадей. Об этом свидетельствует ряд документов, освещающих вопросы поступления в республику с территории Германии и Польши трофейного скота, который сыграл важную роль в процессе восстановления сельского хозяйства БССР. Первое решение союзного центра об этом принял ГКО СССР 14 марта 1945 г. Командование 1-го, 2-го и 3-го Белорусских фронтов, 1-го Украинского фронта и Земландской группы войск обязывалось передать Наркомзему СССР 44 600 голов «неиспользуемых фронтами трофейных лошадей», из которых 8 тыс. голов следовало перегнать в БССР не позднее 15 июля (док. № 177). В постановлении ГКО от 26 мая эту цифру снизили до 7 тыс. го-

лов (док. № 182). Кроме лошадей, решением ГКО для республики из числа трофейного скота предназначалось 70 тыс. голов крупного рогатого скота и 25 тыс. овец. Для доставки трофейного скота СНК и Наркомзем БССР должны были направить в Германию и Польшу ответственных уполномоченных по приёму и перегону скота (ветработников, зоотехников, табунщиков и т.д.) (док. № 178, 179).

При поступлении в колхозы трофейный скот бесплатно выдавался семьям колхозников — воинов Красной армии, а также инвалидам войны, не имеющим коров. Списки получателей составлялись райисполкомами и представлялись на рассмотрение и утверждение облисполкомов. А передача колхозам трофейного скота производилась на основе оплаты натурой — сельскохозяйственными продуктами: зерном из расчёта 3 кг зерна за каждый кг живого веса скота или маслосеменами, шерстью и кожей по соответствующему эквиваленту замены зерна со сдачей указанных продуктов государству в течение 1945—1946 гг. (док. № 181). По данным Наркомзема БССР на начало августа 1945 г., в республику было завезено из восточных областей СССР и передано частями Красной армии 31 498 лошадей, в том числе 25 700 лошадей «по постановлению ГКО». Наряду с трофейным скотом по решению союзного центра белорусская деревня получала трофейные сельскохозяйственные машины. Например, 26 апреля 1945 г. ГКО постановил передать со складов 3-го Белорусского фронта 950 вагонов с ними, в том числе 300 вагонов — БССР (док. № 123).

По инициативе и при непосредственном участии председателя СНК БССР П.К. Пономаренко в начале июня 1945 г. была завершена работа над программой восстановления и строительства жилья и культурно-бытовых объектов в сельских районах республики. 5 июня постановление СНК БССР и ЦК КП(б) Белоруссии «О мероприятиях по восстановлению и строительству жилых домов колхозников, производственных построек в колхозах и культурно-бытовых зданий в селах Белорусской ССР» было направлено для утверждения в ЦК ВКП(б) и союзное правительство. 13 июня вышло соответствующее постановление СНК СССР (док. № 148—150). Как свидетельствуют документы, всего по республике уничтожено 1 215 206 построек. Имелись совершенно уничтоженные районы: так, например, в Лельчицком из 6 тыс. домов осталось 32, в Освейском из 3 540 — 8, в районных центрах (Бегомль, Сураж, Освея, Лельчицы, Ленино) осталось по 3—5 домов. На 1 мая 1945 г. в республике восстановлено и построено вновь 127 076 жилых домов колхозников, рабочих и служащих. Однако ввиду огромных разрушений, большое количество семей колхозников жили в землянках, сараях, амбарах и других временных сооружениях, а также по 3—4 семьи в одной избе. Большинство же вновь построенных домов оказались примитивными и носили временный характер. Республиканское руководство предлагало начинать строить здания из кирпича и черепицы и развивать их производство до такой степени, чтобы через 2—3 года полностью перейти на кирпично-черепичное строительство (док. № 148 — письмо председателя СНК БССР П.К. Пономаренко И.В. Сталину о проекте постановления от 5 июня 1945 г.).

Огромный ущерб понесло садоводство республики. Большое количество садов были вырублены, выломаны и выкопаны, вывезены в Германию. Например, в Ветковском районе в колхозе им. Ворошилова захватчики выкопали и вывезли 60 га молодого

колхозного сада (док. № 49). В 1945 г. в БССР шло активное восстановление общественных и приусадебных садов колхозников, рабочих и служащих. Для этого выделялись саженцы из государственных плодовых питомников Наркомзема республики, закладывались маточные сады при организуемых питомниках в колхозах.

Успешным в плане восстановления семеноводства зерновых культур для республики, прежде восточных областей, стал 1945 г. Проводилась работа по восстановлению севооборотов, а также внешних границ колхозов и границ между общественными и приусадебными землями колхозников.

Документы из российских и белорусских архивов свидетельствуют, что в 1943—1945 гг., несмотря на тяжёлые последствия оккупации, продолжавшуюся войну и недостаток ресурсов, в белорусской деревне шёл поступательный процесс восстановления и развития. Он не завершился в 1945 г., но благодаря усилиям республиканского руководства, помощи союзного центра и тыловых регионов страны, каждодневному труду миллионов сельских тружеников именно тогда оказалась заложена основа для полного восстановления этой важнейшей отрасли народного хозяйства БССР.

В сборник (с учётом приложений) включено 274 документа, в том числе 105 из Национального архива Республики Беларусь, 83 из ГА РФ, 51 из РГАЭ, 18 из РГАСПИ, а также 17 из региональных архивов Белоруссии. Документы воспроизведены, как правило, полностью, многие из них носят гриф «секретно». При систематизации документов в разделах использовались тематический и хронологический принципы. Сборник состоит из четырёх разделов. Первый содержит документы об ущербе, нанесённом захватчиками сельскому хозяйству БССР (док. № 1—6). Три следующих сформированы по хронологическому принципу. Так, 1943 г. — начало освобождения территории республики, период выработки первых решений о восстановлении сельской экономики освобождённых районов (док. № 7—18). В 1944 г. республика была окончательно освобождена от оккупантов. Восстановительные процессы набирали темпы, республиканское руководство во взаимодействии с союзным центром и при его поддержке продолжило политику восстановления аграрной экономики уже на всей её территории (док. № 19—121). 1945 г. — первый год мирного созидательного труда. Восстановительные процессы продолжились в восточных и активизировались в западных областях республики (док. № 122—233). Полезную информацию содержат комментарии, именной и географический указатели. Также приведены список сокращений и перечень документов, что облегчает поиск.

Вместе с тем хочется выразить составителям сборника пожелание, чтобы в последующих совместных изданиях использовались документы региональных архивов не только Белоруссии, но и тыловых регионов бывшего Советского Союза, которые оказывали большую помощь в послевоенном возрождении БССР.

Новая совместная публикация документов двух стран о восстановлении сельского хозяйства Белорусской ССР, безусловно, полезна как для историков, так и для интересующихся отечественной историей. Выполненное на высоком научном уровне, это издание займёт достойное место в источниковой базе учёных.

Анатолий Штырбул

Новейшее исследование о российском анархизме*

Anatoly Shtyrbul
(Omsky State Pedagogical University, Russia)

The latest investigation about the Russian anarchism

DOI: 10.31857/S086956870009274-2

Проблема анархизма как идейно-политической доктрины и общественно-политического движения сложна и неоднозначна. Весомое тому подтверждение — исследование Валерия Владимировича Кривенького, выполненное на основе внушительного фактического материала, немалая часть которого впервые введена в научный оборот. Автор опирался на документы и материалы почти двух десятков архивов Российской Федерации, Украины, Республики Беларусь и Республики Казахстан. Глубокое и объёмное исследование содержит также массу ярких фактов и важных деталей, помогающих понять феномен российского анархизма конца XIX — первой четверти XX в.

В начале исследования — историографический анализ работ коллег-предшественников. Не останавливаясь на деталях, лишь отмечу, что этот раздел — один из самых удачных в монографии, хотя местами автор уж очень суров к некоторым своим научным коллегам. Отдавая дань уважения предшественникам, Кривенький, тем не менее, отмечает, что в истории российского анархизма до сих пор остаётся немало «белых пятен» (с. 12).

Особое внимание уделено таким проблемам, как возникновение в Российской империи доктрин анархистов и генезис анархистского движения, а также до сих пор дискуссионному вопросу о времени образования первых действующих организаций анархистов. Сравнивая разные подходы в исследовании темы, используя уникальные архивные документы, автор констатирует, что эти оргструктуры возникли на территории России в 1903 г. (с. 102), а их бурный рост и массовое анархистское движение в империи относит к марту—декабрю 1905 г. (с. 161).

Выигрышными сюжетами монографии стали идейно-политический анализ и характеристика разных течений, направлений и оттенков анархизма (анархо-коммунисты, анархо-синдикалисты, анархо-кооператоры, анархисты-индивидуалисты) и таких их ответвлений («фракций», «платформ»), как чернознамёнцы, хлебовольцы, безмотивники, ассоциационные анархисты, мистические анархисты и др.

Кривенький практически первым из отечественных историков сумел детально разобраться в разноголосице и известной «путанице» всех этих составляющих анархистского движения, выделив их общие и отличительные черты. Именно удивительное разнообразие в этом движении, делает вывод автор, стало одной из причин того, что в период Октябрьской революции и Гражданской войны анархисты зачастую оказывались по разные стороны баррикад.

Пристальное внимание уделено соотношению анархизма как такового и терроризма как политического инструмента в деятельности анархистов

* *Кривенький В.В.* Анархистское движение в России в первой четверти XX века: теория, организации, практика. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 431 с.

(с. 154—167). Убедительно показано, что, хотя их большинство в той или иной мере признавали и практиковали террор, нельзя при этом ставить знак равенства между анархизмом и терроризмом. Небольшая часть анархистов, безусловно, отвергала террор.

Детально рассмотрен исторический сюжет о политической деятельности российских анархистов в эмиграции, однако в монографии практически отсутствует информация об анархистской политической ссылке (за исключением нескольких эпизодических упоминаний, в том числе о «Туруханском бунте»), основным районом которой, как известно, была Сибирь. Между тем факты свидетельствуют, что даже пребывая в ссылке, некоторые анархисты не прекращали политической деятельности. Это были поддержка связи с «большой землёй» (главным образом путём переписки); революционная агитация и пропаганда среди местного населения; теоретическая разработка анархистских доктрин; подготовка и осуществление побегов, в том числе массовых и вооружённых. Отмечу при этом, что автор почему-то не использовал значительный массив материала, наработанный известным сибирским исследователем политической ссылки Э.Н.(Ш.) Хазиахметовым.

Значительное место Кривенький отводит биографическим характеристикам героев и таким важным деталям, как морально-психологические черты той или иной личности. Это позволяет по-новому взглянуть на идейно-политическую эволюцию некоторых анархистских деятелей, понять логику их поведения и уточнить (а то и обновить) историческую оценку этих личностей. Таковы в монографии дополнения к историческим портретам Я.В. Махайского, В.А. Поссе, Д.Г. Богрова, П.Д. Турчанинова, Я.И. Тряпицына и др.

Кроме того, автор пытается выявить обобщённый социальный облик анархизма и создать «коллективный социальный портрет» этого политического движения (с. 123) в дополнение к уже созданным другими авторами (в частности В.Д. Ермаковым). Важно и положительно то, что эти несколько разные «портреты» в итоге дополняют друг друга и помогают создать соответствующую общую картину.

Одним из первых в историографии автор системно рассмотрел проблему участия анархистов в блоке левых сил во время борьбы с самодержавием. Он убедительно доказал, что, несмотря на многие противоречия и трения, большинство анархистов действовали в блоке с другими левыми партиями и группами, особенно в период высшего подъёма Первой российской революции (с. 167—171). Эта линия поведения, считает автор, просматривается у анархистов и в 1917—1920 гг., но уже не так однозначно, как в борьбе с царизмом.

Интересен раздел о роли анархистов в кронштадтских событиях 1921 г., которые, как и «махновщина» (1918—1921), представлены в монографии в общем контексте происходивших в стране политических событий и российского анархистского движения в целом, что ранее редко кто из историков делал. Сильной стороной исследования также является сопоставление опыта анархизма первой четверти XX в. с современным состоянием этого политического движения в России (в этом вопросе автор демонстрирует достаточно высокую степень осведомлённости).

Тем не менее рецензируемый труд имеет ряд недочётов и недостатков. Так, анархистское движение Февраля—Октября 1917 г. — особого и важнейшего периода в российской истории — логично было бы не объединять в одной

главе с межреволюционным этапом (июнь 1907 г. — февраль 1917 г.), а представить отдельно. Тогда материал об анархистской деятельности в 1917 г. можно было бы дополнить некоторыми материалами из работ отечественных историков, в частности фактами и выводами новейших научных разработок нижегородского историка В.П. Сапона.

Местами в расположении материала по регионам проступает некоторая непропорциональность. Так, дана детальная и объёмная характеристика эпопеи «тряпицынщины» на Дальнем Востоке (с. 317—355), но ни слова не сказано о «роговщине», «новосёловщине» и «лубковщине» в Западной Сибири. Г.Ф. Рогов, И.П. Новосёлов, П.К. Лубков в монографии вообще не упоминаются, хотя, «роговщину», к примеру, некоторые исследователи считают движением по сути, типологии и размаху в целом сопоставимым с «тряпицынщиной» и даже отчасти с «махновщиной». В результате имеется некий «географический перекос» в общей картине исследуемой темы.

Подобное наблюдается и в связи с показом деятельности анархистских отрядов в России весной—летом 1918 г.: «сибирские» факты лишь кратко и мимоходом упоминаются в двух—трёх случаях, между тем подобный «сибирский» материал по объёму и значению не уступает «украинскому» и «центрально-российскому». Это тем более досадно и странно, что Кривенький реально располагал фактами, ранее введёнными в научный оборот сибирскими историками. Кроме того, на мой взгляд, заключение в монографии могло бы быть более пространным и ёмким.

Вышеназванные замечания, конечно же, не ставят под сомнение высокую оценку труда Кривенького. Также отмечу, что безусловная научная смелость автора сочетается с его научной скромностью. Автор отнюдь не претендует на исчерпывающий характер своего исследования и не считает общую научную картину истории анархизма в России законченной. Он заявляет, что данная проблема ещё далека от полного завершения и нуждается в уточнениях и дополнениях. Представляется, что ключевым словом, характеризующим авторские методы исследования и изложения материала, является «системность». Кривенький сумел донести до читателя фантастический по объёму исторический материал во всех его подробностях (иногда мельчайших), необходимых для понимания общей картины российского анархизма первой четверти XX в.

Основной массив исследования выгодно дополняют пять приложений, расположенных на 40 страницах и представленных в виде содержательных и чётких таблиц с массой фактических данных и подробнейшими ссылками на источники. Здесь содержатся следующие сведения: заграничные эмигрантские организации российских анархистов до 1918 г.; проходившие в 1900—1917 гг. анархистские съезды, конференции и совещания объединительного характера; представительство анархистов в центральных советских органах в 1918—1922 гг. и их место в общей массе левых политических сил. Работа снабжена пространным именным указателем.

Фундаментальная монография В.В. Кривенького (по сути, энциклопедия российского анархизма первой четверти XX в.) демонстрирует новый этап историографии рассматриваемой темы, вносит значительный вклад в общую картину отечественных исследований, посвящённых судьбоносному и драматическому периоду истории России.

Аполлон Давидсон

Кто такие миллениалы, чем они отличаются от предыдущих поколений*

Apollon Davidson
(National Research University Higher School of Economics; Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Who are the millenials, how different they are from the previous generations

DOI: 10.31857/S086956870010163-0

Известный российский экономист и социолог В.В. Радаев посвятил свою новую книгу интереснейшему вопросу: похожи ли люди, родившиеся в конце советского и начале постсоветского времени и взрослевшие в 2000-х гг., на своих предшественников, или существенно отличаются от них. Социологи называют этих людей «миллениалами» или поколением Y. Анализ построен на материалах опросов больших групп представителей разных поколений (проводившихся в 1994—2016 гг. в рамках Российской программы мониторинга экономического положения и здоровья населения, осуществляемой НИУ ВШЭ) и личных наблюдениях автора. Не буду пересказывать содержание социологической теории поколений и углубляться в споры социологов относительно определения самого этого понятия. Отмечу лишь, что мне как историку близок предлагаемый автором «историко-культурный» подход к определению поколения, призванный дополнить его демографическую основу. Под поколением он понимает не просто возрастную когорту, но «в первую очередь группу людей, совместно переживших какие-то важные исторические события и в силу этого демонстрирующих общность восприятий и практик поведения» (с. 33). Именно поэтому динамика социальных перемен от поколения к поколению, статистически прослеженная Радаевым и его коллегами, поможет историкам лучше понять и недавнее прошлое, и современность. [1]

Радаев считает неверным заключение социологов Центра Ю.А. Левады о том, что социальный тип «советского человека» возродился и реставрировался в 1990-е гг. Определяется это явление тем, что базовые советские социальные институты сохранились и в постсоветском обществе. Радаев же полагает, что при таком подходе поколение миллениалов определяется исключительно его отношениями с властными структурами, а это ведёт к неоправданным ожиданиям от них, и, следовательно, разочарованиям со стороны как старших поколений, так и исследователей. Для того чтобы увидеть перемены, считает он, нужно «сменить оптику»: «Социология должна развернуться в сторону культурно-исторического подхода к анализу поколений, который не тождествен политическому (и тем более политизированному) подходу» (с. 27—28).

По мнению исследователя, если применить такой подход, то становится очевидным, что между поколениями нет конфликта, но нет и диалога, пусть и конфликтного. Конфликта нет, потому что нет темы для конфликта: сторонам просто не о чем друг с другом разговаривать. Взросление миллениалов пришлось на период

---

* *Радаев В.* Миллениалы. Как меняется российское общество. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 224 с.

стабилизации, но, по мнению автора, их поколение всё равно формировалось под воздействием социального катаклизма начала 1990-х, только влияние его оказалось «отложенным».

Миллениалы в целом лучше образованы, чем предшествующее поколение (Радаев называет его «реформенным»). Интересно, что уже в реформенном поколении, впервые, число женщин с высшим образованием превысило число мужчин. Эта же пропорция сохранилась и у миллениалов. Более того, женщин, владеющих иностранными языками, также стало больше, чем мужчин.

Судя по статистическим данным, поколение миллениалов позже обзаводится семьёй, официальной или неофициальной, причём цифры здесь различаются разительно: только у 31% представителей реформенного поколения в 27 лет не было детей; в поколении миллениалов 54% людей этого возраста бездетны. О причинах этого явления хотелось бы узнать больше, но статистические данные дают весьма скупые объяснения: нехватка денег и просто неготовность взять на себя ответственность. Позже, чем их предшественники, миллениалы начинают и работать, чаще меняют место работы.

Предсказуемо, миллениалы лучше оснащены современными информационно-коммуникативными средствами: у их поколения больше всего смартфонов, персональных компьютеров, и т.д. И так же естественно, что они больше, чем их предшественники, пользуются современными технологиями (общаются в социальных сетях, совершают онлайн покупки и т.д.), хотя настоящий скачок в этом отношении произошёл ещё в предыдущем поколении. Однако по пользованию кредитными картами миллениалы пока отстают от своих непосредственных предшественников.

Миллениалы и отдыхают иначе, чем предыдущие поколения. Они чаще слушают музыку и аудиокниги, смотрят видео, ходят на концерты, в театры, кино и музеи, встречаются с друзьями и родственниками, больше времени гуляют и играют с детьми. Многие занимаются разными видами творчества (как, например, игра на музыкальных инструментах). Представители всех поколений, как это ни странно, мало различаются по частоте чтения книг, но женщины поколения миллениалов делают это чаще мужчин. К тому же все миллениалы предпочитают электронные, а не бумажные книги.

Вопреки распространённому мнению, данные опросов свидетельствуют о том, что по крайней мере в 2010-х гг. число верующих во всех поколениях неуклонно снижалось. Миллениалы продолжили эту тенденцию, хотя, в отличие от многих других показателей, резкого скачка здесь не произошло.

Миллениалы значительно меньше курят и употребляют алкоголь, чаще предпочитают вести активный образ жизни, чем представители других поколений. В 27-летнем возрасте только 25% представителей реформенного поколения регулярно занимались физкультурой и спортом. Среди миллениалов доля таких людей достигает 43% (с. 103). Кажется логичным при этом, что у миллениалов наиболее высокий показатель «общей удовлетворённости жизнью» (с. 111—112).

Радаев отмечает, что по большинству приводимых им параметров постсоветские поколения (реформенное и миллениалов) значимо отличаются от предшествующих им советских. Однако, подчёркивает он, этот водораздел не всегда проходит между одними и теми же поколениями. Данные опросов свидетельствуют, что «в случае использования цифровых технологий перелом произошёл в реформенном поколении, а в случае с досуговым поведением и практиками

здорового образа жизни он пролегает, скорее, в поколении миллениалов» (с. 116). Перестройка обыденного, бытового, поведения и сознания занимала больше времени, чем освоение технологических инноваций. Но, по мнению автора, именно изменения в повседневном поведении, в трудовых, потребительских и досуговых привычках и свидетельствуют о глубинной трансформации сознания, отношения к окружающей реальности и к истории страны.

Большое место в книге занимает анализ внутренних различий в поколении миллениалов, в частности между городскими и сельскими жителями. По большинству показателей поведение горожан и сельчан значительно разнится: сельские жители отстают от своих сверстников-горожан и по использованию интернета, и по наличию в личной собственности смартфонов и компьютеров, и по частоте занятий физкультурой и спортом. Исключение составляют лишь две категории: курильщики и люди, у которых есть дети. Иногда отставание вызвано практическими сложностями. Очевидно, например, что сельские жители не могут посещать театры, концерты и кинотеатры так же часто, как их городские сверстники. То же и с посещением церквей. Досуг сельские жители проводят в основном дома. Практическими причинами объясняется и более низкий уровень образования сельских миллениалов по сравнению с городскими: окончив вузы, многие в сёла не возвращаются.

Но это не означает, что сельские миллениалы остались вне технологического прогресса. Отставая от своих сверстников по использованию информационно-коммуникативных средств, они значительно опережают по этому показателю представителей старших поколений. Радаев считает, что решительного сближения города и деревни, размывания поведенческих границ между ними пока не происходит. Но, полагает он, идёт параллельный рост новых практик на селе и в городе при сохранении разрыва между двумя группами одного поколения (с. 152—153).

Вторая часть книги Радаева состоит из двух эссе. Первое — общие наблюдения и соображения о поколении миллениалов, второе — о том, как их учить, в частности преподавателям вузов.

Первое эссе отчасти повторяет, отчасти интерпретирует, отчасти дополняет то, о чём свидетельствует статистика. Миллениалам, пишет Радаев, стало проще решать бытовые вопросы: родители уже обеспечили их жильём, бытовая техника стала доступнее. Несмотря на последние экономические кризисы, уровень безработицы молодёжи в России значительно ниже, чем во многих странах Западной Европы. У российских миллениалов нет существенных задолженностей по кредитам. Но зато появились завышенные ожидания и притязания, стремление к недостижимым стандартам бытия, а это, в свою очередь, ведёт к разочарованиям (с. 158—160).

У миллениалов достаточно широк выбор того, что можно или хочется делать со своей жизнью, поэтому им сложно строить долгосрочные планы и ставить жизненные цели. По мнению Радаева, им важен успех, успешная самореализация, и часто не важно, в какой именно сфере: не удалось или не понравилось — можно делать что-то совершенно иное. Успех при этом должен быть быстрым, поэтому многие предпочитают свои собственные индивидуальные начинания, будь то в бизнесе, в интернете или в искусстве, карабканью по бюрократической лестнице. Но миллениалы не будут годами надрываться на работе ни ради успеха, ни ради денег. Они

хотят жить «нормальной» жизнью, с отдыхом, занятиями спортом, путешествиями, познаванием чего-то нового. Привязанности к одному рабочему коллективу у них нет. Советские поколения вкладывали свои усилия в трудно дававшееся материальное благополучие и карьеру; миллениалы «инвестируют в себя» — в своё образование, здоровье, путешествия и новые впечатления.

Самым очевидным для старших поколений отличием миллениалов является их «зацикленность» на средствах коммуникации. Смартфон в руках — непременный их атрибут, они постоянно вовлечены в коммуникацию. Конечно, эта коммуникация поверхностна, и, конечно, её чрезмерно много, что может вести и к нервным расстройствам, и к депрессии. Но пока не заметно, чтобы миллениалы стремились ограничить этот поток: он даёт возможность мгновенной самореализации и доказательства своей «особости». Постоянное общение в социальных сетях влияет и на реальное общение в жизни: миллениалы легко входят в отношения и легко из них выходят. Это даёт ощущение свободы — от коллектива, от общества, от личных обязательств, а то и от моральных ориентиров.

Хорошо всё это или плохо? Ни то, ни другое. Совершенно очевидно одно: поколение миллениалов уже сложилось, характер его вряд ли изменится, и старшим поколениям нужно учиться жить с ним и понимать его.

Второе эссе предлагает наблюдения Радаева за студентами на протяжении его преподавательской карьеры. Главное из них — как студенты они тоже «другие»: «есть интуитивное ощущение, что учатся они как-то иначе, что их жизнь в целом устроена по-другому, что их интересы шире, чем мы бы хотели, и что их пристрастия меняются чаще, чем мы привыкли» (с. 185). Какие другие? Автор считает, что студенты-миллениалы читают слишком мало и не имеют навыка погружения в сложные тексты. По его мнению, они хотят понимания «в нарезанном и готовом к употреблению виде» (с. 187). То же самое и с информацией — она должна быть проста и готова к использованию (с. 188). Не нужно ничего помнить или понимать — всё есть в интернете. Вопрос в том, зачем тогда преподаватель, ведь знать больше, чем интернет, невозможно (с. 189). В этой ситуации трудно удерживать внимание студентов, даже если оно уже завоёвано, тем более что их коммуникация с виртуальным внешним миром, никак не связанная с занятиями, продолжается и в аудитории (с. 193—194). Говорить со студентами стало сложнее и в том смысле, что они чётко знают свои права в рамках университетских правил, и настаивают на их соблюдении преподавателем (с. 195). Это делает отношения более формальными.

Конечно, подобные черты встречались и раньше. Последние десятилетия каждое новое поколение, особенно гуманитариев, приходит в вуз с уверенностью, что оно знает всё и что учить его ничему не нужно. Преподавателю остаётся только осознать гениальность студента и поставить ему соответствующую оценку (а если он чего-то не знает, то это и не важно).

В целом же впечатления Радаева совпадают с моими. «Они» — действительно другие. Поисковики, смартфоны и социальные сети изменили и студентов, и преподавателей, и отношения между ними, и атмосферу в аудитории. Роль преподавателя как носителя информации ослабла. К третьему курсу многие студенты считают своё появление в аудитории едва ли не одолжением преподавателю. Некоторые приходят только на экзамен в попытке «наговорить» на

минимальную оценку, не претендуя на большее.

И всё же картина эта не полна. Даже сейчас талантливый лектор может «нащупать» аудиторию и найти с нею общий язык, и даже сейчас в каждой группе есть костяк, которому интересно и который готов работать. И даже сейчас студенты аплодируют лучшим лекторам, во всяком случае, в Высшей школе экономики.

Мнения о том, что и как делать, чтобы привлечь и удержать внимание студентов, не могут не различаться: они зависят и от личности преподавателя, и от его индивидуальной манеры ведения занятий, и, разумеется, от преподаваемой дисциплины и темы. Методы, предлагаемые Радаевым, не могут быть восприняты всеми одинаково. Но он поднял важнейшие проблемы, которые придётся обсуждать ещё не одному поколению.

Наши авторы

Берман Андрей Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева (Чебоксары)

Бирюкова Юлия Александровна, кандидат исторических наук, доцент Донского государственного технического университета (Ростов-на-Дону)

Будницкий Олег Витальевич, доктор исторических наук, профессор Школы исторических наук, директор Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и её последствий Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Быстрова Ирина Владимировна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, профессор Российского государственного гуманитарного университета

Вершинин Александр Александрович, кандидат исторических наук, старший преподаватель исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Гурьев Евгений Павлович, кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета

Давидсон Аполлон Борисович, академик РАН, доктор исторических наук, профессор Института всеобщей истории РАН, Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Запальский Глеб Михайлович, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Кабирова Айслу Шарипзяновна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань)

Коротаев Владимир Иванович, заместитель директора Российского государственного военного архива

Киселева Екатерина Львовна, кандидат исторических наук, заместитель начальника Отдела научно-информационной и справочной работы Государственного архива Российской Федерации

Колосовская Татьяна Александровна, доктор исторических наук, доцент Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь)

Кострюков Андрей Александрович, доктор исторических наук, кандидат богословия, ведущий научный сотрудник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета

Кривопалов Алексей Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН

Кузьминых Александр Леонидович, доктор исторических наук, профессор Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний

Леонов Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

Мазырин Александр Владимирович, иерей, доктор церковной истории, кандидат исторических наук, профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета

Петров Иван Васильевич, кандидат исторических наук, ассистент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Пивоваров Никита Юрьевич, кандидат исторических наук, главный специалист Российского государственного архива новейшей истории

Пученков Александр Сергеевич, доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Старков Арсений Вадимович, стажёр-исследователь Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и её последствий и аспирант Школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Тер-Аракельянц Владимир Аракелович, протоиерей, кандидат технических наук, кандидат богословия, доктор философских наук, профессор Донского государственного технического университета (Ростов-на-Дону)

Тихонов Виталий Витальевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, профессор Российского государственного гуманитарного университета

Хатанзейская Елизавета Владимировна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики им. акад. Н.П. Лаверова Уральского отделения Российской академии наук (Архангельск)

Хисамутдинова Равиля Рахимяновна, доктор исторических наук, профессор Оренбургского государственного педагогического университета

Хлевнюк Олег Витальевич, доктор исторических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Храмкова Елена Ленаровна, доктор исторических наук, профессор Самарского государственного социально-педагогического университета

Черниловский Артём Александрович, кандидат исторических наук, доцент Карачевского филиала Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева

Штырбул Анатолий Алексеевич, доктор исторических наук, профессор Омского государственного педагогического университета

СОДЕРЖАНИЕ

Вспоминая Великую Отечественную...

О.В. Будницкий
Московское народное ополчение: причины и особенности создания 3

О.В. Хлевнюк
Финансируя войну: формирование государственного бюджета СССР в 1941—1945 гг. 21

Историк и источник

А.А. Кривопалов
Полковник Г.С. Иссерсон и его записка «О причинах и закономерностях военных событий июня 1941 года» 36

В.И. Коротаев
Документы РГВА об акциях сопротивления «восточных рабочих» в Третьем рейхе 48

Союзники в борьбе с нацизмом

А.А. Вершинин
У истоков советско-французского военного сотрудничества: миссия Б.М. Симонова во Франции (1932—1933 гг.) 52

Е.П. Гурьев
Организация взаимодействия с союзниками в рамках северных конвоев в годы Второй мировой войны 67

И.В. Быстрова
«Моя поездка в Россию»: визит Клементины Черчилль в СССР весной 1945 г. . . 77

Профессия и сообщество

А.В. Старков
Советская юстиция в период Великой Отечественной войны: историография вопроса 95

История власти

И.В. Петров
Духовенство, верующие и власть на освобождённой от нацистов территории СССР в 1944—1946 гг. 108

А.Г. Берман
Антицерковная кампания в начале 1960-х гг. в Чувашии 117

Россия и мир

А.В. Мазырин
Кризис взаимоотношений Русской и Константинопольской церквей в середине 1920-х гг. и советская внешняя политика 135

А.А. Кострюков
Предоставление автокефалии Православной Церкви в Америке и московско-константинопольские отношения 148

Идеи и образы

Т.А. Колосовская
«Изучая край с точки зрения военной»: российские офицеры и интеллектуальное освоение Северного Кавказа времён Кавказской войны 156
А.А. Черниловский
Потенциальные противники и союзники России на страницах журнала «Разведчик» на рубеже XIX—XX вв. 164

Институты и общности

Н.Ю. Пивоваров, В.В. Тихонов
«Штатов — изобилье, порядка снова нет»: к истории разделения Института истории АН СССР в 1968 г. 173

Обзоры и рецензии

С.В. Леонов — Конфессиональная политика Временного правительства России . . 185
Г.М. Запальский — Отделение Церкви от государства и школы от Церкви в Советской России. Октябрь 1917—1918 г. Сборник документов 188
Ю.А. Бирюкова, В.А. Тер-Аракельянц — Церковная жизнь на среднем Дону в 1917—1930 гг. 192
И.В. Петров — Точка или многоточие? Новая книга о судьбе экзарха Прибалтики митрополита Виленского и Литовского Сергия (Воскресенского) 194
А.Л. Кузьминых — Заметки о войне на уничтожение. Восточный фронт в 1941—1942 гг. в записях генерала Хейнрици 198
Е.В. Хатанзейская — Освобождение Северной Норвегии 202
А.Ш. Кабирова, Е.Л. Храмкова — М.С. Зинич. Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны 205
Е.Л. Киселева — От осмысления системы к реконструкции отдельной судьбы: о книге Р. Отто и Р. Келлера «Советские военнопленные в системе концлагерей» 210
А.С. Пученков — Палачи из польских Травников 218
Р.Р. Хисамутдинова — Восстановление сельского хозяйства Беларуси: 1943—1945: документы и материалы 220
А.А. Штырбул — Новейшее исследование о российском анархизме 226
А.Б. Давидсон — Кто такие миллениалы, чем они отличаются от предыдущих поколений 229

Наши авторы 234

CONTENTS

Remembering the Great Patriotic War...

O.V. Budnitskii (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)
Moscow People's Militia: reasons and peculiarities of formation 3

O.V. Khlevniuk (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)
Financing the War. Formation of the state budget of the USSR in 1941—1945 21

Source studies

A.A. Krivopalov (Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow)
Colonel G.S. Isserson and his note «On the causes and regularities of the military events of June 1941» 36

V.I. Korotaev (Russian state military archive, Moscow)
RSMA historical records about eastern workers' (ostarbeiters) acts of resistance in the Third Reich 48

Allies in the fight against Nazism

A.A. Vershinin (Lomonosov Moscow State University, Russia)
Origins of the Soviet—French military collaboration: B.M. Simonov's mission to France (1932—1933) 52

E.P. Guriev (Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Russia)
Organization of interaction with allies in the framework of the northern convoys during the Second World War 67

I.V. Bystrova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences; Russian State University for the Humanities, Moscow)
«My visit to Russia»: Clementine Churchill's trip to the USSR in spring of 1945 77

Professional community

A.V. Starkov (National Research University Higher School of Economics, Moscow)
Soviet justice during the Great Patriotic War. A historiographical overview 95

History of power

I.V. Petrov (Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia)
The clergy, believers and authorities in the territory of the USSR liberated from the Nazis in 1944—1946 108

A.G. Berman (Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia)
Anti-church campaign in the early 1960s in Chuvashia 117

Russia and the world

A.V. Mazyrin (Saint Tikhon Orthodox Humanitarian University, Moscow, Russia)
The crisis of relations between the Russian and Constantinople churches in the mid-1920s and Soviet foreign policy 135

A.A. Kostryukov (Saint Tikhon Orthodox Humanitarian University, Moscow, Russia)
Granting autocephaly to the Orthodox Church in America and Moscow-Constantinople relations 148

Ideas and images

T.A. Kolosovskaya (North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia)
«Studying the region from the military point»: Russian officers and intellectual development of the North Caucasus during the Caucasus War 156

A.A. Chernilovskiy (Orel State University named after I.S. Turgenev, Russia)
Potential rivals and allies of Russia on the pages of the magazine «Razvedchik» at the turn of the XIX—XX centuries 164

Institutes and communities

N.Yu. Pivovarov (Russian State Archive of Contemporary History, Moscow), V.V. Tikhonov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow)
«The staff is abundant, there is no order again»: on the history of separation of the Institute of History of The Academy of Sciences of the Soviet Union in 1968 173

Reviews

S.V. Leonov (Moscow Pedagogical State University, Russia)
Rec. ad op.: Konfessional'naya politika Vremennogo pravital'stva Rossii 185

G.M. Zapalskiy (Lomonosov Moscow State University, Russia)
Rec. ad op.: Otdeleniye Tserkvi ot gosudarstva i shkoly ot Tserkvi v Sovetskoy Rossii. Oktyabr' 1917 — 1918 g. Sbornik dokumentov 188

Ju.A. Biryukova, V.A. Ter-Arakelyants (both — Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia)
Church life on the Middle Don in 1917—1930 192

I.V. Petrov (Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia)
Point or ellipsis? A new book about the fate of the Baltic exarch Metropolitan of Vilna and Lithuania Sergius (Voskresensky) 194

A.L. Kuzminykh (Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia)
Notes on the war of annihilation. Eastern front of 1941—1942 in the memoirs of General Heinrici 198

E.V. Khatanzeiskaya (Federal Center for Integrated Arctic Research, Russian Academy of Sciences, Arkhangelsk)
The Liberation of the Northern Norway 202

A.Sh. Kabirova (Institute of History named after Sh. Mardzhani, Academy of Sciences of Tatarstan Republic, Kazan, Russia), E.L. Khramkova (Samara State University of Social Sciences and Education, Russia)
Rec. ad op.: M.S. Zinich. Povsednevnaya zhizn' naroda v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 205

E.L. Kiseleva (State Archive of the Russian Federation, Moscow)
From comprehension of the system to reconstruction of a separate fate: About the book of R. Otto and R. Keller«Soviet prisoners of war in the system of concentration camps» 210

A.S. Puchenkov (Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia)
The Executioners from Polish Trawniki 218
R.R. Khisamutdinova (Orenburg State Pedagogical University, Russia)
Vosstanovleniie sel'skogo khoziaystva Belarusi: 1943—1945: dokumenty i materialy . . . 220
A.A. Shtyrbul (Omsky State Pedagogical University, Russia)
The latest investigation about the Russian anarchism 226
A.B. Davidson (National Research University Higher School of Economics; Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow)
Who are the millenials, how different they are from the previous generations 229

Contributors to this issue 234

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-Пресс» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социо-гуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

Ключевые направления:

- **формирование учебно-методических комплексов**
- **внедрение новых стандартов научной периодики и коммуникации**

Деятельность «ГАУГН-Пресс» включает:

- **принцип сетевой организации взаимодействия ведущих научно-методических, исследовательских центров, интеграции науки и образования**
- **модульный характер актуализации гуманитарного знания**

НАУЧНО-УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подпсики на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ГАУГН

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

БАКАЛАВРИАТ

История
Культурология
Археология

МАГИСТРАТУРА

Модели всемирной истории
Культура массовых коммуникаций

АСПИРАНТУРА

История
Культурология

Комплексные образовательные программы разработаны специалистами исторического факультета с учетом последних научных достижений и современных общемировых тенденций.

В основе образовательного процесса — современные технологии обучения, направленные на развитие мышления и творческого потенциала личности, достижение успеха в профессиональной среде.

Студенты исторического факультета с первого курса погружаются в мир академической науки, слушают лекции ведущих российских ученых с мировыми именами и сами участвуют в научных мероприятиях. В программу, помимо обязательных курсов, предусмотренных федеральными стандартами, включены уникальные авторские учебные курсы.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, член-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать во многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).